

Институт русского языка Российской академии наук
им. В. В. Виноградова

На правах рукописи

Качурин Дмитрий Владимирович

ПРОБЛЕМА РАЗГРАНИЧЕНИЯ ОМОНИМИИ И ПОЛИСЕМИИ
ПРИМЕНИТЕЛЬНО К ПРАКТИКЕ СОСТАВЛЕНИЯ
ТОЛКОВЫХ СЛОВАРЕЙ

10.02.01 — «Русский язык»

Диссертация
на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель —
доктор филологических наук, профессор
Крысин Леонид Петрович

Москва 2013

Оглавление

Введение.....	5
Глава 1. Различные трактовки термина «омоним» и история вопроса	17
§ 1. О границах понятия «омонимия» в лингвистике, лексикологии и лексикографии	17
§ 2. К вопросу о классификации омонимов.....	34
§ 3. Критерии разграничения омонимии и полисемии. История вопроса ..	38
§ 3.1. Общие замечания	38
§ 3.2. Теория омонимического конфликта и представление об омонимах как о «патологии» языка	40
§ 3.3.1. Историко-этимологический (генетический) метод.....	44
§ 3.3.2. Различия в словоизменительных парадигмах.....	50
§ 3.3.3. Разные словообразовательные дериваты и различия в синтаксической и лексической сочетаемости	52
§ 3.3.4. Разная морфемная членимость	56
§ 3.3.5. Метод подстановки синонимов.....	58
§ 3.3.6. Перевод слов на другие языки.....	59
§ 3.3.7. Контекст употребления языковой единицы.....	60
§ 3.3.8. Возможность каламбура.....	62
§ 3.3.9. Метод «семантического поля» и критерий отнесённости слова к разным объектам действительности.....	63
§ 3.3.10. Комбинированный подход.....	65
§ 3.3.11. Разрыв (отсутствие) семантических связей между значениями	67
Глава 2. Семантическая структура многозначного слова.....	87
§ 1. Общие замечания	87
§ 2. Анализ семантической структуры слова <i>дом</i>	111
§ 3. Анализ семантической структуры слов <i>язык</i> и <i>свет</i>	124
Глава 3. О градуальности шкалы «полисемия — омонимия».....	135

§ 1. Общие замечания	135
§ 2. Материал для анализа и принципы его отбора	139
§ 3. Распределение омонимов разных групп по шкале «полисемия — омонимия».....	152
§ 3.1. Вводные замечания.....	152
§ 3.2. Омонимия, развившаяся вследствие заимствований	156
§ 3.2.1. Омонимы, заимствованные из разных языков.....	157
§ 3.2.2. Омонимические ряды, в которых хотя бы один из омонимов заимствован при посредстве того языка, из которого был заимствован другой	159
§ 3.2.3. Пары омонимов, один из которых является заимствованным, а второй — исконно русским	164
§ 3.2.4. Омонимы, заимствованные из одного языка	167
§ 3.2.5. Омонимические ряды, содержащие семантические кальки..	181
§ 3.3. Омонимия, развившаяся внутри русского языка.....	184
§ 3.3.1. Омонимические ряды, члены которых различались на более ранних этапах развития языка или мотивируются в синхронии разными словами.	185
§ 3.3.2. Омонимия, возникшая вследствие экстралингвистических причин.....	186
§ 3.3.3. Омонимия, обусловленная отсутствием промежуточного звена.....	192
§ 3.3.4. Омонимия, развившаяся вследствие утраты семантической связи с мотивирующим словом.....	195
§ 3.3.5. Омонимия, развившаяся вследствие изменения статуса сем	198
§ 4. Лингвистические термины и их омонимы на шкале «полисемия — омонимия».....	208
Глава 4. Роль психолингвистического эксперимента и показаний языкового сознания носителей языка в решении проблемы разграничения омонимии и полисемии	237
§ 1. Описание методики эксперимента	237

§ 2. Результаты анкетирования	256
Заключение	270
Список сокращений	278
Литература	279
Приложения	303
Приложение А. Слово <i>дом</i> в толковых словарях	303
Приложение Б. Семная структура первого и второго значений слова <i>дом</i>	306
Приложение В. Семантическая структура слова <i>дом</i>	307
Приложение Г. Семантическая структура слова <i>язык</i>	308
Приложение Д. Таблица 1: Трактовка слов в различных словарях с точки зрения омонимии/полисемии	309
Приложение Е. Инструкция к анкете.....	373
Приложение Ж. Пример заполненной анкеты	375

Введение

В связи с тем, что рассматриваемая нами проблема теснейшим образом соприкасается с проблемой слова и его границ, с вопросом «Где кончается одно слово и начинается другое?» (причём «кончается» и «начинается» не в конкретном высказывании, а в языке в целом), начать рассуждение об омонимии нам хотелось бы с некоторых предварительных замечаний о слове вообще.

Слово как элемент языка представляет собой удивительный феномен. В отличие от многих других лингвистических понятий (скажем, фонема, циркумфикс, залог и пр.), слово как единица речи и языка хорошо осознаётся и идентифицируется носителями языка, не имеющими никаких чётких научных определений. «Попросите человека, не знающего школьной премудрости, сказать какое-нибудь предложение — он не поймёт вас. На просьбу же сказать какое-нибудь слово отзовется всякий. Такая простая и ясная вещь: слово», — с иронией отмечал М. В. Панов¹. Однако многочисленные попытки учёных разных веков и даже тысячелетий облечь «такую простую и ясную вещь» в научную формулировку, дать ему дефиницию оказываются либо вовсе безуспешными, либо успешными не до конца. Так, А. И. Смирницкий, в одной из своих статей отмечавший, что «в общем понятие слова остаётся одним из наименее определённых лингвистических понятий»², в другой статье всё же пытается дать определение, однако весьма показательно, что определение это даётся как бы с позиций носителя языка, а не учёного и в строгом смысле не является научной дефиницией, хотя бы из-за использования образной метафоры: «В области словарного состава слово является той единицей, которая представляет собой отчётливо выделяемый, в связи с

¹ Панов М. В. О слове как единице языка // Труды по общему языкознанию и русскому языку. Т. 1. М., 2004. С. 51.

² Смирницкий А. И. К вопросу о слове (Проблема «отдельности слова») // Вопросы теории и истории языка в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию. М., 1948. С. 183.

достаточной его оформленностью, кусок строительного материала языка, как бы своего рода “кирпич”, по выражению Л. В. Щербы»³.

Между тем мы едва ли ошибёмся, если скажем, что именно слово есть центральная единица любого языка, чему свидетельством является хотя бы тот факт, что название именно этой языковой единицы может выступать синонимом к словам *язык, речь* (ср.: *золотое слово Святослава*).

Ещё М. Н. Петерсон писал: «Вообще удовлетворительного определения слова нет, да и едва ли можно его дать: слово — такое простое понятие, которому нельзя дать логического определения»⁴. Ещё более радикальным в своём скептицизме относительно характеристики этого явления был Л. В. Щерба, который заявлял, что самого «понятия “слово вообще” не существует»⁵. Ф. П. Филин относил проблему слова и его границ к числу «вечных» в лингвистике⁶, а в книге Д. Н. Шмелёва «Проблемы семантического анализа лексики...» только обзор разных точек зрения по этому вопросу занимает отдельную главу «Проблема определения слова»⁷, и можно смело сказать, что за последние 40 лет число этих точек зрения значительно возросло.

Подобные трудности объясняются онтологической природой языка, когда он начинает выступать как объект изучения, вообще и его лексико-семантического уровня (самым непосредственным образом коррелирующего с собственно когнитивными процессами) в частности, на что справедливо указывает Ю. Д. Апресян: «... исследуя свою мыслительную деятельность, человек

³ Он же. Лексическое и грамматическое в слове // Вопросы грамматического строя. Сборник статей. М., 1955. С. 11.

⁴ Петерсон М. Н. Современный русский язык. М., 1929. С. 27.

⁵ Щерба Л. В. Очередные проблемы языкознания // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. 1945. Т. 4. Вып. 5. С. 175.

⁶ Филин Ф. П. О слове и вариантах слова // Морфологическая структура слова в языках разных типов. М. — Л., 1963. С. 128.

⁷ Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка). М., 1973. С. 35—63.

сталкивается с уникальной в науке ситуацией, когда субъект познания совпадает с его объектом»⁸.

Традиционно в отечественном языкознании общая проблема слова распадается на две более частных проблемы: проблему отдельности слова (к примеру, *знал бы* — одно слово или два?) и проблему тождества слова (к примеру, *тоннель* и *туннель* — разные слова или варианты одного слова?). Каждая из них ещё в середине прошлого века была обозначена и рассмотрена в отдельных статьях А. И. Смирницким (см. процитированную выше статью, а также статью «К вопросу о слове (Проблема “тождества слова”)»⁹).

Продолжает вслед за А. И. Смирницким рассмотрение проблемы тождества слова О. С. Ахманова и, так же как и он, выделяют в этой проблеме три вопроса, по сути — три параметра, по которым может варьироваться слово: 1) лексико-семантическое варьирование слова, пределом которого является омоним; 2) лексико-фразеологическое и лексико-синтаксическое варьирование слова и фразеологическая единица в качестве его предела; 3) фонетическое и морфологическое варьирование слова и синонимия как его предел¹⁰.

В рамках данной работы нас интересует первый из указанных параметров, характеризуя который, В. В. Виноградов писал: «...вопрос о смысловом объёме и семантических границах слова остаётся самым тёмным и запутанным»¹¹.

Нельзя сказать, что и в течение 70 лет после того, как были сказаны эти слова, данный вопрос стал менее «тёмным и запутанным». В относительно новых¹² и даже новейших¹³ исследованиях указывается, что проблема омонимии по-прежнему

⁸ Апресян Ю. Д. Избранные труды. Т. 2. Лексическая семантика: интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995. С. 580.

⁹ Труды института языкознания АН СССР. 1954. Т. 4. С. 4—49.

¹⁰ Ахманова О. С. Очерки по общей и русской лексикологии. М., 1957. С. 5.

¹¹ Виноградов В. В. О формах слова // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. 1941. Т. 3. Вып. 1. С. 43.

¹² Головня А. И. Омонимия как системная категория языка. Минск, 2007. 132 с.

¹³ Зализняк Анна А. Семантический переход как объект типологии // Вопросы языкознания. 2013. № 2. С. 32—51.

разработана значительно слабее, чем проблемы синонимии и антонимии¹⁴, что до сих пор нет чётких критериев разграничения омонимии и полисемии¹⁵.

Кроме того, нерешённость вопроса о семантических границах слова в лексикологии пагубно сказывается и на лексикографической практике, на что неоднократно указывали разные исследователи (среди них — Л. А. Новиков¹⁶, В. А. Аврорин¹⁷, Л. Л. Кутина¹⁸). Подчёркивая связь между показаниями лексикологической науки в этом вопросе и отражением омонимии в словарях, В. П. Тимофеев писал: «... определение слова зависит от способа решения проблемы его отдельности и проблемы его тождества»¹⁹. По подсчётам А. И. Головни, всего в 10 (!) процентах случаев составители четырёх проанализированных словарей единодушны в трактовке тех или иных лексических единиц с точки зрения их омонимии²⁰. (Сразу заметим, что в рамках данной работы также предполагается произвести аналогичное сравнение, чему будет посвящён отдельный раздел).

Таким образом, нерешённостью лексикологической проблемы слова вообще и вопроса о семантических границах слова в частности, а также отсутствием единодушия среди составителей современных толковых словарей в трактовке спорных, «пограничных» между омонимией и полисемией случаев обусловлена **актуальность** настоящей работы.

Омонимии в целом и лексической омонимии в особенности посвящено огромное количество работ как отечественных, так и зарубежных учёных, однако ни единодушия, ни хотя бы более или менее убедительного на фоне остальных критерия разграничения омонимов и многозначных слов нам обнаружить не удалось, потому мы можем заключить, что **степень разработанности** этой

¹⁴ Головня А. И. Указ. соч. С. 6.

¹⁵ Зализняк Анна А. Указ. соч. С. 41.

¹⁶ Семантика русского языка. Учеб. пособие для филол. спец. ун-тов. М., 1982. С. 93—94.

¹⁷ Дискуссия по вопросам омонимии на открытом заседании Ученого совета Ленинградского отделения Института языкознания АН СССР // Лексикографический сборник. 1960. Вып. 4. С. 38.

¹⁸ Там же. С. 40.

¹⁹ Тимофеев В. П. Исходная (словарная) форма слова в русском языке. Свердловск, 1971. С. 10.

²⁰ Головня А. И. Указ. соч. С. 6. С. 26—28.

проблемы не настолько высока, чтобы она не становилась предметом отдельного исследования, а решение этой проблемы важно не только теоретически, но и для практики составления толковых словарей.

Кроме вышеуказанной проблемы тождества слова, рассматриваемая нами проблема омонимии/полисемии коррелирует ещё с одной более глобальной лингвистической проблемой — проблемой взаимодействия лексикологии и лексикографии, отражения в толковых словарях данных (на уровне как конкретных фактов, так и общих закономерностей), полученных в собственно лексикологическом русле. Весьма распространённой является точка зрения, согласно которой лексикографическое описание должно использовать положения лексикологии и лексикографическая подача тех или иных фактов не должна противоречить имеющимся в лексикологии представлениям относительно этих фактов. Так, в статье О. С. Ахмановой, В. В. Иванова и В. В. Виноградова отмечается, что «между состоянием лексикологических исследований и теорией и практикой лексикографии есть прямая, непосредственная связь»²¹. Аналогичная точка зрения не раз высказывалась и другими исследователями, например, Т. В. Зайцевой²².

Подобный подход не является единственным. О. С. Ахманова в своих «Очерках...» выражается на сей счёт чуть более осторожно, отмечая обоюдное влияние со стороны лексикологии и лексикографии: «... очень важно, чтобы лексиколог не только “пожинал плоды” чужих лексикологических трудов, но и сам принимал в этих трудах непосредственное участие»²³. Аналогичным образом подходил к этому вопросу и В. Г. Гак, который, также указывая на обоюдное влияние этих разделов языкознания, отмечал следующее: «Хотя лексикология и создаёт основу для лексикографической работы, последняя имеет свои собственные задачи, закономерности, вследствие чего лексикологические решения получают в

²¹ Ахманова О. С., Виноградов В. В., Иванов В. В. О некоторых вопросах и задачах описательной, исторической и сравнительно-исторической лексикологии // Вопросы языкознания. 1963. № 6. С. 11.

²² Дискуссия по вопросам омонимии... // Лексикографический сборник. 1960. Вып. 4. С. 84.

²³ Ахманова О. С. Очерки... М., 1957. С. 3.

лексикографии специфическое преломление и не всегда могут быть воспроизведены в словарях»²⁴. И далее: «Лексикограф должен заново переосмысливать все лексикологические категории, *прежде всего разграничение омонимов и многозначных слов* [курсив наш. — Д. К.]...»²⁵.

Таким образом, согласно более «радикальной» точке зрения (поддерживаемой значительным числом учёных), знак равенства между лексикологической и лексикографической трактовками одних и тех же фактов ставить нельзя. К примеру, Б. А. Ильиш полагает, что нельзя механически переносить в словарь данные лексикологии²⁶. Такого же мнения придерживается и Х. Касарес, который считает лексикографию, в отличие от лексикологии, «искусством» и отмечает утилитарный характер первой²⁷. Ю. С. Маслов предлагал «в теории языка... исходить из значительно более широкого понимания омонимии и омонима, чем то, которое необходимо сохранить в практике лексикографической работы»²⁸. А. А. Потебня и Д. Н. Ушаков, имевшие крайние теоретические взгляды на проблему тождества слова, не разделяемые современной наукой (Ушаков, к примеру, считал *руку* и *рукой* отдельными словами²⁹), вполне допускали возможность «стандартного» способа подачи слов в словаре, что нашло отражение, с одной стороны, в «Толковом словаре» Д. Н. Ушакова, с другой — в таких, например, словах А. А. Потебни: «В словарях принято... под одним звуковым комплексом перечислять все его значения. Обычай такой необходим, но он не должен порождать мнения, что слово может иметь несколько значений»³⁰.

²⁴ Гак В. Г. Об относительности лексикологических категорий в лексикографии // Проблемы учебной лексикографии и обучения лексике. Сборник статей. М., 1978. С. 13.

²⁵ Там же. С. 24.

²⁶ Дискуссия по вопросам омонимии... // Лексикографический сборник. 1960. Вып. 4. С. 92.

²⁷ Касарес Х. Введение в современную лексикографию. М., 1958. С. 27—28.

²⁸ Маслов Ю. С. Омонимия в словарях и омонимия в языке // Вопросы теории и истории языка. Л., 1963. С. 198.

²⁹ Ушаков Д. Н. Краткое введение в науку о языке. М., 1925. С. 68.

³⁰ Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. М.; Л., 1941. Т. 4. С. 96

Подобный экскурс в историю данного вопроса сделан нами для того, чтобы максимально точно очертить **предмет** и проблему нашего исследования: мы рассматриваем не просто отношения полисемии и омонимии между теми или иными единицами, не просто определяем статус отношений между теми или иными значениями в языке, но фокусируем внимание в первую очередь на том, как отразить такие отношения в толковом словаре, имея в виду то, что общетеоретическая (лексикологическая) и практическая (лексикографическая) трактовка одних и тех случаев может быть различной.

Исходя из специфики предмета нашего исследования, в качестве главной **цели** работы мы постулируем выработку критериев разграничения омонимии и полисемии, а также создание образцов лексикографической подачи нескольких спорных на сегодняшний момент, с точки зрения омонимии — полисемии, случаев как результата работы этих критериев.

Для достижения этой цели мы планируем решить ряд **задач**:

- произвести обзор и анализ существующих на сегодня критериев разграничения омонимии и полисемии;

- сделать сравнительную выборку (из нескольких словарей) случаев, в которых одни и те же слова трактуются то как омонимы, то как многозначные слова;

- выявив наиболее убедительный критерий разграничения омонимии и полисемии, применить его к словам из выборки;

- рассмотреть в качестве некоего «фона» для омонимов случаи «классической» полисемии, проанализировав семантическую структуру полисемантов и выявив на конкретных примерах характерные черты этого явления;

- исходя из общетеоретической установки, что между типовыми омонимами и многозначными словами есть масса переходных случаев и имеет место воображаемая шкала «полисемия — омонимия», проанализировать имеющийся массив омонимов с точки зрения их места на указанной «шкале»;

- особо проанализировать группы омонимичных пар, один из членов которых является термином-калькой (*вид, предложение* и пр.) (о причинах, по

которым особое внимание уделяется именно этой подгруппе, будет сказано в параграфе, посвящённом самому анализу);

— обосновать применимость метода эксперимента и обращения к показаниям метаязыкового сознания (далее — ПЯС) в работе над словарями;

— выработать (в случае надобности) особую графическую форму подачи «пограничных» с точки зрения омонимии/полисемии случаев в толковом словаре.

Новизна работы обусловлена попыткой поиска нового метода разграничения омонимии и полисемии, который до этого не применялся при составлении толковых словарей, а также разработкой особых композиционно-графических приёмов подачи трудных случаев.

Помимо очевидной **практической значимости** (которая в общем следует из названия работы и состоит в том, что выводы, а также отдельный фактический материал диссертации могут использоваться при составлении толковых словарей), исследование обладает ещё и некоторой **теоретической** ценностью, поскольку в нём планируются систематизация и анализ существующих в современной науке взглядов на одну из важнейших проблем, рамок применимости тех или иных критериев разграничения омонимии и полисемии, комплексная разработка идеи градуальности шкалы полисемия — омонимия.

Предполагается, что в исследовании будут взаимодействовать и дополнять друг друга два основных **метода**:

— метод семантического (и в частности — компонентного) анализа;

— метод психолингвистического эксперимента (опрос/анкета).

В целом работа характеризуется преобладанием метода синхронного лингвистического описания, а также комбинацией ономаσιологического и семасиологического подходов.

Особо следует сказать об **объекте** исследования, в качестве которого выбраны омонимические пары (ряды) только существительных русского языка при условии, что хотя бы одно из них в этом ряду является морфологически нечленимым (включало бы только основу и окончание или только основу), например, *брак*¹ ‘супружество’ — *брак*² ‘изъян’, *бич*¹ ‘плеть’ — *бич*² ‘опустившийся человек’.

Подобный выбор не случаен и продиктован отнюдь не стремлением искусственно сузить объём исследуемого материала. Во-первых, по омонимии и полисемии производных слов (а производные слова есть частный случай членимых) имеется довольно большое число работ, среди которых можно выделить, например, такие: П. А. Соболева, «Словообразовательная полисемия и омонимия»³¹; И. А. Ширшов, «Типы полисемии в производном слове»³²; К. Я. Хурамшина, «Семантическая структура словообразовательных цепочек с многозначным исходным глаголом (на материале глаголов звучания)»³³; Н. В. Халина «Роль префикса в формировании многозначности мотивированного глагола»³⁴. Подробный перечень работ, посвящённых семантике производных слов, содержится в докторской диссертации О. П. Ермаковой «Проблемы лексической семантики производных и членимых слов»³⁵. Работы, посвящённые омонимии префиксальных глаголов, перечисляются в работе Н. К. Жученко «Роль многозначности префиксов в образовании глагольных омонимов» (называются имена В. В. Виноградова, Р. А. Будагова, С. П. Обнорского, Г. О. Винокура и др.)³⁶.

Во-вторых, в этих работах не единожды отмечалась и аргументировалась специфичность каждого из объектов изучения — членимых и нечленимых слов (и как следствие — специфичность подходов к ним). Так, О. П. Ермакова в указанной работе отмечает: «Лексическое значение производных слов имеет право на отдельное самостоятельное изучение, потому что принципиально отличается от значения непродеривированных слов своим опосредованным, мотивированным характером и потому что эта особенность значения производных слов обуславливает многие

³¹ Соболева П. А. Словообразовательная полисемия и омонимия. М., 1980. 294 с.

³² Филологические науки. 1996. №1. С. 55—65.

³³ Проблемы лексической и словообразовательной мотивации в русском языке. Межвузовский сборник научных статей Барнаульского ун-та. Барнаул, 1986. С. 106—112.

³⁴ Там же. С. 79—90.

³⁵ Ермакова О. П. Проблемы лексической семантики производных и членимых слов. М., 1977. С. 3—4.

³⁶ Вопросы теории и методики изучения русского языка. Тр. 2-й научной конференции кафедр русского языка пед. ин-тов Поволжья. Куйбышев, 1961. С. 126—139.

другие существенные отличия семантической структуры однозначных и многозначных производных слов от семантической структуры непроизводных...»³⁷.

В качестве отдельной подгруппы словообразовательные омонимы отмечает и В. И. Абаев, называя их выделение «делом более деликатным и тонким, чем установление омонимов корневых»³⁸.

Фокус нашего внимания в рамках данного исследования будет сосредоточен на чисто лексической, корневой семантике, не усложнённой семантикой служебных морфем. Мы стремимся выявить, что же отличает омоним от полисеманта в собственно семантическом плане, а поскольку это задача сама по себе очень сложная (ещё О. С. Ахманова отмечала, что «исследование “структуры обозначаемого” представляет трудности несравненно большие, чем исследование структуры “обозначающего”»³⁹) — постольку мы решили не усложнять её ещё сильнее и избрать в качестве объекта нечленимые слова.

Однако было бы заблуждением считать, что членимые на морфемы слова — более лёгкий объект изучения. Несмотря на то, что «лексическая многозначность производных слов в целом носит более системный, упорядоченный характер, чем многозначность слов непроизводных»⁴⁰, в этом случае собственно лексические, корневые многозначность и омонимия могут дополняться и усугубляться благодаря аффиксальному окружению, на что указывал, например, В. Н. Цоллер⁴¹. В частности, одним из сложных вопросов, специфичных именно для производных слов, является вопрос о статусе (омонимы или значения одного слова?) в таких, например, случаях, как *боевик* ‘террорист’ и ‘жанр фильма’ (пример рассматривается в кандидатской диссертации С. А. Москвичевой⁴²) или *кремовый десерт* и *кремовый пиджак* (пример взят из «Очерков...» О. С. Ахмановой⁴³), или

³⁷ Ермакова О. П. Указ. соч. С. 5.

³⁸ Абаев В.И. О подаче омонимов в словаре // Вопросы языкознания. 1957. № 3. С. 41.

³⁹ Ахманова О. С. Очерки... С. 84.

⁴⁰ Ермакова О. П. Указ. соч. С. 3.

⁴¹ Цоллер В. Н. Многозначность производных слов // Русский язык в школе. 1989. №4. С. 81.

⁴² Москвичева С. А. Формальная дифференциация лексико-семантических вариантов слова в русском языке. М., 2002. С. 15.

⁴³ Ахманова О. С. Очерки... С. 158.

же в случаях, когда производное разными своими значениями связано с разными единицами семантического гнезда⁴⁴. Таким образом, выбор в качестве объекта исследования пал на нечленимые единицы вовсе не потому, что членимые единицы не представляют научного интереса или являются элементарными с точки зрения сложности, а потому, что членимые единицы — это принципиально иной, с точки зрения своей природы и подходов к нему, объект.

Скажем также о том, почему были выбраны именно существительные. На самом деле, выбор именно этой категории был предопределён решением рассматривать именно нечленимые слова, поскольку, по свидетельству В. В. Виноградова⁴⁵ и М. И. Фоминой⁴⁶, непродуваемые омонимы наиболее часто встречаются как раз среди имён существительных. Кроме того, внимание исследователей традиционно сильнее привлечено к глагольной лексике. В частности, непродуваемая глагольная лексика на предмет распада семантических связей была рассмотрена М. Д. Якубовской в статье «Изменение морфолого-синтаксических признаков слова при переходе от полисемии к омонимии»⁴⁷. Между тем, пласт существительных, интересный сам по себе, особенно удобен для тестирования метода психолингвистического эксперимента, который мы планируем применить.

Кроме того, избрав именно существительные в качестве объекта рассмотрения, мы тем самым сильно минимизируем (если вовсе не исключаем) проникновение в исследование проблемы т. н. «частичной» омонимии, которая, имея, безусловно, значительный научный интерес, в нашем случае явилась бы побочной, потребовала бы дополнительного описания и затемнила бы собой проблему основную. Справедливыми на сей счёт нам кажутся слова О. С. Ахмановой: «...между глаголом и существительным имеется существенное различие, связанное с распространённостью для русского глагола явления

⁴⁴ См. об этом: Озерова Е. А. Гнездо с вершиной коса как структурно-семантическое целое. М., 2002. С. 18.

⁴⁵ Виноградов В. В. Об омонимии и смежных явлениях // Вопросы языкознания. 1960. № 5. С. 10.

⁴⁶ Фомина М. И. Современный русский язык. Лексикология. Учеб. для филол. вузов. М., 1990. С. 72.

⁴⁷ Русский язык в школе. 1976. № 3. С. 83—88.

частичной омонимии в видовых формах; если у существительного мы имеем дело почти исключительно (кроме отдельных форм числа) с полной лексической омонимией, то здесь мы сталкиваемся со сложной системой различных переплетений, связанных с совпадениями и противопоставлениями форм совершенного и несовершенного вида»⁴⁸.

На защиту выносятся следующие **положения**:

— проблема разграничения омонимии и полисемии по сей день не получила окончательного разрешения как в лексикологии, так и в лексикографии;

— единственный критерий, которым мы можем пользоваться при разграничении омонимии и полисемии, — критерий собственно семантический, причём применяемый с точки зрения синхронии;

— в языковой реальности имеет место шкала семантической связи между двумя значениями, крайними точками которой являются омонимия и полисемия, и значительная часть рассматриваемых явлений распределяется между этими полюсами;

— для объективной характеристики явлений с точки зрения омонимии/полисемии имеет смысл апеллировать к языковому сознанию рядовых носителей языка;

— имеющиеся в современной лексикографии методы подачи значений не могут адекватно отразить некоторые существующие явления и потому нуждаются в дополнении и корректировке.

Апробация работы. По теме диссертации автором опубликованы 5 статей, в том числе 3 — в журналах, реферируемых ВАК. Промежуточные результаты диссертационного исследования были представлены на 58-й (2009 г.) и 59-й (2010 г.) научных студенческих конференциях ПГПУ им. В. Г. Белинского (г. Пенза).

⁴⁸ Ахманова О. С. Очерки... С. 141.

Глава 1. Различные трактовки термина «омоним» и история вопроса

§ 1. О границах понятия «омонимия» в лингвистике, лексикологии и лексикографии

Ю. Д. Апресян писал: «...поиски “критериев” для распознавания различных языковых объектов (слова, предложения, омонима, фразеологической единицы и т. п.) красноречивее, чем что-либо другое, свидетельствует о том, что ищущие не располагают строгими определениями соответствующих лингвистических понятий. При наличии строгих определений языковых объектов незачем искать дополнительные (не используемые в текстах самих определений) “критерии” для их распознавания. Если же строгих определений нет, никакие дополнительные критерии дела все равно не спасут»⁴⁹.

Потому, прежде чем приступить к рассмотрению непосредственно проблемы разграничения омонимии и полисемии, мы считаем целесообразным рассмотреть существующие точки зрения на содержание понятия «омоним» и его определения, а также оценить применимость каждого из них к нашему, особому (см. об этом во «Введении»), предмету и выбрать (либо — в случае отсутствия — сформулировать самим) какое-нибудь одно в качестве рабочего.

В первую очередь следует отметить, что омонимия — это явление языка, универсальное практически для всех его пластов, для единиц разной структурной и семантической сложности. В самом общем, «трансуровневом», смысле оно может быть понято как «тождество поверхностных структур при различии глубинных»⁵⁰. Этот же факт отмечает и А. И. Головня: «Давно уже не является дискуссионным утверждение о том, что омонимия может существовать на любых уровнях языка», — называя при этом имена И. В. Вардуля, Ш. Балли, С. Ульмана и Ю. С. Маслова⁵¹.

⁴⁹ Апресян Ю. Д. Избранные труды. Т. 1. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1995. С. 184.

⁵⁰ Соболева П. А. Словообразовательная полисемия и омонимия. М., 1980. С. 90.

⁵¹ Головня А. И. Омонимия как системная категория языка. Минск, 2007. С. 10.

В самом деле, омонимы мы можем обнаружить на самых разных языковых ярусах:

— на фонетическом (в словах *вода* и *жара* план выражения второго звука одинаков (звук [ʌ]), в то время как «значение» различно: в первом случае этот звук репрезентирует фонему /o/, во втором — /a/);

— на морфемном (суффикс *-к(а)* может иметь «грамматическое» значение субстантивности в отглагольных существительных типа *глажка*, *забастовка*, а также уменьшительное значение (*дверка*), значение подобия (*ножка стола*));

— на морфологическом уровне (*двери* может быть как формой И. п. мн. ч., так и формой Р. п. ед. ч.; *Приехали несколько армян и грузин* — здесь *грузин* или ед. ч. И. п., или мн. ч. Р. п.);

— на лексическом уровне (*мат* ‘ругань’ и *мат* ‘ситуация в шахматах’);

— на синтаксическом уровне (*Мужу изменять нельзя*; *Коснёмся важного для автора очерка подхода*). Синтаксической омонимии посвящена, в частности, статья Л. Н. Иорданской, откуда и взяты нами примеры⁵².

Наконец, бывают случаи «комплексной омонимии», когда довольно трудно определить, на каком именно языковом ярусе возникла неоднозначность (см. анализ Ю. Д. Апресяном конструкции *Вы не должны ходить туда*, которая может пониматься и как «Вы можете туда ходить, но не обязаны этого делать», и как «Вы не имеете права ходить туда»⁵³).

Такое явление, как омонимия, становится возможным в языке из-за того, что элементы языка, языковые знаки асимметричны (что не отменяет, однако, самой идеи знаковой природы языка, провозглашённой Ф. де Соссюром). Явление асимметричного дуализма языкового знака впервые было описано С. О. Карцевским⁵⁴, который отмечал, что «знак и значение не покрывают друг

⁵² Иорданская Л. Н. Синтаксическая омонимия в русском языке // Научно-техническая информация. Сер. 2: Информационные процессы и системы. № 5. М., 1967. С. 9—17.

⁵³ Апресян Ю. Д. Избранные труды. Т. 1. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1995. С. 114.

⁵⁴ Карцевский С. О. Об асимметричном дуализме лингвистического знака // Из лингвистического наследия С. И. Карцевский. Т. 2. М., 2004. С. 239—245.

друга полностью»⁵⁵, что «всякий знак является потенциально “омонимом” и “синонимом” одновременно»⁵⁶.

Симметрия знака в языке может нарушаться двумя способами: либо когда одно обозначающее имеет несколько обозначаемых, либо когда одно обозначаемое имеет несколько обозначающих. Б. С. Мучник охарактеризовал подобные ситуации как «многозначность (отождествление различного) и многовыраженность (различение тождественного)»⁵⁷. Во втором случае мы имеем дело с синонимами, а в первом — как раз с омонимами в широком понимании этого слова. Так, М. Вас. Пименова характеризует лексические омонимы как «семасиологические “асимметричные” единицы»⁵⁸.

Несмотря на то что, как было показано выше, омонимия пронизывает все языковые уровни, наиболее показательна, чаще всего «попадает на глаза» и — как следствие — чаще всего становится объектом научного исследования омонимия лексическая, то есть омонимия слов, потому в науке принято употреблять термин «омоним» без уточняющих определений применительно именно к лексическим явлениям (на это указывал ещё Л. А. Булаховский⁵⁹). В рамках нашего исследования нас также будет интересовать омонимия лексическая, потому в дальнейшем, когда мы будем употреблять термины «омоним», «омонимия», мы будем иметь в виду явления лексического уровня языка.

Именно в таком, «лексическом», смысле предлагал употреблять этот термин и В. В. Виноградов, характеризуя омонимию как «совпадение разных слов или разных форм по своему внешнему звуковому облику»⁶⁰.

Однако, ограничив (разумеется, условно, в рамках только данного исследования) содержание понятия «омонимия» чисто лексическими случаями, мы

⁵⁵ Указ. соч. С. 239.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Мучник Б. С. Многозначность и многовыраженность // Русский язык в школе. 1991. №1. С. 27.

⁵⁸ Пименова М. Вас. Лексико-семантический синкретизм как проявление формально-содержательной языковой асимметрии // Вопросы языкознания. 2011. № 3. С. 25.

⁵⁹ Булаховский Л. А. Из жизни омонимов // Сб. «Русская речь». Т. 3. Л., 1928. С. 49.

⁶⁰ Виноградов В. В. О грамматической омонимии в современном русском языке // Русский язык в школе. 1940. № 1. С. 1.

сделали лишь первый шаг к тому, чтобы сформировать чёткое представление об объекте работы.

Дело в том, что приведённая выше «универсальная» характеристика омонимов как «тождества поверхностных структур при различии глубинных», принадлежащая П. А. Соболевой (и в целом нами разделяемая и принимаемая), как и любая «универсальная» характеристика, нуждается в уточнениях, обусловленных спецификой отдельных языковых ярусов, к которым она прилагается. В нашем случае речь идёт о ярусе лексическом, и в свете этого обстоятельства предложенная П. А. Соболевой формула может принять более простые и в то же время конкретные очертания: лексическая омонимия — это совпадение формы слов при различии их содержания.

Однако в этом случае вместо одной общей дефинитивной проблемы мы получаем две более частных, которые могут быть сформулированы в виде двух вопросов: 1) что конкретно из «формы» слова и 2) что из его «содержания» должно браться в расчёт? И в ответах на эти вопросы мы не обнаруживаем единодушия исследователей.

Определение термина «омоним», которое стремится объять все возможные варианты как по форме, так и по содержанию, даёт В. П. Колесниковым, определяющим омонимы как «слова с разным лексическим и/или грамматическим значением, но с одинаковым (тождественным) написанием и/или произношением»⁶¹. Сама структура этого определения даёт представление о том, насколько многоаспектна рассматриваемая проблема и сколько возможных трактовок термина мы можем получить, если так или иначе будем изменять число элементов, которыми этот термин характеризуется.

Если мы говорим о форме слова и о тех элементах формы, которые в принципе могут совпадать у нескольких слов, то здесь в первую очередь следует отметить, что слово может существовать в устной (звучащей) и письменной формах. Соответственно, два слова могут совпадать либо в своём звучании (*код* — *кот*),

⁶¹ Колесников Н. П. Словарь омонимов русского языка. Тбилиси, 1978. С. 7.

либо в написании (*замок* — *замок*), либо и в звучании и в написании (*ключ*¹ — *ключ*²). Традиционно первая ситуация называется **омофонией** (а сами единицы — **омофонами**), вторая — **омографией** (а слова — **омографами**), а третья — **собственно омонимией** (и, соответственно, сами слова — **омонимами**). Тем не менее, не совсем понятно, считать ли омографы и омофоны разновидностью омонимов (и в этом случае возникает многозначность термина «омоним», поскольку им может называться как общее явление, которое может быть представлено в том числе омофонами и омографами, так и отдельный вид этого явления — «собственно омонимы») или же сохранить за термином «омоним» более узкое значение, называя им явление, похожее на омографию и омофонию совпадением элементов формы и несовпадением значения, но не включающее в себя последние и стоящее с ними в одном ряду.

На разногласии в употреблении называемых терминов указывает Е. М. Ручимская в своей статье «О разной трактовке соотношения омонимов, омофонов, омографов»⁶². Хорошо подчёркивает терминологическую неопределённость в этой области и — как следствие — неопределённый терминологический статус омофонов, омографов и омоформ (о последних отдельно и подробно будет сказано ниже) характеристика, данная им М. Вас. Пименовой, которая определяет их как «периферийные разновидности омонимии»⁶³.

Подробный разбор точек зрения на содержание понятия «омоним», имеющих в отечественной и зарубежной лингвистике, которые отличаются друг от друга разными подходами именно к форме явлений, содержится в уже неоднократно цитировавшейся монографии А. И. Головни. Исследователь отмечает четыре имеющих в науке подхода, которые мы, вслед за А. И. Головнёй, также считаем нужным привести, снабдив их примерами:

⁶² Русская речь. 2012. № 3. С. 47—52.

⁶³ Пименова М. Вас. Лексико-семантический синкретизм как проявление формально-содержательной языковой асимметрии // Вопросы языкознания. 2011. № 3. С. 25.

1) омонимы должны иметь одинаковую фонетическую оболочку (*ключ¹* — *ключ²* — омонимы; *код* — *кот* — омонимы; *замок* — *замок* — не омонимы) (точка зрения В. В. Виноградова, О. С. Ахмановой, Л. А. Булаховского, Б. Трнки, Л. Блумфилда и др.);

2) омонимы должны иметь одинаковые фонетическую и графическую оболочки (*ключ¹* — *ключ²* — омонимы; *код* — *кот* — не омонимы; *замок* — *замок* — не омонимы) (этой точки зрения придерживались В. В. Броун, И. В. Арнольд, Н. М. Шанский, М. Х. Ахтямов);

3) омонимы имеют одинаковое звучание, но разное написание (*ключ¹* — *ключ²* — не омонимы; *код* — *кот* — омонимы; *замок* — *замок* — не омонимы) (так считают Х. Огата и Р. Инглотт);

4) омонимы имеют одинаковое написание (*ключ¹* — *ключ²* — омонимы; *код* — *кот* — не омонимы; *замок* — *замок* — омонимы) (точка зрения В. Скита)⁶⁴.

Перед тем как представить наше собственное видение данной ситуации, считаем нелишним ещё раз напомнить о том, что мы рассматриваем проблему омонимии не только и не столько как лексикологическую, сколько как лексикографическую, а потому наш выбор должен быть целесообразным и отвечающим специфике предмета нашего исследования.

Тем не менее, мы всё же считаем нужным поделиться соображениями относительно того, что же, на наш взгляд, должно совпадать в форме слов, чтобы они назывались омонимами в чисто лексикологическом, теоретическом плане.

Нам представляется, что, как и в любом другом случае терминологического номинирования, в первую очередь нужно ответить на вопрос, какие явления «достойны номинации», введение терминологических обозначений для каких явлений будет целесообразным. Ввиду того, что письменная форма речи является вторичной по отношению к устной и в большинстве случаев может игнорироваться,

⁶⁴ Головня А. И. Омонимия как системная категория языка. Минск, 2007. С. 9.

такой критерий, как одинаковая графическая форма, снимается (приведём в связи с этим слова И. С. Тышлера: «...графика не может быть взята в качестве исходной, отправной точки при зачислении слов в омонимы»⁶⁵). Потому такие случаи, как *кот* — *код* и *ключ*¹ — *ключ*² относятся к одному и тому же классу явлений, в то время как пары типа *замок* — *замок* и, скажем, *дом* — *постель* в одинаковой степени к нему не относятся (эта точка зрения принята в большинстве лексикологических работ и в обзоре А. И. Головни (см. выше) приведена первой). Впрочем, даже представители такого подхода иногда считают нужным особо разграничить случаи типа *кот* — *код* и *ключ*¹ — *ключ*², в том числе и особым образом номинируя первые. Так, О. С. Ахманова предлагает для них термин «неомографические омонимы», утверждая, что они «должны явиться предметом *особого* [курсив наш. — Д. К.] исследования»⁶⁶.

В то же время, если в каких-то исследованиях лексиколог выделяет в качестве равноправного ещё и собственно графический критерий (и, таким образом, неминуемо вводит в свою речь ещё и термин «омографы»), он имеет три противопоставленные класса явлений (частными представителями которых являются *ключ*¹ — *ключ*², *код* — *кот* и *замок* — *замок*), каждое из которых должно быть названо; более того — назван должен быть и род таких явлений, представленный этими тремя видами, в силу наличия между ними очевидной общности. Таким общим словом действительно может явиться слово «омоним», но в таком случае не совсем понятно, как называть пары слов типа *ключ*¹ — *ключ*² (тоже «омонимы»? «собственно омонимы?»). Отдавая себе отчёт в том, что в лексикологической науке в течение нескольких веков утвердилось подобное, двоякое, понимание термина «омоним» и что в такой ситуации, наверное, лучше каждый раз оговариваться, что именно имеется в виду, чем изобретать новое терминообозначение, мы, тем не менее, заметим, что, на наш взгляд, для пар типа

⁶⁵ Тышлер И. С. Словарь омонимов современного английского языка. Саратов, 1963. С. 7.

⁶⁶ Ахманова О. С. Очерки... С. 107.

*ключ*¹ — *ключ*² более удачным был бы термин «омофонограф», в то время как «омонимом» можно было бы называть род рассмотренных явлений.

Что же касается нашего исследования, то нас интересуют как раз эти «омофонографы», «собственно омонимы» (которые мы по традиции будем именовать просто омонимами). Дело в том, что для составителя словаря проблема омофонов и омографов не существует. В конце концов, решая проблему омонимии, составитель словаря решает, в одной или нескольких словарных статьях рассматривать те или иные единицы. При этом словарь — письменный источник, потому смешение, объединение омофонов в нём невозможно в принципе (составитель не стоит перед выбором и не испытывает никаких проблем, когда делает словарное описание слов *код* и *кот*). Более того, омографы, по большому счёту, тоже перестают быть омографами, попадая на страницы словаря, поскольку любой толковый словарь не только может, но и должен отражать произношение с помощью знаков ударения и обязательного использования буквы Ё, а в этом случае графический облик слов тоже становится разным.

Итак, говоря «омоним», мы будем иметь в виду лексические единицы (слова), одинаковые в своём произношении и написании.

Ответив на вопрос, что должно совпадать в форме слов, чтобы они именовались омонимами (и предельно узко очертив «формальные» рамки этого явления), теперь мы должны ответить на ещё один, пожалуй, самый сложный, вопрос: что должно не совпадать в содержании рассматриваемых единиц и принципиален ли «объём» этого несовпадения, чтобы мы могли отнести тот или иной случай к омонимии?

Как и в случае с формой, говоря о содержании, мы должны иметь в виду два аспекта содержательной стороны любого слова, поскольку любое слово, как известно, обладает значениями двух типов: грамматическим и собственно лексическим.

Соответственно, как и в случае с формальными различиями, здесь, в зависимости от комбинации указанных признаков, возможны три класса явлений: 1) разница в лексическом значении при тождестве грамматического (*ключ¹ — ключ²*); 2) разница в грамматическом значении при тождестве лексического (*больной человек — больной обратился с жалобой*); 3) разница и в лексическом, и в грамматическом значениях (*простой пример — простой вагонов*).

Говоря о грамматическом значении в структуре общей семантики слова, в рамках данной главы мы считаем необходимым обратить внимание на, пожалуй, самый важный (но далеко не единственный!) его компонент, который определяется частеречной отнесённостью слова. И разная оценка значимости этого компонента приводит исследователей к разным ответам на вопрос, который в самом общем виде формулируется так: одно и то же слово или разные употребляются в конструкциях *больной человек* и *больной выздоравливает*?

И здесь существует две основных точки зрения. «Классическим» является подход, описанный в трудах В. В. Виноградова, А. И. Смирницкого и О. С. Ахмановой, которые считают различие в частеречной отнесённости, независимо от лексико-семантических отличий, достаточным основанием для того, чтобы трактовать подобные случаи как омонимию, а сами единицы как разные слова-омонимы.

Так, О. С. Ахманова пишет: «Такие явления, как субстантивация прилагательного, окачествление причастия и т. п. непременно влекут за собой омонимию, так как связаны с переходом в другую часть речи»⁶⁷. В. В. Виноградов отмечает, что «наречное или модальное слово, образовавшееся от формы другого слова, становится “омонимом” этой формы», и приводит в качестве примера такие слова, как *смерть, страх, чудом, рядом* и т. д.⁶⁸. В более ранней работе, «О грамматической омонимии в русском языке»⁶⁹, Виноградов пишет: «...совмещение

⁶⁷ Ахманова О. С. Очерки... С. 164.

⁶⁸ Виноградов В. В. Об омонимии и смежных явлениях // Вопросы языкознания. 1960. № 5. С. 13.

⁶⁹ Русский язык в школе. 1940. № 1. С. 1—14.

в рамках одного и того же слова... таких... категорий, как имя существительное и союз, имя прилагательное и модальное слово... деепричастие и предлог, в современном литературном языке не допускается»⁷⁰.

Вместе с тем, стоит отметить, что представители этой точки зрения особо оговаривают некоторые случаи, в которых, по их мнению, различие в лексико-грамматической категории не служит поводом для разрушения тождества слова и образования омонимов. К примеру, В. В. Виноградов к таким случаям относит употребление слова *спасибо* в качестве междометия, в качестве вводного слова (*спасибо, выручил ваш брат*) и в качестве существительного (*не надо мне твоего спасибо*), считая, что здесь тождество слова не разрушено, и аргументирует это так: «Сознание тождества слова покоится на понимании его семантического единства. А эти видоизменения выражаются не только в морфологическом облике слова, но и в различиях его синтаксических связей и функций»⁷¹.

Аналогичную мысль мы обнаруживаем и у О. С. Ахмановой, которая считает *напротив* в наречном и предложном употреблении всего лишь разными «функциями» одного и того же слова, замечая, что «само по себе “знаменательное” и “служебное” употребление слова не разрывает его на два, а лишь приводит к особой разновидности “выраженной” полисемии»⁷².

Однако имеется и альтернативная только что приведённой точка зрения, согласно которой сам по себе факт различной частеречной принадлежности ещё не является достаточным условием для констатации омонимии. При этом омонимия может не постулироваться в этой ситуации по двум причинам.

В первом случае сторонники подобной точки зрения полагают, что сам факт распада слова не имеет места, потому и об омонимах говорить не приходится. В. Трейбал считает, что «при категориальном сдвиге, не поддержанном осязательным

⁷⁰ Указ. соч. С. 12.

⁷¹ Он же. О формах слова. Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. 1941. Т. 3. Вып. 1. С. 42.

⁷² Ахманова О. С. Очерки... С. 164.

изменением смыслового содержания слова, появляется единица, которая входит в семантическую структуру слова [курсив наш. — Д. К.] не как лексико-семантический, а как категориальный вариант»⁷³. Эту точку зрения разделяют В. И. Абаев, который характеризует подобные случаи как «лексико-синтаксическую полисемию»⁷⁴, а также Л. П. Крысин, который выделяет наречное, атрибутивное и субстантивное значения одного слова *альяфуршет*⁷⁵ (заметим, однако, что в последнем случае подобный подход предлагается для лексикографической практики, в которой, как отмечалось выше и отдельно будет сказано ниже, допускается трактовка, отличная от лексикологической).

Другая группа исследователей признаёт в этом случае наличие нескольких разных слов, однако не считает нужным распространять термин «омонимия» на подобные явления (см. наше замечание выше о целесообразности введения термина; приведём также слова О. С. Ахмановой: «Можно ли и целесообразно ли называть омонимами, например, один из вариантов множественного числа существительных (iz) и третье лицо ед. числа настоящего времени глагола to be = (iz) без введения дополнительных терминологических уточнений?»⁷⁶). Такого же мнения придерживаются Т. В. Зайцева⁷⁷, И. С. Тышлер⁷⁸, М. И. Фомина⁷⁹ и др.

Приведём также и нашу точку зрения на данный вопрос. И вновь, как и в случае вынесения вердикта по вопросу формы, мы вынуждены констатировать наличие «амбивалентной» позиции. Так, если мы говорим о решении, которое нам кажется наиболее логичным с точки зрения лексикологии, то таковым нам

⁷³Трейбал В. Морфологические средства выражения лексико-семантических вариантов имен существительных в русском языке. М., 1986. С. 7.

⁷⁴Абаев В.И. О подаче омонимов в словаре // Вопросы языкознания. 1957. № 3. С. 42.

⁷⁵Крысин Л. П. Слово в современных текстах и словарях. Очерки о русской лексике и лексикографии. М., 2008. С. 105.

⁷⁶ Ахманова О. С. К вопросу о словосочетании в современном английском языке // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. 1950. Т. 9. Вып. 6. С. 480.

⁷⁷Дискуссия по вопросам омонимии... // Лексикографический сборник. 1960. Вып. 4. С. 85.

⁷⁸ Тышлер И. С. Словарь омонимов современного английского языка. Саратов, 1963. С. 10.

⁷⁹ Фомина М. И. Современный русский язык. Лексикология. Учеб. для филол. вузов. М., 1990. С. 68.

представляется рассмотрение подобных случаев как разных слов (причём, в отличие от В. В. Виноградова и О. С. Ахмановой, мы придерживаемся ещё более категоричных взглядов и считаем, что тождество слова разрушается и в том случае, когда мы имеем самостоятельную и служебную части речи, и самого этого факта уже достаточно для того, чтобы констатировать наличие двух слов, а не одного). Так же трактовали подобные случаи авторы монографии «Многозначность и омонимия»: «Мы... определили бы предлог *согласно* и наречие *согласно*... как разные слова, поскольку весь “контур” их употребления, вся сумма их дистрибуций не совпадают между собой»⁸⁰.

Ответ на вопрос о том, распространять ли на подобные случаи термин «омоним», на самом деле, не очень принципиален. Как бы то ни было, на наш взгляд, он должен быть положительным, поскольку данная ситуация вполне вписывается в общее определение омонимов как единиц, совпадающих по форме, но различающихся содержанием. Однако случаи *ключ*¹ — *ключ*², с одной стороны, и *больной человек* — *больной выписан*, с другой, всё-таки довольно различны и специфичны по отношению друг к другу и потому заслуживают специализированного, уточнённого терминологического наименования. В качестве такового весьма удачным нам кажутся термины «внутрикатегориальная» и «межкатегориальная омонимия», но и среди «межкатегориальных» омонимов тоже нужно различать, с одной стороны, случаи типа *больной выписан* — *больной ребёнок* (где имеется общность лексической семантики), и с другой стороны — случаи типа *простой вопрос* — *простой вагонов* (где лексико-семантического совпадения не обнаруживается).

Однако, когда мы говорим о подаче таких случаев в словарях, более целесообразным нам кажется иной подход. Сходного мнения придерживаются Л. П. Крысин, утверждающий, что «необходимо различать лингвистическую квалификацию того или иного слова... с одной стороны, — и практику подачи

⁸⁰ Арсеньева М. Г., Строева Т. В., Хазанович А. П. Многозначность и омонимия. Л., 1966. С. 23.

подобных фактов в толковом словаре, с другой»⁸¹, а также В. Г. Гак, писавший, что «развитие лексикологии в приложении к лексикографии» ведёт к «большему пониманию гибкости... лексического материала, что побуждает по-разному показывать одни и те же факты...»⁸². Повторимся: для составителя словаря вопрос «Омонимы или нет?» автоматически превращается в вопрос «Одна словарная статья или несколько?», а потому проблема омонимии есть всегда, когда, при наличии идентичного звучания и написания, единицы как-то различаются в значении. Если единицы различаются только грамматической семантикой (прилагательное и существительное *больной*), то их, на наш взгляд, логичнее размещать в рамках одной статьи (разумеется, снабдив каждый случай соответствующими грамматическими пометами), как это предлагал делать Л. П. Крысин со словом *аляфуриет* (см. выше), поскольку для рядового носителя языка в этих единицах больше сходства, чем различия (полагаем, что читатель толкового словаря интересуется в первую очередь лексической семантикой, а грамматическая информация имеет для него второстепенное значение, посему разница только в грамматическом значении для него значительно менее существенна, чем сходство в лексической семантике). В этом случае, однако, в предисловии к словарю необходимо указать, что статья не всегда точно соотносится с отдельным словом (что в одной статье могут рассматриваться единицы, являющиеся разными словами в языке, а не только значения одного слова).

В круг нашего рассмотрения в данной работе подобные случаи не попадают, поскольку, как было отмечено во «Введении», мы анализируем только те омонимичные пары (ряды), в которых все члены являются существительными. Однако, как было доказано выше, применительно к практике составления толковых словарей случаи «межкатегориальной омонимии» должны рассматриваться на

⁸¹ Крысин Л. П. Слово в современных текстах и словарях. Очерки о русской лексике и лексикографии. М., 2008. С. 111.

⁸² Гак В. Г. Об относительности лексикологических категорий в лексикографии // Проблемы учебной лексикографии и обучения лексике. М., 1978. С. 14—15.

общих основаниях со случаями омонимии «внутрикатегориальной», для работы с которой мы как раз и попытаемся выработать определённые рекомендации.

Рассмотрим теперь вопрос лексической семантики, различие в которой является, по нашему мнению, конституирующим для понятия «лексическая омонимия» (как это следует из только что приведённых рассуждений).

Разногласия исследователей относительно содержания термина «омонимия» могут касаться слов с разным грамматическим значением, однако все они единодушны в том, что полное несовпадение в собственно лексической семантике слова совершенно точно сигнализируют об омонимии (что лишний раз доказывает важность именно этого критерия, критерия лексико-семантического, на фоне грамматической семантики, даже если считать последний актуальным). Иными словами, есть исследователи, которые признают «лексический» критерий и не признают «грамматический», но нет таких, которые признавали бы «грамматический» и не признавали бы «лексический».

Однако здесь камнем преткновения является вопрос о том, достаточен ли сам факт семантического неравенства единиц для констатации омонимии (и в этом случае синонимом к термину «омоним» может выступать слово «неоднозначность») или же это должна быть неоднозначность особого качества, или, если угодно, «количества»?

В последнее время, в связи с развитием различных направлений прикладной лингвистики, в частности автоматической обработки текстов, теории и практики машинного перевода и др., термины «омонимия» и «омоним» всё чаще начинают пониматься именно в первом из указанных смыслов, как синоним неоднозначности, то есть понятие полисемии нивелируется и таким образом включается в более общее понятие омонимии. На эту тенденцию указывают авторы монографии «Многозначность и омонимия»⁸³, а также А. И. Головня, которая отмечает, что «при попытках формализовать снятие омонимии (например, для автоматической

⁸³ Арсеньева М. Г., Строева Т. В., Хазанович А. П. Многозначность и омонимия. Л., 1966. С. 10.

обработки текстов) понятия полисемии и омонимии отождествляются и применяется одна и та же методика для разграничения и омонимов, и полисемантических лексем»⁸⁴, и называет при этом имена таких учёных, как Н. А. Пащенко, В. С. Чернявский, Е. П. Федоров. Именно под таким углом зрения, предполагающим выбор значения конкретного графического фрагмента из числа возможных, рассматривает проблему омонимии в машинном переводе Л. Н. Иорданская, в качестве примеров приводя, правда, случаи, которые могут быть отнесены к омонимии в традиционном, то есть более узком смысле этого слова (например, фрагмент *угл-* в словоформах *угля* и *угла*)⁸⁵.

В сборнике «Русское семантическое словообразование» большинство авторов термином «омоним» называет то, что традиционно называется значением слова, лексико-семантическим вариантом и т. д. Так, Б. И. Осипов пишет: «...наличие связи между разными значениями одного и того же фонетического комплекса не является достаточным основанием для оценки этого комплекса как одного и того же слова в разных значениях, вариантах и т. п.»⁸⁶. См. также статьи Д. И. Арбатского «Беспредложные падежи имён существительных с процессуальным значением и семантическое словообразование»⁸⁷, И. Э. Еселевич «Семантическое словообразование и категория собирательности»⁸⁸, Э. В. Марковой «Семантический способ образования имён со значением орудия действия в русском языке»⁸⁹ и др.

Однако более традиционным и распространённым (особенно в лексикографии) является мнение, согласно которому омонимами называются только такие единицы, которые не просто не равны друг другу по лексической семантике,

⁸⁴ Головня А. И. Омонимия как системная категория языка. Минск, 2007. С. 11—12.

⁸⁵ Иорданская Л. Н. К способам различения омонимии языковых элементов при машинном переводе // Питання прикладної лінгвістики. Тези доповідей міжвузівської наукової конференції 22—28 вересня 1960 року. Видання Чернівецького державного університету, 1960. С. 101—102

⁸⁶ Осипов Б. И. О лексикографической интерпретации семантического словообразования // Русское семантическое словообразование. Ижевск, 1984. С. 132.

⁸⁷ Там же. С. 142—149.

⁸⁸ Там же. С. 50—71.

⁸⁹ Там же. С. 72—83.

но и вообще не имеют лексико-семантических пересечений. Так, О. С. Ахманова писала: «...в современной советской лексикографии нет работ, которые ставили бы под сомнение возможность для слова иметь несколько значений»⁹⁰. Анализируя воззрения К. А. Левковской, которая определяет омонимы как раз в широком смысле (как неоднозначные единицы), авторы статьи «Об омонимии слов» отмечают, что «такое неполное и одностороннее определение омонимов не вносит ясность в данный вопрос»⁹¹. Также в качестве обязательного компонента в структуре определения термина «омоним» указание на полное отсутствие семантических связей вводят в своих определениях этого понятия Л. А. Булаховский⁹², П. А. Соболева⁹³, И. С. Тышлер⁹⁴, Ю. Д. Апресян⁹⁵, Д. Н. Шмелёв⁹⁶ и др.

Соглашаясь с тем, что в отдельных (в первую очередь — компьютерно-прикладных) областях лингвистики понимание омонимии как неоднозначности при идентичности формы может быть оправданным и полезным, в рамках нашего исследования мы придерживаемся традиционной точки зрения, признавая в качестве самостоятельных явлений омонимию и полисемию и констатируя наличие/отсутствие семантических связей в качестве основного различия этих двух явлений. Опирается подобное мнение как на фундаментальные лексикологические разработки в области семантики, так и на традиционную практику подачи материала в толковых словарях, которая, если и может быть подвержена каким-то изменениям, то точно не таким радикальным (см. разбор воззрений по этому вопросу А. А. Потебни и Д. Н. Ушакова на с. 10).

⁹⁰ Ахманова О. С. Очерки... С. 90.

⁹¹ Искоз А. М., Линкова А. Ф. К вопросу об омонимии слов // Труды Ленинградского государственного библиотечного института им. Н.К. Крупской. Л., 1963. Т. 10. С. 98.

⁹² Булаховский Л. А. Введение в языкознание. Ч. 2. М., 1953. С. 48.

⁹³ Соболева П. А. Словообразовательная полисемия и омонимия. М., 1980. С. 81.

⁹⁴ Тышлер И. С. Словарь омонимов современного английского языка. Саратов, 1963. С. 12.

⁹⁵ Апресян Ю. Д. Избранные труды. Т. 1. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1995. С. 116.

⁹⁶ Шмелёв Д. Н. Современный русский язык. Лексика. Учебное пособие для студентов... М., 1977. С. 77—78.

Итак, мы рассмотрели все возможные варианты комбинаций с точки зрения формы и содержания слов, выявили существенное и несущественное для определения омонимии с точки зрения и формы, и содержания, однако до сих пор речь шла только о начальных формах слов, всего лишь об одной из форм в той или иной парадигме, но мы не учитывали того, что совпадение начальных форм слов не обязательно означает, что будут совпадать все остальные формы (например, *лист*¹ — *лист*², но *листы* — *листья*) или хотя бы какие-то ещё (скажем, глагол *печь* и существительное *печь*). С другой стороны, при несовпадении начальных форм могут быть обнаружены совпадения в других частях парадигмы (к примеру, инфинитив *пил* — существительное *пила*, но *девочка пила* (пр. вр., ж. р.) — *острая пила* (ед. ч., И. п.)).

Вообще говоря, данная проблема в рамках настоящего исследования не ставится, поскольку словарные статьи составляются по одной, заглавной, форме (вокабуле), и, таким образом, для составителя словаря имеет принципиальное значение только то, совпадает ли именно эта форма (в нашем случае — форма И. п. ед. ч. или мн. ч., если это *pluralia tantum*). Потому этого вопроса мы коснёмся, лишь в общих чертах обозначив имеющиеся тенденции.

В связи с наличием указанной ситуации, когда слова совпадают только частями своих парадигм (причём далеко не всегда большими частями), группа терминов, посвящённых омонимии, пополнилась ещё одной единицей — термином «омоформа», однако единства среди учёных относительно содержания и этого термина нет. В. В. Виноградов предлагал называть омонимами только те слова, которые совпадают во всех своих формах⁹⁷. В случае же несовпадения отдельных форм мы уже имеем дело с омоформами. В таком же смысле употреблял этот термин М. В. Панов⁹⁸.

⁹⁷ Виноградов В. В. Об омонимии и смежных явлениях // Вопросы языкознания. 1960. № 5. С. 13.

⁹⁸ Панов М. В., Сабаткоев Р. Б. Русский язык. Лексика. Фонетика. Теория письма. Морфология : Учеб. пособие... Л., 1982. С. 18.

Иное толкование этого термина мы находим в «Лингвистическом энциклопедическом словаре», где под «омоформами» понимаются «совпавшие отдельные формы слов». Исходя из «внутренней формы» термина, а также из специфики самого явления, на наш взгляд, термин «омоформа» лучше применять по отношению к отдельным формам, называть им «омонимичные формы», в то время как для того понятия, которое В. В. Виноградов предлагал называть этим словом, лучше подходят такие термины, как «неполная» или «частичная» омонимия (термины могут использоваться и как синонимичные, и как обозначающие разные реалии в том случае, если, например, требуется отделить ситуации, когда совпадают не все формы, но большинство, от ситуаций, когда совпадают лишь некоторые формы, составляя меньшинство). Термин же «омонимы» мы, вслед за И. С. Тышлером, понимаем в этом отношении довольно широко, как «слова... совпадающие... во всех своих формах или только в части своих форм»⁹⁹.

Напоследок заметим, что класс под названием «омоформы» весьма неоднороден. Так, совпадать могут формы одного слова, одной парадигмы, отличающиеся одним словоизменительным признаком (к *траве* — на *траве*), отличающиеся несколькими словоизменительными признаками (*длинной тени* — *длинные тени*), формы разных слов одной части речи (*раба* (м. р., Р. п.) — *раба* (ж. р., И. п.)), формы слов разных частей речи в начальных формах (глагол *течь* — существительное *течь*), формы слов разных частей речи не в начальных формах (*стальных пил* — *пил воду*) и пр. Однако к нашему исследованию подобная таксономия отношения не имеет.

Таким образом, в качестве рабочего мы принимаем следующее определение: омонимы — это слова, не имеющие ничего общего в своих лексических значениях, начальные формы которых являются одинаковыми по своей фонетической и графической форме.

Приняв данное определение в качестве рабочего, сделаем ещё несколько важных замечаний технического плана.

⁹⁹ Тышлер И. С. Словарь омонимов современного английского языка. Саратов, 1963. С. 12.

В «Предисловии» к «Словарю омонимов» О. С. Ахмановой содержится очень важное уточнение понятия «омоним» и сделан очень правильный, на наш взгляд, акцент: «...омонимы и омонимия конституируются наличием определённого отношения. Иными словами, нельзя говорить об омониме, т. е. характеризовать то или другое слово в отдельности как омоним. Можно только говорить об омонимах как о разных словах...»¹⁰⁰.

В связи с этим сразу оговорим один технический момент: в будущем, когда мы будем говорить, что 'X' и 'У' являются омонимами, мы тем самым будем автоматически постулировать наличие двух слов, имеющих значения 'X' и 'У', даже если изначально речь шла об одном слове, содержащем значения 'X' и 'У'.

Кроме того, наряду с омонимическими парами (*брак* 'изъян' и 'замужество') довольно часто имеют место целые омонимические ряды (*мат*: 'положение в шахматах', 'особое покрытие', 'ругань', 'матрас'). В рамках данной работы, независимо от того, сколько в конкретном случае мы имеем омонимов, для удобства мы будем пользоваться одним словом — «ряд».

§ 2. К вопросу о классификации омонимов

Среди комплекса проблем, связанных с омонимией, которые существуют в настоящее время, А. И. Головня отмечает также «отсутствие единых классификаций»¹⁰¹. И, на наш взгляд, обусловлено это в первую очередь отсутствием единой общепринятой терминологии (этой проблеме был посвящён предыдущий параграф). Кроме того, что омонимы, как бы широко или узко ни понимался этот термин, могут быть в принципе классифицированы по причинам возникновения омонимии, по структурной сложности, по частеречной отнесённости и пр., ситуация осложняется ещё и тем, что, чем сильнее расширяется понимание «омонима», тем больше возникает дополнительных к указанным параметрам для классификации.

¹⁰⁰ Ахманова О. С. Словарь омонимов русского языка. М., 1976. С. 4.

¹⁰¹ Головня А. И. Омонимия как системная категория языка. Минск, 2007. С. 6.

В рамках данного исследования мы не имеем возможности сделать полный или хотя бы более или менее основательный обзор классификаций, которые предлагались разными отечественными и зарубежными учёными (к тому же, нельзя сказать, что наличие «идеальной» классификации как-то облегчило бы нам поиски решения нашей проблемы). Тем не менее, некоторые классификации, а также тенденции в решении этой проблемы мы считаем нужным осветить.

Одной из первых попыток классифицировать омонимию и схожие с ней явления является классификация (пусть и довольно «обрывочная»), предложенная Л. А. Булаховским ещё в 1928 г. В своей статье «Из жизни омонимов» он выделяет омонимы, 1) относящиеся к одной морфологической категории (*ключ от замка* и *ключ речной*) и к разным (существительное и глагол *стекло*); 2) производные (*засыпать крепким сном* и *засыпать землёй*) и непроизводные (числительное и глагол *три*). Кроме того, он отмечает, что «учёту подлежит также, относятся ли омонимы к близкой или удалённым сферам понятий и эмоций»¹⁰².

В классификации Л. Дюровича ведущим является критерий выраженности/невыраженности различий между единицами в грамматическом оформлении (так, в группу с грамматически выраженными различиями попадают, например, такие единицы, как глагол и существительное *стекло*, *ему везёт* и *он везёт* и пр.; а в другую группу — *баба*, *перо*, *бабочка* и т. д.)¹⁰³.

Одними из наиболее обстоятельных в отечественной лексикологии, пожалуй, являются классификации, предложенные Н. П. Колесниковым в «Предисловии» к «Словарю омонимов»¹⁰⁴ и А. Г. Щепиным в его статье «Характеристика омонимов в плане фонетического и лексико-грамматического членения речи»¹⁰⁵.

В первой из них рассматриваются все возможные комбинации из разных значений четырёх параметров: «совпадение произношения», «совпадение написания», «несовпадение грамматического значения», «несовпадение

¹⁰² Сб. «Русская речь». Т. 3. Л., 1928. С. 49.

¹⁰³ Durovič L. Homonyma v slovníku / L. Durovič // Lexikografický Sborník. Bratislava, 1953. P. 63—82.

¹⁰⁴ Колесников Н. П. Словарь омонимов русского языка. Тбилиси, 1978. С. 7—8.

¹⁰⁵ Учёные записки Читинского гос. пед. ин-та. Чита, 1963. Вып. 9. С. 156—163.

лексического значения». В итоге получается девять классов единиц, среди которых выделены омонимы «абсолютные» (те, у которых совпадают и написание, и произношение) и «относительные» (те, у которых хотя бы один из этих признаков не совпадает).

Однако приведённые в этой классификации параметры классифицирования далеко не единственные, по которым может проводиться группировка, и внутри многих групп могут быть дополнительно выделены подгруппы, что осуществлено в другой указанной классификации, выполненной А. Г. Щепиным.

Рассматривая массив неоднозначных в широком смысле (т. е. не только омонимичных) единиц, исследователь, наряду с группой слов, отличающихся предметно-логической отнесённостью (*тяжёлая ноша — тяжёлая болезнь*) (которые мы квалифицируем как многозначные), а также свободных сочетаний и омонимичных им фразеологических выражений (вроде *умыть руки*), выделяет три группы собственно омонимических единиц.

В отличие от Н. П. Колесникова, А. Г. Щепин не рассматривает в качестве основополагающего критерий графической формы, потому и групп получается меньше: это 1) слова, разные только по лексическому значению (*кулак руки — кулак на селе*); 2) слова, разные и по лексическому, и по грамматическому значениям (глагол и существительное *печь*); 3) слова, отличающиеся только по грамматическому значению (*платье красиво — красиво одеваться*). Далее, в первой группе, производится дополнительное разделение ещё по двум параметрам — этимологическому (из одного источника произошли слова или из разных) и по морфологическому (производные или непроизводные); кстати, примечательно, что случаи типа *часовой на посту — часовой механизм* отнесены именно к первой группе, а не к группе с разными грамматическими значениями, то есть общекатегориальное (частеречное) грамматическое значение в данном случае не учитывается.

Однако, даже эта, казалось бы, полнейшая классификация может быть существенно дополнена. Так, например, внутри подгруппы производных слов могут быть выделены подгруппы следующего уровня, в зависимости от того, что является

источником общей омонимии — омонимия аффиксов или омонимия основ (как это сделано, например, в «Словаре омонимов» О. С. Ахмановой¹⁰⁶). В свою очередь, группа «омонимия» аффиксов может быть разбита на подгруппы «омонимия приставок» и «омонимия суффиксов» и пр.

То же самое можно сказать и о подгруппе «омонимы, возникшие из разных источников», которая также может быть детализирована и представлена разными подгруппами. Нечто подобное сделано в учебнике Л. И. Рахмановой и В. Н. Суздальцевой¹⁰⁷, однако и здесь приведена далеко не полная картина.

А. И. Головня, подводя итог сказанному по вопросу классификаций омонимов, отмечает: «Если суммировать известные классификации омонимии, то все они основаны на корреляции между формой (звуковой и графической) и содержанием лингвистического знака и представляют собой объединение и сопоставление разноплановых признаков. Но омонимия — прежде всего семантическое явление языка. Принадлежность к ней определяется разными значениями на одном из уровней, что требует, прежде всего, семантической классификации омонимов»¹⁰⁸.

На наш взгляд, сам замысел создания единой, комплексной, универсальной классификации омонимов, во-первых, несколько утопичен, во-вторых, едва ли целесообразен. В каждом конкретном случае, в зависимости от задач исследования, бывают необходимы разные, по разным принципам произведённые группировки тех или иных единиц. Что касается конкретно нашего исследования, то мы, провозглашая в качестве доминанты лексико-семантический компонент, полностью соглашаясь с только что приведённым мнением А. И. Головни, считаем целесообразным создать классификацию, которая, пусть опосредованно, соотносилась бы с лексической семантикой рассматриваемых единиц, а таковой, на наш взгляд, может явиться классификация лексических омонимов по принципу

¹⁰⁶ Ахманова О. С. Словарь омонимов русского языка. М., 1976. С. 6—7.

¹⁰⁷ Современный русский язык. Лексика. Фразеология. Морфология. Учеб. для студентов вузов, обучающихся по направлению и специальности «Журналистика». М., 2003. С. 72—73.

¹⁰⁸ Головня А. И. Омонимия как системная категория языка. Минск, 2007. С. 19.

причин возникновения омонимии (в определённом смысле слова «этимологическая» классификация), которая будет представлена в третьей главе настоящей работы.

§ 3. Критерии разграничения омонимии и полисемии. История вопроса

3.1. Общие замечания. История рассматриваемого вопроса только в отечественной лингвистике насчитывает уже несколько веков. Так, В. В. Виноградов отмечает, что в отечественном языкознании изучение проблемы омонимии было начато в XVI—XVII вв.¹⁰⁹ Можно сказать, что началом серьёзной разработки этого вопроса (причём изначально — практической, лексикографической разработки) можно считать рубеж XVIII и XIX вв., когда стали создаваться масштабные толковые словари (первым из которых стал «Словарь Академии Российской», издававшийся в 1789—1794 гг.) и их составители на практике столкнулись с рассматриваемой проблемой. Подробный обзор того, как решалась эта проблема в толковых словарях, вышедших в XIX в., содержится в статье Л. Л. Кутиной «Омонимы в толковых словарях русского языка»¹¹⁰. Не будем повторять всех положений этой работы, скажем лишь, что в большинстве толковых словарей XIX в. принципа какого-то последовательного и строгого разграничения омонимов и многозначных слов не существовало и составители в большинстве случаев опирались на свою языковую интуицию, оценивая семантическую дистанцию между значениями. И только в Словаре Я. К. Грота — А. А. Шахматова последовательно проведён «генетический» принцип (согласно которому омонимами признаются только слова разного происхождения), от которого впоследствии почти все исследователи и лексикографы-практики отказались.

Основная часть теоретических воззрений на данный вопрос была сформирована в отечественной лингвистике уже в советский период. Число предлагавшихся разными исследователями критериев необычайно велико, и если

¹⁰⁹ Виноградов В. В. Об омонимии и смежных явлениях // Вопросы языкознания. 1960. № 5. С. 3.

¹¹⁰ Лексикографический сборник. 1957. Вып. 2. С. 54—65.

взглянуть на эту «картину мнений», то перед нашим взором предстанет необычайно пёстрое полотно.

Тем не менее, если попытаться как-то классифицировать предлагавшиеся критерии, то можно условно говорить о наличии трёх групп. В первую входят критерии, так или иначе (о конкретных способах подробнее будет сказано ниже) связанные с эксплицитным характером, формальной выраженностью дифференциальных признаков (при этом выражены они могут быть как в самом слове, так и за его пределами). Вторую группу составляют имплицитные, собственно семантические подходы. Наконец, особняком от первых двух групп стоит третий подход, который условно можно назвать «генетическим», или «историко-этимологическим» (о нём уже упоминалось выше). С него мы и начнём наш обзор. При этом сразу скажем, что, несколько отступая от традиции, располагать материал в этой главе мы будем не по хронологическому принципу (в порядке его появления), а по тематическому, рассматривая не «период за периодом», а «подход за подходом». На наш взгляд, такая логика рассмотрения должна способствовать формированию более ясного и комплексного видения проблемы и лучше отвечает нашим задачам.

Однако перед тем как приступить к обзору возможных критериев, мы считаем нужным осветить ещё одну проблему, которая непосредственного отношения к вопросу о разграничении омонимов и полисемантов не имеет, но нередко поднимается, когда говорят об омонимии в целом, и занимает заметное место в истории изучения омонимии как явления. Это проблема «омонимического конфликта».

3.2. Теория омонимического конфликта и представление об омонимах как о «патологии» языка. Существует убеждение, что омонимы представляют собой серьёзную опасность как для тех, кто изучает язык, так и для тех, кто им уже владеет, что омонимы есть некое отклонение от языковой системы, в отличие от многозначных слов, которые признаются «законным» и органическим в языке явлением. По словам А. А. Реформатского, это «досадное неразличение того, что

должно различаться»¹¹¹, А. Н. Гвоздев в «Очерках по стилистике русского языка» (1952) называл омонимы «дефектом языка»¹¹², составитель одного из двух наиболее известных словарей омонимов русского языка Н. П. Колесников был ещё более категоричным и, не ограничиваясь теоретической критикой этого явления, предлагал конкретные практические меры, считая целесообразным «установить ряд таких ограничений, которые перекрыли бы все пути проникновения в словарный состав языка любых словесных знаков с новым значением, если в языке уже имеется аналогичный знак...»¹¹³. Чуть менее категорична Е. Б. Никифорова, отмечающая, что «в языке перманентно действуют две разнонаправленные тенденции: к разрушению омонимических пар и к их появлению». При этом, коль скоро процесс возникновения омонимов случаен, язык, по мнению Е. Б. Никифоровой, стремится избавиться от подобных «случайных» единиц и использует для этого все свои ресурсы¹¹⁴.

Подобная точка зрения (согласно которой язык борется с омонимами) получила в науке название «теория омонимического конфликта». Возникновение и развитие на западе этой теории рассмотрено И. С. Тышлером в предисловии к «Словарю омонимов». Основоположником данного направления считается Ж. Жильерон и его работа «Патология и лечение слов» (1915—1921) (само название которой красноречиво свидетельствует о воззрениях автора). Среди ученых, которые рассматривали омонимию с точки зрения той же теории (либо с позиций ее критики, либо, наоборот, поддержки) называются такие ученые, как Е. Хемкен, Ж. Оффе, В. Обердофер, Ф. Тайхерт, Э. Уильямз, Ф. Холтхаузен, Р. Бриджес, Г. Ципф, О. Эмерсон, Б. Трнка, Ф. Лаунсбери, О. Есперсен, Е. Дайк, Д. Джегер, Р. Меннер, С. Поттер и др.¹¹⁵.

¹¹¹ Реформатский А. А. Введение в языковедение. М., 1967. С. 89.

¹¹² Цит. по: Колесников Н. П. Словарь омонимов русского языка. Тбилиси, 1978. С. 9.

¹¹³ Там же. С. 10.

¹¹⁴ Никифорова Е. Б. Семантическая эволюция лексической системы русского языка: тенденции, векторы, механизмы. Волгоград, 2008. С. 32.

¹¹⁵ Тышлер И. С. Словарь омонимов современного английского языка. Саратов, 1963. С. 59—68.

В целом более характерная для западной лингвистики, идея патологии омонимии в языке, необходимости её «лечения» (выражаясь словами Жильерона), конфликта омонимичных форм не чужда и отечественному языкознанию. Помимо приведённых выше выдержек из трудов советских учёных, можно также указать на то, что некоторые видные представители российской филологии XIX в. также видели в омонимах угрозу. Об этом писал Л. А. Булаховский, отмечая, что Н. И. Греч 10 страниц своей «Грамматики» посвятил перечислению разного рода омонимичных единиц, «по-видимому усматривая в них нечто такое, что следует учесть, продумать, без уразумения чего овладение языком не будет достаточным», а А. Х. Востоков предостерегал против омоморфем, рекомендуя употреблять *ою*, *ею* в формах вроде *юношею*, чтобы отличать их от форм мн. ч. Р. п. (*юношей*)¹¹⁶. Сам Булаховский, однако, подобного подхода к омонимам не разделяет и утверждает следующее: «...тем или другим образом в языке омонимы скопляются, и это делу не вредит; омонимы — такие же законные дети языкового творчества, как и все остальные»¹¹⁷.

Нельзя утверждать, что сторонники рассматриваемой теории не имеют весомых аргументов в её пользу и исходят лишь из умозрительных положений, согласно которым язык — идеальная знаковая система, которая не терпит нарушений своих законов. Так, И. С. Тышлер приводит ряд примеров из английского языка, когда дивергенция значений слов и превращение слов в омонимы подкреплялись орфографической дифференциацией: *tun* ‘большая бочка’ и *ton* ‘тонна’ из изначального *tonne*; *story* ‘рассказ’ и *storey* ‘этаж’ из изначального *story* и др.¹¹⁸ Касается этого момента Тышлер и в статье «К вопросу о судьбе омонимов», где фиксирует некоторые случаи, когда один из омонимов в результате «конфликта» был утрачен, однако там же замечает, что «подобных случаев в

¹¹⁶ Булаховский Л. А. Из жизни омонимов // Сб. «Русская речь». Т. 3. Л., 1928. С. 47.

¹¹⁷ Там же. С. 48.

¹¹⁸ Тышлер И. С. Словарь омонимов современного английского языка. Саратов, 1963. С. 38—41.

истории английского языка очень немного» и что «омонимию нельзя рассматривать как “пагубную” силу»¹¹⁹.

Этой же связанной с теорией омонимического конфликта проблеме — исчезновения или сокращения сфер использования одного из омонимов — посвящена работа E. R. Williams «The conflict of homonyms in English», в которой, в частности, указывается на то, что слово *gate* из двух существовавших у него значений сохранило только одно (в литературном языке — ‘ворота’, в некоторых диалектах — ‘путь’), что язык не принял такого положения вещей, при котором одним и тем же звуковым комплексом называются два разных объекта, и разными способами устранил эту неоднозначность¹²⁰.

Аналогичные процессы, происходившие в русском языке (прежде всего, на ранних этапах его развития), описывают Т. А. Воронцова в статье «Южнославянские и русские огласовки как средство противопоставления омонимических значений»¹²¹ (статья посвящена тому, как писцы в период XI—XIV вв. старались графически дифференцировать расходящиеся («омонимичные») значения) и В. В. Колесов в статье «Исторические основания многозначности слова и лингвистические средства ее устранения»¹²². Однако Колесов отмечает, что «язык восстал против многозначности» (понимаемой широко), а не против одной омонимии и стал использовать для размежевания значений акцентологию (губа — губа), фонетику (голова — глава), словообразование (белота — белизна — белость).

Большинство же отечественных лингвистов относит омонимию к обычным языковым явлениям, не препятствующим нормальному общению, функционированию языка и не считают омонимы чем-то всерьёз угрожающим языку как системе. Так, О. С. Ахманова, соглашаясь с тем, что «омонимия является нарушением “закона знака”»¹²³, полагает, что «отсюда не следует вывод, что

¹¹⁹ Вопросы языкознания. 1960. № 5. С. 81.

¹²⁰ Williams E. R. The conflict of homonyms in English // Yale Studies in English. London, 1944. Vol. 100. P. 68.

¹²¹ Русское семантическое словообразование. Ижевск, 1984. 127—130.

¹²² Там же. С. 24—27.

¹²³ Ахманова О. С. Очерки... С. 110.

омонимия представляет собой вообще “патологию”, требующую “терапии”¹²⁴. В. П. Тимофеев считает, что «омонимия... не проблема языка и тем более не проблема речи»¹²⁵, А. Г. Щепин пишет о том, что «омонимичность в преобладающем большинстве случаев не становится речевой действительностью» из-за процессов нейтрализации, или «деомонимизации» (термин Н. П. Колесникова)¹²⁶.

Очень убедительное доказательство в пользу «непорочности» и даже полезности омонимии приводит А. Т. Липатов, отмечая факт «омоакранимизации», когда «аббревиатуры при их создании сознательно подгоняются под узуальные лексические единицы, становясь таким образом “запланированными омонимами”»¹²⁷ (например, *СИРЕНА* — *система резервирования билетов на авиалиниях*). «Жизнеспособность» и даже «оправданность» омонимии отмечает и Л. Горалик¹²⁸.

И. С. Тышлер отмечает, что, благодаря работам таких учёных, как Дайк, Уильямз, Меннер, и в зарубежной лексикологии «роль омонимии в архаизации и исчезновении слов из английского языка стала оцениваться более осторожно»¹²⁹.

Таким образом, несмотря на действительно имеющие место факты утраты одного из слов вследствие «конфликта» с его омонимом, против идеи «порочности» омонимии говорят сразу несколько доказательств: 1) имеет место формальная дифференциация не только омонимов, но и значений многозначного слова (однако многозначность на этом основании «патологией» никто не признаёт); 2) факты исчезновения одного из омонимов в омонимическом ряду единичны, между тем как факты «безболезненного» сосуществования омонимов многочисленны; 3) в языке постоянно (а иногда и намеренно) появляются новые омонимы.

¹²⁴ Там же. С. 109.

¹²⁵ Тимофеев В. П. Исходная (словарная) форма слова в русском языке. Свердловск, 1971. С. 107.

¹²⁶ Щепин А. Г. Характеристика омонимов в плане фонетического и лексико-грамматического членения речи // Учёные записки Читинского гос. пед. ин-та. Чита, 1963. Вып. 9. С. 166.

¹²⁷ Липатов А. Т. Семантические аспекты проявления русской омонимии на разных языковых уровнях. Л., 1990. С. 36—37.

¹²⁸ Цит. по: Соколов О. М. Вопросы структурно-семантической дивергенции в лексике. Нежин, 2009. С. 89.

¹²⁹ Тышлер И. С. Словарь омонимов современного английского языка. Саратов, 1963. С. 67—68.

Пожалуй, некое подобие конфликта действительно имеет место тогда, когда возникает реальное неудобство в процессе коммуникации (как в случае со словом *gate*, поскольку такие объекты, как *ворота* и *путь, дорога* довольно близки в тематическом плане, а стало быть, количество речевых ситуаций, в которых слово *gate* может быть понято сразу в обоих смыслах (то есть не происходит нейтрализации) весьма велико). Аналогичный пример приводит и Р. Якобсон: дирекция берлинского телефонного управления изменила звучание числительного *zwei* на *zwou*, чтобы избежать смешения с *drei*¹³⁰. Иными словами, различаться по форме должно только то, что является неудобным, когда не различается, а подобное мы можем сказать далеко не о каждом случае омонимии.

3.3.1. Историко-этимологический (генетический) метод разграничения омонимии и полисемии. Рассмотрев теорию, которая прямого отношения к нашей проблеме не имеет, но занимает важное место в истории изучения омонимии в целом, откроем обзор подходов собственно к разграничению омонимов и полисемантов с метода, который, с одной стороны, является очень ясным и чётким и применение которого даёт однозначный ответ (на вопрос «Одно многозначное слово или несколько слов-омонимов?») в 99 % случаев, а с другой стороны, вызывает сомнения с точки зрения «легитимности» его использования именно в данном вопросе и резкую критику большинства учёных.

Сразу отметим, что появление этого метода в каком-то смысле предопределено самой природой явления омонимии. Если омонимия — это совпадение того, что не должно бы совпадать, то есть совпадение в каком-то смысле случайное, то в качестве решения вопроса границ омонимии и полисемии естественным выглядит отграничение случайных совпадений от тех, которые случайными назвать нельзя, которые лишь «кажутся» случайными.

Начало весьма жарким дебатам в отечественной лексикологии, посвящённым анализируемому вопросу, положила статья В. И. Абаева «О подаче омонимов в

¹³⁰ Якобсон Р. В поисках сущности языка // Семиотика. М., 1983. С. 112.

словаре»¹³¹, которая, в свою очередь, явилась реакцией на резкое увеличение в толковых словарях числа омонимов, появившихся вследствие распада семантического тождества слова, на базе развившейся полисемии (О. Н. Трубочёв, разделявший взгляды В. И. Абаева и также отстаивавший в своих трудах историко-этимологический подход, позднее писал, что «постулируемая современными лексикографами омонимия, от которой без преувеличения рябит в глазах при чтении словарей, часто не подтверждается и с историко-этимологической стороны»¹³²).

Приведём некоторые, весьма показательные, выдержки из этой статьи, которые, помимо того что дают представление о теоретических воззрениях автора, говорят также о степени убеждённости самого автора в своей правоте и его категоричности и принципиальности в данном вопросе: «Между этими двумя явлениями (омонимия и полисемия) нет... никаких переходных видов»; «Пускаться в безбрежное море полисемии, чтобы вылавливать там сомнительные омонимы, это значит отказаться от какой бы то ни было устойчивой... системы подачи омонимов в словаре»; «Нет ничего обманчивее впечатления разорвавшихся семантических связей»; «Особенность этого понимания [согласно которому омонимия может возникнуть на базе полисемии]... превращает проблему омонимии в зыбучий песок... Лексикограф, в его отношении к омонимам, уподобляется вышеупомянутой красавице, сердце которой склонно к измене и перемене, как ветер мая»; «Полисемия никогда не может стать омонимией и обратно» и пр. Называя рассуждения о разрыве семантического тождества слова «схоластическими», В. И. Абаев утверждает, что любое решение о разрыве семантических связей, принятое лексикографом, будет субъективным, в то время как единственный объективный путь решения проблемы — историческая лексикология. Помимо главного, собственно методологического, аргумента (обвинение в субъективности любых решений), В. И. Абаев указывает также и на то, что подобная трактовка может не соответствовать объективно существующему положению вещей:

¹³¹ Вопросы языкознания. 1957. № 3. С. 31—43.

¹³² Трубочёв О. Н. Этимологические исследования и лексическая семантика // Принципы и методы семантических исследований. М., 1976. С. 168.

«Значения, которые на первый взгляд кажутся полностью обособившимися, могут... в определённом контексте “вспоминать” о своём родстве и близости и неуловимо переходить одно в другое»¹³³.

Указанная статья послужила поводом к «Дискуссии по вопросам омонимии», которая состоялась в 1960 г. Центральным был вопрос о том, можно ли разошедшиеся значения одного слова считать значениями слов-омонимов или же критерий этимологического тождества/различия должен быть признан единственным. Сам Абаев, выступавший на этой дискуссии, кроме доводов, о которых писалось выше, привёл ещё один, который нам кажется заслуживающим особого внимания: он говорит о «познавательности» полисемии, в которой «отражаются практика и мышление народа», а «равнодушная рука синхрониста» означенную познавательность просто губит¹³⁴. Нельзя не согласиться с тем, что словарь должен обладать познавательной ценностью для читателя, но в то же время нельзя сводить назначение словаря только к обучению. В. В. Виноградов писал: «Толковые словари национального языка — могучее орудие культуры речи и вместе с тем продукт этой культуры»¹³⁵, — то есть тем самым отмечал две основных функции словаря: обучать и фиксировать, отражать существующее («быть продуктом»). В том же подходе, который предлагает Абаев, реализация первой функции предполагается в ущерб второй, поскольку, с одной стороны, читатель понимает, есть ли исторические причины, по которым один и тот же комплекс звуков имеет разные, очень далёкие, значения, или нет, но с другой стороны, в словаре будет отражено то, чего уже нет (то есть когда-то существовавшая семантическая связь между значениями). Концептуально соглашаясь с Абаевым, что степень «познавательности» статей, посвящённых омонимам и многозначной лексике, должна быть выше той, что имеем сейчас, мы видим более разумным всё

¹³³ Вопросы языкознания. 1957. № 3. С. 31—43.

¹³⁴ Дискуссия по вопросам омонимии... // Лексикографический сборник. 1960. Вып. 4. С. 75—76.

¹³⁵ Виноградов В. В. О некоторых вопросах теории русской лексикографии // Вопросы языкознания. 1956. № 5. С. 80.

же иной, менее радикальный подход, о котором скажем особо в § 4.1 нашей диссертации.

Мнение В. И. Абаева было поддержано также участвовавшими в «Дискуссии» И. Е. Аничковым¹³⁶, К. П. Авдеевым¹³⁷, В. Н. Сидоровым¹³⁸. Однако большинство выступавших высказалось против этимологического критерия или, как минимум, против его абсолютизации (В. М. Жирмунский¹³⁹, Л. Л. Кутина¹⁴⁰, А. А. Реформатский¹⁴¹, Ю. С. Сорокин¹⁴², А. К. Тимофеев¹⁴³, Ф. П. Филин¹⁴⁴). Суть всех аргументов может быть выражена словами С. И. Ожегова, также выступавшего на «Дискуссии»: «Может сопоставляться только сосуществующее»¹⁴⁵. Кроме того, Б. А. Ильиш отмечает, что не только одинаковое происхождение не может служить стопроцентным доказательством полисемии, но и разная этимология не обязательно свидетельствует об омонимии, и «отрицать подобные явления — значит навязывать современному языку отношения, которые были в прошлом, рассматривать язык сквозь призму прошлых столетий»¹⁴⁶.

Споры по этому вопросу продолжились в научной литературе. Так, О. В. Благовещенский в своей статье «Заметки об омонимах и их подаче в словаре»¹⁴⁷ пытается защитить позицию В. И. Абаева и выдвигает очень резонный аргумент против этой теории (с целью ответить на него контраргументом): «...распад многозначного слова на омонимы... — явление, очень близкое к деэтимологизации, наличие которой в языке не подлежит сомнению. Действительно, родство между словами *мех* и *мешок* совершенно не ощутимо в современном

¹³⁶ Дискуссия по вопросам омонимии... // Лексикографический сборник. 1960. Вып. 4. С. 69.

¹³⁷ Там же. С. 83.

¹³⁸ Там же. С. 80.

¹³⁹ Там же. С. 66.

¹⁴⁰ Там же. С. 45.

¹⁴¹ Там же. С. 89.

¹⁴² Там же. С. 65.

¹⁴³ Там же. С. 76.

¹⁴⁴ Там же. С. 60.

¹⁴⁵ Там же. С. 70.

¹⁴⁶ Там же. С. 92.

¹⁴⁷ Вопросы языкознания. 1973. № 6. С. 120—126.

русском языке»¹⁴⁸. Однако приводимый контраргумент как раз не выглядит убедительным: «В... примере *мѣх* + *ькъ* > *мешок* центр тяжести приходится на

материальный элемент — уменьшительный суффикс, в то время как в слове *славный* перенос значения... является творческим процессом, отражающим мировоззрение несметного числа создателей языка»¹⁴⁹. На наш взгляд, в обоих случаях есть одинаковые основания говорить о трансформации смыслов и значений, независимо от материальной выраженности последних.

В общем-то, в таком же смысле могут быть истолкованы слова Е. Б. Никифоровой: «...утрата ВФ [внутренней формы] ведёт к «приписыванию» слову новой ВФ, что неизбежно связано с развитием нового значения [курсив наш. — Д. К.]»¹⁵⁰.

И. С. Тышлер отмечает: «...в зарубежной англистике господствует взгляд на омонимы, как на слова, случайно совпавшие в своей звуковой оболочке. Омонимы же, явившиеся результатом расщепления многозначного слова, большинством авторов игнорируются или открыто отрицаются»¹⁵¹. На этот же факт обращает внимание и А. И. Головня, приводя имена таких учёных, как О. Эмерсон, Дж. Кеннеди, Дж. Джеггер и др., однако сама не разделяет эту точку зрения¹⁵².

Большинство отечественных лингвистов, если и признаёт этимологический критерий, то только в качестве вспомогательного к другим. К примеру, Л. А. Новиков утверждал, что «выделение омонимов в словаре должно опираться на смысловую структуру только того состояния (периода языка), которое им

¹⁴⁸ Указ. соч. С. 125.

¹⁴⁹ Там же.

¹⁵⁰ Никифорова Е. Б. Семантическая эволюция лексической системы русского языка: тенденции, векторы, механизмы. Волгоград, 2008. С. 32.

¹⁵¹ Тышлер И. С. Словарь омонимов современного английского языка. Саратов, 1963. С. 7—8.

¹⁵² Головня А. И. Омонимия как системная категория языка. Минск, 2007. С. 10.

отражается»¹⁵³, «нет омонимии “вообще” — есть только омонимия определённого “состояния” языка»¹⁵⁴, авторы монографии «Многозначность и омонимия» отмечают, что «противопоставление, не обнаруживаемое носителями языка, не является противопоставлением»¹⁵⁵. Аналогичных воззрений придерживались А. И. Смирницкий¹⁵⁶, Д. Н. Шмелёв¹⁵⁷, М. Д. Якубовская¹⁵⁸, Р. А. Будагов¹⁵⁹, Б. Н. Головин¹⁶⁰, А. М. Соколов¹⁶¹, авторы обзорной статьи «К обсуждению вопроса об омонимии»¹⁶², составители монографии «Многозначность и омонимия»¹⁶³ и др.

Мы солидарны с этой группой учёных, также считая, что словарь должен отражать состояние конкретного языка в конкретный период его развития и что семантические связи, имевшие место, но отсутствующие сейчас, не должны отражаться в толковом словаре, так же как не должны в нём отражаться, скажем, сильно устаревшие слова. Приведём в связи с этим слова Х. Касареса, который называл увлечение этимологией «профессионально гипертрофированным инстинктом»¹⁶⁴, «западней этимологического азарта»¹⁶⁵: «... для лексикографа не должно существовать того, чего не существовало в представлении собеседников в момент, когда они обменялись данным словом»¹⁶⁶.

¹⁵³ Семантика русского языка. Учеб. пособие для филол. спец. ун-тов. М., 1982. С. 107.

¹⁵⁴ Там же. С. 94.

¹⁵⁵ Арсеньева М. Г., Строева Т. В., Хазанович А. П. Многозначность и омонимия. Л., 1966. С. 5.

¹⁵⁶ Смирницкий А. И. К вопросу о слове (Проблема «тождества слова») // Труды института языкознания АН СССР. 1954. Т. 4. С. 45.

¹⁵⁷ Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики... М., 1973. С. 83—84.

¹⁵⁸ Якубовская М. Д. Тенденции процесса распада семантического тождества слова (на материале русского языка). М., 1976. С. 7.

¹⁵⁹ Будагов Р. А. Слово и его значение. Научно-популярный очерк. Л., 1947. С. 17—19.

¹⁶⁰ Головин Б. Н. Омонимы в современном русском литературном языке // Вопросы преподавания современного русского языка в вузе. Горький, 1960. С. 68.

¹⁶¹ Соколов О. М. Вопросы структурно-семантической дивергенции в лексике. Нежин, 2009. С. 45.

¹⁶² К обсуждению вопроса об омонимии (обзор статей, поступивших в редакцию) // Вопросы языкознания. 1959. № 2. С. 46.

¹⁶³ Арсеньева М. Г., Строева Т. В., Хазанович А. П. Многозначность и омонимия. Л., 1966. С. 129.

¹⁶⁴ Касарес Х. Введение в современную лексикографию. М., 1958. С. 46.

¹⁶⁵ Там же. С. 57.

¹⁶⁶ Там же. С. 48.

В то же время, игнорирование этимологических данных при составлении толкового словаря вовсе не означает того, что и при комплексном лексикологическом изучении омонимов этими данными стоит пренебрегать. В этом случае факты исторической лексикологии не только могут, но и должны использоваться. Аналогичного мнения придерживалась Н. Ю. Шведова, писавшая: «Не подкреплённое данными исторического изучения, всякое исследование вопросов омонимии... неизбежно сведётся к регистрации фактов, а попытки их объяснения будут основываться лишь на догадках и предположениях»¹⁶⁷. Анна А. Зализняк приводит многочисленные цитаты из трудов разных исследователей последних лет (В. А. Плунгян, Е. В. Урысон, Т. М. Николаева, Е. Э. Бабаева, О. Н. Трубачев и др.), основной посыл которых сводится к тому, что при изучении лексической семантики не только возможен, но и необходим комбинированный, синхронно-диахронный подход¹⁶⁸. О целесообразности синхронно-диахронного теоретического подхода писал и А. И. Смирницкий¹⁶⁹.

3.3.2. Различия в словоизменительных парадигмах. Обзор имеющихся в науке взглядов на разграничение омонимов и многозначных слов продолжим рассмотрением критериев, которые апеллируют к тем или иным формальным признакам, присущим омонимам и полисемантам, и первый из них — неидентичность словоизменительных парадигм, которую ряд учёных считает достаточным для констатации омонимии основанием, независимо от наличия семантического различия.

Одним из первых такую точку зрения выразил А. И. Смирницкий, писавший: «...особое, специальное лексическое значение у словоформы множественного числа, неизвестное в единственном числе (*ноты* ‘запись музыкального произведения’), может расщеплять каждую словоформу множественного числа на

¹⁶⁷ Шведова Н. Ю. К изучению омонимов // Доклады и сообщения филологического факультета МГУ. 1948. Вып. 6. С. 44.

¹⁶⁸ Зализняк Анна А. Многозначность в языке и способы ее представления. М., 2006. С. 392—395.

¹⁶⁹ Смирницкий А. И. К вопросу о слове (Проблема «тождества слова») // Труды института языкознания АН СССР. 1954. Т. 4. С. 45.

два омонима, вследствие чего получаются два слова, являющиеся частично омонимами...»¹⁷⁰.

Этой же точки зрения придерживался Л. А. Новиков в своих ранних работах: «...полная, устойчивая лексикализация, выражающаяся в утрате грамматического значения числа, может свидетельствовать о развитии омонимии не только при утрате смысловой связи форм (*хор/хоры I — /хоры II*), но и всего лишь при ослаблении ее (*час/часы I — /часы II*)...»¹⁷¹. Однако в более поздних трудах того же учёного мы обнаруживаем противоположное мнение: «...лексико-семантические варианты могут формально (грамматически) отличаться неполнотой форм у одного из ЛСВ, вызванной спецификой лексического значения одного из вариантов»¹⁷².

З. П. Данилова, считая такие лексические явления, как *зеленая молодежь*, *розовые мечты* и пр. фактами семантического словообразования, а не лексико-семантического варьирования, также опирается на формально-грамматические критерии (такие как отсутствие/наличие краткой формы, степеней сравнения и пр.)¹⁷³.

Вслед за А. И. Смирницким в качестве критерия омонимичности выдвигает словоизменительный (парадигматический) и Н. А. Кипиани, трактуя, к примеру, формы *окаменелость* и *окаменелости* как разные слова (потому что второе из них — *pluralia tantum*)¹⁷⁴. В своей статье «К о л е н о ‘сустав’ и его семантические производные в истории русского языка» М. В. Шульга на примере звукового комплекса *колени* (когда-то обладавшего семантической цельностью) показывает,

¹⁷⁰ Смирницкий А. И. Лексическое и грамматическое в слове // Вопросы грамматического строя. Сборник статей. М., 1955. С. 30.

¹⁷¹ Новиков Л. А. Омонимия имен существительных в современном русском литературном языке, возникающая в результате распада полисемии и связанная с категорией числа. М., 1961. С. 6.

¹⁷² Семантика русского языка. Учеб. пособие для филол. спец. ун-тов. М., 1982. С. 113.

¹⁷³ Данилова З. П. Адъективные образования от прилагательных со значением цвета // Русское семантическое словообразование. Ижевск, 1984. С. 112—117.

¹⁷⁴ Кипиани Н. А. О семантическом словообразовании в сфере имен существительных на —ость // Русское семантическое словообразование. Ижевск, 1984. С. 105—111.

как семантическая дивергенция может сопровождаться дивергенцией словоизменительных парадигм¹⁷⁵.

Среди исследователей, которые не разделяют подобных позиций, можно назвать имена И. С. Тышлера¹⁷⁶, а также П. А. Соболевой, которая категорично заявляет: «...лексикализация множественного числа, сопровождаемая образованием отдельного значения слова, не создаёт ни лексических, ни словообразовательных омонимов и не нарушает тождества слова»¹⁷⁷.

На наш взгляд, вопрос о тождестве слова в данном случае теоретически и практически снова должен решаться по-разному. Если исходить из общего представления о слове как о единстве формы и содержания, то в данном случае налицо факт отсутствия единства формы, а посему и об одном слове речь идти не может. С другой стороны, если мы назовём рассматриваемые случаи омонимии, нам, в любом случае, придётся вводить дополнительные терминологические обозначения, разграничивая такие явления, как *лес/леса (хвойный лес/хвойные леса)* — */леса (строительные леса)*, где имеется семантическая связь, с одной стороны, и *хор/хоры (школьный хор, соревнование хоров)* — */хоры (просторные хоры)*, где семантическая связь отсутствует, с другой.

Что же касается лексикографической практики, то, как уже было отмечено выше, для рядового носителя языка в случаях типа *лес/леса* — */леса* больше общего, чем различного («у плюратива развивается значение, определённым образом соотносящееся со значением исходного сингулятива»¹⁷⁸), потому, на наш взгляд, логичнее такого рода случаи размещать в рамках одной статьи, указывая дополнительные грамматические ограничения для второго значения.

3.3.3. Разные словообразовательные дериваты и различия в синтаксической и лексической сочетаемости. Вообще говоря, каждый из этих

¹⁷⁵ Русское семантическое словообразование. Ижевск, 1984. С. 29—43.

¹⁷⁶ Тышлер И. С. Словарь омонимов современного английского языка. Саратов, 1963. С. 44.

¹⁷⁷ Соболева П. А. Словообразовательная полисемия и омонимия. М., 1980. С. 173.

¹⁷⁸ Трейбал В. Морфологические средства выражения лексико-семантических вариантов имен существительных в русском языке. М., 1986. С. 13.

двух критериев мог бы быть проанализирован отдельно, но мы считаем целесообразным объединить их рассмотрение, поскольку, во-первых, зачастую одними и теми же исследователями эти два критерия предлагались в комплексе (к примеру, В. В. Виноградов указывает на то, что «ещё в первой четверти XIX в. И. Ф. Калайдович... выдвигал как основу разграничения омонимов (наряду с признаками грамматической разъединённости или несоединимости значений) различия в формах синтаксической сочетаемости... и в способах образования производных слов»¹⁷⁹), во-вторых, их введение аргументируется примерно одинаково, в-третьих, наши оценки каждого из них совпадают, равно как и аргументации этих оценок.

В общем виде существо данных критериев может быть отражено в такой формулировке: значения многозначного слова имеют одинаковые словообразовательные дериваты и идентичны с точки зрения синтаксических связей, в то время как омонимы (независимо от того, что они собой представляют — случайные совпадения или разошедшуюся полисемию) ведут себя иначе.

Именно сочетаемостный критерий выдвигают в качестве основного, «самого важного и всеобъемлющего» авторы монографии «Многозначность и омонимия»: «При выраженном несовпадении сочетательных потенциалов следует говорить о наличии двух (и более) словесных единиц, или двух (и более) слов»¹⁸⁰.

Большое внимание этим двум рассматриваемым критериям, считая их одними из важнейших при выявлении омонимии, уделял Л. А. Новиков, писавший: «...сущность критерия разграничения полисемии и омонимии остаётся одной и той же: утрата значениями языковой мотивированности и включение их в качестве отдельных слов в разные семантические гнезда, а также связанная с этим грамматическая дифференциация соответствующих (при условии, если возможность

¹⁷⁹ Виноградов В. В. Об омонимии и смежных явлениях // Вопросы языкознания. 1960. № 5. С. 3.

¹⁸⁰ Арсеньева М. Г., Строева Т. В., Хазанович А. П. Многозначность и омонимия. Л., 1966. С. 26.

такой дифференциации имеется) форм»¹⁸¹. Аналогичные идеи содержатся и в его докторской диссертации¹⁸².

М. М. Фалькович отмечала, что «самостоятельные словообразовательные центры» «образуются, как правило, тогда, когда отсутствует (или очень слабо, еле заметно прослеживается) смысловая связь между значениями»¹⁸³. Такие, более осторожные, высказывания, в которых указывается лишь на некие имеющие место тенденции, закономерности, но не непреложные законы, кажутся нам более соответствующими реальному положению вещей. Так, именно о «тенденции к омонимичности» (хотя и обладающей свойством высокой регулярности) в случае словообразовательной дивергенции говорит Н. Ф. Шумилов¹⁸⁴. М. Д. Якубовская отмечает, что «у полисемантических единиц возможно полное различие производных, но частота этого соотношения так мала, что нельзя говорить о его специфичности для многозначности»¹⁸⁵, а также что «углубление семантических различий глагола приводит к значительным изменениям в синтаксической сочетаемости»¹⁸⁶.

Куда больше тех исследователей, которые либо скептически относятся к разбираемым критериям, считая их неэффективными и/или необъективными, либо готовы рассматривать их только в качестве вспомогательных к собственно семантическим (именно такой точки зрения придерживалась О. С. Ахманова: «...дивергенция словообразовательных рядов, особенности управления и т. п., безусловно, могут и должны использоваться при разграничении полисемии и омонимии. Но они выступают не как самостоятельные критерии, не как основные или решающие признаки, а лишь как дополнительные, как вспомогательные моменты, подтверждающие и фиксирующие факты, обнаруженные посредством

¹⁸¹ Новиков Л. А. К проблеме омонимии // Лексикографический сборник. 1960. Вып. 4. С. 102.

¹⁸² Новиков Л. А. Омонимия имен существительных в современном русском литературном языке, возникающая в результате распада полисемии и связанная с категорией числа. М., 1961. С. 9—10.

¹⁸³ Фалькович М. М. К вопросу об омонимии и полисемии // Вопросы языкознания. 1960. № 5. С. 86.

¹⁸⁴ Шумилов Н. Ф. К вопросу о разграничении полисемантизма и омонимии. Русский язык в школе. 1956. № 3. С. 32—35.

¹⁸⁵ Якубовская М. Д. Изменение морфолого-синтаксических признаков слова при переходе от полисемии к омонимии // Русский язык в школе. 1976. № 3. С. 88.

¹⁸⁶ Там же. С. 86.

собственно семантического анализа»¹⁸⁷). В качестве главного контраргумента против этого критерия обычно приводится справедливое, на наш взгляд, утверждение, что «конкретные средства выявления разных лексико-фразеологических форм одного слова не отличаются принципиально от способов выявления в одном звуковом комплексе разных слов»¹⁸⁸, что «различительные признаки, выражающиеся в сочетаемости данного слова с определённым кругом слов, могут быть свойственны как омонимам, так и разным значениям одного слова»¹⁸⁹ (хотя «у омонимов эта особенность выражена ярче»¹⁹⁰). Об этом же в разное время говорили М. А. Бородина¹⁹¹, Л. Л. Кутина¹⁹². На то, что распад слова на омонимы, да и в целом существование омонимов, возможны без выраженных словообразовательных признаков, обращали внимание Ф. П. Филин¹⁹³, И. С. Тышлер¹⁹⁴. Формальная противопоставленность различных значений одного слова многократно отмечалась разными учёными: А. И. Смирницким¹⁹⁵, Анной А. Зализняк¹⁹⁶, Н. З. Котеловой¹⁹⁷, А. М. Соколовым¹⁹⁸ и др. (более полный перечень трудов, посвящённых этой проблеме, см. у С. А. Москвичёвой¹⁹⁹). Она же отмечает, что, «по приблизительным подсчётам, формальная дифференциация ЛСВ

¹⁸⁷ Ахманова О. С. Очерки... С. 113.

¹⁸⁸ Она же. К вопросу о словосочетании в современном английском языке // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. 1950. Т. 9. Вып. 6. С. 480.

¹⁸⁹ Пророкова В. М. Некоторые особенности омонимии в немецком языке // Вопросы языкознания. 1960. № 5. С. 79.

¹⁹⁰ Там же.

¹⁹¹ Дискуссия по вопросам омонимии... // Лексикографический сборник. 1960. Вып. 4. С. 78.

¹⁹² Там же. С. 48.

¹⁹³ Там же. С. 59.

¹⁹⁴ Тышлер И. С. Словарь омонимов современного английского языка. Саратов, 1963. С. 42.

¹⁹⁵ Смирницкий А. И. К вопросу о слове (Проблема «тождества слова») // Труды института языкознания АН СССР. 1954. Т. 4. С. 37.

¹⁹⁶ Зализняк Анна А. Многозначность в языке и способы ее представления. М., 2006. С. 442.

¹⁹⁷ Котелова Н. З. Значение слова и его сочетаемость (к формализации в языкознании). Л., 1975. С. 156.

¹⁹⁸ Соколов О. М. Вопросы структурно-семантической дивергенции в лексике. Нежин, 2009. С. 83.

¹⁹⁹ Москвичева С. А. Формальная дифференциация лексико-семантических вариантов слова в русском языке. М., 2002. С. 2.

[лексико-семантических вариантов] характеризует примерно каждое пятое многозначное слово»²⁰⁰.

Нельзя не согласиться и с Д. Н. Шмелёвым, который справедливо отмечал, что при подходе, согласно которому формы *просить что-нибудь* и *просить о чём-нибудь* признаются омонимичными, «самое обозначение *омоним* стало бы омонимичным тому же термину в его традиционном понимании, а никак не его уточнением или его объективацией»²⁰¹.

Таким образом, в свете всего вышесказанного, вопрос «Можно ли считать основным критерием идентичность/неидентичность словообразовательных дериватов и синтаксических свойств?» для нас однозначно решается отрицательно. Более того, в рамках данного исследования, ориентированного на лексикографический аспект, даже в качестве дополнительного, вспомогательного данный критерий мы использовать не будем, поскольку нашей целью является выявление собственно семантической специфики омонимов и многозначных слов, а анализ формально-структурных особенностей в данном случае не проливает свет на эту проблему.

3.3.4. Разная морфемная членимость. Различие в морфемной членимости должно быть признано более объективным критерием по сравнению с только что рассмотренным, поскольку морфемы представляют собой значимые единицы языка, фрагменты смысла, и логично предположить, что разные фрагменты смысла дают разную семантическую сумму (то есть значение слова).

Разными исследователями отмечалось, что наличие неодинаковой морфологической членимости однозначно свидетельствует о факте омонимии (об этом писали Л. А. Новиков²⁰², Н. К. Жученко²⁰³ и др.).

²⁰⁰ Там же. С. 7.

²⁰¹ Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики... М., 1973. С. 83.

²⁰² Новиков Л. А. К проблеме омонимии // Лексикографический сборник. 1960. Вып. 4. С. 97.

²⁰³ Жученко Н. К. Роль многозначности префиксов в образовании глагольных омонимов // Вопросы теории и методики изучения русского языка. Тр. 2-й научной конференции кафедр русского языка пед. ин-тов Поволжья. Куйбышев, 1961. С. 93.

Однако и данный способ мы не можем признать идеальным и принять его в качестве рабочего. Во-первых, он плох прежде всего своей «неуниверсальностью»: наряду со случаями типа *пол-к-а* от *полоть* и *полк-а* ‘предмет мебели’ (где этот способ «работает»), среди омонимических рядов есть значительное число случаев, когда все члены ряда морфологически нечленимы (выделяются только основа и окончание) но от этого данные единицы не перестают быть омонимами. Подобное мы можем сказать как о «гетерогенных» (имеющих разную этимологию) омонимах (*брак* ‘изъян’ — *брак* ‘замужество’), так и об омонимах «гомогенных», развившихся вследствие распада полисемии из одного источника (*баба* ‘женщина’ — *баба* ‘ударная часть молота’).

Кроме того, есть ещё одно, более концептуальное, возражение против данного подхода, которое касается в первую очередь случаев распавшейся полисемии: зафиксировать и констатировать опрощение в одном из значений слова (и на этом основании выделить омонимию) является делом отнюдь не более лёгким, чем постулировать распад семантических связей. И в том случае, когда мы сомневаемся в том, имеет ли место значительная семантическая общность, мы тем самым выражаем своё сомнение ещё и в том, членится ли данное слово (или, точнее, уже другое слово-омоним) на морфемы. Потому, когда в подобных случаях наличие омонимических отношений между значениями пытаются аргументировать опрощением, произошедшим в одном из них, на наш взгляд, происходит подмена причины следствием. Так, в статье «Образование омонимов путём распада полисемии» З. А. Толмачева в качестве опрощенных называет слова *взвод* (‘войсковое подразделение’), *завод* (‘предприятие’), *прокат* (‘временное пользование чем-л.’), *забор* (‘изгородь’), *снаряд* (‘патрон’) и др., и на этом основании объявляет их омонимичными соответствующим словам, образованным от глаголов и мотивированных ими²⁰⁴. Однако возникает вопрос: на каком основании мы диагностируем сам факт опрощения в этих словах? В общем-то, на том же самом, на каком обычно постулируем наличие омонимии — на основании пресловутого разрыва семантических связей (в данном случае — с

²⁰⁴ Русский язык в школе. 1959. № 4. С. 28—33.

соответствующими глаголами). Но если мы его зафиксировали, то этого нам уже достаточно для того, чтобы говорить об омонимии, не включая в причинно-следственную цепочку факт опрощения, а лишь отмечая его как сопутствующий.

Мы не оспариваем того, как были расценены исследователем те или иные явления с точки зрения морфемной членимости/монолитности и полисемии/омонимии, однако не согласны с логикой аргументации. Обнаружение опрощения есть задача такая же сложная и таким же способом решаемая, как и обнаружение омонимии, а потому решение первой не может предварять решение второй, а может только сопутствовать ему (эта идея более подробно и широко будет нами развита при анализе терминов-калек и их омонимов). Справедливыми в этом свете представляются слова О. С. Ахмановой: «Морфологические явления имеют важное значение, так как фиксируют, закрепляют соответствующие семантические процессы, но использованы они могут быть... не сами по себе, не как таковые, а лишь на основе знания обозначаемых предметов действительности, их реального соотношения друг с другом»²⁰⁵. Иными словами — на основе знания отношений между этими предметами и — как следствие — семантических отношений между значениями.

По сути, о том же пишет Л. Л. Кутина: «Морфологическая членимость — очень важный фактор; но, видимо, признавать за ним решающее воздействие на целостность слова можно только в случае явной завершённости этого процесса»²⁰⁶. Но всё дело в том, что «явная завершённость этого процесса» — формулировка едва ли менее субъективная, чем формулировка «разрыв семантических связей».

3.3.5. Метод подстановки синонимов. Суть этого не единожды предлагавшегося метода состоит в следующем: если синонимические ряды совпадают, то перед нами значения одного слова, если различаются — то перед нами слова-омонимы. У нас этот метод был предложен Е. М. Галкиной-Федорук в

²⁰⁵ Ахманова О. С. Очерки... С. 113.

²⁰⁶ Дискуссия по вопросам омонимии... // Лексикографический сборник. 1960. Вып. 4. С. 56.

статье «К вопросу об омонимии в русском языке»²⁰⁷, а в зарубежном языкознании, по свидетельству И. С. Тышлера, — Ш. Балли²⁰⁸.

М. А. Бородина также предполагала, что «наличие синонимических рядов может быть использовано при распознавании омонимии»²⁰⁹. Развивая эту идею, Н. К. Жученко предлагал использовать в качестве критерия не только синонимические, но и антонимические ряды²¹⁰.

Идея не получила широкой поддержки в лексикологии, и главным аргументом против неё является, пожалуй, тот, который был предложен Л. А. Новиковым: «Общеизвестно, что многозначное слово входит в тот или иной синонимический или антонимический ряд только определённой частью своего содержания»²¹¹. Он же писал, что «применение метода синонимической подстановки ограничено главным образом типом полисемии, основанном на сходстве, так как другие типы не предполагают материального, непосредственно воспринимаемого сходства в обозначаемых предметах»²¹². Следовательно, в качестве универсального предложенный способ тоже не может использоваться.

3.3.6. Перевод слов на другие языки. В качестве ещё одного способа разграничения омонимов и многозначных слов могло бы быть предложено такое правило: если два значения переводятся одним словом иностранного языка, то перед нами многозначное слово, если разными — омонимы (косвенным аргументом для доказательства действительности такого критерия могло бы послужить то, к примеру, обстоятельство, что О. С. Ахманова в своём словаре омонимов очень часто, чтобы дать представление о значении приводимых русских омонимов, даёт их переводные английские эквиваленты, которые, естественно, не тождественны по форме, в

²⁰⁷ Русский язык в школе. 1954. № 3. С. 14—19.

²⁰⁸ Тышлер И. С. Словарь омонимов современного английского языка. Саратов, 1963. С. 34.

²⁰⁹ Дискуссия по вопросам омонимии... // Лексикографический сборник. 1960. Вып. 4. С. 79.

²¹⁰ Жученко Н. К. Роль многозначности префиксов в образовании глагольных омонимов // Вопросы теории и методики изучения русского языка... Куйбышев, 1961. С. 86.

²¹¹ Семантика русского языка. Учеб. пособие для филол. спец. ун-тов. М., 1982. С. 111.

²¹² Новиков Л. А. Об одном из способов разграничения полисемии и омонимии // Русский язык в школе. 1960. № 3. С. 14.

отличие от русских слов). Отметим также, что имеются специальные работы, посвящённые именно этой проблеме — проблеме омонимии и полисемии в переводном аспекте, в частности, статья Н. В. Дубыниной «Проблема разграничения полисемии и омонимии в двуязычной лексикографии (из истории французско-русской лексикографии)»²¹³.

В целом и этот критерий не может быть признан удовлетворительным. По справедливому замечанию П. А. Соболевой, «если разное осмысление реалий считать основанием для омонимии [а разное осмысление реалий зачастую и есть причина того, что в одном языке одним словом называется то, что в другом называется разными словами. — Д. К.], тогда омонимичным будет... русское слово *рука* потому, что оно соответствует двум английским словам *hand* и *arm*»²¹⁴, между тем как любому носителю русского языка интуитивно понятна «неомонимичность» слова *рука*. На это же обстоятельство неоднократно указывали и другие учёные. Так, О. С. Ахманова отмечала, что «разные языки по-разному “трактуют” то, что дано во внеязыковом опыте, выделяя, подчёркивая в явлениях действительности то те, то другие их стороны»²¹⁵; конкретизировал это положение Г. В. Колшанский, отмечавший, что «один и тот же предмет в разных языках может называться различными способами в зависимости от того, оппозиция какого психологического, исторического, национального или социального типа кладётся в основу номинации»²¹⁶; Д. Н. Шмелёв писал, что «те же отрезки действительности неодинаково членятся лексикой разных языков»²¹⁷.

3.3.7. Контекст употребления языковой единицы. Интересный критерий был предложен Д. Н. Шмелёвым, видевшим качественную разницу в контекстах, в которых встречаются омонимы и многозначные слова. Соответственно, маркировать

²¹³ Филологические науки. 2005. № 3. С. 69—79.

²¹⁴ Соболева П. А. Словообразовательная полисемия и омонимия. М., 1980. С. 157.

²¹⁵ Ахманова О. С. Очерки... С. 6.

²¹⁶ Колшанский Г. В. Некоторые вопросы семантики языка в гносеологическом аспекте // Принципы и методы семантических исследований. М., 1976. С. 16.

²¹⁷ Шмелёв Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики... М., 1973. С. 19.

те или иные значения в качестве омонимов или многозначного слова можно, сравнив контексты, в которых они функционируют в речи. Он считал, что «знание о семантическом единстве слов» «подкреплено... такими объективными факторами, как... их обусловленность лексическим окружением: для нас не возникает вопроса о двусмысленности текста из-за наличия в нём многозначных слов»²¹⁸. Шмелёв усматривал некую изоморфность лексики фонетике, считая, что реализации многозначного слова (то есть значения) также позиционно (то есть контекстуально) обусловлены, как и конкретные реализации фонемы (то есть звуки). Однако ещё О. С. Ахманова отмечала, что «разработанные фонологией методы не могут быть механически перенесены в область семантики или науки об “обозначаемом”»²¹⁹.

Идея Д. Н. Шмелёва, при всей своей оригинальности, вызывает, тем не менее, определённые вопросы. Причём нареkania вызывает не утверждение о том, что различные лексико-семантические варианты одного слова позиционно обусловлены (об этом неоднократно заявляли и другие исследователи, например, М. В. Панов²²⁰, Л. А. Новиков²²¹, Б. П. Кобрицов²²² и др.), а категорическое отрицание подобного свойства у омонимов: весьма сомнительным и неочевидным представляется такое, например, утверждение Д. Н. Шмелёва, напрямую относящееся к рассматриваемой идее: «Значения слов-омонимов не являются позиционно обусловленными (в отличие от значений многозначного слова)...»²²³. Нам ближе иная точка зрения, согласно которой контекстная обусловленность свойственна как омонимам, так и лексико-семантическим вариантам одного слова. Более категорично она была выражена Л. А. Булаховским («... и то и другое явление [омонимия и полисемия] заключает в себе схожие “опасности” и одинаково “обезвреживается” —

²¹⁸ Там же. С. 75.

²¹⁹ Ахманова О. С. Очерки... С. 84.

²²⁰ Панов М. В. Позиционные мены значений у слов в зависимости от текста // Труды по общему языкознанию и русскому языку. Т. 1. М., 2004. С. 36—40.

²²¹ Семантика русского языка. Учеб. пособие для филол. спец. ун-тов. М., 1982. С. 176.

²²² Кобрицов Б. П. Модели многозначности русской предметной лексики: глобальные и локальные правила разрешения омонимии. М., 2004. С. 13—14.

²²³ Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики... М., 1973. С. 86.

контекстом»²²⁴), более осторожно — Л. А. Новиковым, который отмечал, что в случае с омонимами «их текстовая дополнительность и дизъюнкция... проявляются как взаимоисключающие», а в случае с полисемией имеют место и факты «невзаимоисключающей дизъюнкции»²²⁵ (отметим, что обе мысли идут вразрез с приведённым выше предположением Д. Н. Шмелёва).

3.3.8. Возможность каламбура. Теснейшим образом связанной с только что изложенным методом и даже вытекающей из него является идея возможности каламбура, которая в качестве критерия разграничения омонимии и полисемии напрямую исследователями не предлагалась, но которая так или иначе не единожды поднималась в трудах разных учёных и которая, вообще говоря, может быть рассмотрена в этом качестве.

В самом деле, если принять в качестве истинной гипотезу Д. Н. Шмелёва, то можно заключить, что разнообразные «прочтения» конструкций, вызывающие комический эффект тем, что эти прочтения очень далеки друг от друга, возможны только в том случае, если в этих конструкциях наличествуют омонимы (ибо именно они, а не значения многозначных слов, контекстом не обусловлены, а потому и возможны контексты, «терпящие» наличие любого из омонимов). Многозначным же словам, по этой логике, мы вынуждены отказать в такой возможности. Подобное мнение, кстати, высказывал В. И. Абаев: то обстоятельство, что мы «не чувствуем каламбура» (заметим, что подобная формулировка едва ли может претендовать на точность), является доказательством того, что перед нами употребления одного слова (в примере Абаева речь шла о слове *славный* в разных значениях²²⁶).

Кроме того, что способ решения проблемы омонимии, при котором исследователь в каждом случае (или — как минимум — в каждом проблемном случае) пытается подобрать к слову каламбур и в случае нахождения оного делает

²²⁴ Булаховский Л. А. Введение в языкознание. Ч. 2. М., 1953. С. 46.

²²⁵ Семантика русского языка. Учеб. пособие для филол. спец. ун-тов. М., 1982. С. 178.

²²⁶ Абаев В.И. О подаче омонимов в словаре // Вопросы языкознания. 1957. № 3. С. 35.

вывод об омонимии, кажется весьма экзотичным, заметим также, что и сама теоретическая база подобного подхода весьма сомнительна.

Так, Ю. Д. Апресян отмечал, что у омонимов каламбур, действительно, возникает чаще, однако может он возникнуть и у многозначных слов²²⁷, с чем мы не можем не согласиться и, чтобы не быть голословными, приведём пример из книги В. З. Санникова: «Старик — это остров сокровищ: в волосах у него серебро, в зубах — золото, в кишечнике — газы, в костях — соли, а кроме того, масса строительных материалов: в желчном пузыре — камни, в моче — песок, в лёгких — известь...»²²⁸. Как видим, в данном случае каламбур основан на совмещении в одном контексте разных значений тех или иных слов, а не слов-омонимов.

3.3.9. Метод «семантического поля» и критерий отнесённости слова к разным объектам действительности. Рассмотрев предлагавшиеся в разное время и разными учёными так или иначе, в той или иной степени формально выраженные, «эксплицитные» критерии, рассмотрение критериев «имплицитных», собственно семантических начнём с метода, который занимает как бы промежуточное место между первыми и вторыми. В определённом смысле этот метод тоже апеллирует к «формальной» выраженности различий между омонимией и многозначностью, однако эта «выраженность» экстралингвистическая и обнаруживается не в языке, а в реальности, которую язык номинирует.

Семантическое поле представляет собой то, что в отечественной лингвистике принято называть «лексико-тематической» группой, однако применяется этот термин только к таким «лексико-тематическим группам», которые обладают большим «онтологическим весом», имеют очень широкие границы (к примеру, лексико-семантические поля «цвет», «свет», «время» и пр.).

А. И. Кузнецова, ссылаясь на С. Эмана, приводит пример того, как И. Трир, с помощью теории семантического поля, «убедительно показал, что braun как

²²⁷ Апресян Ю. Д. Избранные труды. Т. 1. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1995. С. 180—181.

²²⁸ Санников В. З. Краткий словарь русских острог. М., 2012. С. 204.

“коричневый” и *braun* как “фиолетовый” [имеются в виду слова немецкого языка] — одно полисемантическое слово», по причине того, что «оба цвета включались в один и тот же раздел поля, обозначаемого как *braun*»²²⁹. Однако не совсем понятно, на каком основании они оба были включены в упомянутое «поле», а слова *Schloss* ‘замок’ и *Schloss* ‘замок’ в одном поле не оказались? На основании того, что первые из приведённых значения связаны между собой, а вторые — нет? Но тогда мы имеем замкнутый логический круг (см. также критику этой теории О. С. Ахмановой²³⁰). Вероятнее всего, в данном случае имеется в виду различная отнесённость к предметно-понятийным сферам, а этот момент обсуждался и в трудах отечественных учёных. Считаю нужным остановиться на нём чуть подробнее.

Поскольку язык призван отражать действительность, а наиболее непосредственно это происходит на лексическом его ярусе, постольку естественной кажется мысль, что близость фрагментов действительности должна быть изоморфна близости языковых элементов (в данном случае — слов и их значений), эти фрагменты называющих. Соответственно, чем дальше друг от друга (причём необязательно в собственно пространственном смысле) расположены предметы, тем дальше должны быть друг от друга значения в языке.

Подобная точка зрения отражена, например, в уже упоминавшейся статье М. В. Шульги, где автором постулируется омонимичность слов *колени* ‘сустав’ и *колени* ‘род’ на основании того, что это «слова, соотнесённые с разными явлениями действительности»²³¹. В. П. Тимофеев, вслед за А. А. Уфимцевой, считает, что «судьбу омонимов решают называемые ими разные предметы: перо (птичье) — перо (стальное); фрукт (плод) — фрукт (человек) и т. д...»²³².

На наш взгляд, в данном случае в целом правильная теоретическая предпосылка была неверно интерпретирована, а именно: слово «близость» в

²²⁹ Кузнецова А. И. Понятие семантической системы языка и методы ее исследования. М., 1963. С. 24—25.

²³⁰ Ахманова О. С. Очерки... С. 78—80.

²³¹ Шульга М. В. Колени ‘сустав’ и его семантические производные в истории русского языка // Русское семантическое словообразование. Ижевск, 1984. С. 29.

²³² Тимофеев В. П. Исходная (словарная) форма слова в русском языке. Свердловск, 1971. С. 80.

применении к объектам реального мира было понято слишком буквально, в то время как стоило бы обращать внимание не на близость онтологическую, а на близость понятийную, на то, как близко друг к другу расположены предметы в понятийной сфере человека, а в этом случае картина кардинально меняется (ср.: «Данное “предметное отнесение” может в известных случаях как будто и не совпадать с тем, что в целом отражено в сознании в качестве значения отдельного слова, иногда даже как будто противоречить ему. Но обычно это совпадение оказывается внешним, кажущимся, снимается при более глубоком проникновении в семантическую структуру слова...»²³³).

Потому нам более близка точка зрения тех исследователей, которые считают, что «из того факта, что данное слово отражает две или несколько разных физических или психических действительностей, не всегда следует делать заключение о его многозначности...»²³⁴. Такой точки зрения придерживались О. С. Ахманова²³⁵, Л. Л. Кутина²³⁶ и некоторые другие исследователи. Характеризуя познавательный процесс, О. А. Башкирцева справедливо отмечает, что «однородность прототипических ситуаций, связанных с исследуемыми словами, обуславливает возможность однотипного использования данных слов при номинации *других областей* [курсив наш. — Д. К.]»²³⁷. Вообще говоря, несостоятельность обсуждаемого тезиса следует в том числе и из определения метафоры (которая является одним из основных механизмов формирования полисемии; подробнее об этом — в Главе 2), предложенного Дж. Лакоффом и М. Джонсоном: «Суть метафоры заключается в понимании и переживании сущности (thing) одного вида в терминах сущности другого вида»²³⁸.

²³³ Ахманова О. С. Очерки... С. 31.

²³⁴ Курилович Е. Заметки о значении слова // Очерки по лингвистике. М., 1962. С. 240.

²³⁵ Ахманова О. С. Очерки... С. 121—122.

²³⁶ Дискуссия по вопросам омонимии... // Лексикографический сборник. 1960. Вып. 4. С. 47.

²³⁷ Башкирцева О. А. Когнитивная основа семантической структуры слова... Красноярск, 2011. С. 24.

²³⁸ Джонсон М., Лакофф Д. Метафоры, которыми мы живём // Теория метафоры. Сборник. М., 1990. С. 128.

3.3.10. Комбинированный подход. Многие учёные пытались выбрать компромиссный путь, не желая ограничивать решение данной проблемы введением критериев только одного плана (к примеру, только синтаксических, только морфологических, только семантических и пр.), и предлагали применять сразу несколько критериев.

Так, В. В. Виноградов утверждал, что «основными способами определения омонимов в лексикографической практике должны быть три: историко-лексикологический... морфолого-словообразовательный и структурно-семантический»²³⁹.

Приблизительно так же к данной проблеме подходили С. Г. Бархударов и А. П. Евгеньева, которые решали «вопрос о границах слова... на основании учёта как семантических данных, так и положения слова в структуре современного языка, совокупности присущих ему структурных особенностей (отношения его с однокоренными словами, его словопроизводственных связей и т. п.)»²⁴⁰.

Одновременно семантический и словообразовательный признаки в качестве основных при образовании омонимов выделяла М. М. Фалькович²⁴¹.

А. С. Панина, выделяя в качестве основного семантический критерий, не исключала возможности привлечения в качестве дополнительного критерия разграничения неоднозначности «особенности плана выражения»²⁴².

В статье Н. Ф. Кривовой наличие омонимии аргументируется одновременно тем, что слова называют разные, далёкие друг от друга понятия, а также тем, что они имеют различные синонимические ряды²⁴³.

²³⁹ Виноградов В. В. О некоторых вопросах теории русской лексикографии // Вопросы языкознания. 1956. № 5. С. 88.

²⁴⁰ Инструкция для составления «Словаря современного русского литературного языка (в пятнадцати томах)» М.; Л., 1958. С. 23.

²⁴¹ Фалькович М. М. К вопросу об омонимии и полисемии // Вопросы языкознания. 1960. № 5. С. 88.

²⁴² Панина А. С. Семантические критерии при описании неоднозначной лексики: к проблеме разграничения омонимии, полисемии и моносемии // Актуальные вопросы японского и общего языкознания. М., 2005. С. 349.

²⁴³ Кривова Н. Ф. Семантическое словообразование на базе конфиксальных прилагательных с начальным без- // Русское семантическое словообразование. Ижевск, 1984. С. 123.

Л. А. Новиков не единожды писал о необходимости именно комплексного подхода к данной проблеме^{244, 245}.

Выше мы обозначили наше мнение к такому подходу и считаем нелишним повторить его ещё раз: какие-либо критерии, кроме собственно семантических, нами не будут приниматься в расчёт даже в качестве дополнительных, поскольку они, пусть и в разной степени, могут характеризовать как омонимию, так и полисемию.

3.3.11. Разрыв (отсутствие) семантических связей между значениями.

Прежде чем приступить к рассмотрению, с одной стороны, наиболее дискуссионного и на первый взгляд представляющегося самым субъективным (авторы монографии «Многозначность и омонимия» были ещё более категоричными в характеристике этого феномена, называя его «абсолютно не лингвистическим»²⁴⁶), но с другой стороны, самого, по преобладающему в науке мнению, основного показателя омонимии, подведём промежуточный итог всему сказанному ранее.

Как видим, попытки найти «объективные» критерии отнесения тех или иных явлений к омонимам и многозначным словам, нечто так или иначе формально выраженное у тех и у других, на основании чего их можно было бы разграничить, не увенчались успехом. Каждый из предлагавшихся методов не проходит проверку по одной из двух причин (а иногда и по обеим): 1) не обладает универсальностью, и в этом случае для ряда единиц всё равно придётся искать дополнительные способы (даже те исследователи, которые отстаивали формально-структурные подходы, отмечали, что «разграничение омонимии и полисемии в ряде случаев оказывается вообще невозможным без учёта... внутренних смысловых отношений»²⁴⁷; та же мысль проводится и в кандидатской диссертации Л. А. Новикова, которая

²⁴⁴ Новиков Л. А. Омонимия имен существительных в современном русском литературном языке, возникающая в результате распада полисемии и связанная с категорией числа. М., 1961. С. 16.

²⁴⁵ Семантика русского языка. Учеб. пособие для филол. спец. ун-тов. М., 1982. С. 212—213.

²⁴⁶ Арсеньева М. Г., Строева Т. В., Хазанович А. П. Многозначность и омонимия. Л., 1966. С. 8.

²⁴⁷ Новиков Л. А. Об одном из способов разграничения полисемии и омонимии // Русский язык в школе. 1960. № 3. С. 10.

посвящена как раз формальной дифференциации омонимов²⁴⁸); 2) тот или иной параметр может характеризовать (хотя зачастую и не в одинаковой степени) как омонимы, так и многозначные слова. Кроме того, даже если предположить, что один из рассмотренных критериев оказался бы эффективным (и, таким образом, чисто практическая проблема нашего исследования была бы решена), в этом случае всё равно без ответа оказался бы самый принципиальный, теоретический, собственно лексикологический вопрос: в чём качественная семантическая разница между омонимами и многозначными словами? Между тем как на интуитивном уровне представляется очевидным, что именно существование звуковых комплексов, никак семантически не связанных, на фоне тех, значения которых связаны, и позволяет выделять первые и вторые и делает целесообразным введение самого термина «омоним».

Очень убедительными нам кажутся слова Т. Г. Брянцевой и Т. М. Цейтлин, которые, утверждая, что «основным признаком омонимов с точки зрения современного словоупотребления является полная самостоятельность значений», в то же время отмечают, что «семантическая разобщённость омонимов *обычно* [курсив наш. — Д. К.] сопровождается разными словопроизводственными отношениями и морфолого-синтаксическими различиями...»²⁴⁹. То есть формальные различия, характерные для омонимов и в меньшей степени характерные для многозначных слов, не отрицаются, но подчёркивается их второстепенная роль, указывается на то, что они могут быть лишь дополнением к отсутствию семантических связей, а потому, как следствие, не должны становиться основным критерием при анализе неоднозначных единиц.

Следует отметить, что терминологически более корректным было бы правильно говорить не о «разрыве», а — шире — об «отсутствии семантических связей» как о конституирующем признаке омонимии, а это «отсутствие», в свою

²⁴⁸ Новиков Л. А. Омонимия имен существительных в современном русском литературном языке, возникающая в результате распада полисемии и связанная с категорией числа. М., 1961. С. 6.

²⁴⁹ Брянцева Т. Г., Цейтлин Т. М. Инструкция для составления «Словаря современного русского литературного языка» (в трех томах) // Вопросы языкознания. 1954. № 3. С. 116.

очередь, может иметь место либо потому, что семантических связей не было никогда (как это происходит в подавляющем большинстве случаев, когда омонимы имеют разное происхождение), либо потому, что произошёл пресловутый «разрыв» связей, когда-то имевших место. Надо сказать, что это не пустой терминологический формализм. На первый взгляд может показаться, что первым этапом в процедуре выявления омонимии в любом случае может стать этимологический (независимо от того, принимается вышеизложенная точка зрения В. И. Абаева или нет): если слова имеют разное происхождение, то они автоматически зачисляются в разряд омонимов и дальнейший, семантический, анализ не имеет смысла, а в том случае, если рассматриваемые единицы когда-то были значениями одного слова, нужен собственно семантический анализ, чтобы диагностировать либо сохранение тождества слова, либо разрыв семантических связей, то есть омонимию. Однако и при первом исходе вывод об омонимии будет априорным и недоказанным, поскольку, как справедливо отмечал ещё В. В. Виноградов, «освоение заимствования нередко сводится к слиянию чужого слова с родным, которое кажется близким по внешней звуковой форме и по смыслу», то есть может происходить конвергенция, слияние двух слов в одно. В качестве примера В. В. Виноградов приводит русское слово *сальный*, в котором значение ‘засалившийся’ является исконно русским, а значение ‘циничный’ развилось под влиянием французского *sale*²⁵⁰. Здесь, на наш взгляд, правильнее, действительно, говорить о двух значениях одного слова (ввиду того что второе может быть интерпретировано как метафоризация первого на основании общего признака в прагматической зоне значения — ‘негативная оценка, вызванная «нечистотой» (в широком понимании) объектов’). Как бы то ни было, даже в том случае, если будет принято противоположное решение о статусе этих единиц, оно должно быть принято на собственно семантических, а не этимологических основаниях. Подробнее этот вопрос будет разобран в Главе 3.

В отличие от только что обозначенного явления конвергенции, феномен дивергенции (то есть расхождения значений, разрушения семантического тождества

²⁵⁰ Виноградов В. В. Об омонимии и смежных явлениях // Вопросы языкознания. 1960. № 5. С. 10.

слова) отмечался и описывался исследователями значительно чаще. А. Т. Липатов пишет, что «мысль о возможности возникновения омонимов на базе распада полисемантических слов высказал русский лексикограф А. Будилович» ещё в 1879 г., но особенно популярной в лингвистике она стала после того, как о том же самом в 1928 г. заявили Ш. Балли и А. Сэшэ²⁵¹. Те исследователи, которые не соглашались с историко-этимологическим подходом, тем самым по сути признавали возможность семантической дивергенции значений и отстаивали собственно семантический подход (см. об этом § 3.3.1.). Когда мы говорили о генетическом подходе, нами было названо достаточно много имён исследователей, которые считали главным семантический подход, и их работ. Мысль о том, что омонимы и многозначные слова должны разграничиваться только на эпидигматическом уровне (то есть на уровне деривации и мотивации значений) звучит также у С. Д. Кацнельсона²⁵², С. И. Ожегова²⁵³, Ф. П. Филина²⁵⁴, М. Вас. Пименовой²⁵⁵, М. И. Фоминой²⁵⁶. Как отмечал Л. А. Булаховский, «через значительный промежуток времени возможно... такое положение, когда ветви старого значения перестают восприниматься как связанные друг с другом, и только остроумие этимолога помогает ещё перебрасывать между ними необходимые психологические мосты...», в то время как значения одного слова «воспринимаются как известный пошиб мысли, как ‘образность’, как ‘метафора’, как троп вообще...»²⁵⁷.

Самый главный вопрос, однако, заключается в том, как, на основании чего констатировать разрыв семантической связи, как избежать субъективности в этом вопросе или, по крайней мере, её минимизировать, и в этом смысле приводившиеся выше филиппики В. И. Абаева, направленные против рассматриваемого подхода,

²⁵¹ Липатов А. Т. Семантические аспекты проявления русской омонимии на разных языковых уровнях. Л., 1990. С. 6.

²⁵² Дискуссия по вопросам омонимии... // Лексикографический сборник. 1960. Вып. 4. С. 87.

²⁵³ Там же. С. 71.

²⁵⁴ Там же. С. 60.

²⁵⁵ Пименова М. Вас. Лексико-семантический синкретизм как проявление формально-содержательной языковой асимметрии // Вопросы языкознания. 2011. № 3. С. 40.

²⁵⁶ Фомина М. И. Современный русский язык. Лексикология. Учеб. для филол. вузов. М., 1990. С. 79.

²⁵⁷ Булаховский Л. А. Из жизни омонимов // Сб. «Русская речь». Т. 3. Л., 1928. С. 53.

следует признать обоснованными. Нельзя не согласиться и с утверждением Л. Л. Кутиной: «Для омонимов характерен именно разрыв смысловых связей... Всякие промежуточные стадии и ступени должны трактоваться лишь как факты ослабления смысловых связей в пределах полисемичного слова»²⁵⁸, — однако подобное высказывание не является ответом на указанный вопрос, а является другой его формулировкой: непонятно, что считать «разрывом», а что — «промежуточной стадией».

«Классическим» примером типичных омонимов, которые приводятся для иллюстрации самого явления омонимии в том числе и во многих школьных учебниках по русскому языку, являются омонимы *ключ*¹ ‘отмычка’ — *ключ*² ‘источник’, *коса*¹ ‘сплетённые волосы’ — *коса*² ‘инструмент’ — *коса*³ ‘отмель’, между тем как генетически они являются значениями одного слова. Более того, как отмечалось исследователями, при незначительном «этимологическом усилии» семантическая связь (при этом отнюдь не надуманная) между ними может быть обнаружена и сейчас. Так, В. И. Даль считал, что «*ключ*, отмычка, перешло... на *родник*, на отомкнутое недра земли»²⁵⁹, а М. А. Кронгауз пишет: «...даже классический пример омонимии: *коса I* (‘причёска’), *коса II* (‘инструмент’), *коса III* (‘полоска суши’) — оказывается не бесспорным. Действительно, между этими тремя столь различными объектами можно усмотреть определённое внешнее сходство: ‘нечто узкое и длинное’»²⁶⁰.

Довольно распространённым является представление о том, что объективно решить вопрос о том, состоялся ли разрыв семантических связей или нет, можно на основании результатов поиска т. н. «промежуточного звена».

Суть этого критерия сводится к следующему: разрыв семантических связей между двумя значениями одного слова происходит потому, что некогда между ними существовало промежуточное, третье, значение, которое, в силу разных причин, утратилось. Прежде всего, это экстралингвистические причины, среди которых

²⁵⁸ Дискуссия по вопросам омонимии... // Лексикографический сборник. 1960. Вып. 4. С. 51.

²⁵⁹ Цит. по: Шанский Н. М., Боброва Т. А. Снова в мире слова. М., 2001. С. 163.

²⁶⁰ Кронгауз М. А. Семантика. Учебник для студ. лингв. фак. высш. учеб. заведений М., 2005. С. 124.

Л. А. Новиков отмечает утрату сходства обозначаемых предметов: *среда* ‘день недели’ — *среда* ‘окружение’ (эти значения уже не соотносятся со значением ‘середина’ и, таким образом, не объединяются им); утрату смежности: *бумага* ‘хлопчатник’ — *бумага* ‘писчий материал’ (ещё в XIX в. существовало значение ‘материал для письма из хлопчатника’, которое и было промежуточным и объединяло два современных значения), *лавка* ‘скамейка’ — *лавка* ‘точка продажи’, *мех* ‘шерсть’ — *мех* ‘мешок’ и пр²⁶¹.

Однако причины могут быть и собственно лингвистического плана: связь по функции между двумя значениями имела место до тех пор, пока эти значения имели общую для них конструкцию, употреблявшуюся применительно к каждому из значений в прямом, неидиоматическом смысле. С идиоматизацией данной конструкции в одном из употреблений и неидиоматизацией в другом происходит разрыв семантических связей: пока выражение *упереться быком* употреблялось по отношению и к *быку* ‘животному’, и к *быку* ‘опоре моста’ буквально, мы имели два значения одного слова. Как только выражение *упереться как бык* стало более отвлечённым (‘стоять на своём’), оно стало соотноситься только со значением *бык* ‘животное’, и слово *бык* распалось на два омонима²⁶².

Ещё раз акцентирует внимание на этом вопросе Л. А. Новиков в своём учебнике по семантике²⁶³. На наличие/отсутствие промежуточного звена как дифференциальный признак полисемии и омонимии обращали внимание также Б. Трнка²⁶⁴, С. Д. Кацнельсон²⁶⁵, В. Г. Гак²⁶⁶ и др.

Отмечая в этой теории рациональное зерно и соглашаясь с тем, что в ряде случаев распад слова на омонимы действительно произошёл из-за того, что было

²⁶¹ Новиков Л. А. Об одном из способов разграничения полисемии и омонимии // Русский язык в школе. 1960. № 3. С. 11—13.

²⁶² Там же. С. 13.

²⁶³ Семантика русского языка. Учеб. пособие для филол. спец. ун-тов. М., 1982. С. 210—211.

²⁶⁴ Trnka V. Bemerkungen zur Homonymie // Travaux du Cercle Linguistique de Prague. Prague, 1931. Vol. IV. P.152.

²⁶⁵ Дискуссия по вопросам омонимии... // Лексикографический сборник. 1960. Вып. 4. С. 87.

²⁶⁶ Гак В. Г. Об относительности лексикологических категорий в лексикографии // Проблемы учебной лексикографии и обучения лексике. Сборник статей. М. 1978. С. 20.

утрачено значение, которое когда-то было промежуточным между рассматриваемыми, мы, тем не менее, вынуждены отказаться и от этого критерия в качестве рабочего ввиду его неуниверсальности (то есть неприменимости ко всему массиву слов), а также отсутствия гарантий истинности результата. Поясним сказанное.

Во-первых, даже из рассуждений Л. А. Новикова следует весьма расплывчатое представление о «промежуточном звене». В каких-то случаях это, действительно, значение в полном смысле этого слова (как, например, в случае с *бумагой*), а в каких-то — скорее некий семантический инвариант, часть значений, которая когда-то была общей (как, например, в случае со словом *лавка*: было значение ‘скамья’, было значение ‘место торговли, обязательным атрибутом которого была скамья’, и между ними имелся общий семантический компонент ‘скамья’, а выделять значение ‘скамья как обязательный атрибут торговой точки’, на наш взгляд, было бы надуманным). Но если понимать «промежуточное звено» в последнем смысле, то эффективность и целесообразность означенного метода для нашей проблемы становится нулевой, поскольку в этом случае мы имеем не способ решения проблемы под названием «разрыв семантических связей», а всего лишь синонимичную её формулировку — «утрата общих семантических компонентов».

Во-вторых, думается, в некоторых случаях формального отсутствия промежуточного звена его реконструкция настолько элементарна, что может быть осуществлена не только лингвистом, но и рядовым носителем языка, который, проведя эту элементарную реконструкцию, тем самым обнаружит семантическую связь между рассматриваемыми значениями. Так, Л. А. Новиков, рассуждая об омонимах *ячмень* ‘злаковое растение’ и *ячмень* ‘воспаление’, констатирует омонимию потому, что отсутствует промежуточное звено — значение ‘ячменное зёрнышко’²⁶⁷. В общем с этим можно согласиться, сделав, однако, одну оговорку: перенос ‘название растения — название плода этого растения’ является очень регулярным в языке (подробнее о регулярных и нерегулярных переносах будет

²⁶⁷ Новиков Л. А. Об одном из способов разграничения полисемии и омонимии // Русский язык в школе. 1960. № 3. С. 12.

сказано ниже), ср.: *груша* ‘дерево’ — *груша* ‘фрукт’, *картофель* ‘растение’ — *картофель* ‘плод этого растения’. Потому, даже в случае отсутствия в лексиконе человека слова *ячмень* со значением ‘ячменное зерно’, по принципу аналогии говорящий легко может это значение воспроизвести и, таким образом, «перекинуть семантический мост» от значения ‘растение’ к значению ‘нарыв’ (‘внешне похожий на ячменное зёрнышко’). Более того: как нам кажется, слово *ячмень* может использоваться в собирательном значении ‘зерно’ (ср.: *с полей убрали ячмень*), а от него единичное значение ‘ячменное зёрнышко’ образуется ещё проще.

Н. М. Шанский и Т. А. Боброва отмечают, что слова *ключ* и *шлюз* восходят к одному индоевропейскому корню — *-klio-*²⁶⁸. Если представить себе гипотетическую ситуацию, при которой значение ‘шлюз’ передавалось бы в русском языке тем же звуковым комплексом *ключ*, то мы с высокой долей вероятности могли бы констатировать полисемию, поскольку это значение явилось бы промежуточным между значениями ‘отмычка’ и ‘источник’, и семантический перенос имел бы такой вид: ‘приспособление, которым что-то открывают’ — ‘отверстие, которое открывают для прохода воды’ — ‘источник воды, который как бы «открывает собой» недра земли’. Тем не менее, даже при отсутствии этого промежуточного звена «семантический мост» между значениями возможен (см. приводившееся выше мнение В. И. Даля).

В-третьих, даже если мы имеем утрату промежуточного звена, это не означает того, что закрыты все другие пути мотивации одного из значений другим. Так, возвращаясь к примеру со словом *бык* и соглашаясь с тем, что функциональное сходство было ослаблено, мы не можем утверждать того, что рядовой носитель языка не обнаружит здесь семантической связи иного плана, а именно — связи по внешнему сходству.

Наконец, в-четвёртых, применяя данный подход, мы, в любом случае, сможем охарактеризовать только процесс дивергенции значений, в то время как процесс конвергенции слов вновь окажется нетронутым, между тем как он тоже имеет место и заслуживает отдельного рассмотрения.

²⁶⁸Шанский Н. М., Боброва Т. А. Снова в мире слова. М., 2001. С. 163—164.

Ю. Д. Апресян считает, что «...связь между значениями ощущается говорящими тогда, когда общая часть этих значений неэлементарна... Такую общую часть мы будем называть нетривиальной, и наличие ее будем считать обязательным для многозначности...»²⁶⁹. Эта же мысль звучит и у М. Д. Якубовской: «Целесообразнее... говорить не только о наличии общего семантического признака, но и о статусе его в семантической структуре при тождестве и в процессе его распада»²⁷⁰. Подобные формулировки представляются нам, с одной стороны, теоретически бесспорными, с другой стороны — малоэффективными практически, поскольку вопросы «Что для говорящих неэлементарно в значениях слов?», «Какой статус для говорящего имеют те или иные семантические признаки в том или ином слове?» тоже нельзя отнести к числу риторических, поскольку ответы на них далеко не очевидны. В конечном итоге, даже при использовании формулировок, в которых фигурирует носитель языка, его языковое сознание, лексиколог делает вывод, опираясь либо на своё языковое чутьё, либо на своё априори субъективное представление о таком чутьё «усреднённого» носителя языка.

В лингвистике предпринимались разные попытки «объективировать субъективное», то есть предложить методики обработки семантики слов, исключив из этого процесса субъективное восприятие того или иного анализируемого слова исследователем, который производит анализ.

Так, И. С. Тышлер описывает метод «семантического инварианта», который предлагался К. А. Аллендорф и ещё рядом исследователей: «...если из значений того же слова не может быть выведено общее инвариантное значение, то, следовательно, это новое слово-омоним»²⁷¹. Прежде всего, заметим, что сама по себе теория семантического инварианта принимается далеко не всеми учёными и не раз была справедливо критикуема (об этом будет подробнее сказано в Главе 2). Во-вторых, даже если принять эту теорию в качестве истинной и последовать

²⁶⁹ Апресян Ю. Д. Избранные труды. Т. 1. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1995. С. 184.

²⁷⁰ Якубовская М. Д. Тенденции процесса распада семантического тождества слова (на материале русского языка). М., 1976. С. 21.

²⁷¹ Цит. по: Тышлер И. С. Словарь омонимов современного английского языка. Саратов, 1963. С. 47.

предложенному критерию, то в разряд значений многозначного слова попадут только что разбиравшиеся омонимы *коса*^{1,2,3} (ровно на том основании, которое приведено М. А. Кронгаузом), между тем как чисто на интуитивном уровне они являются омонимами. В-третьих, при использовании подобного критерия будет искусственно разрушен целый ряд бесспорных полисемантов: сложно усмотреть что-то общее между значениями слова *дом* ‘постройка’, ‘царский род’ и ‘заведение’ (например, *торговый дом*), между тем как ни один из использовавшихся нами толковых словарей не фиксирует омонимов в этом случае (подробный анализ семантической структуры слова *дом* будет сделан в Главе 2). Наконец, в-четвёртых, сам Тышлер отмечает, что «какие-то побочные признаки, объединяющие данные значения, могут помешать их восприятию в качестве омонимов»²⁷².

Казалось бы, наличие общих семантических компонентов между двумя значениями могло бы быть формализовано в словаре, и, для того чтобы решить вопрос об отнесении двух значений к одному слову или словам-омонимам, достаточно было бы сравнить толкования этих значений на предмет обнаружения общих компонентов. Но и этот путь не сулит успеха: как отмечал ещё Д. Н. Шмелёв, «зависимость определяется не повторением во “вторичных значениях” каких-либо элементов, существенных для первых значений, а отражением в них ассоциативных... признаков»²⁷³. К тому же, в лексикографии по-прежнему не решённым остаётся вопрос о необходимости и степени включения энциклопедических данных в толковый словарь, а между тем именно энциклопедическая информация в ряде случаев обеспечивает семантическое тождество слова. П. Н. Денисов писал: «...для слова *слон* должен быть указан большой размер обозначаемого животного (поскольку есть переносное значение — ‘о высоком толстом человеке’), для слова *тюлень* — неповоротливость этого животного на суше, так как имеется переносное значение — ‘о неповоротливом, медлительном человеке’»²⁷⁴.

²⁷² Там же. С. 48.

²⁷³ Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики... М., 1973. С. 73.

²⁷⁴ Денисов П. Н. Лексика русского языка и принципы ее описания. М., 1980. С. 189.

Неоднократно предпринимались попытки применить компонентный анализ к омонимам и многозначным словам, а также описать семантическую структуру тех и других в терминах компонентного анализа. В числе таких работ мы можем назвать, например, кандидатские диссертации Е. Н. Климовой («Омонимия и смежные с нею явления во фразеологии русского языка»²⁷⁵) и М. Д. Якубовской «Тенденции процесса распада семантического тождества слова (на материале русского языка)»²⁷⁶, а также докторскую диссертацию А. Т. Липатова²⁷⁷. Однако подобные попытки, на наш взгляд, нельзя расценивать как нахождение способа исключить субъективность из рассуждений о полисемии и омонимии. Субъективность по-прежнему остаётся, равно как и остаются те же самые проблемные вопросы, которые мы уже приводили выше, просто они становятся иначе (в терминах компонентного анализа) сформулированными. Весьма показательны, например, что М. Д. Якубовская, характеризуя семантические отношения между значениями, которые имеют в качестве общего только периферийный компонент, прибегает к такой формулировке: «В одних случаях ассоциация более прозрачна, в других — менее, отсюда разная степень связанности единиц, их “омонимности”»²⁷⁸.

Весьма характерны для работ, в которых лексические единицы рассматриваются в аспекте компонентного анализа, такие, например, утверждения: «Значения, вовлечённые в процесс омонимизации, имеют общий компонент, занимающий скрытое положение либо в структуре одного из значений, либо обоих одновременно»²⁷⁹; «...к этому [к образованию омонимов] может приводить ослабление связей одной из моносем с семантической системой слова»²⁸⁰. Однако вновь без ответа остаются вопросы «Как оценить степень “скрытости” этого

²⁷⁵ Климова Е. Н. Омонимия и смежные с нею явления во фразеологии русского языка. Иваново, 2012. 22 с.

²⁷⁶ Якубовская М. Д. Тенденции процесса распада семантического тождества слова (на материале русского языка). М., 1976. 24 с.

²⁷⁷ Липатов А. Т. Семантические аспекты проявления русской омонимии на разных языковых уровнях. Л., 1990. 45 с.

²⁷⁸ Якубовская М. Д. Указ. соч. С. 15.

²⁷⁹ Там же. С. 22.

²⁸⁰ Липатов А. Т. Семантические аспекты проявления русской омонимии на разных языковых уровнях. Л., 1990. С. 18.

элемента?», «Насколько должна быть ослаблена моносема, чтобы считать процесс образования омонимов состоявшимся, и как оценить, насколько сильно ослаблена конкретно взятая моносема?» и пр. Пожалуй, стоит согласиться с утверждением Л. А. Новикова, который писал: «Этот тип отношений [основанных на ассоциативной связи] в лексике представлен не только семантически отдалёнными, не сходными по компонентному составу единицами (членами практически несоотнесимых семантических сфер и полей, омонимами и др.), но и единицами, входящими в структуру многозначного слова. На первый план здесь выступает изучение не компонентного сходства/различия... а законов внутренней языковой мотивированности...»²⁸¹.

Наиболее убедительным и аргументированным из всех собственно семантических подходов к описанию омонимов и многозначных слов, проведения границы между ними, на наш взгляд, является подход, при котором в качестве доминирующей провозглашается следующая идея: «При омонимии семантические отношения между лексическими единицами выступают как изолированные, единичные, исключительные, трудно предсказуемые, не укладывающиеся в рамки регулярных отношений, свойственных лексико-семантическим вариантам одного слова»²⁸². Эта же идея звучит в статье А. И. Смирницкого²⁸³, в работе П. А. Соболевой²⁸⁴, в диссертации М. Д. Якубовской, которая, в частности, пишет: «Этот процесс [омонимизации значений] предполагает наличие в смысловой структуре слова какого-то особого, своеобразного сдвига, не вписывающегося в лексико-семантическую формулу полисемантических отношений. Вызванный какими-либо внеязыковыми причинами, этот сдвиг детерминируется способностью отдельных семантических элементов к нетривиальным (с точки зрения

²⁸¹ Семантика русского языка. Учеб. пособие для филол. спец. ун-тов. М., 1982. С. 146.

²⁸² Там же. С. 209.

²⁸³ Смирницкий А. И. К вопросу о слове (Проблема «тождества слова») // Труды института языкознания АН СССР. 1954. Т. 4. С. 40.

²⁸⁴ Соболева П. А. Словообразовательная полисемия и омонимия. М., 1980. С. 81.

многозначности) трансформациям и перемещениям»²⁸⁵. В несколько иной форме та же мысль выражена у В. Г. Вариной: «Обращает на себя внимание... зависимость удельного веса внутренней формы в смысловой структуре слова от наличия в системе языка тех или иных единиц с этим же самым признаком номинации»²⁸⁶. (Под «внутренней формой» [далее везде — ВФ] здесь понимается «признак номинации, выражаемый словом»²⁸⁷).

Насколько важно исследование регулярных моделей переноса при изучении семантики того или иного языка, показывает Анна А. Зализняк в своей монографии «Многозначность в языке и способы ее представления»²⁸⁸, в которой красной нитью проходит идея создания словаря регулярных переносов (а вообще эта идея, как отмечает В. Г. Гак, была озвучена ещё в 1952 г. И. Шрепфером²⁸⁹). Одним из основных аспектов изучения семантической системы языка среди прочего О. С. Ахманова называет изучение того, «насколько в данном языке вообще распространены переносные наименования по сходству»²⁹⁰.

Однако регулярность переноса в качестве дифференциального признака многозначных слов принимается далеко не всеми исследователями: О. С. Ахманова писала, что «возникновение омонимов в определённых категориях слов нередко носит регулярный, массовый характер»²⁹¹; В. М. Марков, характеризуя слова *бычок*, *лисичка*, *петушок*, *коровка* и их терминологические употребления, которые он трактовал как омонимы, указывал, что «наличие типовых отношений делает их целостной в словообразовательном отношении группой»²⁹². Приводя в своей статье

²⁸⁵ Якубовская М. Д. Тенденции процесса распада семантического тождества слова (на материале русского языка). М., 1976. С. 8.

²⁸⁶ Варина В. Г. Лексическая семантика и внутренняя форма языковых единиц // Принципы и методы семантических исследований. М., 1976. С. 239.

²⁸⁷ Там же. С. 242.

²⁸⁸ Зализняк Анна А. Многозначность в языке и способы ее представления. М., 2006. 672 с.

²⁸⁹ Гак В. Г. Языковые преобразования. М., 1998. С. 491.

²⁹⁰ Ахманова О. С. Очерки... С. 114.

²⁹¹ Там же. С. 8.

²⁹² Марков В. М. Семантическое словообразование и школа // Русское семантическое словообразование. Ижевск, 1984. С. 137.

«Современные методы изучения значений и некоторые проблемы структурной лингвистики» идеи Р. Уэллса (которые, в свою очередь, являются развитием идей Л. Ельмслева и суть которых тоже заключается в регулярности отношений в полисемии и их нерегулярности в омонимии), Ю. Д. Апресян критически отзывается о них, называя их, однако, не ложными, а «бесполезными»²⁹³.

Считаем нужным пояснить слова Ю. Д. Апресяна, а также заодно выразить своё отношение к рассматриваемой проблеме. Надо полагать, что Ю. Д. Апресян в целом согласен с предлагаемой характеристикой многозначных слов и омонимов, однако в качестве критерия разграничения омонимии и полисемии «они не достигают цели»²⁹⁴, поскольку, так сказать, «следуют из определения» и по сути лишь дополняют его. Дело в том, что, для того, чтобы расценить перенос как регулярный (или, наоборот, нерегулярный), необходимо вначале установить сам факт переноса, а это проблема отнюдь не тривиальная и даже, пожалуй, более сложная, чем оценка переноса с точки зрения его регулярности. Ответ на вопрос «Есть семантическая связь или она отсутствует?» как раз и есть вопрос о наличии/отсутствии переноса, а его регулярность/нерегулярность — дополнительная, хотя и очень важная характеристика этого переноса. Поясним сказанное на примере. *Лебёдка* ‘птица’ и *лебёдка* ‘подъёмный механизм’ могут быть признаны значениями одного слова, а не омонимами только на основании того, что есть *журавль* ‘птица’ и *журавль* ‘подъёмный механизм’, а *журавль* ‘птица’ и *журавль* ‘подъёмный механизм’ — соответственно, на основании того, что есть *лебёдка* ‘птица’ и *лебёдка* ‘подъёмный механизм’. Однако этого недостаточно, потому что семантическая связь между значениями в каждой из этих пар не является очевидной, объективно существующей, а является реконструированной, гипотетической и требующей проверки. И только если подобная связь будет обнаружена (причём в обоих случаях), мы можем говорить о регулярном переносе.

²⁹³ Апресян Ю. Д. Современные методы изучения значений и некоторые проблемы структурной лингвистики // Проблемы структурной лингвистики. М., 1963. С. 116.

²⁹⁴ Там же.

Однако обнаружение переноса как такового в качестве первого этапа анализа — всего лишь одна из двух существующих здесь проблем. Продолжая анализ того же самого примера, зададим себе ещё ряд вопросов.

Как быть в том случае, если в паре *журавль* ‘птица’ — *журавль* ‘подъёмный механизм’ семантическая связь будет обнаружена, а в паре *лебёдка* ‘птица’ и *лебёдка* ‘подъёмный механизм’ обнаружена не будет, но будет, однако, обнаружена в паре *конь* ‘животное’ — *конь* ‘гимнастический снаряд’? С одной стороны, мы имеем только один пример переноса по внешнему сходству типа ‘птица — приспособление’ и потому о регулярности говорить не можем. С другой стороны, мы имеем как минимум два переноса ‘животное — приспособление’, потому можем признать перенос регулярным.

Следующий вопрос: как быть в том случае, если в паре *журавль* ‘птица’ — *журавль* ‘подъёмный механизм’ семантическая связь будет обнаружена, в паре *лебёдка* ‘птица’ — *лебёдка* ‘подъёмный механизм’ обнаружена не будет, в паре *конь* ‘животное’ — *конь* ‘гимнастический снаряд’ тоже не будет обнаружена, а в паре *баба* ‘женщина’ — *баба* ‘ударная часть молота’ будет зафиксирована (рассматриваем гипотетическую ситуацию)? Очевидно, логика такая же: с одной стороны, регулярных переносов ‘птица — приспособление’ и ‘животное — приспособление’ мы зафиксировать не можем, с другой стороны — имеет место регулярный перенос ‘живое существо — приспособление’.

Далее. Как поступить в том случае, если семантический перенос имеет место в паре *журавль* ‘птица’ — *журавль* ‘подъёмный механизм’, в парах *лебёдка* ‘птица’ — *лебёдка* ‘подъёмный механизм’, *конь* ‘животное’ — *конь* ‘гимнастический снаряд’, *баба* ‘женщина’ — *баба* ‘ударная часть молота’ он не обнаружен, а в паре *лист (бумаги)* — *лист (дерева)* перенос наличествует? С одной стороны, между примерами *журавль* ‘птица’ — *журавль* ‘подъёмный механизм’ и *лист (бумаги)* — *лист (дерева)* нет никакого сходства, потому первый из названных переносов не может быть признан регулярным. С другой стороны, некоторую, причём довольно ощутимую, общность мы обнаружить всё-таки можем и в общем виде перенос может быть сформулирован так: ‘предмет X — внешне похожий на него предмет Y’,

то есть в итоге мы пришли к общей формулировке метафоры. Аналогичным образом, рассматривая какой-либо другой пример, мы могли бы прийти к самой общей формулировке метонимии.

Таким образом, в целом разделяя мысль о том, что регулярность переносов есть характерное свойство многозначных слов, поскольку нашему сознанию проще усматривать общность и наличие семантических связей тогда, когда оно уже проделывало аналогичную операцию с аналогичным материалом, мы, тем не менее, должны заметить, что, чем более конкретной является формулировка того или иного переноса (то есть чем более конкретной является семантика членов этой формулировки и чем меньшие по размеру классы, лексико-семантические группы они представляют), тем плотнее семантическая связь между рассматриваемыми значениями и тем больше оснований подавать подобные значения в рамках одной словарной статьи, как значения одного слова.

В связи с этим нам представляется несколько странным утверждение Л. А. Новикова о том, что перенос *лопатка* (уменьш. от *лопата*) — *лопатка* ('плоская треугольная кость') является нерегулярным²⁹⁵. Может и должен быть признан регулярным этот перенос не только потому, что он в целом является переносом по сходству, но ещё и потому (и в первую очередь потому), что в языке имеются другие примеры переноса 'инструмент — кость' (то есть переноса, семантика членов которого предельно конкретна): *молоточек* (уменьш. от *молоток*) — *молоточек* 'косточка в ухе', *наковальня* 'предмет кузнечного ремесла' — *наковальня* 'косточка в ухе', *стремечко* (уменьш. от *стремя*) — *стремечко* 'косточка в ухе' и др. Другое дело, что внешнее сходство между маленькой лопатой и костью может не обнаруживаться, но это, как было доказано выше, несколько другая проблема. Иными словами, мы либо не фиксируем данный перенос и говорим об омонимах, либо фиксируем его и констатируем его регулярность.

Однако и этим уточнением проблема регулярности не исчерпывается. Рассмотрим ещё пару примеров.

²⁹⁵ Семантика русского языка. Учеб. пособие для филол. спец. ун-тов. М., 1982. С. 193—194.

Предположим, что семантический перенос по сходству отмечен в паре *журавль* ‘птица’ — *журавль* ‘подъёмный механизм’, а также в паре *бык* ‘животное’ — *бык* ‘опора моста’. В этом случае, как говорилось выше, мы должны отметить регулярный перенос по внешнему сходству ‘животное — приспособление’.

А теперь предположим, что в паре *журавль* ‘птица’ — *журавль* ‘подъёмный механизм’ зафиксирован перенос по внешнему сходству, а в паре *бык* ‘животное’ — *бык* ‘опора моста’ — перенос по функции (общим семантическим компонентом является ‘способность упираться’ — ср. выражение *упёрся как бык*, разбиравшееся выше). В подобных ситуациях мы считаем правильным вообще не фиксировать регулярного переноса, потому что признаки переносов принципиально различны, а стало быть, и сами переносы качественно различаются.

Таким образом, в ходе подробного анализа всех имеющихся на сегодняшний день в науке критериев омонимии и полисемии, разных подходов к их разграничению, мы пришли к выводу, что принципиальное значение имеют два момента: 1) наличие семантических связей, общих нетривиальных семантических компонентов; 2) регулярность/нерегулярность семантического переноса, если таковой имеет место.

Теперь осталось лишь выяснить, кто должен «ощущать» означенную семантическую связь и кто должен «тестировать» её на регулярность.

Ответ на второй вопрос кажется более очевидным: это прерогатива лингвиста, исследователя, поскольку только он обладает должным уровнем знаний и соответствующими навыками.

Что касается ответа на первый вопрос, то здесь дело обстоит сложнее. В трудах разных учёных неоднократно указывалось на единодушие составителей словарей как на критерий истинности тех фактов, в подаче которых они единодушны. Показательно в этом плане такое замечание Ю. Д. Апресяна: «Не принимать в расчёт эту удивительно последовательную лексикографическую интуицию... нельзя»²⁹⁶. Схожая мысль звучит и в «Очерках...» О. С. Ахмановой²⁹⁷.

²⁹⁶ Апресян Ю. Д. Избранные труды. Т. 2. Лексическая семантика: интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995. С. 162.

Мы же осмеливаемся утверждать обратное: даже полное единодушие составителей словарей в подаче тех или иных фактов в ряде случаев должно быть подвержено если не критике, то, как минимум, проверке (эта мысль будет проиллюстрирована в соответствующих местах диссертации разбором слов *газ*^{1,2} и *окончание*^{1,2}). К тому же, в нашей ситуации подобный выход невозможен потому, что мы анализируем лексику, при подаче которой словари как раз и испытывают определённые трудности.

А. Н. Гранкина говорит о существовании двух основных методах сбора и анализа материала: интроспекции и психолингвистического эксперимента²⁹⁸. А. И. Смирницкий полагал, что «“чувство языка” как таковое вообще не научный критерий»²⁹⁹, и аргументов здесь может быть два: 1) оно слишком индивидуально, чтобы абсолютизировать его показания; 2) «привитая привычка этимологизировать в историческом аспекте»³⁰⁰. Тем не менее, несмотря на последнее обстоятельство, Л. А. Булаховский полагал, что именно интроспекция должна быть основным методом анализа, и именно её показания должны проверяться апелляцией к языковому сознанию рядовых носителей языка. Любопытно и такое замечание М. В. Панова (сделанное в свойственной ему остроумной манере): «Есть строгий и бескомпромиссный контролёр, чьё мнение высоко авторитетно. Вы, например, пришли к выводу, что предлоги — не слова. Но с этим не согласится любая старая неграмотная бабушка... С этим нельзя не считаться...»³⁰¹.

Между прочим, в числе методологических проблем сбора информации с носителей языка Л. А. Булаховский отмечал следующее: «Объект, внимание которого обращают на ту или другую историческую связь, может согласиться с её реальностью, правдоподобностью, хотя “от себя” никак не напал бы на неё и

²⁹⁷ Ахманова О. С. Очерки... С. 258.

²⁹⁸ Гранкина А. Н. Дифференцирующая и регулирующая функции внутренней формы слова. Томск, 2012. С. 9.

²⁹⁹ Смирницкий А. И. Лексическое и грамматическое в слове // Вопросы грамматического строя. Сборник статей. М., 1955. С. 29.

³⁰⁰ Булаховский Л. А. Деэтимологизация в языке // Труды Ин-та рус. яз. АН СССР. 1949. Т. 1. С. 148.

³⁰¹ Панов М. В. О слове как единице языка // Труды по общему языкознанию и русскому языку. Т. 1. М., 2004. С. 52.

сознаёт, что ему её собственно “открыли”, — случай, промежуточный между полным разрывом и живой этимологией. В отдельных случаях можно натолкнуться на людей со склонностью к фантастическому этимологизированию»³⁰².

Из двух зол меньшим нам кажется апелляция к языковому сознанию рядовых носителей, то есть метод психолингвистического эксперимента, который мы и планируем применить в рамках данной работы, отдавая, однако, себе отчёт во всех сложностях, «подводных камнях» (отмеченных Л. А. Булаховским и другими исследователями), с ним сопряжённых.

Заметим также, что попытки разграничить омонимию и полисемию применением метода психолингвистического эксперимента уже предпринимались. Так, О. С. Ахманова описывает метод «семантического дифференциала», который применялся Ч. Осгудом при анализе лексики и суть которого заключается в том, что те или иные слова оцениваются опрашиваемыми по нескольким качественным шкалам. Метод не получил признания и широкого применения в языкознании (конструктивную и справедливую критику этого метода мы находим в том числе и у Ахмановой³⁰³), в первую очередь из-за ограниченности лексического материала, к которому он может быть применим. Однако сама идея «градуирования» респондентами их собственных ответов нам кажется рациональным зерном, и именно её мы планируем заимствовать, видоизменив сообразно нашим задачам.

В конце данной главы мы считаем уместным привести слова О. В. Благовещенского, который, делая в своей статье «Заметки об омонимах и их подаче в словаре»³⁰⁴ обзор предлагавшихся решений по разграничению омонимии и полисемии (Р. Годель в качестве критерия предлагал разные словообразовательные и парадигматические ряды; Р. Клаппенбах — словообразовательный критерий; П. Диаконеску говорил об обязательности для констатации омонимии различий в лексическом значении слова даже при наличии лексико-грамматических различий; выдвигавшийся Г. Фреем метод замены существительного местоимением, а также

³⁰² Там же. С. 149.

³⁰³ Ахманова О. С. Очерки... С. 71—78.

³⁰⁴ Вопросы языкознания. 1973. № 6. С. 120—126.

другие методы и фамилии, уже упоминавшиеся нами), замечает следующее: «Все эти семантические и несемантические критерии чреватy одним и тем же недостатком: авторы иллюстрируют их несколькими примерами, а лексикограф, пытающийся применить их в своей работе, сталкивается с большим количеством исключений, ставящих под вопрос сам критерий»³⁰⁵.

Как нам показалось в ходе предварительного анализа, метод, состоящий из двух этапов, первым из которых является психолингвистический эксперимент, а вторым — анализ регулярности обнаруженных переносов, может, как минимум, претендовать на универсальность, в отличие от любого другого рассмотренного нами критерия. В любом случае, именно его тестирование планируется на значительном массиве слов, включённых нами в выборку. О том, в какой пропорции будут сочетаться данные, полученные на каждом из указанных этапов, и какое влияние каждый из них будет иметь на финальное решение по омонимии в том или ином случае по сравнению с другим, будет подробно объяснено в Главе 4.

³⁰⁵ Указ. соч. С. 121.

Глава 2. Семантическая структура многозначного слова

§ 1. Общие замечания

В предыдущей главе нами было показано, что весь массив неоднозначных единиц, тождественных по звуковой и графической форме, объективно делится на две большие группы — многозначные слова и омонимы. Несмотря на наличие противоположной точки зрения, согласно которой «на самом деле мы имеем всегда столько слов, сколько данное фонетическое слово имеет значений»³⁰⁶, более традиционной и господствующей в лексикологии является позиция, согласно которой слово представляет собой изменяющуюся (в том числе и семантически) единицу, ибо «отказ от признания слова в принципе изменяющейся единицей... неизбежно заводит в тупик, так как он связан с таким пониманием “слова”, которое противоречит всему жизненному опыту пользующегося данным языком народа»³⁰⁷.

В настоящей главе мы постараемся в общих чертах (в общих — потому, что сделать полный и доскональный анализ существующих теорий и точек зрения по этому вопросу в рамках данной работы не представляется возможным) охарактеризовать полисемию как системное явление языка, рассмотреть основные концепции структуры многозначного слова, обозначить основные типы существующих в языке семантических трансформаций, осуществить семантический анализ нескольких слов (как тех, семантическое тождество которых не подлежит сомнению, так и тех, которые находятся в процессе омонимизации и некоторыми исследователями рассматриваются как омонимы).

³⁰⁶ Щерба Л. В. Опыт общей теории лексикографии. Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1940. № 3. С. 107.

³⁰⁷ Смирницкий А. И. К вопросу о слове (Проблема «тождества слова») // Труды института языкознания АН СССР. 1954. Т. 4. С. 12.

Как нами было показано в первой главе, решение вопроса о разграничении омонимии и полисемии в лексикографической практике должно приниматься на основании семантического анализа лексики. Полагаем, для того чтобы этот семантический анализ был последовательным (что, в свою очередь, обеспечит последовательность подачи спорных случаев в словаре, когда при наличии одних и тех же условий разные единицы не будут трактоваться двояко), как раз и необходимо прибегнуть к обзору существующих концепций многозначности, определиться с теми теоретическими установками, которые наиболее близки нам, и применить их на практике, проанализировав несколько примеров.

Подобная работа проводится, с одной стороны, с целью демонстрации наиболее «чистых», архетипических, наименее спорных случаев полисемии, которые могли бы послужить фоном, на котором впоследствии будут рассматриваться омонимы (то есть омонимические ряды могут характеризоваться по принципу «от противного», как такие, члены которых не обладают теми признаками, которыми обладают значения полисеманта). Кроме того, мы планируем на конкретных примерах этих «чистых» случаев полисемии ещё раз продемонстрировать несостоятельность некоторых предлагавшихся разными исследователями критериев разграничения полисемии и омонимии (которые были рассмотрены нами в Главе 1), показав, что признаки, которыми обычно наделяют омонимы, в такой же степени характерны и для значений одного слова.

С другой стороны, мы сознательно берём для анализа слова, находящиеся в процессе семантического распада, для того чтобы ещё раз, теперь уже на конкретных примерах, показать всю сложность вопроса о статусе тех или иных слов, возможность разнообразных трактовок одних и тех же фактов, доказать, что семантическая структура слова динамична, зачастую в ней имеют место потенции к расщеплению, и лексикограф (равно как и лексиколог) обязан их видеть и учитывать.

Иными словами, в этой главе мы планируем на конкретных примерах начать доказательство тезиса о том, что многозначность и омонимия, существуя в языке в качестве двух отличных друг от друга явлений (если взять наиболее типичные,

«классические» примеры каждого из них), на самом деле представляют собой не два замкнутых класса, а скорее полюсы некоей шкалы, между которыми существует масса переходных случаев, составляющих обозначенный континуум. В данном случае, таким образом, нами, с одной стороны, будет рассмотрено «полюсное» явление, с другой — те, которые близки к этому «полюсу» многозначности, но всё же находятся вне его.

В первой главе мы отмечали, что омонимы являются нарушением закона знака (который проявляется в том, что одному означаемому соответствует только одно означаемое и наоборот). В принципе то же самое может быть сказано и о многозначных словах. О. С. Ахманова справедливо отмечает: «...наиболее естественным было бы такое положение, при котором каждой “единице языкового смысла” соответствовала бы отдельная и строго закреплённая за ней “единица внешней оболочки”. Однако это положение, которое, отвлечённо рассуждая, и могло бы казаться желательным и “удобным”, на самом деле не существует»³⁰⁸. Р. А. Будагов видел главную причину такого положения вещей прежде всего в объективной ограниченности человеческих возможностей: «Нам нужно было бы непосильно перегружать нашу память бесчисленным количеством отдельных слов, если для каждого предмета мы изобретали бы новое слово»³⁰⁹. Похожую мысль мы находим и у В. В. Виноградова: «Ни один язык не был бы в состоянии выражать каждую конкретную идею самостоятельным словом или корневым элементом. Конкретность опыта беспредельна, ресурсы же самого богатого языка строго ограничены»³¹⁰.

Не оспаривая процитированного, мы всё же заметим, что причину существования полисемии в языке следует видеть не только (а может быть даже и не столько) в том, что наша память физически не может вместить такое же количество слов, какое количество предметов (денотатов) мы имеем, но и в том, что язык призван кодировать не просто отдельные фрагменты неязыковой действительности,

³⁰⁸ Ахманова О. С. Очерки... С. 108.

³⁰⁹ Будагов Р. А. Слово и его значение. Научно-популярный очерк. Л., 1947. С. 52.

³¹⁰ Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М., Л., 1947. С. 15.

но саму эту действительность, которая, помимо объектов, включает в себя ещё и связи между ними. В этом смысле язык должен быть изоморфным (если не абсолютно, то хотя бы в значительной степени) объекту, который он выражает, и связи, обнаруживаемые сознанием человека в бытии, должны в той или иной степени отражаться в языке.

На ещё одну причину целесообразности существования полисемии в языке указывал В. Г. Гак, писавший: «Естественный язык не может состоять из единичных имён не только в силу особенностей плана выражения (это привело бы к обилию знаков, непосильному для человеческой памяти), но главным образом в силу особенностей плана содержания (объекты, подлежащие наименованию, заранее неопределимы ни в количественном, ни в качественном отношении)»³¹¹.

Иными словами, язык без полисемии был бы не просто неудобным (в силу его громоздкости) кодом, но ещё и на порядок менее эффективным, поскольку связи между явлениями реального мира, закреплённые в структуре многозначного слова, в этом случае не были бы закреплены в слове и человек каждый раз вынужден был бы затрачивать дополнительные усилия на их восстановление.

Именно поэтому полисемия является естественным атрибутом любой языковой системы и лишь мнимым «нарушением» закона знака. «...Полисемия, расширение и сужение значений — это не свойство только одного периода в развитии языка, например, древнего или нового, а свойство языка вообще...»³¹².

Если в какой-то степени (хотя и далеко не в полной — об этом см. предыдущую главу) можно согласиться с утверждением, что омонимия является изъяном языка как системы, то говорить подобное о многозначности, которая, по подсчётам исследователей, характерна приблизительно для 80 % слов русского языка³¹³, вообще не представляется возможным.

³¹¹ Гак В. Г. К диалектике семантических отношений в языке // Принципы и методы семантических исследований. М., 1976. С. 76.

³¹² Будагов Р. А. К проблеме устойчивых и подвижных элементов в лексике // Известия АН СССР. 1951. Т. 10. Вып. 2. С. 92.

³¹³ Голуб И. Б. Русский язык и культура речи. Учебное пособие. М., 2003. С. 266.

Во «Введении» мы отмечали, что в языкознании существовала точка зрения, согласно которой слову отказывалось в возможности иметь несколько значений. Аналогичная ей по своей радикальности позиция имеет место и в вопросе значения как объективно существующего в языке феномена. Некоторые исследователи, признавая, что слово представляет собой некую целостность и что далеко не каждое употребление одной и той же последовательности звуков есть отдельное слово, считают, в то же время, что выделять какие-то обособленные «общезыковые» значения в составе того или иного слова неправомерно. По их мнению, значений в языке не существует, а существуют оные только в речи, то есть слово имеет по сути столько значений, сколько раз оно употребляется в речи, и как-то синтезировать из этого общего массива более или менее выделяемые инварианты бессмысленно.

Так, Ю. С. Сорокин противопоставлял омонимам «слова, имеющие одно общее значение, получающее в речи различные реализации»³¹⁴. В таком же духе трактует слово с точки зрения его семантики и И. Р. Пигалева: «...значение знака как элемента языковой системы понимается как обобщённая совокупность всех употреблений слова, при этом значение слова, его употребление в конкретном речевом акте, т. е. актуальное значение, не может быть в полной мере тождественным значению системному... при конкретном употреблении реализуется лишь одна из сторон... системного значения»³¹⁵.

Подробное освещение данной концепции (характерной в основном для зарубежного языкознания середины прошлого века) и её критический анализ содержится в «Очерках...» О. С. Ахмановой. Подобные воззрения на слово и его значение, помимо сомнений в своей собственно теоретической обоснованности, вызывают ещё и вопросы, касающиеся подачи слов при таких теоретических установках в лексикографической практике. В случае принятия данной позиции работа лексикографа должна будет свестись к регистрации и отражению максимально возможного количества случаев употребления того или иного слова.

³¹⁴ Дискуссия по вопросам омонимии... // Лексикографический сборник. 1960. Вып. 4. С. 64.

³¹⁵ Пигалева И. Р. Специфика дистрибутивности терминологического использования общеупотребительного многозначного слова. Ставрополь, 2006. С. 11.

О. С. Ахманова отмечает, что именно такое решение проблемы первоначально как раз и предлагалось В. Я. Дорошевым в его макете «Словаря польского языка», однако впоследствии он отказался от подобного способа семантической трактовки слов³¹⁶.

В данной работе мы, безусловно, придерживаемся более традиционного понимания термина «лексическое значение» как объективно существующего не только в речи, но и в языке феномена, и нам более близки трактовки этого понятия, подобные, например, такой: «Значение слова — это системная в данном языке данного периода и социально осознанная отнесённость слова к определенному понятию, вместе с ним выполняющая функцию обобщённо абстрагированного обозначения реалий...»³¹⁷.

Несмотря на то, что в лексикологической литературе к настоящему моменту накоплено огромное количество различных точек зрения и подходов к классификации способов формирования новых значений, любой семантический перенос содержит в себе нечто инвариантное с другими, нечто такое, что и позволяет ему быть семантическим переносом. Анна А. Зализняк отмечает, что «многозначность порождается актуализацией, в различных условиях, различных аспектов (семантических компонентов) значения слова», и подчёркивает, что эта же идея разрабатывалась как в отечественной (Е. В. Падучева, В. Г. Гак и др.), так и в зарубежной лингвистике (термин «профилирование» в когнитивной лингвистике и, в частности, у Р. Лангаккера; «windowing of attention» у Ф. Унгерера, Х.-Й. Шмида, Л. Тальми и др.)³¹⁸.

В целом верная, приведённая формулировка всё же нуждается в некотором уточнении. В случае семантического переноса и образования нового значения, действительно, должен наличествовать некий общий компонент, который выделяется в исходном семантическом образовании и имеется в производном. Однако сужать сферу поисков этого общего компонента только семантическим

³¹⁶ Ахманова О. С. Очерки... С. 88.

³¹⁷ Котелова Н. З. Значение слова и его сочетаемость (к формализации в языкознании). Л., 1975. С. 155.

³¹⁸ Зализняк Анна А. Многозначность в языке и способы ее представления. М., 2006. С. 38—39.

пространством производящего значения, на наш взгляд, не совсем правильно. Нам ближе более общие и более осторожные высказывания на этот счёт, например, подобные тем, которые содержатся в книге Г. И. Кустовой: «Основой семантического развития слова служит не только исходное, базовое значение, но и соответствующая прототипическая ситуация»³¹⁹.

Чтобы проиллюстрировать этот тезис и наглядно показать различия между значением, с одной стороны, и «прототипической ситуацией», с другой, обратимся к примеру, который мы, вслед за П. Н. Денисовым, уже приводили в первой главе (см. с. 76): слово *тюлень* сочетает в себе два значения: ‘животное’ и ‘неповоротливый человек’. Несмотря на то, что семантическая связь между этими двумя значениями кажется интуитивно очевидной, в их толкованиях общих компонентов нам обнаружить не удаётся. Исходя из наличия в данном случае многозначности и отсутствия омонимии как из аксиомы, теоретически мы можем сделать два вывода. Первый из них был сделан, как отмечалось выше, самим П. Н. Денисовым, который предлагал значительно расширить толкование первого значения слова *тюлень* и отметить в нём неповоротливость этого животного на суше. Между тем, подобное толкование, включающее в себя эту добавку, будет казаться странным и неестественным в свете существующей лексикографической традиции дефинирования терминов и номенов (мы имеем в виду традицию, согласно которой толкование термина или номена должно быть достаточным и неизбыточным; нельзя сказать, что эта традиция в лексикографической практике реализуется предельно последовательно, однако включение в толкование слова *тюлень* указанного компонента явилось бы вопиющим отступлением от этой традиции и именно поэтому выглядело бы неестественным).

Такое же замечание можно сделать и о паре значений слова *осёл*, в первом из которых компоненты ‘тупость, упрямство’ никак не отражены.

Таким образом, мы имеем ситуацию, при которой два значения не имеют общих компонентов, входят в одно слово и всё же должны иметь что-то общее «по определению». И второй вывод (и выход из указанной ситуации) как раз и состоит в

³¹⁹ Кустова Г. И. Типы производных значений и механизмы языкового расширения. М., 2004. С. 197.

признании факта существования «прототипической ситуации», которая «является... источником многочисленных импликаций, которые в исходном значении не отмечаются (поскольку для толкования этого значения они не нужны), но на которых основаны многие неметафорические и, особенно, метафорические значения»³²⁰; модель такой ситуации «не только поставяет семантический материал для производных значений, но и обеспечивает их связь и, тем самым, единство многозначного слова»³²¹.

Таким образом, в толковании производящего значения может отсутствовать пресловутый общий компонент, благодаря которому возникло производное, однако вопрос, отражать ли эту мотивировку в составе производного значения (типа: «Тюлень — о неповоротливом человеке (*тюлени (1)* очень неповоротливы на суше)), тоже весьма непросто и представляет собой отдельный интерес, а потому будет рассмотрен нами отдельно в Главе 4.

Приведём также пример, который даёт В. Г. Гак: «Глагол *есть* значит ‘принимать пищу’, но само это действие связано с рядом явлений, которые могут отмечаться при восприятии процесса еды: при еде уничтожается то, что едят; едят, чтобы питаться, а это, в свою очередь является первым условием существования... зубы, вонзающиеся в живое существо при еде, причиняют ему боль и т. п.»³²². Именно эти компоненты «прототипической ситуации» актуализируются соответственно в таких оборотах: *колорадский жук съел весь картофель, мальчик сегодня ничего не ел, его ест тоска*.

До сих пор речь шла только о паре значений, однако в одном слове может совмещаться до нескольких десятков значений (например, «Большой толковый словарь русского языка» под ред. С. А. Кузнецова [далее везде — БТС] фиксирует 30 значений глагола *идти*), и вопрос о том, как устроена семантическая структура

³²⁰ Там же.

³²¹ Там же. С. 40

³²² Гак В. Г. К диалектике семантических отношений в языке // Принципы и методы семантических исследований. М., 1976. С. 6.

многозначного слова, что она собой представляет, является дискуссионным в лексикологии.

Одной из самых известных и в то же время спорных в семасиологии является концепция т. н. «семантического инварианта». Её суть сводится к постулированию у слова некоего «общего значения» (термин Р. О. Якобсона), которое находит выражение в каждом из «частных» значений слова как его компонент. Таким образом, семантическое единство слова поддерживается благодаря тому, что в каждом из его значений наличествует некий общий семантический компонент («инвариант»), и каждое частное значение можно считать его модификацией.

О. С. Ахманова отмечает, что Ф. Травничек писал «о необходимости определения общего значения слова, о выделении, обнаружении того семантического ядра, которое делает возможным его употребление для обозначения различных предметов действительности»³²³.

Критику (на наш взгляд, справедливую) этой теории мы находим у Е. Куриловича в статье «Заметки о значении слова»³²⁴ который, пытаясь вычленить названный «семантический инвариант» в паре значений ‘животное’ и ‘упрямец’ у слова *осёл*, приходит к выводу, что, если таковой «инвариант» и может быть в этой паре вычленен, то он будет иметь предельно общий вид ‘тот или то, что делает что-либо’, то есть ценность подобного понятия и целесообразность введения этого термина оказываются по существу нулевыми³²⁵.

Если мы попытаемся произвести аналогичную операцию с глаголом *идти* и всеми его значениями, то даже такой, предельно общий по своему значению, семантический инвариант выделяется с большим трудом: можно заключить, что для большинства значений общим является компонент ‘движение’, однако подобное трудно сказать о глаголе *идти* в таких, например, употреблениях: *Это платье тебе идёт* или — *Встречаемся в 6 вечера. — Идёт!*

³²³ Ахманова О. С. Очерки... С. 89.

³²⁴ Курилович Е. Очерки по лингвистике. М., 1962. С. 237—250.

³²⁵ Указ. соч. С. 245—246.

Выше мы говорили о том, что у двух значений, одно из которых является производным, а другое производящим, должен быть некий общий компонент (при этом необязательно в структуре самого значения). Однако производное значение может выступить производящим по отношению к другому, производному следующего уровня, и у этой пары значений может быть общим совершенно другой компонент. Слегка забегаю вперёд, приведём такой пример: у значений слова *дом* ‘место проживания’ и ‘семья’ общим является компонент ‘проживание’ (семья — группа родственников, проживающих вместе), в то время как у значений ‘семья’ и ‘знатный род’ (например, *дом Романовых*) — компонент ‘родственные связи’. Тем не менее, эти значения объединены в одном слове (подробнее об этом см. на с. 119—120).

Однако альтернативное решение проблемы семантической структуры слова, которое предлагает сам Е. Курилович, нами тоже не может быть безоговорочно принято. Характеризуя семантическую структуру многозначного слова, польский исследователь говорит о т. н. «первичных» и «вторичных» функциях («главное» и «частное» значения у Р. О. Якобсона), понимая под первыми значения, реализация которых не зависит от контекста, а под вторыми — значения, для реализации которых необходим особый контекст³²⁶.

О. Н. Трубочёв, анализируя обозначенные подходы (прежде всего подход Куриловича), справедливо замечает, что они явились закономерным следствием другого, более концептуального, представления об изоморфизме лексико-семантического яруса языка другим, более элементарным, уровням, прежде всего фонетическому и словообразовательному; в связи с этим он называет такую теорию «фонологической концепцией семантики»³²⁷.

В самом деле, как концепция «семантического инварианта», так и только что изложенные размышления Куриловича могут быть проиллюстрированы параллелями между семантикой (в её понимании последователями теории

³²⁶ Курилович Е. Р. Заметки о значении слова // Вопросы языкознания. 1955. № 3. С. 73—81.

³²⁷ Трубочёв О. Н. Этимологические исследования и лексическая семантика // Принципы и методы семантических исследований. М., 1976. С. 149.

изоморфизма) и фонетикой: с одной стороны, фонема представляет собой единицу языка, которая воплощается в позиционно чередующихся звуках (мы не можем услышать или произнести «фонему вообще», но можем услышать или произнести тот или иной её звук), с другой стороны — общее значение есть идеальная сущность, по-разному воплощающаяся в более материальных единицах — «частных» значениях; с одной стороны, у каждого звука есть «первичная функция» — обозначать фонему, которая и названа его именем, в сильной позиции, а также вторичная/ые функция/и — обозначать другие фонемы в условиях определённого контекста (в слове *пол* звук [п] выполняет первичную функцию, обозначая фонему /п/, в слове *дуб* звук [п] выполняет вторичную функцию, обозначая фонему /б/ в условиях определённого фонетического контекста — абсолютного конца слова), с другой стороны — слово имеет контекстуально независимые (первичные) и зависимые (вторичные) значения.

Заметим также, что вторая параллель, равно как и в целом концепция Куриловича по сравнению с концепцией «семантического инварианта», нам кажется более убедительной: всё-таки Р. О. Jakobson и другие сторонники теории «семантического инварианта» постулируют наличие общего семантического компонента между разными значениями, что, в случае наличия изоморфизма и параллелизма, должно было бы находить соответствие на фонетическом уровне в том, что звуки, представляющие одну фонему, должны были бы иметь нечто общее в своём звучании. Между тем как в фонетике (по крайней мере, в учении Московской фонологической школы) речь идёт только о позиционной дистрибуции звуков, независимо от их материального сходства или различия; так, разные и по подъёму, и по ряду, и по наличию/отсутствию лабиализованности гласные звуки [и³] и [о] в словах *нести* — *нёс* представляют, тем не менее, одну фонему — /о/.

Однако исследователями не раз отмечалось, что идея изоморфизма лексико-семантического яруса языка фонетическому требует очень осторожного обращения и не может претендовать на абсолютность. Так, приводя свои аргументы, а также примеры из работ других, как отечественных, так и зарубежных, учёных, О. Н. Трубочёв писал: «Положение об изоморфизме плана выражения и плана

содержания применительно к семантике и словообразованию было и остается декларацией, от которой постепенно отошли все те, кому приходится работать со словом и значением»³²⁸. «Система лексической семантики, — пишет А. Я. Шайкевич, — менее всего напоминает строго упорядоченные ряды грамматических форм или фонологическую систему»³²⁹. (См. также приводившиеся нами на с. 61 слова О. С. Ахмановой).

Помимо своей теоретической неубедительности, концепция Куриловича не берётся нами за основу ещё по нескольким причинам. Во-первых, контекстный подход сам по себе, независимо от истинности тех результатов, которые он даёт (а эта истинность тоже под вопросом), оставляет в стороне такой важнейший аспект семантики слова, как семантическая деривация и семантические отношения между самими значениями одного слова. Во главу угла ставится собственно функциональный аспект, между тем как для нас, с точки зрения нашей проблематики, значительно больший интерес представляет иной аспект — мотивационно-деривативный.

Во-вторых, весь массив вторичных значений слишком неоднороден по своему составу, чтобы ограничиться констатацией того, что все они принадлежат к вторичным значениям на функциональных основаниях. Даже если принять в качестве исходного критерий контекстной обусловленности (а не мотивационно-деривативный, который будем применять мы), думается, можно обнаружить большое разнообразие «вторичных функций» с точки зрения качества и количества контекстов, их обуславливающих.

В свете всего вышесказанного справедливыми нам кажутся слова Г. И. Кустовой: «Обычно невозможно и, по-видимому, не следует пытаться подвести под некоторый инвариант решительно все значения слова, поскольку система производных значений многозначного слова “неоднородна”: она имеет

³²⁸ Там же. С. 150.

³²⁹ Шайкевич А. Я. Дистрибутивно-статистический анализ в семантике // Принципы и методы семантических исследований. М., 1976. С. 376.

сложную структуру, состоящую из нескольких подструктур и включающую значения разного происхождения и разных типов»³³⁰.

Потому в данной работе мы будем придерживаться более традиционного подхода к семантической структуре слова, который отражён, в частности, в трудах Д. Н. Шмелёва, писавшего: «Значения слов *земля*, *дом* и т. п. объединены не как варианты какого-либо присущего этим словам более общего смыслового содержания, а на основе того, что в смысловое содержание отдельных значений этих слов входят одни и те же семантические элементы...»³³¹.

В лексикологии существуют разные точки зрения относительно того, в каких отношениях между собой находятся значения многозначного слова, имеется ли между ними иерархия. В. В. Левицкий выделяет три точки зрения на эту проблему: 1) отдельные значения многозначных слов неравноправны; 2) значения многозначного слова равноправны и не знают делений на «основные — неосновные», «прямые — переносные»; 3) в одних случаях значения полисеманта равноправны, в других — нет. Первой точки зрения придерживался В. В. Виноградов, второй — В. А. Звегинцев и К. А. Аллендорф, третьей — Д. Н. Шмелев³³².

Более убедительной нам представляется опять же точка зрения Д. Н. Шмелёва. В иллюстративных целях приведём аналогию из области словообразования. В паре *магазин* — *магазинчик* направление словообразовательной деривации не вызывает сомнений и мы можем констатировать, что первое слово является производящим, второе — производным и между ними, таким образом, существует иерархия. Однако в паре *работа* — *работать* такого однозначного решения мы принять не можем: как первое, так и второе слово может быть как производным, так и производящим. Очевидно, что это однокоренные слова, семантическая связь между которыми налицо, и верным решением, судя по всему, будет констатация взаимной

³³⁰ Кустова Г. И. Типы производных значений и механизмы языкового расширения. М., 2004. С. 197.

³³¹ Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики... М., 1973. С. 71.

³³² Левицкий В. В. Экспериментальные данные к проблеме смысловой структуры слова // Семантическая структура слова. Психолингвистические исследования. М., 1971. С. 153.

мотивации. Впрочем, по этому вопросу имеется и другая точка зрения, которой придерживался, например, И. А. Мельчук. Согласно этой точке зрения, в любой из пар одно из слов обязательно является семантически более простым и производящим для другого, причём смысловая и формальная производность могут не совпадать (в паре *радовать* — *радоваться* семантически более элементарным и простым является второе слово). Этой проблеме посвящена, в частности, его статья «Об определении большей/меньшей смысловой сложности при словообразовательных отношениях»³³³, откуда и приведён пример. «Принципиальную возможность несоответствия между формальной и семантической сложностью слова» отмечают и авторы монографии «Семантические вопросы словообразования. Производящее слово»³³⁴.

Аналогичную картину мы можем обнаружить и в семантической структуре слова. Не вызывает сомнений, что значения слова *звезда* ‘небесное тело’ и ‘знаменитость’ находятся в отношениях иерархии, где первое является производящим, а второе — производным. Однако в паре значений ‘периодическое издание’ и ‘тетрадь для периодической записи чего-л.’ слова *журнал* однозначное аргументированное решение в пользу того или иного статуса каждого из значений принять трудно. Они, с одной стороны, равноправны относительно друг друга, с другой — связаны друг с другом благодаря наличию общих семантических компонентов: ‘периодичность’ и ‘письменная фиксация чего-л.’. В рамках данной работы, целью которой является нахождение критериев разграничения омонимии и полисемии, для нас более важен сам факт наличия семантической связи между двумя значениями, а не направление деривации, хотя вопрос о последнем и представляет несомненный теоретический интерес.

Тому, какими способами происходит развитие семантической структуры слова, появление новых значений, иначе — способам семантической деривации, посвящена обширнейшая литература, и сделать хотя бы обзорный её анализ в рамках нашей работы не представляется ни физически возможным, ни

³³³ Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1969. № 2. С. 126—135.

³³⁴ Семантические вопросы словообразования. Производящее слово / Под ред. М. Н. Янценецкой. Томск, 1991. С. 225.

целесообразным (повторим в связи с этим мысль, уже звучавшую в несколько иной форме в конце Главы 1: мы можем прибегнуть к разным классификациям, характеризуя тот или иной семантический перенос, однако более важной и сложной для нас всё равно останется иная, более общая, проблема: имеет ли место в данном случае перенос как таковой, осознаётся ли он рядовыми носителями?).

Тем не менее, обозначить наше видение этой проблемы и выделить из существующего множества мнений те, которые наиболее близки нам, мы считаем всё же необходимым.

В. Г. Гак проводил параллель «семантические отношения между значениями — логические отношения между понятиями». Он выделяет: 1) логическое отношение равнозначности (в семантике — синонимия), 2) внеположенность (в семантике — процесс смещения, т. е. «использование для наименования данного понятия названия смежного понятия *в пределах одного родового понятия* [курсив наш. — Д. К.]»; явление, характерное для фразеологии, а в лексике обнаруживаемое при диахронно-этимологическом рассмотрении единиц, то есть к нашей работе не имеющее отношения); 3) контрадикторность (антонимия), 4) подчинение (в семантике — расширение или сужение); 5) переименование (семантические переносы по сходству и смежности)³³⁵.

Из пяти перечисленных разновидностей логических отношений актуальными для рассматриваемой нами проблемы полисемии являются подчинение (гипергипонимические отношения между значениями) и переименование (семантический перенос). Последнее проявляет себя метафоре (переносе по сходству) и метонимии (переносе по смежности), а первое — в расширении и сужении значений.

Традиционно чаще выделяются и исследуются первые два переноса. Этот факт отмечает в своей статье А. И. Ольховская, приводя слова Г. И. Кустовой: «Основные механизмы получения новых значений — метафора и метонимия, базирующиеся на принципах аналогии и смежности, — известны со времен Аристотеля и античных риторик, и в этой сфере вряд ли стоит ожидать каких-то

³³⁵ Гак В. Г. Семантическая структура слова как компонент семантической структуры высказывания // Семантическая структура слова. Психолингвистические исследования. М., 1971. С. 83—85.

кардинальных изменений и новых открытий — просто потому, что это основные механизмы когнитивного освоения реальности человеком»³³⁶. Однако сама А. И. Ольховская, анализируя такие ЛСВ слова *голубь*, как ‘птица’ и ‘самец этой птицы’, справедливо отмечает, что «самец голубя есть не часть голубя, а его разновидность»³³⁷, и утверждает, что «выделение гипонимии в качестве форманта семантической деривации имеет большое значение как для теории семасиологии, так и для практики лексикографирования, поскольку может служить для выработки специфических процедур представления гипонимических значений в словаре»³³⁸.

Логично было бы предположить, что в языке должен существовать и обратный только что описанному процесс — процесс генерализации, или расширения значения, когда слово в производном значении называет род явлений, а в производящем — вид или конкретного представителя этого рода. И, как может показаться, такие случаи действительно обнаруживаются в языке. Примером таких отношений может послужить, например, слово *луна* и два его значения ‘небесное тело, которое вращается вокруг Земли’ и ‘спутник любой планеты’. Ср. также: *табу* ‘запрет на использование или упоминание чего-либо в древнем обществе’ и ‘вообще строгий запрет’, *дивиденд* ‘прибыль, получаемая акционерами’ и ‘вообще выгода’ и пр.

Однако если мы зададим себе вопрос, в каких отношениях находятся между собой генерализация и метафоризация, то мы будем вынуждены констатировать отношения включения между этими двумя явлениями. Даже в слове *луна*, в семантической структуре которого генерализация представлена, пожалуй, в наиболее архетипическом своём виде (производное значение называет не просто род (‘нечто меньшее по размеру, вращающееся вокруг объекта, большего по размеру’), а ближайший в родо-видовой иерархии класс более высокого уровня (‘естественный спутник любой планеты’)) — второе значение может быть истолковано не только

³³⁶ Цит. по: Ольховская А. И. О гипонимическом способе развития многозначности // Научный диалог. 2012.

№ 3. Филология. С. 35.

³³⁷ Там же. С. 37.

³³⁸ Там же. С. 49.

как «общее наименование для класса объектов, типичным представителем которого является *луна 1*», но и как «класс астрономических объектов, которые, подобно луне 1, вращаются вокруг планет». Как видим, вторая формулировка представляет собой типичный пример толкования значения, образованного способом метафоризации.

Вообще говоря, если мы попытаемся вывести общую формулировку для процесса генерализации, то она примет приблизительно такой вид: это семантический процесс, в результате которого на базе исходного значения *X* формируется производное значение *Y* вида «*перен.* вообще что-либо, имеющее одно из свойств (*N*) объекта *X*», однако эта же формулировка вполне может быть трансформирована в «метафорическую»: объект *Y* называется так же, как *X*, потому, что он, как и X, обладает свойством *N*.

Иными словами, любая «генерализирующая» трактовка семантического процесса может быть интерпретирована как метафорическая (более того: трактовка с использованием «метафорической формулы» (см. выше пример со словом *луна*), с эксплицированным сравнением, нам представляется более вероятной со стороны рядового носителя языка и более приемлемой и естественной для него, чем трактовка «от вида к роду»), но далеко не всегда возможен обратный процесс (в паре значений слова *баранка* ‘хлебобулочное изделие’ и ‘руль’ второе трактуется только как метафоризация первого по признаку внешнего сходства, и это слово вряд ли может использоваться для любого предмета, имеющего такой внешний вид).

Таким образом, доказав, что любая генерализация есть метафора, но не любая метафора есть генерализация, мы приходим к выводу, что расширение исходного значения (в отличие от метафоры, метонимии и сужения) в качестве самостоятельного способа формирования у слова новых значений мы признать не можем и что расширение есть разновидность метафоры, которая, в свою очередь, может быть как генерализующей (*луна 1* — *луна 2*), так и негенерализующей (*баранка 1* — *баранка 2*).

Потому мы не можем согласиться с В. Г. Гаком, утверждавшим, что «метафорический перенос может быть интерпретирован как симметричное

отношение двух наименований с заменой архисем»³³⁹. Замена архисемы (последняя понимается нами, вслед за Л. А. Новиковым, как «сема, отражающая общие признаки (свойства) определённого класса единиц»³⁴⁰, как «родовой» смысловой компонент смысла) не является конституирующим для метафоры признаком. Рассматривавшиеся выше значения слова *луна* называют предметы одного класса — естественные небесные объекты — и, таким образом, имеют соответствующую общую архисему, однако второе из них, как указывалось выше, вполне может трактоваться как производное от первого по признаку сходства (в данном случае — функционального).

Нельзя сказать также и того, что случаи сужения значения, в отличие от случаев его расширения, всегда однозначно идентифицируются и что никогда не возникает сомнений при их выделении. В указанной статье А. И. Ольховская особо отмечает ситуации, когда родовое значение формально отсутствует в языке, но в то же время существует как некий «мыслительный конструкт», в связи с чем возникает возможность двоякой трактовки способа образования значения, и в качестве примера приводит слово *дневник* и его значения ‘записи личного характера’ и ‘ежедневные записи в ходе исследований, экспедиций’. В данном случае может быть усмотрена и метафорическая связь между ними на основе признака «регулярные записи», и производность каждого из них от теоретически мыслимого гиперонима «ежедневные записи разного назначения»³⁴¹. Заметим, что, если мы констатируем метафоризацию, возникает дополнительный вопрос о направлении деривации, о том, какое из значений первично, а какое вторично, — именно поэтому, собственно, мы и не можем здесь безоговорочно принять решение в пользу метафоризации и вынуждены вводить дополнительные, в общем-то искусственные, конструкты.

³³⁹ Гак В. Г. Семантическая структура слова как компонент семантической структуры высказывания // Семантическая структура слова. Психолингвистические исследования. М., 1971. С. 85.

³⁴⁰ Семантика русского языка. Учеб. пособие для филол. спец. ун-тов. М., 1982. С. 117.

³⁴¹ Ольховская А. И. О гипонимическом способе развития многозначности // Научный диалог. 2012. № 3. Филология. С. 38—39.

Тем не менее, как наличие промежуточных между омонимией и полисемией явлений не мешает нам говорить о существовании первой и второй, так и наличие пограничных между метафорой и сужением значения случаев не мешает нам констатировать наличие сужения как самостоятельного в семантической деривации процесса, поскольку наряду со спорными случаями есть пары значений, наличие смыслового сужения между которыми не вызывает сомнений и семантическая связь между которыми не может быть интерпретирована никак иначе (см. приводившийся выше пример значений слова *голубь*, а также аналогичную пару значений слова *медведь*, значения ‘приводить в состояние, необходимое для совершения каких-либо действий’ и ‘делать кушанья, напитки’ слова *готовить* (примеры также взяты из статьи А. И. Ольховской) и др.).

Нам хотелось чуть более подробно рассмотреть сужение и расширение значения и сделать на них больший акцент, чем на метафоре и метонимии, поскольку последние очень подробно рассматривались в трудах как отечественных, так и зарубежных лингвистов, с самых разных позиций и под разными углами, в том числе и с точки зрения их классификаций.

Так, Л. А. Новиков берёт за основу своей классификации метонимических переносов семантических «участников» процесса метонимизации (им выделяются, в частности, такие модели, как «действие — результат действия (*посылка бандероли — получить посылку*)», «действие — инструмент действия (*скрепка бумаг — коробка со скрепками*)», «часть — целое (*есть клубнику — сажать клубнику*)»). Однако среди прочих Л. А. Новиков выделяет и модель «целое — часть», иллюстрируя её в том числе и таким примером: *машина 1 — машина 2 (роль машин в научно-технической революции — приехал на машине)*³⁴². Мы считаем, что подобную пару значений правильнее отнести как раз к сужению, поскольку автомобиль не является «частью» *машины 1*, а является её разновидностью.

На наш взгляд, очень точно сущность процесса метонимического переноса передаёт в своей диссертации С. А. Москвичёва, определяя его как результат работы «когнитивно-денотативного механизма» (в то время как при метафоризации

³⁴² Семантика русского языка. Учеб. пособие для филол. спец. ун-тов. М., 1982. С. 195—197.

работает «когнитивно-образный механизм») и говоря о нём следующее: «Предметно-логическое мышление осуществляет такой перенос на основе близости, смежности концептов, образов, представлений: метонимический сдвиг оказывается возможным в связи с тем, что представляемая новая когнитивная структура и базовая структура находятся в отношениях сопредельности»³⁴³. Особенно важным в этих словах нам кажется указание на наличие отношений сопредельности в базовой структуре, то есть на денотативном уровне, что делает постулирование сужения значения как особого типа семантического переноса ещё более обоснованным. В самом деле, между *машиной 1* и *машиной 2* (см. выше) в некотором смысле есть сопредельность, однако эта сопредельность обнаруживается не на денотативном, а на понятийном (то есть когнитивном) уровне, потому мы и говорим в таких случаях о сужении, а не о метонимии.

Несмотря на то что, как отмечал Л. А. Булаховский, «изменения значений, вызванные ассоциацией представлений по смежности, вообще намного реже, чем изменения метафорического характера»³⁴⁴, именно первые представляются более простыми, элементарными с точки зрения количества когнитивных усилий, которые человек тратит на то, чтобы эти значения создавались в языке и воспринимались в речи. В этом случае некую «подсказку» сознанию, которое конструирует (или реконструирует) эти связи, даёт само бытие, в котором денотаты, относящиеся к двум значениям, соположены в пространстве и/или во времени (в отличие от процесса метафоризации, который, по справедливому замечанию С. А. Москвичёвой, представляет собой «перемещение слова с репрезентации одной когнитивной структуры на другую»³⁴⁵). И нельзя не согласиться с О. Э. Королёвой,

³⁴³ Москвичева С. А. Формальная дифференциация лексико-семантических вариантов слова в русском языке. М., 2002. С. 26.

³⁴⁴ Булаховский Л. А. Введение в языкознание. Ч. 2. М., 1953. С. 64.

³⁴⁵ Москвичева С. А. Формальная дифференциация лексико-семантических вариантов слова в русском языке. М., 2002. С. 26—27.

которая отмечает, что «регулярные связи, лежащие в основе метонимического переноса, узуальны, часто не осознаются говорящими как отдельное значение»³⁴⁶.

Именно поэтому метонимические переносы в целом характеризуются большей регулярностью, упорядоченностью и даже предсказуемостью, чем переносы метафорические, на что обращал внимание Д. Н. Шмелёв: «...в отличие от метонимических, метафорические переносы и соответственно основанные на таких переносах соотношения между значениями многозначных слов — не поддаются достаточно обобщённой характеристике»³⁴⁷.

Тем не менее, в лексикологии неоднократно предпринимались попытки создания разного рода классификаций метафор. Так, Г. Н. Складарская классифицирует метафорические переносы по участникам этих переносов, выделяя, такие, например, модели, как «предмет — человек», «животное — человек», «физический мир — психический мир» и пр.³⁴⁸; Д. А. Миллер делит метафоры на «именные», «предикатные» и «сентенциальные» по «тому, какие компоненты соответствующего сравнения опускаются»³⁴⁹; «классификацию классификаций» метафор приводит в своей работе В. П. Москвин, проводя разделение между метафорами по разным признакам³⁵⁰ (по семантическим, функциональным и пр.); подробный перечень работ, посвященных метафоре, метонимии и другим семантическим преобразованиям в составе слова, а также краткий обзор основных имеющихся на настоящий момент классификаций метафоры приводит Г. И. Кустова³⁵¹, чей подход нам очень близок: исследовательница констатирует плюрализм подходов к классификации метафоры и в дальнейшем исследовании не придерживается строго ни одной из них, ограничившись тем, что последовательно разделяет метафору, метонимию и прочие разновидности семантического переноса.

³⁴⁶ Королева О. Э. Метонимия как тип значения: семантическая характеристика и сферы употребления. Обнинск, 2002. С. 74.

³⁴⁷ Шмелёв Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики... М., 1973. С. 232.

³⁴⁸ Складарская Г. Н. Метафора в системе языка. СПб., 2004. С. 88—108.

³⁴⁹ Миллер Д. А. Образы и модели, уподобления и метафоры // Теория метафоры. М., 1990. С. 263—267.

³⁵⁰ Москвин В. П. Русская метафора. Очерк семиотической теории. М., 2006. С. 112—165.

³⁵¹ Кустова Г. И. Типы производных значений и механизмы языкового расширения. М., 2004. С. 52—53.

Отметим также, что, наряду с обозначенными нами (метафора, метонимия и сужение), некоторыми исследователями особо отмечаются и другие способы семантического переноса. К примеру, Д. Н. Шмелёв к числу семантических переносов, помимо метафоры и метонимии, относит также синекдоху (отмечая, правда, что она часто рассматривается как частный случай метонимии)³⁵² и функциональный перенос наименований³⁵³; эти же виды семантического переноса в качестве самостоятельных отмечаются также в учебнике Н. М. Шанского и В. В. Иванова³⁵⁴; Л. А. Булаховский выделял название по сходству функции и перенесение наименований эмоционального характера (типа *страх как хорошо*)³⁵⁵ и т. д.

На наш взгляд, каждый из указанных способов семантического переноса может и должен быть рассмотрен как частный случай либо метонимии (синекдоха; ср. приводившийся выше фрагмент классификации метонимических переносов, предлагавшейся Л. А. Новиковым, в которой перенос «часть — целое» является метонимическим), либо метафоры (перенос по сходству; указанный Л. А. Булаховским перенос эмоционального характера). В случае синекдохи мы имеем соположенность денотатов, которая, как отмечалось выше, является обязательным для регистрации метонимического переноса условием. Что касается переноса по функции и переноса на основе «тождества эмоций», вызываемых разными денотатами, то здесь, так же, как и в случае «признанных» метафор, можно говорить о скрытом сравнении и интерпретировать семантические отношения между значениями приблизительно таким образом: часть самолёта называется *крылом*, потому что она, как и крыло птицы, позволяет объекту держаться в воздухе; в ситуации, когда мы в высшей степени восхищены чем-либо, мы употребляем слово *страх*, поскольку переживаем такой же силы эмоции, какие испытываем, когда нам страшно.

³⁵² Шмелёв Д. Н. Современный русский язык. Лексика. Учебное пособие для студентов пед. ин-тов... М., 1977. С. 101.

³⁵³ Там же. С. 101—105.

³⁵⁴ Современный русский язык. Учеб. для студентов пед. ин-тов... Ч. 1. М., 1987. С. 16.

³⁵⁵ Булаховский Л. А. Введение в языкознание. Ч. 2. М., 1953. С. 60—63.

Однако обособление тех или иных разновидностей двух основных видов переноса (особенно метафорического) в качестве равноправных с ними и самостоятельных разными исследователями весьма симптоматично и является показателем того, что сама по себе вся совокупность метафор весьма неоднородна и внутри неё выделяются сразу несколько крупных классов: перенос по внешнему сходству (*баранка* ‘хлебобулочное изделие’ — *баранка* ‘руль’); перенос по внутреннему сходству (релевантен в первую очередь для одушевлённых объектов и субъектов метафоризации) (*заяц* ‘животное’ — *заяц* ‘трус’); перенос по функциональному сходству (когда объекты похожи по своим действиям, поведению, выполняемым функциям: *волна* ‘водяной вал’ — *волна* ‘что-либо, движущееся во множестве на некотором расстоянии’ (*волна народу*)). Именно такие три разновидности метафорического переноса выделяет и А. Я. Шайкевич³⁵⁶. Мы считаем возможным дополнить их ещё одним, «эмоционально-синестетическим» переносом (или, по Г. Н. Складневской, «синкретической метафорой»³⁵⁷), который осуществляется тогда, когда субъект и объект метафоризации имеют разную природу и/или воспринимаются разными органами чувств, но объединяются эмоциями, чувствами, ощущениями, которые они вызывают (*страх как хорошо, тёплая вода — тёплые тона — тёплый приём*). Такого рода метафоре посвящены, в частности, работы Ю. Д. Апресяна и В. Ю. Апресяна «Метафора в семантическом представлении эмоций»³⁵⁸ (в которой для метафор такого типа вводится термин «телесная метафора состояний души») и Анны А. Зализняк «Заметки о метафоре»³⁵⁹.

В заключение этой части заметим, что наш выбор метафоры, метонимии и сужения значения как таких способов семантической деривации, которыми охватывается весь массив семантических переносов, помимо собственно теоретических предпосылок, изложенных выше, обусловлен ещё и антропоцентрическим подходом к решению семантических проблем, о котором мы

³⁵⁶ Шайкевич А. Я. Введение в лингвистику. Учеб. пособ. для студ. филол. и лингв. фак. высш. учеб. заведений. М., 2005. С. 148.

³⁵⁷ Складневская Г. Н. Метафора в системе языка. СПб., 2004. С. 57—60.

³⁵⁸ Вопросы языкознания. 1993. № 3. С. 27—35.

³⁵⁹ Слово в тексте и словаре: Сб. ст. к семидесятилетию акад. Ю. Д. Апресяна. М., 2000. С. 82—90.

уже упоминали в конце Главы 1 (см. с. 83—86). Дело в том, что обнаружение носителями языка каждого из этих видов семантического переноса должно очень чётко, почти однозначно, обнаруживать себя в показаниях их языкового сознания: если будет иметь место толкование с экспликацией сравнения (ответы, содержащие в себе обороты с «как», «подобно», «наподобие», «похож на» и пр.), то можно констатировать наличие метафорического переноса (впрочем, представление о том, что метафора есть род сравнения, которое является традиционным, разделяется не всеми лингвистами: так, А. Вежицкая разграничивает сравнение и метафору, отмечая в последней обязательное наличие отрицания на имплицитном, метаязыковом уровне³⁶⁰; Д. Дэвидсон также разграничивал метафору и сравнение, правда, у него речь скорее шла о метафоре как приёме речи, а не как о способе семантической деривации³⁶¹; мы всё же будем придерживаться «классического» взгляда на метафору, в первую очередь потому, что опираемся на показания языкового сознания носителей языка, а не на метаязыковые формулы, доступные только лингвисту, и рассматриваем метафору не как троп, а как один из способов формирования новых, общеязыковых, значений слов); показателем семантического сужения будет наличие слов лексико-тематической группы «гипер-гипонимические отношения» («разновидность», «вид», «класс», «тип» и пр.) в ответах респондентов; если же в ответе респондента отсутствуют обозначенные маркеры как первого, так и второго типа, но в толкование производного значения он полностью включает производящее (типа «*Груша-фрукт растёт на груше-дереве*»), это означает, что он обнаруживает метонимию (ср. замечание В. Г. Гака: «При метонимическом переносе основная сема одного слова выступает как компонент другого слова»³⁶²).

Таковы теоретические установки, которые мы принимаем в качестве исходных при семантическом анализе лексики. Попробуем на конкретных примерах

³⁶⁰ Вежицкая А. Сравнение — градация — метафора // Теория метафоры. М., 1990. С. 133—152.

³⁶¹ Дэвидсон Д. Что означают метафоры // Теория метафоры. М., 1990. С. 173—193.

³⁶² Гак В. Г. Семантическая структура слова как компонент семантической структуры высказывания // Семантическая структура слова. Психолингвистические исследования. М., 1971. С. 85.

многозначных слов проследить за тем, как происходит эпидигматический процесс, какие переносы в нём участвуют и в чём их специфика.

§ 2. Анализ семантической структуры слова *дом*

Слово *дом* в качестве объекта исследования выбрано нами не случайно: оно называет в своих основных значениях ряд бытийно важных для любой культуры вообще и для русской культуры в частности понятий, обладает разветвлённой системой значений, находящихся в разнообразных отношениях друг с другом. Несмотря на то, что как само слово *дом*, так и понятия, им называемые, не единожды становились объектом исследования как в лингвистике, так и в смежных с ней областях, таких как лингвокультурология, этнолингвистика и пр. (перечень трудов, посвящённых этой проблеме, содержится, в частности, в кандидатской диссертации Е. А. Потураевой³⁶³), мы считаем нелишним представить наше видение семантической структуры этого полисеманта, при анализе каждого семантического переноса акцентируя внимание прежде всего на том, почему этот перенос не разрушает семантического тождества слова и что позволяет слову сохранять свою семантическую целостность.

Кроме того, в процессе анализа нами также будут рассмотрены некоторые словообразовательные дериваты и фразеологизмы, включающие это слово. Первые — с целью демонстрации того, как разные значения, не вступая в процесс омонимизации, могут противопоставляться друг другу на уровне их словообразовательных производных, вторые — чтобы оценить возможность их использования как дополнительного критерия при оценке семантического тождества слова.

Прежде чем приступить к анализу собственно семантической структуры слова *дом*, рассмотрим значения, входящие в содержательную структуру исследуемого существительного. Для этого проанализируем и сопоставим словарные статьи к

³⁶³ Потураева Е. А. Метафорическая интерпретация концептуальной сферы «Дом» в русской языковой картине мира. Кемерово, 2011. С. 4—5.

слову *дом*, представленные в Толковом словаре русского языка с включением сведений о происхождении слов Н. Ю. Шведовой [далее везде СШ]; Словаре современного русского литературного языка в 20 т. под ред. К. С. Горбачевича [далее везде БАС]; БТС; Толковом словаре Д. Н. Ушакова [далее везде СУ] (словарные статьи с вокабулой *дом* из указанных словарей приведены в Приложении А).

В качестве первого (а стало быть, первичного, исходного, основного) все эти словари называют значение ‘здание, предназначенное для жилья’, а в качестве второго — значение ‘жилое помещение, жильё, квартира’. В СШ и СУ под цифрой 2 дана ещё и такая информация: ‘...семья, люди, живущие вместе, их хозяйство’, в то время как в БТС эти толкования даны под цифрой 3. На наш взгляд, значения ‘жилище’ и ‘семья’ можно рассмотреть как два вполне самостоятельных (что оправдано как логикой значения, так и методическими целями нашего исследования). БАС даёт третьим такое толкование: ‘...место постоянного проживания человека, характеризующееся какими-либо отношениями между всеми членами семьи, определённым бытом, укладом хозяйства и т. п.’. Полагаем, что в таком «синкретичном» толковании тоже слито два вполне сепаратных значения — ‘семья’ и ‘хозяйство’, последнее из которых мы будем считать четвёртым значением рассматриваемого слова.

Все названные словари фиксируют значение ‘учреждение, заведение, обслуживающее какие-нибудь общественные нужды’. При этом наблюдаются различия в содержательном объёме этих толкований. Так, в СУ даются в качестве двух самостоятельных значения ‘учреждение для обслуживания культурно-бытовых нужд трудящихся или отдельного круга лиц, помещающееся обычно в отдельном здании’ (*дом искусств*) и ‘заведение, предприятие’ (*жёлтый дом*), между тем как три других словаря фиксируют единое, синкретичное, значение, объединяющее эти два. Последний подход нам кажется более оправданным, поскольку в качестве доминантного в обоих случаях выступает деятельностный аспект, а разведение двух классов объектов (и выделение двух значений) исключительно на основании того,

что в одном случае учреждение помещается в одном здании, а в другом — нет, кажется нам несколько искусственным.

Все словари также фиксируют значение ‘династия’. При этом содержательный объём этого значения и его оценка с точки зрения отнесённости к активному или пассивному словарному запасу в разных словарях тоже различны. Так, СШ, БТС и СУ выделяют значение ‘род, династия’ (при этом СУ — с пометой *истор.*, БТС — с пометой *устар.*, а СШ — без помет). Следует отметить, что возможны два прочтения этого значения: 1) ‘царский род, монархическая династия’ и 2) ‘вообще знатный, богатый (не обязательно властвующий) род’ (пример, соотносящийся именно с такой трактовкой, и содержится в БАС). Потому нам кажется очень точным то решение, которое отражено в БТС, который даёт как раз эти два варианта значения, и второй из них — с пометой *устар.*

Кроме того, только СУ фиксирует значение ‘В детских играх, основанных на преследовании (пятнашки, прятки и др.) — место, где по правилам игры нельзя преследовать’. В самом деле, подобное значение является в языке довольно регулярным (причём этот термин используется не только в детских играх: *дом* есть, например, в нардах, в кёрлинге), поэтому для полноты анализа мы признаем самостоятельным и его.

Таким образом, в результате сопоставительного анализа, выделяем следующие значения, с которыми и будем работать в дальнейшем (в скобках обозначены словари, которые фиксируют указанные значения как самостоятельные):

1) постройка, предназначенная для жилья или учреждения (БАС, БТС, СУ, СШ); 2) место жилья, квартира (БАС, БТС, СУ, СШ); 3) семья, люди, живущие вместе (БТС); 4) хозяйство людей, живущих вместе; 5) учреждение, заведение, обслуживающее какие-нибудь общественные нужды (БАС, СУ, СШ, БТС); 6) род, династия (БАС, БТС, СУ, СШ); 7) игровой термин со значением «своё поле», «своя территория» (СУ).

Сразу оговоримся, что приведённый перечень значений не претендует на то, чтобы, в отличие от любых других, считаться абсолютно истинным. Это всего лишь наше видение этого полисеманта и мы отдаём себе отчёт в условности подобных

границ, потому что, как справедливо замечал Д. Н. Шмелёв, значения одного слова характеризуются принципом «диффузности»³⁶⁴, когда о конкретном употреблении того или иного слова можно лишь с некоторой вероятностью (меньшей или большей) сказать, что оно употреблено в том, а не в другом значении.

Представленные значения взаимозависимы и взаимообусловлены, выводятся путём семантической деривации — метонимических, гипонимических или метафорических переносов. Вектор этих переносов, как правило, направлен от конкретного к абстрактному, от частного к общему, однако имеется и ряд исключений.

Что касается первых двух значений, то принципиальная разница между определениями ‘постройка для жилья’ (в этом значении слово *дом* функционирует в таких, например, словосочетаниях, как *фундамент дома*; *ветхий дом*) и ‘место жилья’ (*порядок в доме*; «*Дом, милый дом!*») — в том, что в первом случае внимание акцентируется на материальной стороне денотата (сперва — ‘постройка’, и лишь затем — ‘для жилья’). Во втором случае сема ‘постройка’ уходит на второй план. Когда мы говорим о *доме 1*, для нас важен некий статичный предмет; когда же мы говорим о *доме 2*, наше внимание переключается на процессуальную составляющую: *дом 2* — это *дом 1* с процессами, происходящими в нём (в первую очередь — сам факт проживания).

Кроме того, от первого и второго значений слова *дом* образуются разные (в том числе по грамматическим характеристикам) прилагательные. Относительное прилагательное *домовый* мотивировано первым значением; качественное прилагательное *домовитый* — вторым. В то же время стоит отметить, что слово *домашний*, по-видимому, может быть и относительным (например, *домашний телефон*), и качественным (*очень домашний ребёнок*). Но интересно, что оба употребления этого слова мотивированы вторым значением слова *дом*. То есть *дом* ‘постройка’ может мотивировать только относительные прилагательные, в то время как *дом* ‘жилище’ менее требовательно в этом отношении и от него возможны как относительные, так и качественные адъективные словообразовательные дериваты.

³⁶⁴ Шмелёв Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики... М., 1973. С. 95.

Более того, в других языках эти значения представлены разными словами (например, в английском: *home* — ‘жилище’ и *house* — ‘постройка’).

Наконец, даже в народном быту можно выделить конкретный момент, когда *дом* из строения превращается в жилище. Известен обряд, по которому в дом перед заселением запускают кошку. Согласно поверью, в доме после этого воцарятся мир и уют³⁶⁵. То есть народное сознание (= сознание носителя языка) очень тонко чувствует названную грань, что находит воплощение в языке. А эта «реакция» языка, в свою очередь, очень корректно отражается составителями толковых словарей, которые выделяют два указанных значения, а не одно, синкретичное.

Благодаря метонимическому переносу на базе значения ‘постройка’ возникает значение ‘мир, который окружён этим строением’ (*У матери на руках весь дом*). Однако в данном случае специфика метонимического переноса состоит в том, что по своему семному составу значения эквиваленты: и в том, и в другом выделяются две основных семы ‘постройка’ и ‘жильё’. Значения отличаются друг от друга размером этих сем в каждом из них: в первом семантический компонент ‘постройка’ занимает большее место, чем компонент ‘жильё’, а во втором они как бы меняются ролями и размерами (схематическое изображение этого фрагмента семантической структуры слова см. в Приложении Б).

Однако если рассмотреть процесс семантической деривации в этом слове (точнее, в конкретно взятом фрагменте его семантической структуры, включающем первые три значения) исторически, то вряд ли он предстанет в таком же виде. Так, в СШ представлена следующая информация: «...первонач. и.-е. [индоевропейское] *domos/*domus обозначало не строение, а общественную организацию, семью» (правда, Н. М. Шанский, ссылаясь на М. Фасмера, предлагает иную этимологию, производя слово *дом* от утраченного славянскими языками глагола *дему* ‘строю’ и, таким образом, считая первичным значение ‘постройка’³⁶⁶). Вполне возможно, что под *домом* (здесь уже говорим не о слове, а о понятии, которое, очевидно, древнее) подразумевалось также то место, та территория, где проживала семья человека (в

³⁶⁵ Заянчковский И. Ф. Животные, приметы и предрассудки. М., 1991. С. 122.

³⁶⁶ Шанский Н. М. В мире слов. М., 1978. С. 91—92.

связи с этим уместно привести слова В. В. Колесова, который писал: «Функциональное предназначение многозначности и заключается в постепенном выявлении всех значений, скрытых в исходной синкрете, в соответствии с денотатом и с развивающимся представлением об этом денотате»³⁶⁷). И лишь на более поздних этапах развития появились постройки, которые с течением времени стали неотъемлемым признаком такой территории. Понятие *дом* ‘постройка’ сперва отсутствовало. Появившись затем на основе метонимического переноса (от синкретичного названия, обозначающего семью и территорию, на которой она проживает), значение ‘постройка’ постепенно из мотивированного превратилось в немотивированное и мотивирующее — с ростом утилитарной значимости именно постройки в жизни человека.

Развитие конкретного значения из абстрактного в диахронии на этом не остановилось. В современном русском языке наряду со значением ‘постройка для жилья’ мы можем выделить у слова *дом* ещё одно значение: ‘постройка, не связанная с жильём, но напоминающая постройку для жилья’ (*Дом из песка*). Будем считать, что это еще одно значение слова *дом*, образованное путём метафорического переноса по сходству, которое принципиально отличается от значения ‘постройка для жилья’ тем, что в нём утрачена сема ‘жильё’.

Итак, синхроническая и диахроническая цепи формирования значений различаются. В современной лингвокультурологической картине мы наблюдаем большую значимость, семантическую и ассоциативную «загруженность» значения ‘жилище’. Скажем так, *дом 2* для современного человека (= носителя языка) важнее, чем *дом 1*. *Дом 1* (‘постройка’) для нас важен лишь постольку, поскольку он является для нас *домом 2* (‘жилищем’). И эта «иерархия ценностей» находит своё отражение в языке.

Косвенным, собственно языковым аргументом данного положения может служить словообразовательный дериват — наречие с пространственным значением *дома* («И делая для своего *дома* салфетки и накидки, ковровые дорожки и панно на

³⁶⁷ Колесов В. В. Исторические основания многозначности слова и лингвистические средства ее устранения // Русское семантическое словообразование. Ижевск, 1984. С. 19.

стены, одеяла и покрывала, одежду, в которой ходим каждый день *дома*, мы создаём в своём *жилище* [курсив наш. — Д. К.] особенную атмосферу, славянскую духовность»³⁶⁸). Во-первых, вместо стандартных предложно-падежных сочетаний для выражения аналогичного значения (*в городе, в больнице*) используется наречие с суффиксом *-а*. «Нестандартность» передачи этого смысла (более «экономное» использование языкового материала) подтверждает его бытийную значимость, концептуальную важность исходного понятия. Во-вторых, наречие *дома* мотивировано вторым значением слова *дом* ('жилье'), причём мотивированный первым значением слова *дом* пространственный смысл образуется стандартно: *в доме*.

Любопытно проследить за тем, какие коннотации может иметь слово *дом* в значении 'жилище'. Для этого обратимся к парадигматике слова: в качестве синонима слова *дом* может фигурировать слово *гнездо*. Так, СШ фиксирует переносное значение словосочетания *родимое гнездо* 'родной дом'. Очевидно, что в данном случае имеется в виду второе значение слова *дом*, равно как и то, что слово *гнездо*, употребленное в переносном смысле, в данном контексте несёт положительную оценку. (Ср.: «Ирина стала вить *гнездо*. Она всегда гнездилась... наводила уют [курсив наш. — Д. К.]»³⁶⁹). Заметим, что в этом же контексте употреблено слово, своей семантикой поддерживающее положительную коннотацию *гнезда-дома* — слово *уют*.

Таким образом, уникальность слова *дом* — в том, что первичное (в синхронии) значение этого слова соотносится с явлением, менее важным для носителя языка, чем явление, которое соотносится со значением 'жилище'.

Обратим внимание и на огромный метафорический потенциал, которым «заряжает» слово *дом* близлежащие слова этого лексико-семантического поля, слова лексико-семантической подгруппы 'части дома (строения)'. Е. А. Потураева отмечает, что благодаря «двойственной сущности дома», благодаря тому, что он представляет собой «материальный объект и пространство существования

³⁶⁸ Народный костюм: архаика или современность? // Народное творчество. № 1. 2004. НКРЯ.

³⁶⁹ В. Токарева. Своя правда // Новый Мир. № 9. 2002. НКРЯ.

человека», «материальные параметры дома становятся основанием для интерпретации внешних признаков объектов и явлений окружающей действительности»³⁷⁰.

В самом деле, слова *окно*, *дверь*, *крыша*, *фундамент* и др. активно используются и в метафорическом, переносном значении. Например, *окно* — 1) ‘способ узнать что-либо’ (*окно в Париж*), а также: 2) ‘пустое место, лакуна, отсутствие чего-либо’ (*в расписании образовалось окно*); *дверь* — ‘способ достичь чего-либо’ (*двери в мир лингвистики*), *фундамент* — ‘основание, начало чего-либо’ (*фундамент научной теории*; заметим также, что значение прилагательного *фундаментальный* мотивируется только метафорическим значением слова *фундамент*).

Ещё одно значение слова *дом* — ‘семья’ — сформировалось путём метонимического переноса: ‘жилище’ — ‘те, кто в нём проживает’ (ср. оборот *дружить домами*, то есть семьями) (Е. А. Кострубина в своей кандидатской диссертации³⁷¹ вообще выделяет единый «гиперконцепт семья/дом» и считает концепты Дом и Семья синонимичными³⁷²). Меняется не только лексическое, но и лексико-грамматическое значение этого слова: *дом* в только что названном значении — это уже собирательное существительное, которое обозначает совокупность лиц.

Следующее звено развития многозначности слова *дом* — значение ‘хозяйство’. Здесь допустимы такие трактовки формирования этого значения: 1) от значения ‘жилище’ к значению ‘хозяйство, которое ведётся в пределах этого жилища’ и 2) от значения ‘люди, живущие вместе’ к значению ‘деятельность, осуществляемая этими людьми’. На этом этапе развития значений слово *дом* обогащается ещё одной важной, коннотативной, семой — ‘собственность’.

Кроме того, если до этого момента развития значений место человека в этом мире определялось исключительно характеристикой «жить, существовать», то в

³⁷⁰ Потураева Е. А. Метафорическая интерпретация концептуальной сферы «Дом» в русской языковой картине мира. Кемерово, 2011. С. 22.

³⁷¹ Кострубина Е. А. Гиперконцепт Семья/Дом — Family/Home в русской и английской лингвокультурах. М., 2011. 21 с.

³⁷² Указ. соч. С. 6

четвёртом значении ('хозяйство') отражена качественно иная ипостась человека: «работать, трудиться». Таким образом, с развитием новых значений и характеристик слова *дом* меняется и взгляд на человека как существа, связанного с домом: от субъекта, занимающего определённое место, к хозяину этого места; от пассивного состояния ('жить') к активному ('вести хозяйство').

Намеченная тенденция реализуется и в пятом значении слова *дом* — 'учреждение, заведение, обслуживающее какие-нибудь общественные нужды' (*торговый дом, дом обуви, дом тканей, дом престарелых* и пр.). Это значение мотивируется предыдущим, так как очевидно не только наличие общей семы, которая и легла в основу метафоризации ('деятельность'), но и доминантное положение этой семы по сравнению с другими (скажем, с семой 'здание'). Значение 'учреждение, заведение' довольно частотно и регулярно в языке, потому слово *дом* в идиоме *дом терпимости* воспринимается носителями языка и семантически мотивируется ровно так же, как и в вышеперечисленных словосочетаниях (а именно: как семантическое производное от значения 'хозяйство'), несмотря на то что этимологически является калькой с французского *maison de tolérance*. Иными словами, *дом* в четвёртом и пятом значениях — это места, где осуществляется какая-либо деятельность.

Кстати, перенос от четвёртого ('хозяйство') к пятому значению ('учреждение') — это первый метафорический перенос (основанный на функциональном сходстве) в ряду переносных значений слова *дом*.

Более того, в результате именно этого переноса денотат расширяется в буквальном смысле, покидает географическое пространство, занимаемое домом-постройкой.

Мотивирующим для слова *дом* в ещё одном значении 'род, династия' является значение 'семья'. Заметим, что само слово *семья* в значении 'совокупность родственников' может пониматься в двух вариантах: это и группа родственных лиц, живущих сейчас, и совокупность родственных лиц, как живших когда-либо, так и живущих сейчас (то есть *род*). *Дом* в этом значении — это не любой род вообще, а именно царский род (ср.: *трехсотлетие дома Романовых*). Таким образом, это

значение слова *дом* является своеобразной лакмусовой бумажкой, которая показывает, что сам народ как носитель языка чётко противопоставляет себя и монархическую власть (подчеркнём: именно **монархическую**, а не президентскую, например). Экстралингвистическая информация (а именно: существование коллизии «простые люди — цари») находит однозначное воплощение в языке (*дом* б — это род царей, и только царей). Для простого человека первостепенное значение имело хозяйство, всё то, что давало ему возможность выжить, семья как группа лиц, живущих в данный момент, а не род. Для царей же был важен «ореол святости», который обеспечивала подробная родословная. Простой человек был устремлён в «синхронию», в бытие, окружающее его сейчас, в то время как монарх — в «диахронию», которая давала «подпитку» его власти и праву на власть. И развитие значения слова *дом* ‘царский род’ происходило по простому математическому алгоритму:

дом = ‘семья’; семья = или ‘родственники, живущие сейчас’ (в «мире не-царей»), или ‘род’ (в «мире царей»). Следовательно, дом = ‘родственники, живущие сейчас’ (в «мире не-царей»; у нас — значение ‘семья’) и дом = ‘род’ (в «мире царей»; у нас — значение ‘царский род’).

В данном случае мы можем постулировать как раз гипонимический перенос, которому предшествует, однако, «промежуточный» (умозрительный) метонимический перенос, с учётом которого процесс формирования шестого значения имеет такой вид: ‘семья (группа родственников, живущих сейчас)’ — ‘род вообще, включающий и семью’ — ‘царский род’.

Еще одно значение слова *дом* ‘своя территория в играх’ интересно тем, что, как и рассмотренное нами ранее значение ‘постройка, напоминающая постройку для жилья’, оно окончательно утратило ядерную сему слова *дом* — сему ‘жильё’. Образованное с помощью метафорического переноса, это значение, вероятнее всего, опирается на значение ‘хозяйство’, а точнее — на одну его сему — ‘владение, собственность’. Но значение это частично сформировано и на базе второго значения слова *дом* — ‘пространство для жилья, своя территория’. «Удержаться» в семантической структуре слова *дом* и не стать значением отдельного слова-омонима

этому значению помогает особый статус семы 'собственность', 'принадлежность' в нём самом, а также в производящем(-их) значении(-ях). На аксиологическую важность этого момента не раз указывали разные исследователи. Так, Г. И. Кустова отмечает, что «в языковой картине мира... пространство неоднородно: в нём выделяются фрагменты свои и чужие...»³⁷³; Е. А. Потураева говорит о том, что «обжитость дома, его "очеловеченность" актуализирует традиционное противопоставление "своё-чужое"»³⁷⁴.

Таким образом, легко заметить, что в процессе формирования значений слова *дом* происходит его попутное обогащение новыми принципиально значимыми семами: 'жильё', 'семья', 'хозяйство', 'собственность и деятельность', 'избранность'.

Как видим, метонимия встречается на первых ступенях развития полисемии, а метафора — на последних (значения 'учреждение' и 'своя территория в играх'), что обусловлено, по-видимому, особенностями человеческого мышления и постижения мира: освоив и постигнув материальную оболочку *дома* (то, что находится с ним «рядом» или «внутри» него в прямом, пространственном смысле), сознание обратилось к тому, что «рядом» с *домом* в понятийном, умозрительном отношении (процессы, происходящие в доме, семья, собственность и пр.).

Развитие значений этого слова, таким образом, соответствует предложенной Г. И. Кустовой типичной (но далеко не единственной) схеме развития значений полисеманта «специализация — метонимия — метафора»³⁷⁵ в том смысле, что метонимические переносы предваряют метафорические, а первый перенос в ряду метонимических, в свою очередь, не является типичным, имеет свою специфику.

Анализ показывает, что в структуре значений слова *дом* совмещены цепочечный (1, 2, 4, 5 значения) и параллельный (3-6 и 4-5 значения) принципы (графическую схему семантической структуры слова *дом* см. в Приложении В. На

³⁷³ Кустова Г. И. Типы производных значений и механизмы языкового расширения. М., 2004. С. 373.

³⁷⁴ Потураева Е. А. Метафорическая интерпретация концептуальной сферы «Дом» в русской языковой картине мира. Кемерово, 2011. С. 22.

³⁷⁵ Кустова Г. И. Типы производных значений и механизмы языкового расширения. М., 2004. С. 197—199.

этой и следующих схемах стрелками показано направление семантического переноса, обозначения над стрелками расшифровываются так: МН — метонимия, МТ — метафора, СЖ — сужение). Каждое вновь образованное значение довольно определённо в семантическом плане, подкреплено вполне определённым денотатом, а потому способно само служить базой для создания нового значения, и в итоге именно поэтому система значений характеризуется сильно разветвлённой структурой. Кроме того, нам удалось на конкретных примерах увидеть, насколько сильными могут быть формальные различия между ЛСВ одного слова: несмотря на разные словообразовательные дериваты, на то, что слово в разных значениях имеет разные синонимы (*дом 1* — *здание*, *дом 6* — *род*), на то, что денотаты разных значений имеют совершенно различную предметную отнесённость (ср. *дом* ‘постройка’ и *дом* ‘своя территория в играх’), на разные грамматические характеристики слова в разных значениях (*дом* ‘постройка’ — конкретное существительное, *дом* ‘семья’ — собирательное) и пр., ни один из словарей не фиксирует омонимического ряда.

В то же время, как мы отмечали выше, среди составителей толковых словарей нет единодушия в том, сколько и какие именно значения выделять, что лишний раз доказывает справедливость тезиса о диффузности семантической структуры слова.

В заключение рассмотрим особенности функционирования слова *дом* в пословицах и фразеологизмах. Для нас это важно потому, что, если фразеологизм обладает «прозрачной» внутренней формой, он является как бы дополнительным фактором для того, чтобы слово сохранило свою семантическую структуру и не распалось на омонимы, представляет собой контекст, в котором собственно идиоматическая трактовка фразеологизма, сопряжённая с определённой трактовкой интересующего нас слова, опирается на буквальную (поэлементную) трактовку той же идиомы, которая, в свою очередь, предполагает использование того же полисеманта в ином значении. Связь идиоматической и буквальной трактовок фразеологизма, таким образом, подкрепляет связь двух значений полисеманта, изоморфна ей.

Поясним сказанное на примерах.

Рассмотрим пословицу *Мой дом — моя крепость*. Она допускает двоякую «расшифровку»: 1) дом — крепость, потому что ‘дом — это здание, и оно способно защитить в силу объективных причин, как бы «по определению»’; 2) дом — крепость, потому что ‘дом — это мой мир, в котором я чувствую себя более комфортно и более защищённо’). Несмотря на то, что в английском языке, из которого и заимствована эта пословица, она звучит так: *My home* (= ‘домашний мир’) *is my castle*, в русском языке, ввиду того, что значения ‘постройка’ и ‘жилище’ передаются одним словом, идиома обретает внутреннюю форму, становится богаче по содержанию и как бы синкретично заключает в себе оба смысла, присущих слову *дом*.

То же самое можно сказать и о фразеологическом обороте *закрывать двери дома*. Буквальная трактовка этого словосочетания предполагает использование слова *дом* в значении ‘постройка’ (на «материальность» смысла этого слова указывает «материальность» же прямого значения слова *дверь*), однако более широкое, собственно идиоматическое понимание этого фразеологизма опирается на более широкое понимание слова *дом* в синкретичном значении ‘жилище — семья’.

Интересное, по сути каламбурное, совмещение значений мы наблюдаем в пословице *Дом невелик, да лежать не велит*. В данной пословице народ противопоставил (подсознательно) *дом* в 1 (‘постройка, предназначенная для жилья или учреждения’) и в 4 (‘хозяйство’) значениях. «Невелик» — характерный признак материальных объектов (т. е. *дом* в первом значении), но для человека *дом* уже не просто постройка, а часть его бытия, требующая постоянного ухода и внимания, потому сознание человека как бы «оставляет в стороне» первое, «материальное», значение слова *дом* (а потому и его качественную характеристику — «невелик», которая вроде бы могла «расслабить человека») и устремляется к четвёртому, одному из главных в его жизни.

Обратим особое внимание на фразеологизм *дома и стены помогают*: переносу значения в русском языке подвергается не только слово *дом* в значении ‘постройка’, но и слово *стена* как тесно связанное с ним тематически. Иными словами, поскольку *дом* из значения ‘строение’ приобретает значение ‘мир,

сформированный этим строением’, постольку и слово *стена* из значения ‘часть строения’ приобретает значение ‘часть этого мира’ и дальше, с помощью второго метонимического переноса, — уже не ‘часть’, а ‘весь этот мир’. Вспомним фразеологизмы *родные стены*, а также *иметь крышу над головой*. И *стены*, и *крыша* в указанном контексте — это жилище, причём систематичность подобного переноса говорит о принципиальной значимости понятия ‘жилище’, поскольку для его вербального воплощения привлекается материал, изначально соотносящийся со значением «постройка». Он как бы «притягивается» к сильному центру.

Этот краткий обзор фразеологизмов, содержащих слово *дом*, а также слова лексико-тематической группы ‘части постройки’, позволил увидеть, как внутри каждой из идиом обнаруживаемая на общезыковом уровне связь между разными значениями слова *дом* проявляет себя в возможности выявления внутренней формы идиомы и мотивации идиоматического значения оборота семантикой входящих в него элементов в их первичном значении. Полагаем, что наличие идиоматического сочетания, в котором то или иное слово может функционировать сразу в нескольких значениях, причём функционирование в собственно идиоматическом значении обусловлено функционированием в неидиоматическом, может служить дополнительным фактором для принятия решения в пользу объединения этих значений в одном слове и семантического тождества этого слова, и этот критерий будет нами применён также при семантическом анализе слов *язык* и *свет*.

§ 3. Анализ семантической структуры слов *язык* и *свет*

В отличие от только что проведённого, анализ семантики слов *язык* и *свет* будет заметно менее скрупулёзным и более общим, поскольку сама цель этого анализа несколько отличается от цели, которая преследовалась в предыдущем параграфе. Если при рассмотрении семантической структуры слова *дом* мы хотели дать пример «классического» полисеманта с его характерными особенностями, то на примере слов *язык* и *свет* очень хорошо иллюстрируется процесс омонимизации, причём в разных своих стадиях (в более ранней — в первом слове и в более поздней,

практически финальной, — во втором). В свете этого обстоятельства более целесообразным представляется анализ целых групп, «пучков» значений и семантических связей между этими группами, а не доскональная интерпретация каждого семантического перехода внутри каждой группы и не попытка систематизировать данные разных толковых словарей, чтобы составить точный перечень всех значений каждого из слов, как это мы делали в предыдущем параграфе. Ввиду наличия тенденции к омонимизации в семантической структуре каждого из двух названных слов и их противопоставленности по этому признаку слову *дом*, мы сочли уместным рассматривать эти два слова в рамках одного параграфа.

Сопоставление данных разных словарей мы будем проводить на предмет того, как каждый из них трактует именно группы значений, к одному или нескольким словам их относит. Что же касается значений внутри этих групп, как их количества, так и толкования каждого из них, в этом вопросе мы опираемся на данные СШ.

У слова *язык* словари фиксируют три крупных значения (по сути — три конгломерата значений): ‘орган’ (*показать язык, высунуть язык, язык пламени* и пр.), ‘речь’ (*язык Пушкина, немецкий язык* и пр.) и (устаревшее) ‘народ’ (ср. у Пушкина: *И назовёт меня всяк сущий в ней язык*; последнее даётся с пометой *устар.* или *старин.*). При этом в трактовке этих значений с точки зрения принадлежности их к разным словам или к одной лексической единице словари не обнаруживают единодушия.

СШ фиксирует три слова-омонима, словарь омонимов О. С. Ахмановой (далее везде — СА) — два омонима (заметим, однако, что значение ‘народ’ в нём просто отсутствует и не попало в сферу рассмотрения составителя, а потому неизвестно, как бы оно трактовалось, если бы рассматривалось наряду с другими двумя), БТС, СУ, словарь омонимов Н. П. Колесникова (далее везде — СК) — одно многозначное слово (в последнем случае делаем такой вывод потому, что искомое слово отсутствует в этом словаре, то есть не относится его автором к омонимам). Как видим, в большинстве случаев составители словарей всё же отмечают полисемию, однако сам факт наличия противоположной точки зрения весьма показателен, и

подобное решение этого вопроса заслуживает того, чтобы быть объяснённым и проанализированным.

Начнём с того, почему в принципе возможно объединение указанных значений в одном слове. Между значениями ‘орган’ и ‘речь’ очевидна семантическая метонимическая связь, и метонимический перенос имеет такой вид: «инструмент (в широком понимании) — объект, который создаётся с его помощью». *Язык 2* — это то, что становится возможным благодаря использованию *языка 1* (как видим, типичная по своей форме метонимическая трактовка).

Метонимическая же связь имеется и между значениями ‘речь’ и ‘народ’: объект именуется так же, как один из наиболее характерных его атрибутов, признаков (формула ‘часть — целое’).

Таким образом, три рассматриваемых значения объединяются друг с другом путём последовательной деривации, по цепочечному принципу. Очевидно, именно такой логикой и руководствовались составители словарей, в которых зафиксирован один полисемант с указанными значениями.

Однако, чтобы понять тех, кто придерживается противоположной точки зрения, достаточно просто рассмотреть, какие же значения в каждом из слов (*язык*^{1,2,3}) фиксируют составители словарей, которые выделяют здесь омонимы.

В СШ *язык*¹ имеет значения 1) орган, 2) кушанье из такого органа (*заливной язык*), 3) часть колокола (*медный язык*), 4) что-либо вытянутой формы (*языки пламени*). Семантические отношения внутри этого слова весьма прозрачны и характеризуются радиальной структурой, где центром выступает первое значение: второе из указанных значений образовано от него путём метонимического переноса, четвёртое — на основе метафорического переноса по сходству, равно как и третье (в последнем случае возможна, но менее вероятна метафоризация по функциональному сходству — ‘способность производить звук’; более того, это значение может вообще не выделяться в качестве самостоятельного, поскольку нет причин не рассмотреть его «внутри» более общего, четвёртого).

В словарной статье *язык*² приводятся такие значения: 1) система звуковых, словарных и грамматических средств, выступающая как средство общения

(ретороманский язык), 2) чей-либо стиль (язык Чернышевского), 3) способность говорить (лишиться языка), 4) система знаков для передачи информации (язык жестов), 5) то, что выражает, объясняет собой что-либо (язык танца), 6) пленный, захваченный для получения сведений (привести языка; даётся с пометой *разг.*). Не углубляясь в анализ этих значений, заметим лишь, что второе из них образовано от первого способом сужения, или гипонимии, о котором нами достаточно много было сказано в первом параграфе этой главы.

Наконец, третье слово в этом омонимическом ряду включает в себя только одно значение, собственно ‘народ, нация’.

Если взглянуть на три эти группы, то невооружённым глазом можно обнаружить колоссальную разницу в семантической дистанции, с одной стороны, между значениями в каждой из групп, с другой стороны — между «заглавными» значениями каждой группы. Очевидно, что *язык* ‘орган’ и *язык* ‘кушанье’ связаны друг с другом заметно сильнее, чем *язык* ‘орган’ и *язык* ‘средство общения’ или *язык* ‘средство общения’ и *язык* ‘нация’. Думается, именно наличие и осознание этой семантической дистанции между вторым и третьем элементами и отсутствия таковой — между первым и вторым и побудило составителей СШ выделить три слова-омонима, а не одно многозначное слово с сильно разветвлённой системой значений. Дело в том, что словарная статья призвана максимально адекватно отражать реально существующие семантические отношения между значениями, которые она содержит. В случае же объединения всех указанных значений в структуре одного слова, внутри одной статьи, без каких-то дополнительных помет и без обозначения «конгломератов», подобная адекватность теряется, поскольку каждое из значений предстаёт как более или менее одинаково связанное с другим, хотя объективно существуют три семантических «центра», вокруг которых группируются «пучки» значений.

Разница между указанными пучками на денотативном, лексико-тематическом уровнях колоссальна: если первая группировка значений относится к лексико-тематической группе ‘части тела’, слово в этих значениях называет конкретные предметы, то вторая группировка называет бытийно важный, предельно

абстрактный (за исключением значения ‘пленник’), намного труднее определяемый феномен, и аксиологическая пропасть между этими двумя значениями огромна (равно как и пропасть между этим последним и значением ‘нация’). Более того, мотивация значения ‘средство коммуникации’ значением ‘орган’ ослабляется ещё и ввиду действия экстралингвистических причин: с развитием общества язык-орган, хотя и остаётся «инструментом» создания языка-речи, утрачивает своё монопольное в этом смысле положение, перестаёт быть единственным инструментом (существует письменная речь, язык жестов и т. д., то есть *язык*² начинает существовать без *языка*¹). Этот экстралингвистический фактор ещё более усиливает и без того имеющую место потенцию к автономности, обособлению второй группировки значений в отдельное слово, называющее в массе своих значений очень важный и сложный культурологический конструкт, который, ввиду своего семантико-денотативного «веса», стремится к полной самостоятельности. Происходит, по меткому выражению П. Н. Денисова, «“разбухание” смысловой структуры полисемантических слов», которое, по словам исследователя, «вызывает в отдельных случаях их деление (разрыв) на омонимы»³⁷⁶.

С аналогичной ситуацией сталкивается и О. М. Соколов, анализируя такие значения слова *двор*, как ‘участок земли’, ‘хозяйство’, ‘монарх и его приближённые’, однако пишет в связи с этим следующее: «...семантическое расстояние между 1-м и 2-м значением меньше, чем между 2-м и 3-м, но тем не менее и эти семантические связи не являются полностью разрушенными»³⁷⁷.

Нам близка подобная позиция. В рассматриваемом нами случае подача группировок этих значений как отдельных слов является, на наш взгляд, не меньшим, а, наоборот, большим из двух возможных зол (ещё О. С. Ахманова писала о том, что «лексикографу всегда одновременно грозят две одинаково большие опасности: искусственного объединения под одним звуковым комплексом нескольких разных слов и не менее искусственного разделения одного слова на омонимы вследствие недостаточно глубокого изучения его лексико-

³⁷⁶ Денисов П. Н. Лексика русского языка и принципы ее описания. М., 1980. С. 135.

³⁷⁷ Соколов О. М. Вопросы структурно-семантической дивергенции в лексике. Нежин, 2009. С. 201.

фразеологических и лексико-семантических особенностей»³⁷⁸). Дело в том, что, помимо обнаруживаемой весьма нетривиальной семантической связи между всеми «группировками» значений, немаловажно также и то обстоятельство, что имеется целый ряд идиом, которые содержат слово *язык* и которые, как и фразеологизмы со словом *дом*, приводившиеся в предыдущем параграфе, обнаруживают внутреннюю форму, то есть возможность буквальной и основанной на ней собственно идиоматической трактовки: *держат язык за зубами*, *длинный язык у кого-нибудь*, *придержат язык*, *язык прикусить* или *закусить*, *не мели языком*, *острый язык*, *Чтоб у кого-либо язык отсох!* и пр. В каждом из них совмещены два значения слова *язык*.

Таким образом, именно для этого слова, по совокупности всех аргументов за и против, мы склонны всё-таки констатировать полисемию, хотя и особого свойства, с выраженной потенцией к омонимии, руководствуясь, среди прочего, также и рекомендацией С. Ульмана: «Можно рекомендовать в качестве золотого правила в сомнительных случаях отдавать предпочтение более тесной из двух альтернативных связей: различиям в употреблении против полисемии и полисемии против омонимии»³⁷⁹.

Представим семантическую структуру и этого слова также в виде графической схемы (см. Приложение Г). В отличие от предыдущего слова, семантическая структура которого по своей плотности характеризовалась относительной равномерностью (что нашло визуальное отражение на схеме), слово *язык* весьма неоднородно по плотности своей семантики, в которой обнаруживаются «сгустки» и «разрежённые» пространства, что мы также сочли нужным отобразить на схеме. Кроме того, рассмотренные группировки значений заключены в особые фигуры с пунктирными границами (как бы отдельные участки семантического пространства слова), принята особая система нумерации значений, отражающая их иерархию, а

³⁷⁸ Ахманова О. С. Очерки... С. 106.

³⁷⁹ Цит. по: Апресян Ю. Д. Избранные труды. Т. 1. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1995. С. 91.

также связи между семантическими группировками обозначены иначе, чем связи внутри группировок, — пунктиром (как менее тесные).

По данным СШ, слово *свет* когда-то было единым полисемантом, подобно только что рассмотренному слову *язык*, и совмещало в себе, среди прочих, два таких концептуальных смысла, как ‘лучистая энергия’ и ‘мир, земля, вселенная’ (которые составителями СА, СК, СШ, СУ, БТС, БАС единодушно признаются значениями слов-омонимов в современном русском языке). Правильнее, наверное, говорить о том, что это были не два значения одного слова, а одно, синкретичное, значение (ср. приводившиеся на с. 116 слова В. В. Колесова), что-то вроде ‘пространство вместе с тем, что его наполняет’.

Сейчас провести связи между этими значениями и найти между ними общие семы значительно сложнее, чем между конкретным и абстрактным значениями слова *язык* (см. выше). Гипотетический метонимический перенос между этими двумя значениями ‘пространство — то, что его наполняет (или может наполнять)’ представляется очень условным, маловероятным, свойственным скорее архаическому, чем современному языковому сознанию, и возможен только при должном «этимологическом усилии» (метафорический перенос на основании общего признака ‘нечто обладающее бесконечно большими физическими параметрами’ кажется ещё менее возможным). Впрочем, А. Я. Шайкевич допускает, что указанные значения могут объединяться «семантическим мостом», в роли которого выступает сочетание *белый свет*³⁸⁰.

Но даже в этой, казалось бы, однозначной ситуации (в пользу её «однозначности», как уже отмечалось выше, свидетельствует единодушие составителей словарей) мы можем говорить лишь о том, что процесс омонимизации и распада полисемии вступил в финальную фазу, близок к завершению, однако не завершён до конца. Подобное утверждение мы можем сделать, взглянув на фоне рассматриваемой пары слов *свет*¹ и *свет*² на другую пару — *мир*¹ (‘вселенная’) и *мир*² (‘спокойствие, отсутствие вражды’). Эти пары слов имеют схожую судьбу, так

³⁸⁰ Шайкевич А. Я. Введение в лингвистику. Учеб. пособ. для студ. филол. и лингв. фак. высш. учеб. заведений. М., 2005. С. 142.

как и слово *мир* заключало в себе указанные значения, однако, во-первых, его распад на омонимы произошёл ещё раньше, в дописьменный период истории языка (на что указывает, например, и то обстоятельство, что *мир* в значении ‘спокойствие’ и в значении ‘вселенная’ последовательно противопоставлялись графически: первое имело форму *миръ*, второе — *міръ*). Изначальное сосуществование двух этих значений в составе одного слова, видимо, было обусловлено представлением о вселенной как об упорядоченном, гармоничном образовании (в противоположность *хаосу*). Иными словами, общими между этими двумя значениями могли быть семы ‘гармония’, ‘порядок’, ‘упорядоченность’, однако, анализируя состояние семантики этих слов в современном языке, мы не можем признать хотя бы сколько-нибудь убедительными метонимическую («*мир*¹ существует при обязательном условии *мира*²») или метафорическую («*мир*², так же как и *мир*¹, характеризуется определённым порядком») трактовки, потому считаем процесс омонимизации в данном случае завершившимся, а сами слова — окончательно оформившимися омонимами.

Что касается рассматриваемой нами пары *свет*¹ — *свет*², то, не углубляясь в анализ семантической структуры каждого из омонимов, считаем нужным, тем не менее, сделать ещё два важных замечания.

Во-первых, нельзя не отметить, что и в этой паре слов (а изначально — значений) произошло увеличение аксиологического, денотативного веса каждого из них (более того — в отличие от ранее рассмотренного слова *язык*, здесь мы имеем сразу два очень мощных, играющих важную роль в языковой картине мира денотата: один из них называет универсальное физическое явление, другой — по сути всё материальное бытие). П. Я. Черных писал в связи с этим: «Появление двух (и больше) обычных, устойчивых основных значений в одном и том же языке или диалекте, говоре можно рассматривать как появление двух (и больше) омонимических... слов»³⁸¹.

Как раз в связи с сосуществованием двух основных, по сути равноправных значений произошло, выражаясь словами П. Н. Денисова, «разбухание» каждого из

³⁸¹ Черных П. Я. Очерк русской исторической лексикологии. Древнерусский период. М., 1956. С. 161.

них, «обрастание» вторичными значениями (к примеру, СУ фиксирует 7 значений слова *свет*¹), что также явилось фактором омонимизации, однако фактором дополнительным, а не основным (что нами было доказано выше, при анализе слова *язык*, в котором аналогичные процессы не привели к распаду слова).

Во-вторых, наше внимание обратил на себя такой момент: составители словарей единодушны в отнесении значения ‘привилегированные классы’ к слову *свет*² (основным значением которого является ‘вселенная’), а не к слову *свет*¹ (‘освещение’). Очевидно, такое решение обусловлено наличием в составе того же слова более общего по отношению к нему значения ‘люди’ (СШ вообще не выделяет последнее в качестве отдельного и фиксирует синкретичное значение ‘Земля, Вселенная, а также люди, её населяющие’), от которого значение ‘привилегированные классы’ образуется путём метонимического переноса по модели «часть — целое». Однако нам такая трактовка представляется не очень убедительной, и это значение, как нам кажется, логичнее и уместнее приводить в статье, посвящённой первому омониму, и считать его мотивированным другим вторичным значением этого слова — ‘место, откуда исходит освещение’ (например, *идти на свет*). Метафорический перенос (по функциональному сходству на основе наличия общей семы ‘способность быть заметным, выделяться’) кажется нам в этом случае более вероятным по сравнению с приведённым выше метонимическим сразу по двум причинам.

Во-первых, метафорический перенос, имеющий результатом формирование значения, в котором слово называет человека, в целом свойствен этому слову (словари фиксируют употребление этого слова для обозначения дорогого, любимого существа, причём слово в этом производном значении тоже имеет положительную коннотацию, которая основана на концептуальной положительной оценке самого явления: *свет очей моих* (ср. слово *тьма* с противоположной коннотацией)).

Во-вторых, если первый метонимический перенос ‘мир, земля — люди, которые её населяют’ кажется понятным, естественным и — более того — весьма регулярным (модель ‘пространство — люди, пребывающие в этом пространстве’ работает в таких, например, случаях: *весь класс был не готов к контрольной, весь*

дом вышел на уборку, вся страна пошла на выборы и пр.), то во втором случае семантическое совпадение между предполагаемыми значениями одного слова ‘люди’ и ‘высший класс общества’ кажется весьма тривиальным для того, чтобы фиксировать этот перенос (по существу, значения совпадают только своей архисемой (собственно, ‘люди’), и называть одну группу людей так же, как и другую, более широкую, только на основании того, что это тоже люди, кажется несколько странным).

Ограничившись этими двумя замечаниями, подведём итог сказанному о словах *свет*^{1,2}. Соглашаясь с трактовкой, которую предлагают словари, и признавая факт омонимии между словами *свет*¹ ‘освещение’ и *свет*² ‘вселенная’, мы, тем не менее, отмечаем незавершённость этого процесса и меньшую «омонимичность» этих слов, чем в паре *мир*¹ — *мир*².

Резюмируя итоги семантического анализа всех единиц, проведённого в рамках этой главы, представим наше видение того, как эти слова расположены на шкале «полисемия — омонимия»:

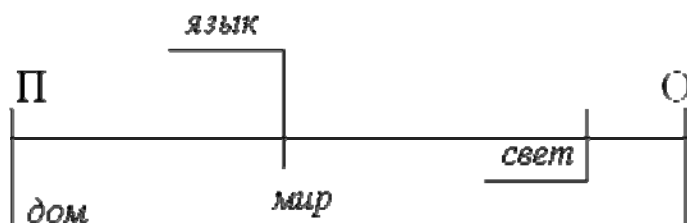

Рисунок 1. Исконные полисеманты на шкале «полисемия — омонимия»

Решение именно так расположить проанализированные единицы на шкале было нами принято на основании количества аргументов (и контраргументов) в пользу наличия семантической связи между значениями, а также силы этих аргументов.

Семантические связи в слове *дом* очевидны, семантические переносы работают по регулярным моделям, их обнаружению ничто не препятствует и ни одно из значений не тяготеет к обособлению, потому слово *дом* располагается как абсолютно типичный полисемант в самой левой точки шкалы.

С точки зрения своей эпидигматики, «прозрачности» процесса семантической деривации между значениями слово *язык* можно было бы поместить в той же точке,

что и *дом*. Однако расположить его правее, ближе к точке омонимии, заставляют четыре обстоятельства: 1) фактор экстралингвистического порядка, о котором мы говорили (общение становится возможным без участия *языка-органа*); 2) разрастание концептуальной ценности и важности в жизни социума второго значения; 3) наличие многочисленных производных значений, сильно тяготеющих к одному из двух семантических центров; 4) отсутствие третьего значения в активном речевом запасе рядового носителя языка.

Между значениями, объединяемыми звуковым комплексом *свет*, отсутствует очевидная семантическая связь, которая и является конституирующим для многозначности элементом. Кроме того, как и в предыдущем случае, имеют место два очень крупных, аксиологически важных денотата, что ещё более усиливает автономность соответствующих значений. Потому речь в лучшем случае может идти о поиске того фактора, который позволил бы говорить о меньшей омонимичности. Таких факторов два: приводившийся А. Я. Шайкевичем фразеологизм *белый свет*, а также тривиальная связь на уровне архисем между значениями 'привилегированные классы' и 'люди' (повторимся, семантическая связь между этими значениями кажется нам не слишком убедительной для объединения этих значений в одном слове, в отличие от связи между значениями 'освещение' и 'привилегированные классы').

Что касается пары *мир* 'вселенная' и *мир* 'спокойствие', то в ней имеют место такие же, как и в паре *свет*^{1,2}, разъединяющие факторы, однако отсутствуют объединяющие, потому она и заняла место в точке абсолютной омонимии.

Дальнейшему иллюстрированию идеи градуальности шкалы «полисемия — омонимия» и распределению на ней более обширного и разнородного материала будет посвящена следующая глава.

Глава 3. О градуальности шкалы «полисемия — омонимия»

§ 1. Общие замечания

В предыдущей главе на ряде примеров была показана неоднородность массива неоднозначных слов с точки зрения прочности семантической связи внутри них, была дана иллюстрация того, как эта связь (и вместе с ней многозначность слова, его семантическая целостность) в разных единицах может быть жива (слово *дом* во всех его значениях), ослаблена (значения ‘орган’ и ‘средство общения’ слова *язык*), в значительной степени разрушена (значения ‘освещение’ и ‘вселенная’ слова *свет*), полностью разрушена (значения ‘вселенная’ и ‘спокойствие’ слова *мир*) (*мир* и *свет* можно считать как раз теми случаями, о которых Л. А. Булаховский писал: «...слова, являющиеся для современного сознания “простыми” или относительно простыми, в прошлом представляли образования творческие, добытые в процессе искания слова»³⁸²). Отметим при этом, что четырьмя названными случаями эта шкала полисемии далеко не исчерпывается, и между ними возможна масса переходных случаев.

Анна А. Зализняк отмечает, что «одним из итогов развития семантической теории за последние 20 лет является осознание ограниченности дискретного подхода к описанию многозначности»³⁸³.

Под «дискретным» следует понимать такой подход, при котором теоретически возможны только два решения: либо многозначность есть, либо её нет (и во втором случае мы имеем дело с омонимией). Из идеи недискретности явления многозначности прямо следует другая идея — идея недискретности омонимии, поскольку то, что является «не совсем полисемантом», представляет собой и «не совсем омоним». Именно поэтому мы будем говорить о шкале «полисемия —

³⁸² Булаховский Л. А. Из жизни омонимов // Сб. «Русская речь». Т. 3. Л., 1928. С. 56.

³⁸³ Зализняк Анна А. Многозначность в языке и способы ее представления. М., 2006. С. 105.

омонимия» (хотя Л. Л. Кутина, например, противопоставляла «степени разрыва семантических связей» «степеням и градациям полисемии»³⁸⁴).

Действительно, многие исследователи-лексикологи отмечали объективное существование градуальной шкалы «полисемия — омонимия». Об этом говорили В. В. Виноградов³⁸⁵, А. А. Реформатский³⁸⁶, А. Т. Липатов³⁸⁷, С. А. Москвичёва³⁸⁸, Л. А. Новиков³⁸⁹, Д. Н. Шмелёв³⁹⁰ и др. «Ядро» и «центр» явления под названием «фразеологическая омонимия» отмечает Е. Н. Климова³⁹¹; И. А. Кунгушева разделяет демотивированные слова (а в случае распада полисемии мы тоже имеем дело с особой разновидностью демотивации — семантической) на «полностью демотивированные», слова средней и низкой степени демотивации³⁹²; В. М. Пророкова выделяет «омонимы в разных стадиях развития — частичные и полные, окончательно оформившиеся и находящиеся в процессе становления»³⁹³; «неполные омонимы» выделяет также и Н. А. Шурыгин, называя этим термином «трудноразличимые случаи разграничения многозначных и омонимичных лексем»³⁹⁴; не просто пишет о шкале «полисемия — омонимия», но и визуализирует её М. Д. Якубовская, приводя её графический образ и распределяя на этой

³⁸⁴ Дискуссия по вопросам омонимии... // Лексикографический сборник. 1960. Вып. 4. С. 64.

³⁸⁵ Виноградов В. В. Современный русский язык. Вып. 1-й. Введение в грамматическое учение о слове. М., 1938. С. 114.

³⁸⁶ Дискуссия по вопросам омонимии... // Лексикографический сборник. 1960. Вып. 4. С. 90.

³⁸⁷ Липатов А. Т. Семантические аспекты проявления русской омонимии на разных языковых уровнях. Л., 1990. С. 7.

³⁸⁸ Москвичева С. А. Формальная дифференциация лексико-семантических вариантов слова в русском языке. М., 2002. С. 14.

³⁸⁹ Новиков Л. А. Омонимия имен существительных в современном русском литературном языке, возникающая в результате распада полисемии и связанная с категорией числа. М., 1961. С. 7.

³⁹⁰ Шмелёв Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики... М., 1973. С. 87.

³⁹¹ Климова Е. Н. Омонимия и смежные с нею явления во фразеологии русского языка. Иваново, 2012. С. 5.

³⁹² Кунгушева И. А. Явление демотивации слов в русском языке. Томск, 2003. С. 12.

³⁹³ Пророкова В. М. Некоторые особенности омонимии в немецком языке // Вопросы языкознания. 1960. № 5. С. 79.

³⁹⁴ Шурыгин Н. А. Семасиологический и лексикографический аспекты таксономизации лингвистических терминов и терминопонятий. Тюмень, 2005. С. 30.

визуализированной шкале классы слов в зависимости от соотношения сем производного и производящего значений³⁹⁵.

Однако теоретическое, собственно лексикологическое признание наличия подобной шкалы не снимает главного в этой области лексикографического вопроса: как подавать переходные случаи в толковых словарях? На практике обнаруживается несоответствие между теоретической недискретностью явления и лексикографической традицией «дискретной» подачи материала (либо многозначное слово, либо омонимы и — соответственно — либо одна словарная статья, либо две).

На этот «диссонанс» между реальным положением вещей и его лексикографическим описанием указывал, например, Л. А. Новиков, отмечавший, что «составление словарей невозможно без проведения чёткого, определённого разграничения полисемии и омонимии, между тем как в самом языке не всё определённо»³⁹⁶. Приблизительно такого же мнения придерживается О. М. Соколов, который пишет: «...в классификационных целях разграничение полисемии не только оправдано, но и необходимо. Правда, диапазон семантического варьирования остаётся пока не ясным...»³⁹⁷.

Думается, что в рамках одной и той же точки зрения могут уживаться два столь, казалось бы, противоречивых убеждения только при условии своеобразного понимания указанной шкалы, при котором нет случаев «нечто среднее между омонимом и полисемантом», но есть случаи «в большей степени омоним» и «в большей степени полисемант». То есть на градуальной шкале появляется условная дискретная граница, по одну сторону от которой — только многозначные слова, по другую — омонимы, хотя и те и другие могут находиться на разных расстояниях от этой границы.

³⁹⁵ Якубовская М. Д. Тенденции процесса распада семантического тождества слова (на материале русского языка). М., 1976. С. 18.

³⁹⁶ Новиков Л. А. К проблеме омонимии // Лексикографический сборник. 1960. Вып. 4. С. 93.

³⁹⁷ Соколов О. М. Вопросы структурно-семантической дивергенции в лексике. Нежин, 2009. С. 83.

И Л. А. Новиков, слова которого мы только что привели, последователен в том, что, признавая отсутствие чёткой определённости в языке, он, тем не менее, предлагал формальные критерии, которые в каждом конкретном случае давали в общем-то однозначный ответ относительно статуса рассматриваемых единиц, хотя некоторые из них и были «периферийными» для того или иного класса. Однако причины, по которым данная точка зрения не может быть принята нами, были названы при анализе этого критерия в Главе 1 (см. с. 52—56). Тем не менее, нам кажется весьма плодотворной сама идея Л. А. Новикова: «Одна из самых трудных и важных задач при изучении омонимии состоит в том, чтобы определить тенденцию развития её переходных случаев и дать относительно определённый ответ для лексикографии»³⁹⁸.

Беря её за основу, мы попытаемся распределить омонимы (а точнее говоря, случаи, которые хотя бы в одном из четырёх словарей, из которых делалась выборка, трактуются как омонимы (подробнее о том, с какими именно словарями мы работали и по каким принципам отбирался материал, см. в § 2 данной главы)) на группы в зависимости от причин возникновения омонимии, оценить методом интроспекции, основываясь на собственном языковом опыте, среднюю семантическую дистанцию между парами значений в каждой из групп и расположить их, таким образом, на обсуждаемой шкале.

Если картина окажется довольно стройной и каждая группа займёт на этой шкале более или менее определённое место, можно будет говорить о том, что есть смысл остаться в рамках действующей лексикографической традиции и продолжать давать в толковых словарях слова либо как омонимы, либо как полисеманты, без введения всяких «промежуточных» способов подачи (останется решить лишь, в каком месте шкалы провести эту границу, но это вопрос в большей степени технический и в каждом конкретном случае может быть решён индивидуально, в зависимости от задач словаря, его объёма и пр.). Если же эта попытка не будет иметь успеха и мы обнаружим сильную дисперсию разных представителей одного и того же класса омонимов по шкале, мы будем вынуждены, во-первых, согласиться с

³⁹⁸ Новиков Л. А. К проблеме омонимии // Лексикографический сборник. 1960. Вып. 4. С. 93.

предложением Л. А. Булаховского (которое он распространял, правда, на анализ производных слов-омонимов), состоявшим в отдельном рассмотрении каждого спорного случая и вынесении каждый раз отдельного вердикта, не распространяемого на другой, даже и похожий, случай³⁹⁹; во-вторых, признать «дискретный» способ трактовки спорных случаев в толковых словарях несостоятельным, не отражающим реальной языковой картины, а потому требующим модификаций.

§ 2. Материал для анализа и принципы его отбора

Методом сплошной выборки из четырёх словарей (СШ, БТС, СА, СК) нами был получен массив омонимичных единиц, которые помещены в таблице (см. Приложение Д). Выбор именно этих словарей (два толковых и два словаря омонимов) обусловлен спецификой предмета и цели нашего исследования: нам хотелось проверить, насколько сильной будет разница между трактовкой одних и тех же случаев, во-первых, в разных словарях одного типа, во-вторых — в словарях разных типов (именно словари омонимов, наряду с толковыми, нами были привлечены потому, что их составители специально занимались проблемой омонимии в том числе и в своих теоретических исследованиях, а не только в лексикографической практике, которая явилась скорее следствием лексикологических разысканий).

Тот или иной омонимический ряд включался в таблицу при обязательном наличии таких условий:

- 1) хотя бы один из омонимов представляет собой в синхронии не членимое на морфемы слово (или вызывает сомнения с точки зрения своей членимости);
- 2) оба омонима являются именами существительными;
- 3) все рассматриваемые значения в омонимическом ряду представлены в каждом из двух толковых словарей. Если один из толковых словарей фиксирует, к примеру, два слова-омонима, а в другом словаре значение одного из этих омонимов

³⁹⁹ Булаховский Л. А. Введение в языкознание. Ч. 2. М., 1953. С. 55.

никак не представлено — ни в качестве значения отдельного слова, ни в качестве ещё одного значения другого слова — нами такие случаи не рассматриваются. Именно по этой причине в таблицу не включены, например, омонимы *агент*¹ ‘шпион’ и *агент*² ‘причина, фактор, условие тех или иных явлений’, которые фиксирует БТС: в СШ отмечено лишь первое значение. Этот далеко не единичный пример такого рода является следствием ещё одной, такой же концептуальной, как и наша, лексикографической проблемы — проблемы включения в толковый словарь ограниченной в употреблении лексики (устаревшие, узкоспециальные, диалектные слова и пр.). Это тема отдельного научного исследования, и нами она будет лишь частично затронута в § 4 настоящей главы, где пойдёт речь о терминологической лексике. Наше решение не включать указанные случаи в исследование обусловлено тремя причинами: 1) в случае включения таких случаев в таблицу всё равно остаётся неактуальным сопоставительный аспект (так как не с чем сравнивать); 2) материал выборки получился и без того довольно обширным, потому мы считаем себя вправе не брать спорные случаи (примером таковых является только что упомянутая пара *агент*^{1,2}); 3) то обстоятельство, что хотя бы один из современных толковых словарей не фиксирует того или иного значения (или слова), уже говорит о том, что вопрос о его фиксации является дискуссионным, и в начале должен быть решён именно он, а уже потом — вопрос о статусе рассматриваемых единиц;

4) хотя бы в одном из четырёх указанных словарей рассматриваемые значения подаются как значения слов-омонимов.

Из четырёх представленных наиболее «проблемным» выглядит первый критерий отбора, и «проблемность» эта обусловлена сразу двумя причинами. Одну из них мы уже приводили в Главе 1, когда говорили о том, что морфемная членимость/монолитность зачастую не может служить критерием разграничения омонимии и полисемии, поскольку сама по себе далеко не априорна и нуждается в таком же по силе и по качеству доказательстве, как и собственно омонимия/полисемия (см. с. 56—58). Поэтому в выборку включены слова, которые, в зависимости от того, омонимичны они или многозначны, должны быть признаны соответственно нечленимыми или членимыми (на сложное переплетение

словообразовательной и лексико-семантической проблематики указывал и Ю. Д. Апресян: «Неполнота толкования лексического значения может привести к ошибке в словообразовательных решениях и затемнить истинную картину словообразовательных отношений»⁴⁰⁰).

К числу таких омонимичных рядов относится, например, пара *перегон*¹ (от *перегонять*: *перегон скота*) и *перегон*² ('расстояние между станциями'). Если в первом случае членимость очевидна, то во втором — нет. Согласно СА, это омонимы, а следовательно, между ними отсутствует семантическая связь. Если же мы признаём членимость второго слова, то мы тем самым признаём его семантическую связь с глаголом *перегонять* и получаем два значения: 'действие' и 'место действия', — выраженные одним звуковым комплексом, между ними очевидна метонимическая связь, причём по весьма продуктивной модели (ср. также *вход*, *выход* и под.), а значит, мы уже имеем дело со значениями одного слова. Таким образом, если одно из слов (значений) потенциально членится на морфемы так же, как и другое слово (значение), и с такой же аргументацией, но эти единицы хотя бы в одном из словарей подаются как омонимы, то мы не можем уверенно говорить о его членимости и вынуждены проверить эти случаи, а потому включаем их в выборку.

Заметим также, что этой же логикой обусловлена возможность включения в наше исследование таких пар, в которых одно из слов является лингвистическим термином-калькой и имеет в русском языке омоним (*заявление*^{1,2}, *предложение*^{1,2} и т. п.). Несмотря на то, что, казалось бы, членимость должна быть предопределена самой природой словообразовательных калек, в данном разряде слов она так же неаприорна и нуждается в доказательствах, как и омонимичность/полисемия, на собственно семантическом уровне (подробный анализ лингвистических терминов и их омонимов будет осуществлён в § 4 данной главы). Ввиду специфичности этого класса омонимов мы сочли возможным не включать эти слова в таблицу и проанализировать их как совершенно особую группу, требующую особого подхода.

⁴⁰⁰ Апресян Ю. Д. Избранные труды. Т. 1. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1995. С. 115.

Вторая трудность состоит в том, что нельзя считать окончательно решённым вопрос о морфемной членимости слов. В подтверждение этих слов приведём некоторые выдержки из «Предисловия» к «Словарю морфем русского языка» А. И. Кузнецовой и Т. Ф. Ефремовой: «...формальный подход более существен при членении слова, чем подчас шаткие семантические ассоциации»⁴⁰¹; «...ориентированность лишь на морфную структуру без учёта семантики слова также чревата серьёзными искажениями в восприятии слов»⁴⁰²; «...членение слов по аналогии допустимо производить только в таких ситуациях, когда результаты этого членения не вступают в противоречие с этимологией: так... можно было бы выделить суффикс *-к* в словах *балка* “овраг...” и *банка* “...сосуд”»⁴⁰³ и др. Эклектичность и даже противоречивость этих критериев очевидна.

Активное обсуждение этой проблемы в отечественной лингвистике открылось ещё в середине прошлого века дискуссией Г. О. Винокура и А. И. Смирницкого. Суть этой дискуссии сводилась к тому, считать ли членимыми слова, в которых после процедуры морфемного членения значимыми и встречающимися в языке в такой же форме и в том же значении оказываются обе морфемы (точка зрения Г. О. Винокура), или же достаточно того, чтобы хотя бы одна из частей оказалась значимой (критерий А. И. Смирницкого). Иными словами — в трактовке Е. А. Земской — могут ли быть в составе слова незначимые морфемы⁴⁰⁴.

Этой проблеме посвящено большинство статей сборника «Развитие русского языка, 1972. Словообразование, членимость слова»⁴⁰⁵, и авторами этих статей отмечается сложность проблемы и разнообразие подходов к её решению. Видимо, стоит согласиться с точкой зрения тех лингвистов, которые говорят о разных степенях морфемной членимости, объективно существующих в языке. Так,

⁴⁰¹ Кузнецова А. И., Ефремова Т. Ф. Словарь морфем русского языка. М., 1986. С. 9.

⁴⁰² Там же.

⁴⁰³ Там же.

⁴⁰⁴ Земская Е. А. К проблеме множественности морфонологических интерпретаций... // Словообразование. Членимость слова. Развитие современного русского языка. М., 1975. С. 70.

⁴⁰⁵ Словообразование. Членимость слова. Развитие современного русского языка. Сборник статей / Отв. ред. Е. А. Земская. М., 1975. 263 с.

А. А. Реформатский говорил об имеющейся в языке «градации членимости»⁴⁰⁶ и отмечал, что между такими очевидными случаями, как *рококо* (абсолютная нечленимость) и *двн-н-ем-те-сь-ка* (абсолютная членимость), есть масса переходных явлений⁴⁰⁷. Л. А. Шкатова разделяет слова по «степени вычленимости морфем» на слова с полной членимостью (которая эквивалентна членимости в понимании Г. О. Винокура) и неполной (слова с таким типом членимости А. И. Смирницким относились к членимым, а Г. О. Винокуром — к нечленимым)⁴⁰⁸.

Нельзя сказать, что и в современных исследованиях этот вопрос окончательно решён и превалирует та или иная трактовка. Так, А. В. Чанчина отмечает, что вопрос о членимости слов с десемантизированным корнем «должен решаться в зависимости от принципов членения морфем»⁴⁰⁹, считая возможной, таким образом, неединственность подхода.

Как в теоретическом плане, так и в собственно методических целях, обусловленных спецификой нашего исследования, мы придерживаемся более широкого понимания термина «членимость» (то есть точки зрения А. И. Смирницкого). Всё-таки это термин, обладающий очень прозрачной внутренней формой, и его значение, на наш взгляд, должно коррелировать с ней. В широком смысле этого слова «члениться» на части целое может и в том случае, если в итоге этого членения образуются в чём-то неравноценные, но так или иначе выделяемые части. Исходя из этих рассуждений, мы признаём слова типа *миндалина* ('парный орган лимфатической системы') членимыми не потому, что мы выделяем корень *миндал'* - (это как раз не очевидно, потому что наличие переноса по сходству и его осознанность рядовыми носителями ещё нуждаются в доказательстве, коль

⁴⁰⁶ Реформатский А. А. Словообразование. Членимость слова. Развитие современного русского языка. М., 1975. С. 11.

⁴⁰⁷ Там же. С. 13.

⁴⁰⁸ Шкатова Л. А. Заметки о членимости медицинских терминов // Словообразование. Членимость слова. Развитие современного русского языка. М., 1975. С. 151.

⁴⁰⁹ Чанчина А. В. Проблема мотивированности и членимости слов с «десемантизированным» корнем (на материале современного русского языка). Н. Новгород, 2010. С. 15.

скоро СШ, например, отмечает в этом случае омонимию), а потому, что выделяем суффикс *-ин-* со значением ‘единичность’, который наличествует в других словах (*горошина, картофелина*). (Ср. также замечание Анны А. Зализняк: «...для того чтобы приставка в составе приставочного глагола использовалась как отдельный знак, необязательно, чтобы значение глагольного “остатка” тоже было прозрачно»⁴¹⁰). Кроме того, как уже неоднократно отмечалось, главный предмет нашего интереса — лексическая, собственно корневая семантика, максимально «очищенная» от возможных аффиксально-семантических напластований, чем также обусловлено наше широкое понимание членимости.

Однако и при таком понимании остаётся немало вопросов и спорных случаев. Пожалуй, самый главный из них — выделимость суффиксов *-к-*, *-ок-*, *-ик-* и пр. и основания для их выделения. На то, что у изначально уменьшительных суффиксов развивается иное значение — значение подобия, «номенклатурно-терминологическое» значение отнесённости к определённом классу предметов, — неоднократно указывалось в специальных исследованиях по этой теме: см., например, работы Л. А. Булаховского⁴¹¹, В. М. Маркова⁴¹², О. М. Соколова⁴¹³, Н. С. Араповой⁴¹⁴, Н. А. Янко-Триницкой⁴¹⁵ и др.). Отличительная черта этих суффиксов — в том, что они, на наш взгляд, не могут быть выделены «сами по себе», рядом с асемантическим «левым» корневым компонентом, поскольку в любом из двух основных указанных значений (подобия или уменьшительности) эти суффиксы, так сказать, «рефлексивны» в своей семантике, требуют обязательного наличия ещё одного значимого компонента (и в этом отношении являются исключением из принятого нами общего правила, провозглашённого А. И. Смирницким). Сказать, что в том или ином слове существует суффикс со

⁴¹⁰ Зализняк Анна А. Многозначность в языке и способы ее представления. М., 2006. С. 305.

⁴¹¹ Булаховский Л. А. Введение в языковедение. Ч. 2. М., 1953. С. 68.

⁴¹² Марков В. М. О семантическом способе образования слов // Русское семантическое словообразование. Ижевск, 1984. С. 7.

⁴¹³ Соколов О. М. Вопросы структурно-семантической дивергенции в лексике. Нежин, 2009. С. 88.

⁴¹⁴ Арапова Н. С. Кальки в русском языке послепетровского периода. М., 2000. С. 31.

⁴¹⁵ Янко-Триницкая Н. А. Членимость слов типа *ножка, ручка* // Словообразование. Членимость слова. Развитие современного русского языка. М., 1975. С. 175—185.

значением уменьшительности, можно лишь тогда, когда имеется некий эталон меры, эталон «нормальности» размера (выраженный словом без этого суффикса), по сравнению с которым объект, называемый словом с этим суффиксом, представляется маленьким. Например, мы можем сказать, что в слове *кроватька* суффикс *-к-* является уменьшительным постольку, поскольку этим словом мы назовём меньший по размеру объект, чем тот объект, понятие о котором заключает в себе корневая морфема *кровать-* (и, соответственно, слово *кровать*). То же самое и со значением подобия: суффикс подобия *-к-* в слове *ножка (стола)* мы можем выделить лишь потому, что этот денотат подобен другому, выражаемому корневым фрагментом *нож-* (*ног-*).

Мы приводим здесь эти кажущиеся банальными и очевидными рассуждения потому, что считаем необходимым подчеркнуть следующую мысль: в слове может быть заключено суффиксальное значение подобия или уменьшительности только тогда, когда в нём заключено как минимум ещё одно полноценное значение, выражаемое корнем — значение объекта сравнения (которому подобен предмет, называемый словом с указанным суффиксом) или эталона меры (по сравнению с которым предмет, называемый словом с этим суффиксом, представляется маленьким). Суффикс подобия не может быть выделен, если не ясно, чему подобен объект, а выделение суффикса уменьшительности не оправдано, если не очень понятно, меньше чего именно данный объект.

Проиллюстрируем сказанное на примере одного из встретившихся в нашем языковом материале «проблемных» случаев. Разные словари по-разному трактуют значения ‘саранчовое насекомое’ и ‘уменьш. от *кобыла*’: либо как значения одного слова *кобылка* (БТС, СК), либо как значения слов-омонимов (СШ, СА). Если мы предположим (в качестве рабочей гипотезы), что фрагмент *кобыл-* в слове, называющем насекомое, не имеет того же значения, что и в слове, называющем лошадь (а особых оснований постулировать это значение, учитывая денотаты слов, мы, по крайней мере, без специальной литературы, обнаружить не можем: внешнее сходство? общие черты в поведении? скорость перемещения?), то мы не можем выделять и суффикс *-к-*, констатируя наличие нечленимой морфемы *кобылк-*. При

выделении суффикса мы столкнулись бы с рядом вопросов, на которые не сможем дать ответа: если это суффикс со значением подобия, то чему же подобен денотат, называемый этим словом? если это суффикс уменьшительности, то относительно чего мал называемый объект? С одной стороны, насекомые в принципе мыслятся как небольшие по размеру существа (и выделение суффикса со значением «вообще маленький объект» вроде бы оправдано), с другой стороны — если рассматривать саранчу внутри класса насекомых, то она будет не просто не меньше условного «насекомого среднего размера», но, пожалуй, даже и больше (по сравнению, скажем, с *мухой*, *комаром*, *тараканом*).

И всё же, несмотря на только что приведённые рассуждения, мы решили не включать подобные слова в выборку (к их числу относятся, например, такие как *птичка* ‘значок’, *стремечко* ‘косточка в ухе’, *куколка* ‘стадия развития насекомого’, *лисичка* ‘гриб’ и нек. др., и, соответственно, их однозначно членимые омонимы). Чтобы пояснить наше решение, считаем уместным привести слова М. Я. Гловинской: «О морфемной членимости можно говорить с точки зрения носителя языка и с точки зрения лингвиста. Первая — это существующая в сознании говорящих возможность выделить в слове значащие отрезки, соотносящиеся со значением целого слова... Лингвистическая членимость — это возможность разбить слово на отрезки, встречающиеся с тем же или сходным значением и в той же форме в других словах»⁴¹⁶.

Мы отстаиваем целесообразность антропоцентрического подхода для решения основной проблемы нашего исследования (опора на показания языкового сознания рядовых носителей, на осознанность или неосознанность семантических связей с их стороны). Думается, мы будем последовательными, если отдадим предпочтение именно этому подходу и в вопросе морфемной членимости, а с точки зрения рядового носителя языка перечисленные выше слова (*кобылка*, *стремечко*, *лисичка* и пр.) скорее членимы, чем нет, чему способствует их слишком прозрачная внутренняя форма. На чисто интуитивном уровне происходит выделение, скажем,

⁴¹⁶ Гловинская М. Я. О зависимости морфемной членимости слова от степени его синтагматической фразеологизации // Словообразование. Членимость слова. Развитие современного русского языка. М., 1975. С. 26.

корня *кукол-* и суффикса *-к(а)* и уже потом сознание «додумывает», что же общего у *куклы* (марионетки) и у насекомого в определённой стадии его жизненного цикла. Успешность такого «домысливания», надо полагать, различна: довольно высокая в случае со словами *стремечко* и *лисичка* и низкая — когда сознание «обрабатывает» слова типа *кобылка*. Тем не менее, на наш взгляд, даже в последнем случае сознание готово скорее остановиться на весьма абстрактной формулировке «существо, чем-то напоминающее *кобылу*, но не очень понятно, чем именно», нежели «смириться» с морфемной монолитностью основы, так легко членимой формально (хотя лингвист, наверное, должен был бы как раз «смириться» с нечленимостью). Рассматривая аналогичные примеры, О. С. Ахманова выделяла в таких словах «десемантизированные уменьшительные (уменьшительно-ласкательные) суффиксы», которые «входят в структуру данного названия без противопоставления соответствующему бессуффиксному слову»⁴¹⁷.

Дополнительным, уже собственно языковым, объективным фактором такого членения является то обстоятельство, что производное и производящее существительные относятся к одному и тому же грамматическому роду (ср.: *родник* — *родничок*, *чиж* — *чижик*, *стремя* — *стремечко*), а в примере со словом *кобылка* — ещё и отнесённость обоих денотатов к одной, пусть и довольно широкой, тематической группе — названия животных. Если же невозможно найти потенциально производящее существительное (*бочка*, *мочка (уха)*, *точка* и пр.) или производящее существительное того же рода (*полка* ‘мебель’), а также в случае, если теоретически можно предположить существование такого существительного, но даже самая общая смысловая связь между этими значениями кажется очень странной и неестественной (*кабачок* ‘растение’ — *кабак*, *бабка* ‘кость’ — *баба*, *клетка* ‘квадратный фрагмент’ — *клеть*, *лавка* — *лава* и пр.) — мы не имеем оснований говорить о членимости таких слов, и нами такие случаи (при наличии прочих условий) включались в выборку.

(Подчеркнём, что в данном вопросе мы не претендуем на то, чтобы наши приведённые выше рассуждения были признаны абсолютно и единственно

⁴¹⁷ О. С. Ахманова. Очерки... С. 132.

истинными, а всего лишь предлагаем наше видение этой очень сложной проблемы и решение, которое соответствует нашим основным задачам).

Отметим также, что, в свете сказанного в Главе 1 о тех случаях, когда слово в разных значениях имеет разные парадигмы (в частности, парадигмы, различающиеся формами числа) (см. с. 50—52), мы включаем в выборку и те ряды единиц, в которых одна из них употребляется только во множественном числе, и в этом случае в качестве заглавной даём общую для всего ряда форму множественного числа (например, *бубны* ‘мн. от *бубен*’ и ‘карточная масть’).

Говоря о самом сопоставительном подходе и способе его графической реализации (оформление в виде таблицы), мы опираемся на работы А. И. Головни⁴¹⁸ и В. П. Тимофеева⁴¹⁹, которые также использовали подобные методы, и реализуем их применительно к нашему материалу.

В первой колонке под номерами приводятся анализируемые значения (или комплексы значений); слова, обладающие этими значениями, расположены в алфавитном порядке. В четырёх остальных столбцах — информация о том, как они трактуются во взятых нами словарях: буква О означает, что в данном словаре все они рассматриваются как омонимы, П — все перечисленные значения включены в состав одного слова, прочерк — в словаре отсутствуют данные значения. Прочерк может встречаться только в двух последних колонках (посвящённых словарям омонимов), поскольку, если одно из анализируемых значений отсутствовало бы в одном из толковых словарей, мы бы не брали его в расчёт и не включали бы в выборку, согласно 3-му критерию (см. с. 139—140).

Здесь также важно оговорить следующий момент: отсутствие слова в словарях омонимов может быть обусловлено двумя причинами: 1) составителями этих словарей в конкретном примере фиксируется полисемия; 2) авторы данного словаря вообще не рассматривают эти значения в силу тех или иных причин (в первую очередь — потому, что слово просто ещё не появилось или появилось, но не достаточно закрепилось в языке (что можно сказать, например, о втором слове в

⁴¹⁸ Головня А. И. Омонимия как системная категория языка. Минск, 2007. С. 26—28.

⁴¹⁹ Тимофеев В. П. Исходная (словарная) форма слова в русском языке. Свердловск, 1971. С. 77.

паре *винчестер* ‘винтовка’ и *винчестер* ‘жёсткий диск’, которое фиксируется современными толковыми словарями, но едва ли рассматривалось в 60—70-х гг., когда создавались исследуемые нами словари омонимов)). Такие случаи, когда, по нашим предположениям, слово рассматривалось составителями словарей омонимов и было признано многозначным, мы также обозначаем буквой П (к примеру, слово *мотив* в значениях ‘причина’, с одной стороны, и ‘напев’, ‘часть сюжета’ и пр., с другой); в тех случаях, когда есть объективные причины предполагать, что слово не попало в поле зрения составителей словаря (как в вышеприведённом примере с *винчестером*), мы ставили прочерк.

Если ряд состоит более чем из двух значений (или комплексов значений) и тот или иной словарь даёт только часть этих значений как значения одного слова, а другие — как значения слова-омонима, мы используем более сложную запись вида: 1, 2 vs. 3 vs. 4 — О; 1, 2 — П. Она означает, что в данном словаре 1-е и 2-е приведённые значения рассматриваются внутри одного слова, 3-е и 4-е — как значения отдельных слов омонимов. То есть словарь даёт 3 слова-омонима, в первом из которых объединяет 1-е и 2-е указанные значения.

Всего нами было выделено 364 омонимических ряда, которые соответствуют обозначенным параметрам. Из них только в 197 случаях (54 % от общего числа) составители словарей проявляют единодушие в трактовке отношений между единицами ряда, отмечая либо омонимию, либо многозначность (при этом в случае, если то или иное значение в одном из словарей омонимов отсутствует, по нашему предположению, ввиду того, что оно вообще не рассматривалось авторами (в таблице — прочерк), мы ориентировались только на те словари, где оно наличествует).

Расхождение между толковыми словарями (СШ и БТС), разумеется, не так велико, однако всё равно очень значительно: из 364 рядов только 258 (ок. 71 %) трактуются одинаково (если привлечь к сравнению ещё несколько современных толковых словарей, то процент станет ещё ниже). Отчасти такое значительное несовпадение можно объяснить тем, что эти два словаря выделяют омонимы по разным принципам (что само по себе лишний раз доказывает нерешённость этого

вопроса в лексикографии): БТС определяет как омонимические или такие единицы, которые имеют разную этимологию, или те, существенное семантическое расхождение между которыми подкреплено ещё и морфологическими особенностями; СШ (по сути перенявший те принципы, которые проводились в толковом словаре С. И. Ожегова) фиксирует омонимию и в тех случаях, когда семантическое расхождение не подкреплено формальными различиями.

Однако нельзя сказать, что названные критерии последовательно применяются в каждом из словарей и не бывает отступлений от приведённых правил. Так, в СШ отмечается омонимия в паре *лист*¹ ‘часть растения’ — *лист*² ‘пласт какого-либо материала’ (очевидно, имеется в виду как раз формальный аспект — разные формы множественного числа *листья* и *листы* соответственно, — поскольку семантическая близость в данном случае вроде бы очевидна). С другой стороны, не очень понятным и не совсем последовательным выглядит решение составителей БТС дать в разных статьях, как омонимы (а точнее — омоформы) слова *час* ‘единица времени’ и *часы* ‘прибор’, хотя семантические отношения между ними (‘единица измерения времени’ — ‘прибор для отмеривания таких единиц’) в общем-то идентичны отношениям в паре *склянка* ‘полчаса’ — *склянки* ‘большое песочные часы на судах’ (которые объединены в одном слове!), и второе слово в этой паре также является *pluralia tantum*. Конечно, возможно усмотреть некоторую разницу между этими парами с точки зрения семантических отношений внутри них (всё-таки *склянки* — это прибор для измерения только *склянок*, а *часы*² — это прибор для измерения не только *часов*¹, но и секунд, минут), но разница эта, на наш взгляд, настолько формальна и мизерна, что должна быть признана несущественной.

Потому разными принципами выделения омонимов лишь отчасти объясняется столь значительная разница между двумя толковыми словарями в подаче одних и тех же случаев. Основная же проблема, надо полагать, кроется как раз в разной оценке исследователями семантической дистанции между значениями в тех или иных парах.

Учитывая, что в выборке имеются ряды, которые содержат не только два, но и три (*коса*^{1,2,3}) и даже четыре (*мат*^{1,2,3,4}) омонима, общее число пар значений,

подлежащих анализу, разумеется, больше числа самих рядов. Если в двучленном ряду возможно одно противопоставление между двумя членами этой пары, то в трёхчленном ряду таких противопоставлений уже три (например, *коса* ‘инструмент’ — *коса* ‘волосы’, *коса* ‘волосы’ — *коса* ‘отмель’, *коса* ‘инструмент’ — *коса* ‘отмель’), а в четырёхчленном имеют место шесть возможных комбинаций.

Потому, оценивая с количественной точки зрения подачу каждым из словарей омонимов и полисемантов, мы опирались не на общее число рядов, а именно на число возможных противопоставлений между значениями (или «пучками» значений). Например, все четыре словаря дают значения ‘инструмент’, ‘волосы’ и ‘отмель’ как значения слов-омонимов *коса*^{1,2,3}. Это означает, что были рассмотрены три пары значений (*коса* ‘инструмент’ — *коса* ‘волосы’, *коса* ‘волосы’ — *коса* ‘отмель’, *коса* ‘инструмент’ — *коса* ‘отмель’) и отношения в каждой из этих пар были признаны омонимичными. Другой пример: СК фиксирует два омонима *мех*^{1,2}, в первом из которых объединены значения ‘волосяной покров у животных’ и ‘мешок из шкуры животного’, а второй имеет только одно значение ‘приспособление для нагнетания воздуха’. Это значит, что опять рассматривались три пары значений, однако омонимичными были признаны только две из них: ‘волосяной покров у животных’ — ‘приспособление для нагнетания воздуха’ и ‘мешок из шкуры животного’ — ‘приспособление для нагнетания воздуха’.

Следуя этой логике расчёта, мы получили следующие цифры: наибольший процент омонимичных пар (не рядов!) от общего числа фиксирует СШ (из 443 возможных пар значений 382 признаны омонимичными, что составляет 86 %), второе место по этому показателю занимает СА (на 390 пар приходится 291 омонимичная (76 %)), далее идёт БТС (аналогичное соотношение — 320 к 443, или 72 %), и самым «неомонимоцентричным» из четырёх названных стал СК (из 421 пары значений только 296 омонимичных, что составляет 70 % от общего числа).

Одна из причин, по которой СШ заметно выделяется на фоне трёх других высоким показателем «омонимичности», была приведена выше (о другой причине будет сказано отдельно в следующем параграфе). Что же касается СА, то значительное количество омонимов в нём обусловлено тем, что О. С. Ахманова

сознательно расширяет массив омонимов за счёт того, что включает в него и те случаи, в которых процесс распада полисемии, по мнению автора, ещё не завершился (эти случаи имеют в словаре особое графическое оформление).

Теперь, объяснив принцип отбора материала и осуществив минимальный количественно-статистический его анализ, перейдём к качественному рассмотрению попавших в выборку рядов.

§ 3. Распределение омонимов разных групп по шкале «полисемия — омонимия»

3.1. Вводные замечания. Некоторые предварительные сведения нами были получены в предыдущей главе в ходе анализа слов *дом, язык, свет, мир*, и на примере этих слов уже отчётливо видно, насколько велик «разброс» единиц одной и той же группы (этимологически во всех четырёх случаях имеет место семантическое тождество слова) на анализируемой шкале.

В этом и следующем параграфах предполагается рассмотреть с аналогичной точки зрения другие группы омонимов и понять, является ли подобная дисперсия характерным свойством только исконных полисемантов, или в такой же мере характерна и для представителей других групп (соответственно, при первом исходе использование индивидуального подхода к каждому случаю можно было бы ограничить только исконно многозначными словами, а во всех остальных ситуациях принимать однозначное решение на основаниях историко-этимологического порядка; при втором исходе неизбежен вывод о том, что каждая пара значений должна анализироваться отдельно, и из одной её отнесённости к той или иной группе ещё не вытекает решения об омонимии или многозначности).

Одну из первых попыток подобной, историко-этимологической, классификации омонимов предпринял М. Фасмер ещё в начале прошлого века. Он предлагал выделять «спонтанеические» изменения значения, происшедшие вследствие внеязыковых причин ('бревно' — 'пол' в слове *пол*), «комбинаторные», «происшедшие вследствие... контаминации, вызванной звуковой близостью двух

групп или народным осмыслением» (*кадка* в значении *горло* — потому что есть похожее слово *кадык* в том же значении), и «sandhi'ческие» (то, что мы сейчас назвали бы транспозицией, или переходом слов из одной части речи в другую)⁴²⁰.

О. С. Ахманова писала о «необходимости различать омонимию, возникшую в результате собственно фонетических процессов... и омонимию, возникшую в результате процессов структурных, морфологических»⁴²¹. «Оба эти процесса, основанные на совпадении звучания, — отмечала исследовательница, — в свою очередь отличаются от возникновения омонимии в результате распада полисемии...»⁴²². Этот принцип дифференцированного подхода к омонимам в зависимости от причин возникновения омонимии реализован и в её словаре омонимов, где каждому омонимическому ряду присваивается определённый индекс, указывающий на тип омонимии. В предисловии к словарю выделяются три возможных ситуации возникновения омонимии (и, соответственно, три индекса): I — все или хотя бы один из членов ряда имеет выраженную морфологическую структуру (*финка* ‘представительница финского народа’ — *финка* ‘финский нож’); II — исконно разные слова (*брак* ‘замужество’ — *брак* ‘изъян’); III — разошедшаяся полисемия (*кулак* ‘сжатые пальцы руки’ — *кулак* ‘зажиточный крестьянин’)⁴²³.

Во-первых, сразу обращает на себя внимание неоднородность классификации, поскольку в основу выделения первой группы кладётся морфологический принцип, а второй и третьей — собственно этимологический. И некоторые случаи, таким образом, могут быть отнесены сразу к двум группам: *кабачок* ‘растение’ — *кабачок* ‘небольшой кабак’ различаются и морфологической структурой, и происхождением. Потому нам более последовательным представляется подход, при котором за основу классификации берутся собственно этимологические моменты, а морфологические показатели могут использоваться как сопутствующие и дополнительные.

⁴²⁰ Фасмер М. Р. Греко-славянские этюды. Ч. 3. Греческие заимствования в русском языке. Спб., 1909. С. 5.

⁴²¹ Ахманова О. С. Очерки... С. 111.

⁴²² Там же.

⁴²³ Ахманова О. С. Словарь омонимов русского языка. М., 1976. С. 6—8.

Во-вторых, в указанном словаре первая группа разбивается на дополнительные подклассы, в зависимости от того, в каких именно морфемах возникает омонимия, в то время как внутри второй и третьей групп дополнительных разделений не производится. Учитывая специфику нашего объекта исследования и то, что из всей первой группы, выделяемой О. С. Ахмановой, интерес для нас представляет только одна подгруппа, в которую входят омонимические ряды, где один омоним обладает морфологической членимостью, а другой — нет (типа *полка* от *полоть* и *полка* ‘предмет мебели’), — мы попытаемся произвести в анализируемом массиве слов более дробное членение и рассмотреть такие, например, подгруппы, как «омонимы, заимствованные из разных языков», «омонимы, заимствованные из одного языка», «омонимы, один из которых является калькой» и пр. Помимо того, что такой подход даёт возможность увидеть картину омонимии как явления языка во всей её сложности и многообразии, он ещё и позволяет оценить семантическую дистанцию между значениями представителей омонимических рядов разных классов, относительно малых по объёму. И если большой разброс по шкале «полисемия — омонимия» в случае анализа больших групп, объединённых предельно общим критерием типа «исконно разные слова» или «заимствования», может быть объяснён тем, что сами эти группы довольно пестры и разнородны по составу, то при выбранном нами подходе подобный контрагумент если не снимается вовсе, то, как минимум, становится заметно менее сильным.

В-третьих, О. С. Ахманова отмечала не только то, что класс исходно разных слов неоднороден (данную оговорку мы как раз стараемся преодолеть и нивелировать), но и то, что между самими классами нет чёткой границы⁴²⁴. С этим нельзя не согласиться. К примеру, В. В. Виноградов считал, что такие омонимы, как *мир* ‘вселенная’ и *мир* ‘покой’, *лук* ‘растение’ и *лук* ‘оружие’, образовались в результате совпадения «этимологически разных славянских слов»⁴²⁵, между тем как нами в предыдущей главе значения ‘вселенная’ и ‘покой’ были рассмотрены как

⁴²⁴ Ахманова О. С. Словарь омонимов русского языка. М., 1976. С. 8.

⁴²⁵ Виноградов В. В. Об омонимии и смежных явлениях // Вопросы языкознания. 1960. № 5. С. 10.

принадлежавшие некогда (пусть и в праславянский период истории языка) одному слову и данная пара омонимов была отнесена, таким образом, к группе «распад полисемии». О. С. Ахманова оперировала понятием «данной синхронической системы», чёткого определения которой мы не находим и которая понималась ей, судя по всему, как письменной период истории языка. Ввиду того что значения ‘оружие’ и ‘растение’ объединялись в одном слове на ранних стадиях развития языка, то есть за пределами «данной синхронической системы», такие единицы признаются «исконно разными словами»⁴²⁶. Применительно именно к семантике слов такое строгое, по сути дискретное деление истории языка на два периода кажется нам излишне категоричным, а роль письменности как определяющего фактора такого деления преувеличенной. Потому нам кажется более правильным дифференцированный подход: в случае слов *лук* ‘оружие’ и *лук* ‘растение’ правильнее, видимо, действительно говорить о совпадении этимологически разных слов, в первую очередь потому, что второе из них, согласно СШ, было заимствовано из германских языков, и, если и имел место общий этимон, то в очень древнюю, праиндоевропейскую, эпоху (ср. приводившиеся нами ранее рассуждения (см. с. 74) об этимологии омонимов *ключ* ‘отмычка’ и *ключ* ‘родник’, которые также имеют общий праиндоевропейский этимон). В случае же слов *мир* ‘вселенная’ и *мир* ‘покой’ можно говорить о распаде полисемии (пусть и очень раннем). Условно говоря, в первом случае, для того чтобы развить в том же звуковом комплексе новое значение, русский язык прибег к помощи заимствования из другого языка, а во втором случае — «обошёлся собственными силами».

Такой же логикой мы руководствуемся и при анализе заимствований. В аспекте нашей проблематики нам важно понять, из одного источника происходят омонимы (то есть существовала ли между ними хоть когда-то семантическая связь) или из разных, потому, к примеру, ряд *кран* ‘запорный механизм’ — *кран* ‘машина для подъёма грузов’ нами не рассматривается в рамках группы «омонимы, заимствованные из разных языков», хотя первое слово было заимствовано непосредственно из голландского языка, а второе — из немецкого, поскольку оба

⁴²⁶ Ахманова О. С. Словарь омонимов русского языка. М., 1976. С. 8.

этих слова восходят к одному прагерманскому этимону (*kran-), и их правильнее рассматривать как единицы, пришедшие к нам из одного источника (пусть и очень древнего), хотя и при разном посредстве.

Наконец, в-четвёртых, следует отметить, что, несмотря на высокий уровень развития этимологической науки, нельзя сказать, что абсолютно для всех слов найдена однозначная этимология (а в нашем случае необходимо, чтобы она была не только однозначной, но и по возможности максимально подробной, с приведением всех опосредующих звеньев, если таковые были), а с этим тоже приходится считаться.

В качестве источников этимологических сведений мы привлекли «Этимологический словарь русского языка» М. Фасмера, «Историко-этимологический словарь современного русского языка» П. Я. Черных, «Школьный этимологический словарь русского языка» Н. М. Шанского, СШ, интернет-портал etymolog.ruslang.ru, курируемый Институтом русского языка РАН, а также некоторые другие ресурсы.

Только теперь, сделав эти предварительные замечания и отметив значительную степень условности приводимого нами деления, которая вызвана объективными причинами, мы можем приступить к анализу разных групп омонимов. Мы считаем возможным и оправданным логикой изложения разделить весь массив омонимов на две большие группы — 1) омонимы, возникшие внутри одного языка, и 2) омонимы, возникшие вследствие межъязыковых контактов (заимствований) (хотя даже при таком, казалось бы, предельно дискретном разделении обнаруживается небольшая подгруппа слов, которая находится как бы между двумя указанными классами — ряды, в которых один из омонимов является исконно русским словом, а другой — калькой, ввиду того, что сами кальки как класс имеют статус, пограничный между заимствованием и исконно русским словом), и уже внутри этих групп производить дополнительное деление.

3.2. Омонимия, развившаяся вследствие заимствований

3.2.1. Омонимы, заимствованные из разных языков. В эту группу входят такие ряды, как *бар* ‘ресторан’ (из англ.) — *бар* ‘единица давления’ (из франц.), *боны* ‘денежные знаки’ (из франц.) — *боны* ‘плавучие ограждения’ (из нидерл.), *бот* ‘судно’ (из нидерл.) — *бот* ‘ботинок’ (через др.-польск. к франц.), *гриф* ‘крылатое чудовище; хищная птица’ (из греч.) — *гриф* ‘часть музыкального инструмента’ (из нем.), *кок* ‘вихор’ (из франц.) — *кок* ‘повар’ (из нидерл.), *круп* ‘поражение гортани’ (из англ.) — *круп* ‘задняя часть туловища животного’ (из франц.), *лава* ‘минеральная масса, изливающаяся из вулкана’ (через ит. из лат.) — *лава* ‘род казачьей атаки’ (из тюрк.), *лира* ‘музыкальный инструмент’ (из греч.) — *лира* ‘денежная единица’ (из ит.), *лот* ‘прибор для измерения глубины’ (из нидерл.) — *лот* ‘русская мера веса; товар на аукционе’ (из франц.), *мат* ‘ситуация в шахматах’ (через нем. из араб.) — *мат* ‘половик’ (через англ. из лат.), *полис* ‘город-государство’ (из греч.) — *полис* ‘документ о страховании’ (через франц. к ит.), *пост* ‘воздержание от принятия скоромной пищи’ (из др.-в.-нем.) — *пост* ‘пункт охраны, а также сама охрана; должность’ (через франц. и ит. из лат.), *рейд* ‘водное пространство для стоянки судов’ (из нидерл.) — *рейд* ‘набег’ (из англ.), *термит* ‘насекомое’ (через франц. из англ., восходит к лат.) — *термит* ‘смесь алюминия с окислами’ (через нем. к греч.), *тик* ‘заболевание’ (из франц. или англ.) — *тик* ‘ткань’ (из нидерл.), *фон* ‘основной цвет; задний план’ (через нем. и франц. из лат.) — *фон* ‘единица уровня громкости’ (из греч.), *шериф* ‘полицейский’ (из англосакс.) — *шериф* ‘почётное звание лица, считающегося потомком Мухаммеда в исламе’ (из араб.), *штоф* ‘мера объёма’ (из н.-нем.) — *штоф* ‘ткань’ (из нем.) и т. п.

Практически любое явление в языке характеризуется наличием центра и периферии, и омонимические ряды, которые мы только что привели, несомненно, составляют центр явления под названием «омонимия». Это наиболее архетипические представители класса омонимов, и относительно омонимического статуса приведённых единиц у исследователей и составителей словарей практически не возникает сомнений и разногласий (во всех четырёх рассматриваемых нами словарях все эти случаи отнесены к омонимии, за исключением пары *фон*^{1,2}, которая отсутствует в СА; обнаружить семантическую связь действительно возможно при

реконструкции приблизительно такого метонимического переноса: ‘задний план картины’ — ‘задний план (второстепенная часть) чего-л.’ — ‘второстепенная часть какого-л. звучания’ (ср.: *музыкальный фон*) — ‘единица измерения одного из параметров этого звучания’; впрочем, отсутствовать в СА эта пара может и потому, что терминологическое значение просто не рассматривалось).

Это абсолютно случайные совпадения в одной форме различного содержания, так сказать, омонимы «в чистом виде», то есть такие, между которыми «по определению» этимологически не могло быть никакой семантической связи. И чисто теоретически, исходя из подобной природы таких омонимов, следовало бы предположить, что вся группа, включающая приведённые омонимические ряды, должна компактно располагаться на омонимическом полюсе рассматриваемой шкалы. Тем не менее, если внимательнее присмотреться к конкретным представителям этой группы, предполагаемой «компактности» мы всё же не обнаружим. Даже если вынести за скобки только что проанализированный ряд *фон*^{1,2} (приведённая нами мотивировка имеет всё же во многом формальный характер, несколько «надуманна»; с другой стороны, скажем, в паре значений *мат* ‘половик’ — *мат* ‘положение в шахматах’ даже такой, «надуманной», трактовки мы привести не можем, что заставляет нас расположить пару *фон*^{1,2} всё же несколько левее точки «абсолютная омонимия» на шкале «полисемия — омонимия») — среди приведённых рядов можно обнаружить как минимум два случая, где можно говорить о семантических контактах внутри каждой из пар. Речь идёт о парах *лава* ‘минеральная масса, изливающаяся из вулкана’ — *лава* ‘род казачьей атаки’ и *шериф* ‘полицейский’ — *шериф* ‘почётное звание лица, считающегося потомком Мухаммеда в исламе’. В первом случае возможен метафорический перенос по функциональному сходству: атака (*лава*²) развивается так же быстро и атакующие так же стремительно окружают какие-либо объекты и территории, как и *лава*¹; во втором случае — также метафорический перенос, основой для которого служит сема ‘важный, уважаемый’ (человек). Более убедительна первая из приведённых мотивировок, однако и вторая имеет право на существование. Потому мы бы

поместили оба случая между крайними точками шкалы, однако первый из них — ближе к полюсу многозначности, а второй — к полюсу омонимии.

Таким образом, опираясь на собственное языковое чутьё, мы бы расположили омонимические ряды этой группы на шкале приблизительно так:

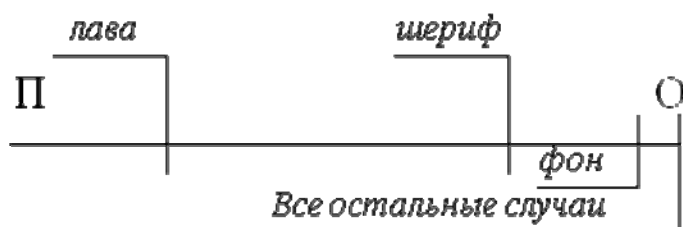

Рисунок 2. Омонимы, заимствованные из разных языков, на шкале «полисемия — омонимия»

3.2.2. Омонимические ряды, в которых хотя бы один из омонимов заимствован при посредстве того языка, из которого был заимствован другой. Приведём конкретный пример такой ситуации.

Слово *газ*¹ ‘состояние вещества’ было заимствовано из французского, куда пришло из греческого, а слово *газ*² ‘лёгкая прозрачная ткань’ — также из французского, но в нём оно было образовано по названию сирийского города Газа. В результате в данном случае во французском языке сложилась такая же ситуация омонимии, которая складывалась в русском, когда он заимствовал омонимы из разных языков (см. предыдущий пункт), а русский язык, в свою очередь, заимствовал «саму эту омонимию».

Аналогичную картину мы можем наблюдать и в омонимическом ряду *флюс*¹ ‘заболевание десны или надкостницы’ — *флюс*² ‘вещество, добавляемое в шихту’ (правда, само отнесение этого ряда именно к данной группе требует оговорки: оба слова заимствованы непосредственно из немецкого языка, в котором второе можно считать оригинальным, незаимствованным, а первое — калькой с греч. *reuma*, которое в греческом, наряду с терминологическим медицинским, имеет ещё и значение ‘течь’, как и нем. *fluss*). Правда, в отличие от предыдущего рассмотренного примера, в данном случае речь идёт не о случайном совпадении, а о «намеренном» (по крайней мере, этимологически) совмещении в одном слове двух значений.

В большинстве случаев, однако, омонимия (в принятом нами понимании этого слова — как совпадение и произношения, и написания) отсутствовала в том языке, непосредственно из которого слова заимствовались русским языком, и возникала уже на базе нашего языка, ввиду адаптации слов к русским фонетическим, графическим и/или грамматическим особенностям (ещё Л. А. Введенская отмечала, что омонимы в русском языке могут образовываться «в результате подчинения заимствованных слов фонетическим и грамматическим нормам русского языка»⁴²⁷). Так, слово *вольт*¹ ‘крутой поворот в манежной езде, уклонение от удара’ было заимствовано из французского языка, а слово *вольт*² ‘единица измерения напряжения’ — из итальянского через посредство французского (единица электрического напряжения названа так по имени итальянца А. Вольта). Однако во французском языке первое слово имеет написание *volte*, а второе — *volt*, то есть омонимии в полном смысле этого слова не было, однако в русском языке она появилась.

К этой группе мы также можем отнести следующие омонимические ряды: *бокс* ‘вид спорта’ (из англ.) — *бокс* ‘изолятор для больных; коробка’ (через англ. из лат.); *мат* ‘положение в шахматах’ (через нем. из араб.) — *мат* ‘род поверхности’ (из нем.), *такса* ‘расценка’ (через нем. из лат.) — *такса* ‘порода собаки’ (из нем.), *фокус* ‘точка пересечения лучей; средоточие, центр’ (через нем. из лат.) — *фокус* ‘трюк’ (из нем.), *шпик* ‘сало’ (через польск. из нем.) — *шпик* ‘шпион’ (из польск.) и некоторые другие.

В данной группе, как и в предыдущей, в большинстве случаев все совпадения звуковой и графической формы (независимо от того, в каком языке эти совпадения были впервые зафиксированы) априори случайны и появление таких омонимов нельзя объяснить когда-то существовавшей семантической близостью между соответствующими значениями (исключение составляет разве что пара *флюс*^{1,2}). Однако и здесь при пристальном рассмотрении каждого из рядов на предмет

⁴²⁷ Введенская Л. А. К вопросу о путях развития омонимов в русском языке // Русский язык в школе. 1963. № 3. С. 52.

возможных семантических связей между его членами мы обнаружим весьма пёструю картину.

В первую очередь следует сказать о значениях ‘заболевание десны или надкостницы’ и ‘вещество, добавляемое в шихту при выплавке металла’, выражаемых одинаковым звуковым комплексом *флюс*. Сам факт того, что в некоем языке они объединялись в одном слове (а это и есть непереносное условие семантического калькирования, которое было осуществлено немецким языком на основе греческого), уже говорит о том, что семантическая связь между ними теоретически возможна. Безусловно, в русском языке эта связь слабее, чем в немецком или греческом, поскольку в последних двух у соответствующих слов есть и более общее, родовое, значение ‘течь вообще’, по отношению к которому анализируемые значения могут быть рассмотрены как производные (*флюс* ‘воспаление’ образуется вследствие того, что гной «стекается» в одно место, *флюс* ‘материалы, вводимые в шихту’ приобретает жидкое («текущее») состояние, когда плавится (ср. дуплет этого слова в русском языке — *плавень*) и начинает выполнять свою основную функцию).

В русском языке возможна метафорическая трактовка, причём эта гипотетическая деривация имеет, судя по всему, не однолинейный, а взаимонаправленный характер (можно сказать, что *флюс*¹ похож на *флюс*², а также что *флюс*² похож на *флюс*¹, и здесь правильнее говорить, пожалуй, не о внешнем или функциональном сходстве, а о сходстве прототипических ситуаций: и в том, и в другом случае некое текучее вещество заполняет некое пространство). На наш взгляд, здесь мы имеем сходство явлений и совпадение соответствующих сем, достаточные для того, чтобы фиксировать семантическую деривацию и связь двух значений (правда, при такой трактовке приходится искусственно реконструировать ещё одно, промежуточное, значение, ‘гной, который накапливается в десне во время воспаления’ (поскольку *флюсом* правильнее называть всё же не сам гной, а весь воспалённый участок десны), метонимически произведённое от значения ‘воспаление’, но реконструкция эта элементарна и не может сильно затемнить

семантические связи между двумя анализируемыми значениями (ср. приводившиеся на с. 73—74 рассуждения о значениях слова *ячмень*)).

Несмотря на то, что совпадение значений ‘состояние вещества’ и ‘лёгкая прозрачная ткань’ в одном звуковом комплексе *газ*, как уже отмечалось выше, не имеет причин и является случайным, перекинуть «семантический мостик» от одного значения к другому мы можем и в этом случае, определив *газ*² как ‘ткань, такую же лёгкую, прозрачную, как *газ*¹’ (метафора гиперболического характера). Ещё более убедительной такая трактовка выглядит в свете наличия другой пары значений (второе из них, правда, является устаревшим), между которыми прослеживаются ровно такие же семантические отношения: *дымка* ‘туман’ — *дымка* ‘лёгкая ткань’, и СУ объединяет эти значения в одном слове (этот случай в качестве примера ремотивации (слово *дымка* ‘ткань’ было заимствовано из турецк. *dimi*) приводит О. И. Блинова⁴²⁸).

Таким образом, уже на примере второй подряд группы слов мы убеждаемся в том, что абсолютно случайные совпадения по форме исконно различных единиц ещё не означают обязательного отсутствия семантических связей между ними. Потому вряд ли можно согласиться с авторами рецензии на «Инструкцию для составления “Словаря современного русского литературного языка”», утверждавшими, что «первый тип омонимов (этимологические) в словарной практике обычно особых трудностей не представляет, так как и этимологический, и семантический анализ слова позволяет сравнительно легко решить вопрос об омонимичности этих слов»⁴²⁹ и что «единичные» трудности могут встретиться «лишь в случаях неясной или спорной этимологии»⁴³⁰. Как мы только что убедились, зачастую результаты этимологического и семантического анализа оказываются противоположными.

⁴²⁸ Блинова О. И. Мотивология и ее аспекты. Томск, 2007. С. 199.

⁴²⁹ Брянцева Т. Г., Цейтлин Т. М. Инструкция для составления «Словаря современного русского литературного языка» (в трех томах) // Вопросы языкознания. 1954. № 3. С. 115.

⁴³⁰ Там же.

Явление «конвергенции», слияния (не только формального, но и семантического) исконно разных единиц неоднократно отмечалось разными исследователями: В. В. Виноградов отмечал подобные процессы в случае слов *сальный, ферт, мазать*⁴³¹, а также *жолнёр*⁴³²; Анна А. Зализняк, ссылаясь на Т. В. Булыгину и А. Д. Шмелёва, приводит слово *пекло*, а также ряд примеров из других языков⁴³³ (этот же пример, наряду со словом *колика*, этимологически не связанным с глаголом *колоть*, приводил и Л. А. Булаховский⁴³⁴); К. А. Тимофеев говорил о том, что «этимологически разные однозвучные слова могут в процессе их сосуществования вступать иногда даже в известную смысловую связь»⁴³⁵. (Ср. также приводившееся на с. 146 утверждение М. Я. Гловинской о двух типах членимости — «членимости для лингвиста» и «членимости для носителя языка»).

По большому счёту, во всех подобных случаях мы можем говорить о народной этимологии, однако только тот факт, что то или иное явление в языке считается случаем народной этимологии, вовсе не отменяет ни самого факта существования этого явления, ни того, что при синхронном подходе это явление должно рассматриваться как равноправное с другими. Очень правильно оценивал роль народной этимологии в языке Л. А. Булаховский, который писал: «Народная этимология, производящая в длинном ряде случаев впечатление чего-то несерьёзного... имела, однако, в истории отдельных языков и стойкие отложения, становившиеся фактами всеобщего литературного употребления»⁴³⁶. Иллюстрируя тезис о том, что «этимологические связи не столь уж важны», на примере слова *сальный*⁴³⁷, С. Д. Кацнельсон справедливо отмечал: «Полисемия... это прежде всего ряд объединённых актуальными деривационными связями значений»⁴³⁸. В связи с

⁴³¹ Виноградов В. В. Об омонимии и смежных явлениях // Вопросы языкознания. 1960. № 5. С. 10.

⁴³² Виноградов В. В. О некоторых вопросах теории русской лексикографии // Вопросы языкознания. 1956. № 5. С. 87.

⁴³³ Зализняк Анна А. Многозначность в языке и способы ее представления. М., 2006. С. 53.

⁴³⁴ Булаховский Л. А. Введение в языкознание. Ч. 2. М., 1953. С. 167.

⁴³⁵ Дискуссия по вопросам омонимии... // Лексикографический сборник. 1960. Вып. 4. С. 76.

⁴³⁶ Булаховский Л. А. Введение в языкознание. Ч. 2. М., 1953. С. 165.

⁴³⁷ Кацнельсон С. Д. Содержание слова, значение и обозначение. М.; Л., 1965. С. 60—61.

⁴³⁸ Там же. С. 60.

этим, может быть, следует признать правильной точку зрения О. И. Блиновой, которая предлагала обозначать подобные ситуации термином «ремотивация», считая терминообозначения, в составе которых фигурирует слово «этимология», неудачными⁴³⁹.

Мы разделяем теоретические воззрения упомянутых учёных и также считаем, что статус двух значений с точки зрения их принадлежности к одному или к разным словам может быть определён только с опорой на семантические отношения между ними, а не на этимологию, поскольку в языке существует явление конвергенции (встречающееся значительно реже, чем явление дивергенции, на что указывал С. Д. Кацнельсон⁴⁴⁰, однако значительно чаще, чем принято думать: во всех четырёх рассмотренных нами словарях фиксируются омонимические слова *газ* и *флюс*, хотя, как показал семантический анализ, в данных случаях вполне можно усмотреть полисемию). В подтверждение сказанного приведём наше видение того, как располагаются на шкале рассмотренные единицы:

Рисунок 3. Омонимы, хотя бы один из которых заимствован из другого языка, а другой — при посредстве этого языка, на шкале «полисемия — омонимия»

3.2.3. Пары омонимов, один из которых является заимствованным, а второй — исконно русским. Это группа омонимов, которая также содержит такие омонимические ряды, представители которых являются случайно совпавшими по форме единицами. Приведём примеры таких рядов: *балка* ‘брус’ (из ср.-н.-нем.) — *балка* (овраг), *боб* ‘растение’ — *боб* ‘сани в бобслее’ (из англ.), *бор* ‘сосновый лес’ — *бор* ‘сверло’ (из нем.), *брак* ‘супружеские отношения’ — *брак* ‘изъян’ (из ср.-в.нем.), *вал* ‘насыпь’ (из лат.) — *вал* ‘волна’, *горн* ‘печь’ — *горн* ‘музыкальный

⁴³⁹ Блинова О. И. Мотивология и ее аспекты. Томск, 2007. С. 198—199.

⁴⁴⁰ Дискуссия по вопросам омонимии... // Лексикографический сборник. 1960. Вып. 4. С. 86.

инструмент' (из нем.), *град* 'осадки' — *град* 'город' (из ст.-слав.), *клуб* 'клубок, подобие шара' — *клуб* 'общественная организация' (через нем. из англ.), *лечь* 'рыба' — *лечь* 'трос' (из нидерл.), *лук* 'растение' (из герм.) — *лук* 'оружие', *люлька* 'колыбель' — *люлька* 'трубка' (из тюрк.), *мат* 'ругань' — *мат* 'положение в шахматах' (через нем. из араб.), *мат* 'род поверхности' (из нем.), *мат* 'половик' (через англ. из лат.), *моль* 'бабочка', *моль* 'сплав леса' — *моль* 'единица количества вещества' (из лат.), *мурава* 'трава' — *мурава* 'глазурь' (из перс.), *рожа* 'лицо' — *рожа* 'болезнь' (из польск.), *рок* 'судьба' — *рок* 'музыка' (из англ.), *свита* 'сопровождение' (через польск. и франц. из лат.) — *свита* 'одежда', *тур* 'этап, часть состязания' (из франц.) — *тур* 'дикий бык; горный козёл', *шашка* 'кружок, брусок; кубик, плитка, цилиндр взрывчатого вещества' — *шашка* 'оружие' (из кабард. или кумык.) и т. д.

За исключением пар *вал* 'насыпь' — *вал* 'волна' и *люлька* 'колыбель' — *люлька* 'трубка', внутри которых возможен метафорический перенос по сходству формы (в первом случае оба объекта напоминают гребень, а во втором имеют округлое углубление), все приведённые ряды представляют собой омонимы в чистом виде (не потому, что они имеют разное происхождение, но потому, что ни в одной из рассматриваемых пар невозможно обнаружить более или менее осязаемую семантическую связь). Однако даже такая, казалось бы, абсолютная, степень омонимии не может быть признана предельной, если мы взглянем на другую подгруппу омонимических рядов внутри этой же группы. В этой подгруппе исконно русское и заимствованное слова внутри каждого омонимического ряда различаются ещё и морфемной членимостью: в заимствованном слове выделяется только корень (и окончание), в то время как русское слово имеет более сложную морфемную структуру. Приведём примеры: *би-ч* 'кнут' — *бич* 'опустившийся человек' (из англ.), *из-вод-Ø* (от *извести/изводить*) — *извод* 'разновидность текста' (из ст.-слав.), *ка-де-т* 'конституционный демократ' — *кадет* 'воспитанник кадетского корпуса' (из франц.), *лейка* 'фотоаппарат' (из нем.) — *лей-к-а* 'сосуд для поливки', *петрушка* 'растение' (через польск. из греч.) — *петр-ушк-а* 'русский народный кукольный театр; кукла в этом театре', *плат-Ø-а* 'вознаграждение' — *плата* 'диэлектрическая

пластина' (из англ.), *с-кат-Ø* 'наклон' — *скат* 'животное' (из норв. или швед.) и др. Здесь мы также не обнаруживаем никаких нетривиальных семантических совпадений в значениях, однако это «несовпадение» подчёркнуто ещё и на формальном уровне: если в предыдущей подгруппе подобное несовпадение мы постулировали исключительно на основании семантического анализа, то в данном случае слова противопоставляются ещё и своей внутренней формой, то есть омонимия не только имеет место, но ещё и дополнительно выделена. Обнаружить её ещё проще. Для лексикографической практики такое разделение, возможно, и не имеет особого значения, поскольку в обоих случаях слова должны подаваться в разных словарных статьях, как омонимы, однако в чисто теоретическом плане, полагаем, будет нелишним отразить эту разницу на схеме, расположить случаи из последней рассмотренной подгруппы правее полюса омонимии и тем самым показать, что они как бы «омонимичнее абсолютных омонимов»:

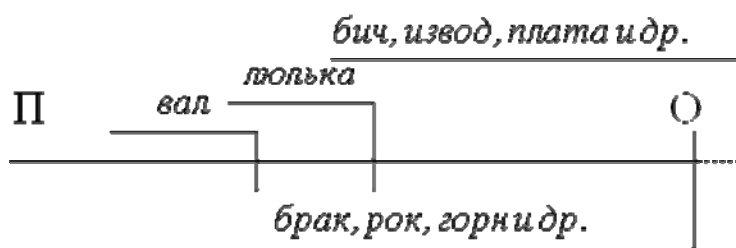

Рисунок 4. Омонимы, один из которых заимствован, а другой является исконно русским, на шкале «полисемия — омонимия»

Из всех рассмотренных в рамках данной группы слов особое внимание хотелось бы обратить на омонимы *извод*¹ (от *извести/изводить*) и *извод*² 'разновидность текста'. Оба омонима (и исконно русский, и заимствованный из церковнославянского) этимологически являются дериватами глагола *извести*. Этот пример очень показателен, так как он демонстрирует, что, даже возникнув, во-первых, из одного, общего для славянской группы языков, слова, во-вторых, по той же самой словообразовательной модели (существительное образовано от глагола с помощью нулевой суффиксации (или бессуфиксным способом)), в-третьих, в языках одной группы (славянской), эти слова в русском языке всё же являются омонимами, один из которых мы считаем производным (и, следовательно, членимым), а другой — нет.

Стоит отметить также, что слово *извод*¹ пришло к нам если не в терминологическом, то в узкоспециальном значении (а термины в принципе хуже мотивируются этимологически производящими словами; подробнее об этом — в § 4), тем более в данном случае сема, заимствованная этим словом от исходного глагола *извести*, ушла на далёкую периферию семантики слова, если вообще не покинуло его пределов (по крайней мере, если учитывать семантику русских слов). Что же касается слова *извод*², то здесь речь идёт даже не о заимствовании какой-то семы, а, по большому счёту, о дублировании семантики (разница между словами *извод*² и *извести* сугубо грамматическая), а потому перед нами полноценные омонимы, в такой же, абсолютной, мере лишённые семантической связи, как и прочие слова этой подгруппы.

Анализ этого случая как бы предваряет обзор следующей группы слов, в которых омонимы заимствованы из одного языка, где зачастую омонимии не было, а в русском языке она имеет место. В свете только что рассмотренной пары слов подобная ситуация кажется нам менее странной, ибо даже в близкородственных языках, как мы только что убедились, возможны совершенно различные семантические трансформации изначально общих единиц, не говоря уже о языках, которые разошлись значительно раньше.

3.2.4. Омонимы, заимствованные из одного языка. Эта группа представлена значительным количеством омонимических рядов и весьма разнородна по своему составу, объединяет в себе несколько подгрупп и допускает сразу несколько линий дополнительной, внутренней, классификации.

Во-первых, имеет смысл сразу отграничить подгруппу таких омонимических рядов, в которых в языке-источнике омонимия отсутствовала и возникла непосредственно в русском языке вследствие фонетической и графической адаптации слов (ситуация, похожая на ту, которая уже рассматривалась в рамках первой группы, — см. разбор омонимов *вольт*^{1,2} на с. 160). К числу таких рядов можно отнести следующие: *аспид* ‘змея’ (из греч. *aspis*) — *аспид* ‘род сланца’ (из греч. *iaspis*), *винт* ‘металлический стержень с резьбой’ (восходит через польск. к

нем. *Gewinde*) — *винт* ‘карточная игра’ (из нем. *Wint*), *гриф* ‘птица’ (через польск. нем. и лат. из др.-греч. *gryps*) — *гриф* ‘штемпель’ (через франц. из греч. *grapho*), *корнет* ‘офицерский чин в кавалерии’ (из франц. *cornette*) — *корнет* ‘музыкальный инструмент’ (из франц. *cornet*), *кулон* ‘украшение’ (из франц. *coulant*) — *кулон* ‘единица количества электричества’ (из франц. *Coulomb*), *пат* ‘положение в шахматах’ (через франц. *pat* из лат. *pactum*) — *пат* ‘род мармелада’ (через франц. *pate* из лат. *pasta*) (в данном случае оба слова были заимствованы через французский из латинского, однако, как можем видеть, полное совпадение по форме произошло только в русском) и т. п.

Усмотреть минимальную семантическую связь мы можем только в паре *аспид* ‘змея’ — *аспид* ‘род сланца’: данная горная порода действительно напоминает по цвету, а также по особенностям отражения света (по «отливу») змеиную кожу, но категорически постулировать такой метафорический перенос по внешнему сходству мы бы не стали и охарактеризовали бы его скорее как гипотетический (но в то же время отдаляющий данную пару от полюса омонимии на шкале, в отличие от прочих рассмотренных пар, члены которых являются абсолютными омонимами).

Другая, значительно большая по размеру подгруппа, включает в себя омонимические ряды, члены каждого из которых в том или ином языке были (по крайней мере, в ранние периоды развития этого языка) значениями одного слова, а в русском языке мы имеем дело с омонимией. Данная подгруппа очень трудна для точного анализа, поскольку выяснить, в каком именно языке произошёл распад полисемии и образовались омонимы, чрезвычайно трудно: даже если в каждом конкретном случае мы будем сверяться с толковыми словарями того или иного языка, сведения, почерпнутые оттуда, не могут служить гарантией того, что конкретные значения входили в состав одного полисеманта или, наоборот, относились к разным словам (уже на примере нашей выборки мы можем видеть, сколь противоречиво толкуют словари одни и те же единицы, и даже в тех случаях, когда они единодушны, их данные всё равно могут быть подвергнуты сомнению). С высокой долей вероятности, однако, можно утверждать следующее: чем большее количество интеръязыковых этапов проходит исконно семантически единый

этимон, объединяющий в себе несколько значений, чем больше число тех языков-посредников, через которые он проходит перед тем, как оказаться в русском (или в любом другом), — тем больший разрыв семантических связей между значениями можно прогнозировать и тем выше вероятность омонимии, поскольку, переключаясь из языка в язык, те или иные значения теряют одни семы и приобретают другие, всё менее и менее напоминая самих себя в своём исходном состоянии.

Поясним сказанное на примере пары омонимов *капот*¹ ‘откидная крышка’ — *капот*² ‘старинное женское платье’. Этимологически оба слова восходят к лат. *caput* ‘голова’ и были заимствованы русским из французского языка, однако семантически связать с этимоном хотя бы один из русских омонимов весьма затруднительно (равно как и омонимы между собой). Первый омоним прошёл в своём развитии следующие этапы: ‘голова’ — ‘опрокидывать голову’ — ‘опрокидывать что-л.’ (перенос произошёл в карточной терминологии, где идиоматическое выражение *faire capot* ‘опрокинуть соперника, разбить на голову’, сохранив значение, редуцировалось по форме в глагол *capoter* со значением ‘опрокидывать’; ср. рус. *съесть собаку* — *насобачиться*; А. Я. Шайкевич вообще выделяет подобные семантические изменения («эллипс») в качестве отдельной разновидности семантического переноса и иллюстрирует их примерами из французского языка⁴⁴¹) — ‘то, что опрокидывают’ — ‘откидной верх экипажа’. Значение второго омонима видоизменялось так: ‘голова’ — ‘капюшон (часть одежды для головы)’ — ‘одежда с капюшоном, плащ’ — ‘женская одежда’. Как видим, слово *капот*¹ утратило связь с этимоном уже во французском языке, слово *капот*² — в русском, в силу чего мы и говорим об абсолютной омонимии между этими двумя словами в русском языке, которой способствовало языковое посредничество французского языка при заимствовании.

Ещё один пример — омонимы *патрон*¹ ‘хозяин, покровитель’ и *патрон*² ‘часть снаряда’. Оба они восходят к латинскому *patronus* ‘покровитель, защитник’. В латинском это слово (которое, в свою очередь, является словообразовательным

⁴⁴¹ Шайкевич А. Я. Введение в лингвистику. М., 2005. С. 150.

дериватом от *pater* ‘отец’) имело только первое из приведённых значений. Однако в одном из языков-посредников (немецком или французском), видимо, произошёл метафорический перенос генерализующего характера (‘человек, который защищает’ — ‘вообще кто- или что-либо защищающее; защита’), а затем — ещё один перенос, на этот раз гипонимический (‘то, что защищает’ — ‘конкретный предмет, который защищает’), и эти переносы способствовали появлению нового, слабо связанного с исконным, значения (теоретически можно говорить о том, что и *патрон*¹, и *патрон*² «защищают», однако, во-первых, это разного рода защита (в одном случае — покровительство, в другом — покрытие), во-вторых, *патрон*² скорее всё же является не «защитой» того, что внутри него, а некоей ёмкостью). И здесь мы также говорим об омонимии, поскольку некое родство между рассматриваемыми значениями мы можем установить, только прибегнув к этимологическому анализу.

Однако не стоит и абсолютизировать значение этой тенденции, потому что наряду с ней имеет действие ещё один фактор: степень расхождения значений зависит ещё и от специфики самих значений, от семантической структуры слова в том языке, с которого начался процесс заимствования. Постараемся проиллюстрировать заявленные тезисы на конкретных примерах.

Во-первых, мы можем выделить ряд случаев, в которых изначальное семантическое единство тех или иных слов было обусловлено тем, что в том языке, с которого начался процесс заимствования, два рассматриваемых значения могли быть вариантами другого, более общего, родового значения, которое не перешло вместе с частными в другие языки (следует ли в данном случае говорить о вариантах значения или о двух отдельных значениях, произведённых методом сужения от третьего, родового, вопрос не столь принципиальный, и мы не будем на нём заострять внимание). Например, омонимы *мотив* ‘побудительная причина’ и *мотив* ‘напев; составная часть темы, сюжета произведения искусства’ восходят, через разное языковое посредство, к лат. *motivus* ‘подвижный’, и, если бы подобное значение входило в состав русского слова *мотив*, мы, пожалуй, говорили бы о полисемии (по крайней мере, оснований говорить о ней у нас было бы намного больше). А ввиду отсутствия такого «объединяющего звена» в русском языке

семантического сближения двух существующих значений мы не обнаруживаем и констатируем омонимию.

Приведём примеры подобных случаев: *акция* ‘действие для достижения определённого результата’ — *акция* ‘ценная бумага’ (от лат. *actio* ‘действие’), *дисциплина* ‘порядок’ — *дисциплина* ‘учебный предмет’ (от лат. *disciplina* ‘наставление, воспитание’), *кокетка* ‘женщина’ — *кокетка* ‘часть одежды’ (от франц. *coquette* ‘маленький петух’), *нефрит* ‘болезнь почек’ — *нефрит* ‘поделочный камень’ (от греч. греч. *nephros* ‘почка’), *нота* ‘музыкальный знак’ — *нота* ‘дипломатическое заявление’ (от лат. *nota* ‘знак, замечание’), *орден* ‘знак отличия’ — *орден* ‘община’ (от лат. *ordo* ‘ряд, разряд, сословие’), *пассаж* ‘галерея’ — *пассаж* ‘фрагмент музыкального произведения; странный поступок’ (от франц. *passer* ‘проходить, происходить’), *пике* ‘рубчатая ткань’ — *пике* ‘фигура пилотажа’ (от франц. *piquer* ‘колоть’, которое, в свою очередь, с одной стороны, дало ‘стегать’ и — далее — ‘особая ткань’, с другой — ‘пикировать, совершать пике’), *проспект* ‘широкая улица’ — *проспект* ‘краткое изложение выпускаемого издания’ (от лат. *pro-spicere* ‘смотреть вперёд’), *радикал* ‘устойчивая группа атомов’ — *радикал* ‘приверженец решительных действий’ (от лат. *radix* ‘корень’), *реакция* (от *реагировать*) — *реакция* ‘политика сопротивления прогрессу’ (от лат. *re-* ‘против, обратно’ + *actio* ‘действие’), *роль* ‘образ, воплощаемый актёром; текст для актёра’ (от лат. *rotulus* ‘бумажный свиток для актёров’) — *роль* ‘свёрток цилиндрической формы’ (от нем. *Rolle*, которое также восходит к латинскому источнику), *талия* ‘часть туловища’ — *талия* ‘комплект игральных карт из двух колод’ (от франц. *tailler* ‘подрезать’), *титул* ‘звание’ — *титул* ‘название книги’ (от лат. *titulus* ‘надпись’), *фаланга* ‘часть пальца’ — *фаланга* ‘сомкнутый строй пехоты’ — *фаланга* ‘насекомое’ (из греч. *phalagx* ‘продолговатый кусок чего-л.’), *фибра* ‘жилка, нерв’ — *фибра* ‘гибкий лист из бумажной массы’ (от лат. *fibra* ‘волокно’), *филе* ‘мясо’ — *филе* ‘вышивка’ (от франц. *filet* ‘ниточка, волокно; сеть’), *шайка* ‘сосуд’ — *шайка* ‘группа людей’ (от тюрк. *šaiika* ‘разбойничье судно’), *шпиц* ‘шпиль’ — *шпиц* ‘собака’ (от нем. *Spitz* ‘острый’) и др. (как можно видеть, в ряде случаев слово в языке-источнике было членимым, и уже самой этой членимостью

обусловлено то, что его семантическая структура там отличается от семантической структуры заимствования в русском языке).

Если бы предположение о том, что отнесённость омонимического ряда к той или иной группе слов, связанных сходной этимологией, обуславливает то или иное место этого ряда на шкале «полисемия — омонимия», было справедливым, то, применительно к анализируемой нами группе, логично было бы сделать и другое предположение: если в первоначальном языке-источнике было некое общее значение, своеобразное «промежуточное звено» между рассматриваемыми значениями, а в русском языке оно отсутствует, то перед нами омонимия, если же таковое значение отсутствовало и в языке-источнике и слово обладало ровно такими же значениями, какие мы имеем и в русском языке, — следует говорить о многозначности.

И только что приведённые примеры вроде бы говорят в пользу справедливости как минимум первой части этого предположения. Однако даже среди этих примеров можно обнаружить различную степень разрыва семантических связей: если большинству рядов действительно свойственна полная, абсолютная омонимия (трудно усмотреть семантическую связь, например, между значениями ‘широкая улица’ и ‘краткое изложение выпускаемого издания’, объединяемыми одним звуковым комплексом *проспект*), то в рядах *фибра*^{1,2}, *шайка*^{1,2} и *шпиц*^{1,2} можно обнаружить семантическую общность, пусть и минимальную: *фибра* ‘гибкий лист из бумажной массы’ так же гибок, как и *фибра* ‘жилка’, «наложение» значений обоих омонимов *шайка*^{1,2} происходит в идиоме *шайка-лейка* (по значению этот фразеологизм скорее связан с *шайкой* ‘группой людей’, по форме — из-за наличия в нём слова той же лексико-тематической группы — с *шайкой* ‘сосудом’), а *шпиц* ‘собака’ назван так по характерной части своего тела — по ушам, напоминающим *шпиц* ‘шпиль’.

Рассмотреть эти ряды именно здесь, а не в следующей подгруппе, нас заставляет высокая степень условности и «искусственности» такой связи: едва ли принцип гибкости является доминантным, центральным в слове *фибра* ‘жилка’; кроме того, само это слово в данном значении является устаревшим, а его омоним

— специальным словом; не выглядит «прозрачной» и внутренняя форма фразеологизма *шайка-лейка* (значение целого мы не можем составить из буквальных значений его частей); сомнительна и приведённая нами реконструкция семантических отношений в паре *шпиц* ‘шпиль’ — *шпиц* ‘собака’, во-первых, ввиду искусственного внедрения дополнительного семантического звена (*шпиц* ‘ухо особой формы’), во-вторых — опять же из-за сомнений в том, является ли этот признак наиболее характерным для данного животного и может ли именно он быть положен в основу номинации (с одной стороны, мы вправе делать такое предположение, поскольку точно знаем, что именно такой перенос и происходил в немецком, с другой — не можем выходить за рамки именно предположения, поскольку в разных языках в основу номинации могут быть положены совершенно разные признаки).

Однако есть и более очевидные нарушения вышеприведённого тезиса, согласно которому наличие/отсутствие общего значения в языке-источнике является критерием разграничения омонимии/полисемии.

Во-первых, имеется подгруппа, представленная значительным количеством рядов, внутри каждого из которых, как и в только что рассмотренной подгруппе, в языке-источнике также наличествовало некое объединяющее значение, не перешедшее в русский язык, однако, несмотря на это обстоятельство, мы можем обнаружить семантические связи, причём более прочные, чем в рядах *шпиц*^{1,2} и *фибра*^{1,2}. Приведём примеры таких рядов, снабдив их описанием гипотетических семантических связей между их членами: *гармония*¹ ‘созвучие, стройность’ — *гармония*² ‘гармонь’ (от греч. *armonos* ‘связь, соединение’; *гармония*² — инструмент, с помощью которого можно добиться *гармонии*¹), *гранат*¹ ‘южное дерево и его плод’ — *гранат*² ‘камень’ (от лат. *granatus* ‘зернистый’; возможная семантическая деривация: *гранат*², так же как и *гранат*¹, обладает зернистой структурой), *пас*¹ ‘передача мяча партнёру’ — *пас*² ‘пропуск хода в карточной игре’ (из франц. *passer* ‘прохожу мимо, пропускаю’; *пас*², так же как и *пас*¹, предполагает передачу права действовать кому-л.), *туба*¹ ‘большой тубик’ — *туба*² ‘труба (музыкальный инструмент)’ (от лат. *tuba* ‘вообще труба’; *туба*² внешне напоминает (пусть и

отдалённо) *тубу*¹), *хорда*¹ ‘прямая, соединяющая две точки кривой’ — *хорда*² ‘скелетная ось’ (от греч. *chorde* ‘струна’; *хорда*² внешне напоминает *хорду*¹) и др.

Отдельно стоит выделить случаи, которые также относятся к этой подгруппе, однако для проведения семантических связей внутри этих рядов требуется введение «искусственных» семантических звеньев: *люкс*¹ ‘единица освещённости’ — *люкс*² ‘что-л. роскошно оборудованное’ (от лат. *lux* ‘свет’; ‘единица освещённости’ — ‘освещённость, свет’ — ‘нечто лучшее в своём роде’ (ср. аналогичную модель переноса *блестящий* от *блестеть* — *блестящий* ‘выдающийся’, собственно *свет* ‘освещение’ — *свет* ‘лучшая часть общества’)), *метр*¹ ‘единица измерения’ — *метр*² ‘стихотворный размер; система организации музыкального ритма’ (от греч. *metron* ‘мера’; ‘единица измерения’ — ‘мера, норма’ — ‘то, что характеризуется наличием меры’), *такт*¹ ‘ритм, метрическая музыкальная единица’ — *такт*² ‘чувство меры, правильное понимание и поведение’ (от лат. *tactus* ‘прикосновение, ощущение’; ‘ритм’ — ‘порядок’ — ‘правильное поведение’) и т. п.

Формально к этой же подгруппе стоит отнести и ряд *шах* ‘титул монарха’ — *шах* ‘нападение на короля в шахматах’ (от араб. *šâh* ‘царь’). Однако в данном случае предположить возможные семантические связи в русском языке значительно сложнее. В цепочке ‘монарх’ — ‘главная фигура в шахматах’ — ‘нападение на эту фигуру’, которая могла бы обусловить в данном случае полисемию, сомнения вызывает второе звено, а также связь между вторым и третьим звеньями. Специфика шахматной терминологии в том, что многие фигуры имеют дублетные обозначения: *слон* — *офицер*, *ладья* — *тура*, *ферзь* — *королева*. Потому само отсутствие дублета для обозначения шахматного короля, при наличии дублетов для обозначения других фигур, является дополнительным «блокирующим» фактором для того, чтобы сформировать подобный умозрительный конструкт (значение ‘шахматный король’ для слова *шах*). Что касается метонимической связи между этим «умозрительным» значением и значением ‘нападение на короля’, то модель «предмет — нападение на него» тоже кажется весьма экзотической и в силу этого вряд ли дееспособной. Потому, по совокупности факторов, в данном случае следует всё же признать омонимию.

Что касается данных проанализированных нами толковых словарей, то и они в ряде приведённых случаев фиксируют полисемию (так, из четырёх взятых нами словарей три трактуют как многозначное слово *хорда*, также три — слово *туба*, один — слово *нас*).

Уже при анализе этой группы мы можем обнаружить случаи, когда если не решающее, то очень значительное влияние на распад некогда целостного семантического образования оказали экстралингвистические факторы (которые в значительно большем количестве будут представлены в классе омонимов, возникших «внутри» русского языка, и в соответствующем месте данной главы они будут нами рассмотрены более подробно). Так, уже приводившиеся выше омонимы *роль* ‘образ, воплощаемый актёром; текст для актёра’ — *роль* ‘свёрток цилиндрической формы’, скорее всего, так и остались бы омонимами, даже если в русский язык перешло бы и более общее значение ‘нечто круглое’, потому что роли для актёров уже давно не пишутся на свитках.

В силу экстралингвистических причин нельзя усмотреть семантической связи и между омонимами *фараон* ‘египетский правитель’ — *фараон* ‘карточная игра’. В этом случае точно известно, что второе значение появилось у слова довольно поздно, в одном из западноевропейских языков (вероятнее всего, во французском), а этим языком слово в первом значении было заимствовано, так же как и русским языком, из греческого (возможно, через дополнительное посредство; в русский язык оно пришло через старославянский). Потому нет необходимости анализировать семантику этимона в старославянском, греческом и древнеегипетском языках, а лучше обратить внимание на развитие семантики в том самом западноевропейском языке, в котором и появилось у слова второе значение для номинации зародившейся карточной игры.

Разные источники указывают на то, что червонный король в колоде французских карт изображался в виде фараона. Однако цепочка семантических трансформаций ‘египетский правитель’ — ‘карточный король, изображённый в виде египетского правителя’ — ‘определённая карточная игра, в которой задействована такая карта’ всё равно представляется странной, поскольку в этой карточной игре

участвуют 36 карт, и червонный король («фараон») никакими особыми функциями не наделён, потому признак номинации выглядит более чем сомнительным. Логично предположить, что в той языковой общности, в которой возникло данное значение, в данной игре червонный король выполнял какую-то особую функцию (подобную, например, той, которую в русской версии игры играет пиковая дама), и по этой наиболее «функционально нагруженной» карте была названа и вся игра. Если это действительно так, то мы вправе говорить, таким образом, сразу о двух экстралингвистических моментах, обуславливающих наличие семантической связи в языке-источнике и её отсутствие в русском: особое изображение червонного короля и особая роль этой карты в «исконном» варианте этой игры. Если же нет — для нас остаётся непонятным принцип номинации в языке-источнике, однако первый из двух названных факторов всё равно остаётся в силе.

То же самое можно сказать и о паре омонимов *мумия*¹ ‘забальзамированный труп’ — *мумия*² ‘краска’. Оба слова восходят к араб. *tumija* ‘воск’, и предположительно краска была названа так потому, что первоначально извлекалась из мумий (независимо от того, имел ли место подобный способ добычи краски или нет, мы всё равно вправе говорить об экстралингвистическом факторе, поскольку бытовавшее предположение, что такой способ существовал, уже само по себе является экстралингвистическим моментом). Однако сейчас такой способ не используется, и *мумия*² добывается совершенно другими путями, так что и в этом случае мы констатируем омонимию.

Изменения в неязыковой действительности привели к образованию пары омонимов *тост*¹ ‘застольная речь’ — *тост*² ‘ломтик хлеба’. Эти слова были заимствованы из английского языка, в котором они, в свою очередь, восходят к латинскому *tostus* ‘ломтик хлеба’: первоначально в английской культуре произнесение речи за столом сопровождалось обычаем ставить перед выступающим с речью стакан воды и поджаренный кусок хлеба. Так случилось, что тот компонент ситуации, по которому метонимически получила название сама ситуация, утратился, а другой (правда, в несколько видоизменённой форме: произнесение тоста сопровождается сейчас наличием не воды, а скорее какого-либо алкогольного

напитка) сохранился, в результате чего связь между значениями была разорвана и возникли омонимы.

Последний рассмотренный нами пример интересен тем, что, несмотря на то, что русский язык перенял по сути все компоненты семантики этимона (в отличие от рассмотренных ранее примеров типа *проспект*^{1,2}, *талиа*^{1,2} и др.), в силу действия причин несобственно языкового характера в русском языке полисемия отсутствует. Однако в целом в аналогичных условиях, при отсутствии экстралингвистических факторов, характерна иная картина, и если семантическая структура заимствуется русским языком из другого языка без купюр, во всей её полноте (или, по крайней мере, с сохранением того более общего, родового, значения, которое было в языке-источнике), то семантические связи (разные по силе) обнаруживаются и в русском языке.

Так, *курс* ‘направление’ — *курс* ‘цикл изучения, обучения’ являются скорее значениями одного слова, чем омонимами, как раз в силу того, что первое значение является очень общим (а потому обладающим сильным деривативным потенциалом и обуславливающим второе значение) и почти в точности соответствующим значению латинского *cursus* ‘путь, течение’, которое и явилось первоисточником (из четырёх взятых нами словарей два фиксируют в этом случае омонимию, два — многозначность). Сюда же можно отнести следующие ряды: *секрет* ‘тайна’ — *секрет* ‘сторожевой пост’ (от лат. *secretum* ‘скрытое, тайное’), *муфта* ‘предмет одежды’ — *муфта* ‘устройство для соединения цилиндрических частей машины’ (от нидерл. *mouwte* ‘рукавчик’), *ротонда* ‘здание с куполом’ — *ротонда* ‘женская одежда без рукавов’ (несмотря на то, что этимологически первое слово восходит к лат. *rotundus* ‘круглый’, которое не перешло в русский язык в таком значении, мы сочли более правильным рассмотреть эту пару именно здесь потому, что в данном случае образование второго значения в одном из языков-посредников происходило не от значения ‘круглый’ (данный вид одежды не характеризуется наличием каких-то ярко выраженных круглых элементов), а непосредственно от значения ‘здание определённой формы’ (внешнее сходство которого с данным видом одежды, в свою

очередь, очевидно), и интересующий нас фрагмент семантической структуры, таким образом, в русском языке всё равно присутствует) и др.

Однако зачастую в русском языке имеет место отсутствие достаточной для полисемии семантической близости, несмотря на её наличие в языке-источнике, причём объяснить такую ситуацию влиянием экстралингвистических факторов нельзя. В числе таковых мы можем назвать следующие ряды: *бунт*¹ ‘восстание’ — *бунт*² ‘связка, кипа’ (из нем. *Bund* ‘связка, союз’), *танк*¹ ‘машина’ — *танк*² ‘контейнер’ (от англ. *tank* ‘бак, цистерна’); в общем-то сюда же можно отнести и приводившиеся нами в составе других подгрупп омонимические ряды *нефрит*¹ ‘болезнь почек’ — *нефрит*² ‘поделочный камень’ и *шпиц*¹ ‘шпиль’ — *шпиц*² ‘собака’, поскольку причиной омонимии здесь следует считать не только (а возможно, и не столько) отсутствие «промежуточного звена», которое было в языке-источнике, но отсутствует в русском (в обоих случаях оно может быть реконструировано), но и сам принцип номинации, выбранный носителями того языка, из которого пришло заимствование, несколько чуждый носителю русского языка. Несмотря на то, что речь идёт об одних и тех же денотатах, в разных языках могут выделяться разные их стороны и в соответствии с этим выбираться разные пути номинации (приведём в связи с этим замечание Р. М. Фрумкиной: «Для наивного языкового сознания стакан — это то, из чего пьют, а не стеклянный сосуд в форме цилиндра ёмкостью около 250 граммов»⁴⁴², — хотя сам стакан, воспринимаемый наивным сознанием, как предмет продолжает оставаться стеклянным сосудом в форме цилиндра с определённой ёмкостью).

Для нас *бунт*¹ — это, хоть в большинстве случаев действительно массовое, но в первую очередь восстание, *танк*¹ — большая стреляющая гусеничная машина, но вряд ли «машина, в основу конструкции которой положен *танк*²», уши *шпица*² едва ли острее ушей, скажем, овчарки, а потому и называть эту породу собак по данному признаку кажется несколько странным, а между камнем *нефритом* и почкой мы не обнаруживаем такого сходства, которое обнаруживали древние греки, назвавшие

⁴⁴² Фрумкина Р. М. Психоллингвистика. М., 2001. С. 47.

камень именно этим словом. Потому во всех этих случаях мы говорим об омонимии, хотя, вероятно, и не абсолютной.

На примере слов этой подгруппы особенно отчётливо видно, как на практике проявляется действие принципа, который авторы работы «Очерки по лингвистической детерминалогии и дериватологии русского языка» описали так: «...“застывшее генетическое” может сохранить или приобрести свою синхронную значимость, но эта значимость будет уже существенно иной, нежели исходное, генетико-детерминационное, значение “первоэлемента”»⁴⁴³.

Ещё менее категоричными должны быть наши выводы о рядах *зефир*¹ ‘лёгкий ветерок’ — *зефир*² ‘пастила’ — *зефир*³ ‘тонкая хлопчатобумажная ткань’ (от греч. *zephyros* ‘западный ветер’) и *бюро*¹ ‘стол’ — *бюро*² ‘учреждение’ (от франц. *bureau* ‘стол’). В первом случае в качестве объединяющей значения может выступать сема ‘воздушность, лёгкость’, однако, насколько важное место эта сема занимает в *зефир*² и *зефир*³, сказать трудно.

Пара *бюро*¹ ‘стол’ — *бюро*² ‘учреждение’ интересна тем, что многозначность в ней обнаруживается значительно сложнее (если обнаруживается вообще), чем в паре *стол* ‘предмет мебели’ — *стол* ‘учреждение’. Поражает единодушие составителей рассмотренных нами словарей: во всех них в первом случае отмечается омонимия, во втором — полисемия, хотя данные пары, казалось бы, семантически абсолютно «пропорциональны»: *бюро*¹: *бюро*² = *стол* 1: *стол* 2. А коль скоро во втором случае фиксируется полисемия, то она же, по закону пропорции, должна фиксироваться и в первом.

Думается, что работе такого «математического» алгоритма здесь мешает следующее обстоятельство: если учреждение и может быть названо по предмету мебели, обязательным наличием которого оно характеризуется (хотя стоит отметить, что и здесь мы бы не были столь категоричны: вопрос о том, насколько тесно в сознании современного носителя связаны *стол* 1 и *стол* 2, насколько обязательным атрибутом *стола* 2 ему представляется *стол* 1, отнюдь не

⁴⁴³ Очерки по лингвистической детерминалогии и дериватологии русского языка / Под ред. Н. Д. Голева. Барнаул, 1998. С. 4.

риторический), — то слово *стол* подходит для этой функции больше, чем *бюро*, в силу более узкой семантики последнего: *бюро* — это не просто стол, но стол особой формы и предназначения, и если бы это значение выступало в русском языке мотивирующим, то на первый план выдвинулась бы именно видовая ('письменный'), а не родовая ('стол') сема, и *бюро*² стало бы характеризоваться как «учреждение, в котором есть особой формы и предназначения стол», что противоречило бы действительности, поскольку стол в *бюро* ничем не отличается от стола в любом другом учреждении. Кроме того, слово *стол* как исконно русское обладает большим по сравнению с заимствованным аналогом деривативным потенциалом, и значение 'учреждение', надо полагать, было образовано не напрямую от значения 'элемент мебели', а от некоего промежуточного значения 'деятельность, совершаемая за (письменным) столом', которое вряд ли могло возникнуть у слова *бюро*¹ (отметим, что во французском языке, откуда пришло это слово, оно имело более широкое значение 'стол вообще', и в свете этого факта там такой перенос выглядит вполне закономерным). И всё же, на наш взгляд, наличие в русском языке пар слов (кроме пары *стол 1* — *стол 2*, следует отметить также пару *конторка*¹ — *конторка*²) с аналогичными семантическими отношениями внутри них не позволяет говорить об абсолютной омонимии пары *бюро* 'стол' — *бюро* 'учреждение' и обязывает расположить её на шкале значительно левее полюса омонимии.

В целом расположение слов на шкале внутри данной группы будет иметь приблизительно такой вид:

Рисунок 5. Заимствованные омонимы, восходящие к одному иноязычному слову (корню) или заимствованные из одного языка, на шкале «полисемия — омонимия»

Как и на Рис. 4, те случаи, в которых омонимия явилась следствием графического и фонетического освоения русским языком заимствований, мы расположили правее полюса омонимии, тем самым подчеркнув случайный характер совпадения их формы в отличие от других слов. Кроме того, в силу того, что эта группа очень многочисленна, в целях наглядности мы отметили на шкале далеко не все рассмотренные единицы, однако и без них картина всё равно весьма красноречива: во-первых, слова данной группы распределены по всей шкале; во-вторых, даже при выделении более мелких групп, при более тщательном классифицировании, представители одних и тех же подгрупп занимают разные места.

3.2.5. Омонимические ряды, содержащие семантические кальки. Вообще говоря, эта группа могла бы быть рассмотрена внутри только что проанализированного массива слов, поскольку калькирование также связано с иноязычным влиянием, однако в силу очень сильной специфичности этого процесса на фоне заимствований обычных (Л. П. Ефремов, к примеру, не просто разводил эти понятия, но и противопоставлял их, полагая, что калькирование «есть... отказ от заимствования и, следовательно, не может быть отнесено к какой-либо его разновидности»⁴⁴⁴) мы считаем более правильным рассмотреть эту группу слов особо (что касается лингвистических терминов-калек, то им вообще будет посвящён отдельный параграф).

В число омонимических рядов, обладающих указанной структурой (то есть включающих семантическую кальку), входят следующие: *вкус*¹ ‘восприятие того, что съедается’ — *вкус*² ‘чувство прекрасного’ (от франц. *gout*), *гвоздь*¹ ‘металлический стержень’ — *гвоздь*² ‘самое значительное’ (от франц. *clou*), *глава*¹ ‘голова’ — *глава*² ‘раздел книги’ (из ст.-слав., где второе слово является калькой греч. *kephale*), *рак*¹ ‘животное’ — *рак*² ‘опухоль’ (от лат. *cancer*, которое, в свою очередь, явилось калькой греч. *carcinoma*), *стопа*¹ ‘часть ноги’ — *стопа*² ‘единица

⁴⁴⁴ Ефремов Л. П. Калькирование как одна из причин возникновения лексической омонимии // Известия АН Казахской ССР. Серия филологии и искусствоведения. 1962. Вып. 2 (21). С. 51.

стиха' (от греч. *posi* или лат. *pes*), *тьма*¹ 'отсутствие света' — *тьма*² 'множество' (от тюрк. *tuman*), *узел*¹ 'место связи' — *узел*² 'единица скорости' (от англ. *knot*); здесь же мы отмечаем пару *среда*¹ 'совокупность условий' — *среда*² 'день недели' (от др.-в.-нем. *mittawēcha*), сделав, однако, немаловажное замечание: условием для калькирования в данном случае послужила не семантическая структура слова *среда*¹ в её современном состоянии, а более архаичное и исходное значение этого слова ('нечто находящееся в середине'), которое сейчас утрачено и которое, в свою очередь, послужило производящим для тех значений, которые содержатся в слове *среда*¹ на сегодняшний день. Как отмечалось ранее (см. с. 71—72), сейчас семантическая связь обоих омонимов со словами *средний*, *середина* утрачена (у *среды*¹, видимо, в силу собственно семантических причин, у *среды*² — в большей степени экстралингвистических).

Как можем видеть, причины того, что в языке-источнике два значения «уживались» в одном слове, а в русском языке мы говорим об их разобщённости, различны: экстралингвистические в случае *узел*^{1,2} (метод определения скорости с помощью верёвки и завязанных на ней узлов уже ушёл в прошлое, потому даже в английском языке, откуда калькировано слово *узел*², следует скорее говорить об омонимии), и, скажем так, «этносемантические», то есть связанные с наличием промежуточного звена в языке-источнике и его отсутствием в заимствующем языке (в греческом у слова *kephale* было ещё и значение 'верх списка' и связь 'голова' — 'верхняя часть чего-л.' — 'верхняя часть списка (или его раздела)' — 'сам этот список (или раздел)' была более прочной, чем в цепочке, в которой отсутствует третье из указанных звеньев), а также с особенностями мировосприятия и номинации у носителей разных языков во всех других случаях (Анна А. Зализняк отмечала, что «при семантическом калькировании... происходит заимствование и соответствующего фрагмента картины мира одного языка в другой язык (которое может трактоваться как “навязывание чуждого мировоззрения”»)»⁴⁴⁵). Пара *среда*^{1,2}, повторимся, занимает в этом ряду вообще особое место, в силу того что в ней мы наблюдаем действие сразу двух факторов, один из которых связан с межъязыковым

⁴⁴⁵ Зализняк Анна А. Многозначность в языке и способы ее представления. М., 2006. С. 416.

взаимодействием, а другой — с процессами, происходившими внутри русского языка.

Несмотря на то что примеры, представляющие эту группу, не столь многочисленны, их распределение по шкале также весьма неравномерно: пожалуй, об абсолютной омонимии мы можем говорить в рядах *рак*^{1,2}, *среда*^{1,2} и *узел*^{1,2} (отметим, что в одном и том же месте шкалы, на полюсе омонимии, оказались омонимы, возникшие в силу действия разных причин: «этносемантических» в первом случае, экстралингвистических — в третьем и их комбинации — во втором); близко к ним, однако чуть левее, расположена пара *звездь*^{1,2} (возможный общий семантический компонент 'то, на чём всё держится' хоть и может быть обнаружен, всё же не очень убедителен); восстановление возможного промежуточного звена между членами омонимической пары *глава*^{1,2} представляется весьма затруднительным, однако теоретически возможным, потому этот случай мы расположим на шкале левее полюса омонимии, однако всё же в правой половине шкалы; перенос «часть ноги — часть ноги как способ измерения чего-либо — измерение вообще — измерение стиха — единица такого измерения» кажется несколько экзотическим для носителя русского языка, однако вполне возможным, при учёте того факта, что человеческое тело и его части нередко становятся «эталоном» измерения (ср.: *трава выше человеческого роста*; *верёвка толщиной в два пальца*; *локоть* 'единица измерения'; кроме того, расстояние часто измеряется в шагах, и в этом случае мы наблюдаем метонимический перенос, похожий на тот, который можно реконструировать в ряду *стона*^{1,2}); ещё менее экзотическими и более возможными (хотя и не абсолютно бесспорными) выглядят переносы «отсутствие света — большое количество чего-либо» и «восприятие того, что съедается — восприятие вообще». В связи с тем, что тьма представляется как нечто имеющее огромные размеры (или не имеющее их вовсе, как бы уходящее в бесконечность, окружающее всё вокруг, что доступно зрению), особенно при учёте того обстоятельства, что есть слова *бездна* и *пропасть*, внутри которых можно отметить наличие семантического переноса по такой же модели (хотя В. В. Виноградов считал, что в словах *пропасть*, *бездна*, *гибель* процесс

семантического распада и образования омонимов уже завершился⁴⁴⁶), — метафорический перенос в данном случае выглядит вполне убедительным, как и метафорический перенос генерализующего плана в паре *вкус*^{1,2}, поэтому данную пару мы размещаем в том же районе, что и слово *тьма* с его значениями (на наш взгляд, в обоих случаях это всё же скорее единые полисеманты, чем омонимы).

В итоге рассмотренные омонимические ряды на шкале «полисемия — омонимия» мы расположили следующим образом:

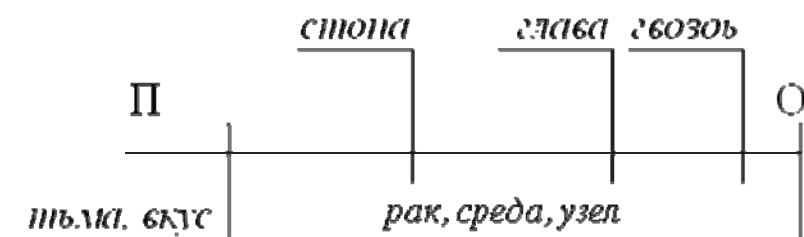

Рисунок 6. Омонимические ряды, в которых один из омонимов является семантической калькой, на шкале «полисемия — омонимия»

3.3. Омонимия, развившаяся внутри русского языка

Как показывает предшествующий анализ омонимических рядов, в которых хотя бы один из омонимов является заимствованием, данный материал весьма эклектичен, неоднороден, может быть по-разному классифицирован, и очень многие случаи допускают двоякую трактовку, любое из принимаемых решений может быть оспорено. Потому вряд ли можно согласиться с В. П. Тимофеевым, полагавшим, что «вся трудность состоит в распознавании омонимии и главным образом омонимии лексико-семантической, национальной, расположенной на границах транзитивных процессов»⁴⁴⁷: не отрицая трудности распознавания «национальной» омонимии (о которой сейчас и пойдёт речь), мы уже убедились в том, что распознавание омонимии «интернациональной» в значительном числе случаев является таким же

⁴⁴⁶ Виноградов В. В. О некоторых вопросах теории русской лексикографии // Вопросы языкознания. 1956. № 5. С. 89.

⁴⁴⁷ Тимофеев В. П. Исходная (словарная) форма слова в русском языке. Свердловск, 1971. С. 78.

трудным делом и требует индивидуального подхода к каждому омонимическому ряду.

3.3.1. Омонимические ряды, члены которых различались на более ранних этапах развития языка или мотивируются в синхронии разными словами. Анализ массива исконно русских слов мы начнём, как и анализ предыдущей группы, с выделения таких рядов, формальное совпадение между членами которых можно охарактеризовать как случайное и которые, таким образом, также являются «классическими» омонимами. В эту группу входит, например, пара *рысь*¹ ‘животное’ — *рысь*² ‘манер лошадиного бега’: первое слово восходит к *rydsъ (букв. ‘рыжая’), второе — к *рысть* (тому же корню, что *ристати* ‘бегать’). Возможное семантическое сближение этих слов (с мотивацией «бег лошади назван так потому, что он похож на бег *рыси*¹») следует признать некорректным, а мотивацию — ложной, поскольку в манере передвижения рыси нет чего-то специфического, чем также характеризовался бы бег лошади.

В эту же группу входят следующие ряды: *забор*¹ ‘ограда’ — *забор*² (от *забрать*, *забирать*) (первое слово этимологически восходит к корню *bor(ti) ‘бороть, защищать’, второе — к *bher- ‘брать’); *мочка*¹ (от *мочить*) — *мочка*² ‘часть уха’ (второй омоним этимологически родственен словам *смыкать*, *размыкать*; в процессе номинации учитывалось то обстоятельство, что именно к *мочке*² обычно крепились серьги, процедура надевания которых подразумевает *смыкание* и *размыкание*); *косуля*¹ ‘животное’ — *косуля*² ‘соха’ (первое слово является дериватом от слова *коза* и имело раньше форму *козуля*, второе является производным (в том числе и на синхронном уровне) от слова *косой*); *полка*¹ ‘мебель’ — *полка*² (от *полоть*) (первое слово когда-то мотивировалось словом *пол*, имевшим в том числе значение ‘доска’); *струг*¹ ‘инструмент для строгания’ — *струг*² ‘судно’ (первое слово восходит к корню *strig, второе — к тому же корню, что и слова *струя*, *остров*, — *strou); *ток*¹ ‘поток’ — *ток*² ‘площадка для молотбы’ — *ток*³ ‘токование’ (первое слово можно считать бессуффиксным дериватом от глагола *течь*, второе сейчас непроизводно, третье также является бессуффиксным

производным от *токовать*); *точка*¹ ‘знак препинания’ — *точка*² (от *точить*) (первый омоним сейчас является нечленимым и непроизводным, а этимологически связан с глаголом *ткнуть*); *шип*¹ ‘колючка’, *шип*² ‘рыба’ — *шип*³ (от *шипеть*) (первое в ряду слово является непроизводным (в том числе и этимологически), и значение второго исторически развилось на базе первого) и некоторые другие.

Среди всех приведённых рядов обнаружить хоть какие-то семантические связи, которые могли бы обусловить объединение двух значений в одном слове, можно разве что в паре *ток* ‘площадка для молотьбы’ — *ток* ‘токование, место токования’, однако общий компонент (‘свободная площадка, открытое пространство’), по нашему мнению, является слишком тривиальным и потому незначимым в семантике обоих слов, чтобы говорить о его объединяющей роли (оба слова можно отнести к специальной лексике, и семантическая самостоятельность каждого из них зиждется на иных, в первую очередь, «функциональных» дифференциальных семах, на тех семах, которые соотносятся с предназначением названных площадок, с процессами, происходящими на них, а в последнем *ток*² и *ток*³ сходства не обнаруживают). Потому мы склонны считать все приведённые ряды омонимическими в абсолютном смысле этого слова и соответствующие единицы на шкале должны быть помещены в точку, соответствующей полюсу омонимии (в данном случае считаем возможным обойтись без приведения схемы).

3.3.2. Омонимия, возникшая вследствие экстралингвистических причин.

Если попытаться до анализа конкретных примеров спрогнозировать, какая ещё подгруппа исконно русских слов могла бы, наряду с только что рассмотренной, претендовать на то, чтобы быть расположенной на шкале в точке омонимии (или хотя бы максимально близко к ней), то в качестве таковой стоило бы отметить, пожалуй, ту, которая включает ряды, где омонимия возникла вследствие экстралингвистических причин. На необходимость учёта несобственно языковых сведений и их важность неоднократно указывали разные исследователи. Так, авторы статьи «О некоторых вопросах и задачах описательной, исторической и

сравнительно-исторической лексикологии»⁴⁴⁸ отмечают: «Значения слов, определяемые прежде всего действительностью, формируются под влиянием отражённого, зафиксированного и передаваемого в данном языке опыта целого ряда поколений»⁴⁴⁹. О. С. Ахманова приводит мнение акад. Ф. Травничка, который «подчёркивает, что изменения в словаре, изменения значений слов являются отражением изменений, происходящих в общественной жизни и связанных с ними изменений в человеческом мышлении»⁴⁵⁰; О. И. Блинова обращает внимание на то, что «утрата, затухание мотивационных отношений могут быть обусловлены внеязыковым фактором», и, ссылаясь на И. А. Кунгушеву, иллюстрирует этот тезис на примере пары слов *лайка*¹ ‘собака’ — *лайка*² ‘сорт кожи’, в которой второе слово уже не мотивируется первым потому, что *лайка*² уже изготавливается из шкур разных животных, а не только собак определённой породы⁴⁵¹. Здесь же приведём высказывание Ю. Д. Апресяна: «Неверно было бы определять бритву как ‘инструмент из стали, служащий для бритья и имеющий продолговатую форму’. Время и технический процесс создали совершенно новые приспособления (электрические бритвы), на которые были перенесены старые названия только потому, что они служат прежней цели...»⁴⁵².

В отличие от тех подгрупп, которые будут рассмотрены далее, здесь наличествуют такие случаи, в которых сознание рядового носителя русского языка практически не имеет шансов усмотреть связь между двумя явлениями просто в силу банальной нехватки информации энциклопедического характера, и если, скажем, отсутствующее значение (но при существующем денотате) обыденное языковое сознание ещё может реконструировать, то воссоздать сам денотат — едва ли. «Сема существует в единице, пока она обозначает нечто, обладающее

⁴⁴⁸ Ахманова О. С., Виноградов В. В., Иванов В. В. О некоторых вопросах и задачах описательной, исторической и сравнительно-исторической лексикологии // Вопросы языкознания. 1963. № 6. С. 3—24.

⁴⁴⁹ Указ. соч. С. 6.

⁴⁵⁰ Ахманова О. С. Очерки... С. 89.

⁴⁵¹ Блинова О. И. Мотивология и ее аспекты. Томск, 2007. С. 238—239.

⁴⁵² Апресян Ю. Д. Избранные труды. Т. 1. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1995. С. 102.

соответственной различительной чертой, — отмечает В. Г. Гак, — если же данная единица прилагается к чему-то, не имеющему данной черты, то соответствующая сема устраняется»⁴⁵³. А утрата семы, в свою очередь, ведёт к разрыву связи между значениями.

Когда мы обращаемся к конкретным языковым примерам такого рода, то обнаруживаем, что в целом такое теоретическое предположение находит подтверждение, однако нельзя говорить о том, что имеет место некий непреложный закон, согласно которому в случае действия экстралингвистических причин распад семантического тождества слова обязателен. Для иллюстрации этого положения приведём примеры выделенных нами омонимических рядов, члены которых семантически соотносятся менее тесно, чем на более ранних этапах: *дача*¹ (от *давать*) — *дача*² ‘загородный дом’ (изначально *дача*² давалась за какие-то заслуги, и это значение было, таким образом, гипонимом по отношению к тому, которое сейчас заключает в себе *дача*¹); *двор*¹ ‘участок земли при доме’ — *двор*² ‘монарх и его окружение’ (вероятно, перенос осуществлялся в феодальную или близкую к ней эпоху, когда право на власть было тесно связано с земельным владением); *лавка*¹ ‘скамья’ — *лавка*² ‘торговое место’ (когда-то *лавка*¹ была обязательным атрибутом *лавки*²); *опока*¹ ‘рама для земляных литейных форм’ — *опока*² ‘горная порода’ (с развитием технологий *опока*¹ стала изготавливаться не только из *опоки*²); *палата*¹ ‘богатое помещение; комната в больнице’ — *палата*² ‘госучреждение, представительный орган’ (изначально совет по важным делам проводился в царской *палате*¹); *перо*¹ ‘роговое образование кожи у птиц’ — *перо*² ‘орудие для писания чернилами’ (*перо*¹ уже давно не служит материалом для изготовления *пера*²); *прокат*¹ ‘предоставление чего-либо во временное пользование’ — *прокат*² (от *прокатывать*) (первоначально в *прокат*¹ давалась только колёсная техника, которую можно было в буквальном смысле *прокатить*); *чубук*¹ ‘курительная трубка’ — *чубук*² ‘черенок винограда’ (*чубук*¹ сейчас делается не только из *чубука*² и даже не только из дерева) и т. п.

⁴⁵³ Гак В. Г. О семантической относительности языковых единиц // Всесоюзная научная конференция по теоретическим вопросам языкознания. М., 1974. С. 25.

Несмотря на то, что в каждом названном случае имело место влияние экстралингвистических факторов, мы считаем, что и оно не везде привело к окончательному распаду семантического тождества слова и образованию омонимов. В омонимических рядах *дача*^{1,2}, *лавка*^{1,2}, *опока*^{1,2}, *прокат*^{1,2}, пожалуй, и впрямь можно говорить об абсолютной омонимии: реконструкция семантических связей внутри этих рядов будет надуманной и невозможна без обращения к диахроническим сведениям, к привлечению материала энциклопедического характера, касающегося истории предметов. Однако мы не можем быть столь категоричными в констатации омонимии в паре *чубук*^{1,2}, поскольку в ней возможно реконструировать мотивационную связь без обращения к энциклопедическим историческим данным: несмотря на то что *чубук*¹ может быть изготовлен и не из *чубука*², он остаётся похожим на него по форме (правда, нельзя сказать, что это очень яркое, разительное сходство).

Особо стоит отметить ряды *двор*^{1,2}, *палата*^{1,2} и *перо*^{1,2}. Первый из них характерен тем, что исторически здесь совершился перенос, очень похожий на тот, который мы фиксировали, анализируя семантическую структуру слова *дом* — ‘жилище’ (или — шире — территория для жилища) — ‘царский род’ (см. с. 119—120). Интересно, что, насколько единодушными были составители толковых словарей, трактуя ‘царский род’ как значение полисеманта *дом*, а не отдельного слова, настолько же единодушны и авторы четырёх проанализированных нами словарей, классифицируя *двор*¹ и *двор*² как омонимы. Вряд ли в данном случае уместны обвинения в непоследовательности: значение ‘царский род’ было образовано не напрямую от значения ‘жилище’, а от «промежуточного» значения ‘семья’, которое отсутствует у слова *двор*. Тем не менее, вполне возможна реконструкция этого значения, с учётом которой цепь семантических переносов могла бы принять такой вид: ‘участок земли при доме’ — ‘семья, которой он принадлежит (в том числе царская)’ — ‘семья и её ближайшее окружение’ (последнее может относиться только к царской семье, поскольку традиция приближения к себе и консолидации с кем-либо не из своего рода более характерна

для правящей монархической верхушки, нежели, скажем, для простого крестьянского хозяйства).

Тем не менее, препятствует объединению рассматриваемых значений в одно слово ещё одно обстоятельство, причём тоже экстралингвистического характера: в связи с процессами урбанизации, распространением городского образа жизни и городских построек сам денотат, обозначаемый словом *двор*¹, существенно видоизменился и перестал относиться к одной семье, восприниматься как её владение. Сейчас *двор*¹ — это скорее пространство, окружённое многоквартирными домами, а потому восстановление второго, и без того «умозрительного», звена представляется проблематичным.

В ряду *перо*^{1,2} семантические отношения могут быть обнаружены и восстановлены значительно более легко, чем в только что рассмотренной паре. Подходя к анализу развития семантики слова *перо* с диахронических позиций, Р. А. Будагов справедливо отмечал, что с исчезновением из обихода гусиных перьев и появлением металлических «изогнутая металлическая пластинка стала выполнять ту же функцию» и, «выходя из употребления в качестве орудия письма, гусиное перо передало своё название новому... предмету»⁴⁵⁴. Естественным логическим продолжением такого рассуждения должен был бы стать вывод об омонимии рассматриваемых единиц, поскольку в современном языке метафорическому переносу по функции «неоткуда происходить». Однако мы считаем констатацию омонимии в данной паре очень сомнительным решением сразу по двум причинам.

Во-первых, несмотря на то, что гусиные перья действительно давно вышли из употребления как инструмент письма, на наш взгляд, преждевременно говорить о том, что рядовой носитель языка не может себе представить гусиное перо в такой ипостаси и что для этого нужны какие-то особые, выходящие за рамки средней начитанности знания. Данный предмет ещё не покинул культурного контекста и встречается, среди прочего, в произведениях различных направлений искусства (живопись, литература, кино и т. д.). Иными словами, хотя рядовой носитель языка

⁴⁵⁴ Будагов Р. А. Слово и его значение. Л., 1947. С. 33.

никогда не пользовался гусиным пером для письма, он знает о том, что им пользовались раньше. То есть в языковом сознании ещё присутствует звено, позволяющее объединить *перо* ‘роговой нарост на коже птицы’ и *перо* ‘инструмент для письма’.

Аналогичное рассуждение содержится в статье О. С. Ахмановой «К вопросу о словосочетании в современном английском языке»⁴⁵⁵, в которой рассматривается слово *carriage-able*, и автор замечает, что это слово «легко воспринимается и осмысливается» в значении «годный для перевозки», хотя «из жизни [современного англичанина или американца] коляски и кареты [*carriage* как раз и значило ‘карета, коляска’. — Д. К.] давно уже вышли»⁴⁵⁶.

Кроме того, даже если принять в качестве рабочей гипотезы утверждение, что знание этого обстоятельства (что раньше писали гусиными перьями) доступно только специалистам и недоступно рядовому носителю, то и в этом случае говорить об омонимии преждевременно: несмотря на отсутствие функционального переноса, остаётся актуальным внешнее сходство предметов. Нам кажется слишком категоричным заявление Р. А. Будагова, что «металлическое перо совсем не похоже на гусиное перо»⁴⁵⁷: два рассматриваемых предмета похожи как минимум заострённостью и продолговатостью. Вообще говоря, оснований усматривать семантический перенос между этими значениями не меньше, чем между значениями ‘роговой нарост на коже птицы’ и ‘стреловидный лист лука’, однако ни один из словарей не фиксирует последнее как значение слова-омонима, и, на наш взгляд, проявлением последовательности было бы отнесение значения ‘инструмент для письма’ к тому же слову.

Аналогичные рассуждения могут быть отнесены и к паре *палата*^{1,2}, правда, со значительно меньшей категоричностью и большей условностью. Во-первых, довольно легко предположить, что именно в царских *палатах*¹ происходило обсуждение каких-то важных государственных вопросов, то есть, по существу,

⁴⁵⁵ Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. 1950. Т. 9. Вып. 6. С. 476—491.

⁴⁵⁶ Указ. соч. С. 479.

⁴⁵⁷ Будагов Р. А. Слово и его значение. Л., 1947. С. 33.

деятельность, осуществляемая сейчас *палатой*². Во-вторых, возможна и иная семантическая мотивация: ‘помещение в царском дворце’ — ‘вообще большое помещение, в котором присутствует некая структура власти’ — ‘сама эта структура, госучреждение, его сотрудники’.

Как видим, рассмотренная группа, в которой семантическая дивергенция обусловлена действием экстралингвистических факторов, не обнаруживает единства с точки зрения степени семантической разобщённости членов омонимических рядов, что находит своё отражение на распределении представителей этой группы на шкале «полисемия — омонимия»:

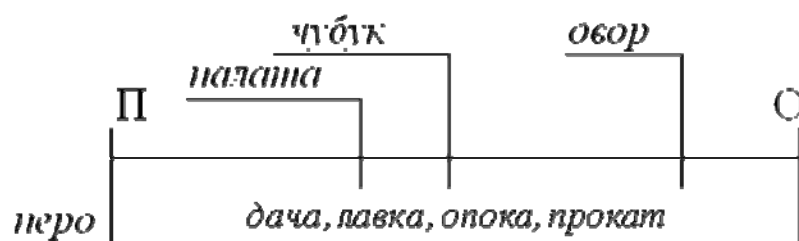

Рисунок 7. Ряды, семантическая дивергенция в которых обусловлена действием экстралингвистических причин, на шкале «полисемия — омонимия»

3.3.3. Омонимия, обусловленная отсутствием промежуточного звена.

Разобрав случаи, когда значения стали расходиться из-за отсутствия той или иной реалии, того или иного денотата, анализ группы омонимов, возникших на почве русского языка, мы продолжим рассмотрением группы рядов, омонимичность каждого из которых обусловлена отсутствием уже не реалии, а значения, которое выступало как промежуточное, объединяющее звено.

К рядам этого типа относятся такие: *вертен*¹ ‘притон’ — *вертен*² ‘кукольный театр в виде ящика’ (отсутствующее значение — ‘пещера’); *ворот*¹ ‘воротник’ — *ворот*² ‘грузоподъёмная машина’ (отсутствующее значение — ‘шея’, которое, как и значение ‘машина’, мотивируется глаголом *воротить*, *поворачивать*); *живот*¹ ‘часть тела’ — *живот*² ‘жизнь’ (отсутствующее значение — ‘нажитое’); *липа*¹ ‘дерево’ — *липа*² ‘фальшивка’ (отсутствующие значения — ‘сок липы’ и ‘склеенные с помощью такого сока карты’; по одной из версий, *липа*² возникло в картёжном жаргоне: шулеры использовали сок *липы*¹ для склеивания карт, что позволяло им

вести нечестную игру); *мех*¹ ‘волосяной покров’ — *мех*² ‘мешок из шкуры животного’ (отсутствующее значение — ‘шкура животного’); *пол*¹ ‘настил’ — *пол*² ‘гендерная отнесённость’ (отсутствующее значение — ‘раскалывать, расколотое’, от которого, в частности, образовалось значение ‘доска’, а уже от него — значение ‘настил’), *склянка*¹ ‘небольшой сосуд’ — *склянка*² ‘промежуток времени’ (отсутствующее значение — ‘песочные часы на корабле’), *стол*¹ ‘предмет мебели’ — *стол*² ‘престол’ (отсутствующее значение — ‘стул’), *страсть*¹ ‘влечение’ — *страсть*² ‘страх’ (отсутствующее значение — ‘страдание’), *угорь*¹ ‘рыба’ — *угорь*² ‘воспалённый бугорок на коже’ (отсутствующее значение — ‘червь’), *штык*¹ ‘холодное колющее оружие’ — *штык*² ‘слой земли в глубину, который можно захватить лопатой’ (отсутствующее значение — ‘металлическая часть лопаты’) и др.

Следует отметить, что в некоторых приведённых примерах переплетены сразу две причины возникновения омонимии: отсутствие промежуточного значения и причины экстралингвистического толка. Так, например, у слова *липа* отсутствует значение ‘склеенные карты’ тоже ввиду неязыковых, а точнее — социальных причин: слишком узок тот мир, в котором данная реалия имеет (или, скорее, имела) место, то есть в сознании непосвящённого человека такое понятие не отражено. Кроме того, даже если подобный приём и имеет место сейчас, то очень маловероятно, что для этой цели по-прежнему используется липовый сок.

Отсутствие промежуточного значения обусловлено отсутствием соответствующей реалии и в ряду *склянка*^{1,2}: на современных судах измеряют время не с помощью песочных часов. И здесь, в отличие от примера со словом *перо* (см. сс. 190—191), рядовой носитель языка вряд ли располагает подобной энциклопедической информацией, необходимой для того, чтобы эту связь восстановить. С другой стороны, такое значение вполне может подаваться, сопровождаемое пометами типа *спец.* и *устар.* Именно так и поступает БТС, однако в таком случае непонятным остаётся решение авторов этого словаря всё равно дать два слова-омонима *склянка*, первое из которых содержит значение ‘сосуд’, а второе — значения ‘старинные судовые песочные часы’ и ‘единица времени’ — ведь семантическая связь всех трёх этих значений в таком случае очевидна.

Члены данной группы, как и предыдущей, также располагаются в разных местах шкалы, и обнаружение семантических связей между значениями в представленных парах может происходить вследствие как «восстановления» отсутствующего звена (нечто подобное наблюдалось при анализе слова *перо* из прошлой подгруппы, когда мы «восстанавливали» компонент ‘гусиное перо как инструмент для письма’), так и его замены другим. Однако отличие состоит в том, что реконструкция отсутствующего звена здесь встречается чаще, чем субституция. Относительно легко восстанавливается промежуточное звено в паре *мех*^{1,2}: от значения ‘волосяной покров’ с помощью метонимического переноса образуется значение ‘шкура’, а уже от него — значение ‘мешок из шкуры животного’. Ещё легче эта процедура проделывается в паре *штык*^{1,2}, где металлическая часть лопаты также вполне может быть названа на основании и внешнего («металлический наконечник»), и функционального («способность вонзаться») сходства *штыком* и семантически обусловить *штык*².

Что касается замены одного, исторически исходного, способа мотивации другим, то такое возможно, пожалуй, только в двух рядах. В паре *живот*^{1,2} перенос «часть тела — то, что она обуславливает, неотъемлемой частью чего является (‘жизнь’)» хотя и выглядит возможным (ср. *рисковать головой*), всё же довольно сомнителен, ввиду того что в языковой картине мира (по крайней мере, современной) «с жизнью связаны» и «за жизнь отвечают» всё-таки другие части тела (в первую очередь, голова и сердце). А вот в ряду *страсть*^{1,2} возможна более естественная семантическая связь и метафорический перенос на основе сходства восприятия: и *страсть*¹, и *страсть*² называют состояния, переживание которых сопровождается очень сильными чувствами, высокой степенью возбуждения.

С учётом всего вышесказанного распределение рассмотренных рядов на шкале «полисемия — омонимия» нам представляется таким:

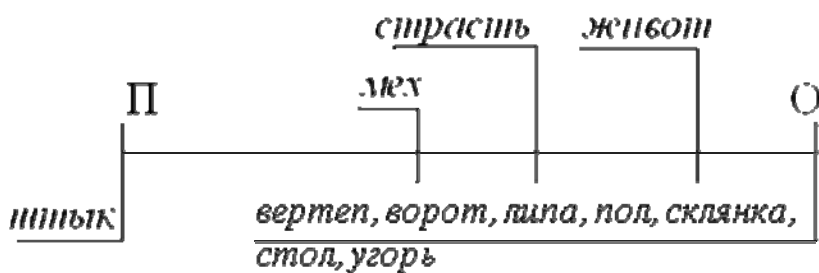

Рисунок 8. Омонимия, развившаяся на базе многозначности вследствие утраты промежуточного звена, на шкале «полисемия — омонимия»

3.3.4. Омонимия, развившаяся вследствие утраты семантической связи с мотивирующим словом. Только что рассмотренную группу составляли ряды, в каждом из которых отсутствует некогда имевшее место промежуточное звено, которое представляло собой отдельное значение того же слова. А сейчас мы рассмотрим случаи, в которых омонимия вызвана также утратой промежуточного звена (а точнее говоря, утратой семантической связи с ним), в роли которого выступает другое, однокоренное с рассматриваемыми, слово.

Само выделение этой группы довольно условно, поскольку вопрос о том, связаны ли семантически приводимые здесь слова с другими, которые когда-то были для них мотивирующими (и — соответственно — являются ли эти слова членимыми и производными в синхронии), в такой же степени дискуссионен, как и вопрос о полисемии и омонимии. Тем не менее, полагаясь на собственную языковую интуицию, мы выделили следующие ряды: *гвоздика*¹ 'цветок' — *гвоздика*² 'пряность', *дробь*¹ 'мелкие свинцовые шарики для стрельбы' — *дробь*² 'число, представленное как состоящее из частей единицы' — *дробь*³ 'частые прерывистые звуки', *лишай*¹ 'кожная болезнь' — *лишай*² 'низшее растение' (первоначально от *лихой* 'плохой'), *моль*¹ 'бабочка' — *моль*² 'лес, сплавляемый связанными брёвнами' (этимологически — от *мелкий*, *молоть*), *полоз*¹ 'часть саней' — *полоз*² 'змея', *стан*¹ 'туловище' — *стан*² 'лагерь' — *стан*³ 'машина', *удел*¹ 'отдельно управляемая часть княжества' — *удел*² 'судьба', *устав*¹ 'нормативный документ' — *устав*² 'вид письма' и др.

Повторимся, мы предлагаем всего лишь наше видение семантики и морфемики названных единиц и не говорим о том, что их непроизводность и — как следствие — нечленимость в языке очевидны. Мы вполне допускаем для большинства приведённых слов и другое решение об их статусе с точки зрения членимости, однако в сугубо методических целях выдвигаем в качестве рабочей гипотезы предположение о том, что они действительно нечленимы в синхронии и семантически уже не связаны со своими производящими, и уже в свете этого предположения постараемся проанализировать эти ряды на предмет наличия семантических связей между их членами.

При этом следует сделать два важных замечания. Если в каком-либо из рядов все его члены являются дериватами одного и того же производящего (скажем, и *полоз*¹, и *полоз*² мотивируются глаголом *ползти/ползать*), то вопрос о статусе этих единиц (несколько омонимов или один полисемант?) всё равно остаётся неразрешённым, однако переходит уже в принципиально иную плоскость и обретает иную формулировку: можно ли считать два совпавших по форме словообразовательных деривата значениями одного слова только на основании того, что у них есть общее производящее? Подобной проблематике посвящена, в частности, книга П. А. Соболевой «Словообразовательная полисемия и омонимия»⁴⁵⁸. Не углубляясь в эту тему, поскольку она лежит за рамками нашего объекта, отметим лишь, что в данном случае проблема не только (а может быть, и не столько) касается семантики слов, сколько связана с номенклатурно-терминологической стороной вопроса (П. А. Соболева в названной работе указывает на то, что для случаев типа *ударник* ‘деталь механизма’ и *ударник* ‘передовик’ даже предлагались особые термины, такие как «равноимённость» и «омонимойды»⁴⁵⁹).

Во-вторых, в своём, пусть и гипотетическом, отказе данным словам в членимости мы должны быть последовательны, и трактовки вроде «*дробь*¹, *дробь*² и *дробь*³ похожи тем, что каждая из них представляет собой нечто “дробное,

⁴⁵⁸ Соболева П. А. Словообразовательная полисемия и омонимия. М., 1980. 294 с.

⁴⁵⁹ Указ. соч. С. 186.

раздробленное» должны быть исключены, поскольку подобная трактовка автоматически влечёт за собой вывод о том, что все три слова представляют собой производные единицы, образованные способом нулевой суффиксации от прилагательного *дробный* или глагола *дробить*.

Однако даже с учётом поставленного фильтра между членами сразу двух упомянутых рядов возможно усмотреть семантический контакт. Речь идёт о парах *лишай*^{1,2} и *устав*^{1,2}. В первом случае имеет место довольно ощутимое внешнее сходство явлений (мы вообще подозреваем, что от слова *лихой* произошло только слово *лишай* в значении ‘заболевание’, а название растения образовалось от него лексико-семантическим способом); чтобы обнаружить связь во второй паре, необходимо быть достаточно хорошо знакомым с реалией, называемой словом *устав*². Это особый род письма, отличающийся от скорописи и полуустава большей чёткостью и вертикальностью линий, то есть более строгими требованиями к писцу, «как бы предписанный каким-то *уставом*¹». То есть значение ‘род письма’ может быть истолковано как производённое с помощью метонимического переноса (возможно, не без участия метафоры как вспомогательного процесса) от значения ‘нормативный документ’.

Эта небольшая по составу группа рассмотренных рядов распределяется по шкале следующим образом:

Рисунок 9. Омонимия, развившаяся по причине исчезновения семантической связи между производящим и производными, на шкале «полисемия — омонимия»

Здесь же отметим особую подгруппу омонимических рядов, характеризующихся тем, что в каждом из них только один из омонимов потерял семантическую связь с производящим словом (и, как следствие, морфемную членимость), в то время как другой омоним её сохранил, и все эти ряды характеризуются абсолютной омонимией, которая в данном случае выражена на

уровне морфемной структуры (ср. такое же соотношение между членами, один из которых является нечленимым заимствованием, а другой — членимым исконно русским словом, отмечавшееся нами в п. 3.2.3).

Приведём примеры таких рядов: *баб-к-а¹* ‘бабушка’ — *бабка²* ‘сустав ноги у животных’, *за-вод-Ø¹* (от *заводить* ‘приводить механизм в готовность’) — *завод²* ‘предприятие’ (исконно — от *заводить* ‘начинать, основывать’), *губ-к-а¹* (от *губа*) — *губка²* ‘животное; его остов, впитывающий влагу’, *креп-ость¹* ‘укреплённый пункт’ — *крепость²* ‘документ о купле-продаже недвижимого имущества’ — *крепость³* ‘крепостная зависимость’ — *креп-ость⁴* ‘прочность, степень насыщенности’, *поль-к-а¹* ‘представительница польской национальности’ — *поль-к-а²* ‘польский танец’ — *полька³* ‘вид стрижки’, *по-ход-Ø¹* ‘передвижение, переход’ — *поход²* ‘излишек’, *сач-ок¹* ‘конусообразная сетка’ (от *сак*) — *сачок²* ‘бездельник’, *став-к-а¹* (от *ставить* ‘класть на кон’) — *ставка²* ‘штаб’, *тяг-л-о¹* ‘животные для тяги’ — *тягло²* ‘крепостная повинность’ и др.

Внутри приведённых только что рядов действительно трудно усмотреть семантические связи, и члены каждого из этих рядов мы считаем абсолютными омонимами, расположенными на шкале «полисемия — омонимия» в точке, соответствующей полюсу омонимии. Заметим, однако, что слова, утратившие морфемную членимость, по сути утратили семантическую мотивацию и связь с другими, когда-то мотивировавшими их, единицами, а потому вопрос о причинах такой утраты должен решаться в том же русле, в каком мы рассматривали в пп. 3.3.2 и 3.3.3 разошедшуюся полисемию, с точки зрения семантических изменений, происходящих в словах, и экстралингвистических трансформаций, претерпеваемых предметами.

3.3.5. Омонимия, развившаяся вследствие изменения статуса сем. Если в рассмотренных нами ранее группах омонимию и отсутствие семантических связей между разными омонимами можно было объяснить в большей или меньшей степени объективными причинами (случайными совпадениями по форме некогда формально различавшихся единиц, изменением реалий, исчезновением промежуточного

значения, утратой семантической и структурной связи с производящими), то сейчас мы рассмотрим группу, которую составляют омонимические ряды, члены которых не изменили своих значений с того момента, когда они ещё объединялись в одном слове. Не изменились (или изменились очень незначительно) и сами реалии, обозначаемые этими словами, однако что-то заставляет составителей словарей всё равно размещать эти значения в разных словарных статьях, то есть трактовать как омонимы.

В чисто теоретическом плане такое явление объясняется, выражаясь словами Е. Б. Никифоровой, действием «когнитивно-семасиологического механизма», «в результате чего происходит актуализация одних сем и нейтрализация других, изменение их рангового статуса»⁴⁶⁰. Однако на практике реализация этой в общем верной теоретической установки наталкивается на серьёзные препятствия: сама оценка статуса той или иной семы исследователем (или составителем словаря) априори обречена на субъективность и зависит от очень многих индивидуальных, личностных особенностей восприятия языкового знака.

Вообще говоря, эти слова могут быть отнесены и ко всем нашим вышеизложенным рассуждениям (к примеру, наш языковой опыт позволяет нам увидеть связь между *газом* ‘агрегатным состоянием вещества’ и *газом* ‘тканью’, а другой носитель языка (возможно, даже другой исследователь), опираясь на свой языковой опыт, сочтёт эту связь непрочной, неубедительной, надуманной, а то и вовсе её не обнаружит), потому мы считаем нелишним ещё раз заметить, что реконструкция семантических отношений в каждом отдельном случае — это всего лишь наше видение и наша трактовка, не претендующие на абсолютную истинность и каноничность. Однако рассматриваемая в этом пункте группа характерна тем, что в каждом её ряду обнаружение (или, наоборот, необнаружение) семантических связей может быть признано субъективным решением и оспорено. Именно поэтому разноголосица взятых нами для анализа словарей в подаче слов именно этой группы, пожалуй, самая сильная.

⁴⁶⁰ Никифорова Е. Б. Семантическая эволюция лексической системы русского языка: тенденции, векторы, механизмы. Волгоград, 2008. С. 7.

Перед тем как привести примеры рядов этой группы, отметим, что в подаче случаев такого рода на фоне трёх других особенно выделяется СШ, явившийся преемником СО, который, в свою очередь, ещё в середине прошлого века был часто критикуем за слишком частую трактовку тех или иных единиц (в первую очередь — исконных полисемантов) как омонимов (в частности, на то, что как самостоятельные поданы в этом словаре некоторые значения исключительно на основании их терминологичности, указывала Л. Л. Кутина и считала такую их «оторванность» искусственной⁴⁶¹). Отголоски этой тенденции содержатся и в современном СШ, в котором очень часто как омонимы подаётся то, что в трёх других словарях трактуется как значения одного слова (хотя, казалось бы, приведение этимологических данных могло бы «навязать» составителям рассмотрение разошедшихся значений внутри одного слова и уменьшить число омонимов).

Приведём примеры таких рядов: *долг*¹ ‘обязанность’ — *долг*² ‘взятое взаймы’, *касатка*¹ ‘вид ласточки’ — *касатка*² ‘ласковое обращение’, *кисть*¹ ‘инструмент’ — *кисть*² ‘часть руки’, *малина*¹ ‘растение и его плод’ — *малина*² ‘воровская квартира’, *сало*¹ ‘жировое отложение’ — *сало*² ‘мелкий лёд или пропитанный водой снег перед ледоставом’, *хмель*¹ ‘растение’ — *хмель*² ‘состояние опьянения’, *чело*¹ ‘лоб’ — *чело*² ‘отверстие в печи или берлоге’, *чин*¹ ‘служебный разряд’ — *чин*² ‘порядок, установленный ряд икон’, *шуба*¹ ‘одежда’ — *шуба*² ‘снежный, ледяной покров’ и др. В трактовке приведённых случаев мы солидарны с составителями трёх других словарей и также считаем значения в каждой из упомянутых пар значениями, входящими в одно слово (воровская квартира называется *малиной*, поскольку пребывание в ней сопряжено с получением определённых благ (в данном случае — защищённости), в ней «так же хорошо, как и в *малине*¹»; *чело*² имеет округлую форму и располагается в передней части другого предмета, как и *чело*¹, *сало*² напоминает *сало*¹ по цвету, а также тем, что является некоей «прослойкой»; для других пар не будем приводить семантическую мотивацию ввиду её очевидности).

Вероятнее всего, семантические связи в каждом из указанных случаев видели и составители СШ (ввиду прозрачности этих связей), а разнести значения по разным

⁴⁶¹ Дискуссия по вопросам омонимии... // Лексикографический сборник. 1960. Вып. 4. С. 48.

словарным статьям их заставили соображения другого порядка: подавляющее большинство этих слов относится к специальной, узкоспециальной, так или иначе ограниченной в употреблении лексике, а с точки зрения их семантики — к классу номенклатурно-терминологических обозначений. В языкознании существует точка зрения, согласно которой характерной чертой термина (номена) является его дефинитивность, которая среди прочего подразумевает отсутствие ассоциативности, в большей степени описание предмета, а не слова (ср. замечание Я. А. Климовицкого: «Понятие вмонтировано, так сказать, в состав термина»⁴⁶²), рассмотрение некоей реалии как «вещи в себе», безотносительно к причинам номинации (важно знать, ЧТО называется тем или иным словом, а не ПОЧЕМУ оно так называется). Прямым следствием из этого является как бы снятие вопроса о статусе сем в структуре значения термина (номена): они все одинаково важны и одинаково несоотносимы с семами других значений (или других слов). Подробнее этот вопрос будет нами рассмотрен в следующем параграфе, пока же ограничимся предварительным замечанием: на наш взгляд, сами по себе ни терминологичность, ни ограниченность в употреблении слова в том или ином его значении не могут служить достаточным основанием для констатации омонимии.

Встречаются, однако, и такие случаи, когда в аналогичных условиях в США имеет место одно слово с двумя значениями, а в одном из трёх других словарей — несколько омонимов. Так, значения ‘неродной сын’ и ‘боковой побег растения’ признаются значениями слов-омонимов *пасынок*^{1,2} в СК, в СА отмечен омонимический ряд *перегон* (от *перегнать*) — *перегон* ‘участок между двумя станциями’ и др., однако наличие таких единичных случаев не отменяет общей тенденции к расширению массива омонимов на фоне других словарей именно в США.

Рассматриваемая группа весьма многочисленна и представлена значительным количеством омонимических рядов в каждом из словарей. Помимо уже приведённых, в неё также входят следующие ряды (в скобках мы будем указывать число словарей, в которых для данного ряда фиксируется омонимия): *баба*¹

⁴⁶² Климовицкий Я. А. Термин и обусловленность определения понятия в системе // Проблематика определений терминов в словарях разных типов. Л., 1976. С. 111.

‘женщина’ — *баба*² ‘ударная часть молота’ (4), *боров*¹ ‘самец свиньи’ — *боров*² ‘часть дымохода’ (3), *бык*¹ ‘животное’ — *бык*² ‘опора моста’ (3), *волынка*¹ ‘музыкальный инструмент’ — *волынка*² ‘хлопотное дело’ (2), *воля*¹ ‘способность осуществлять свои желания’ — *воля*² ‘свободное состояние’ (1), *зуба*¹ ‘часть тела’ — *зуба*² ‘морской залив’ (4), *дух*¹ ‘душевные свойства человека, моральная сила, бесплотное существо’ — *дух*² ‘дыхание, запах, воздух’ (2), *икра*¹ ‘масса из яичек у животных’ — *икра*² ‘мышца ноги’ (3), *клетка*¹ ‘помещение со стенками из прутьев, квадрат разграфлённого пространства’ — *клетка*² ‘элементарная живая система’ (3), *колода*¹ ‘бревно’ — *колода*² ‘комплект карт’ (4), *кулак*¹ ‘кисть руки со сжатыми пальцами’ — *кулак*² ‘богатый крестьянин’ (4), *лист*¹ ‘часть растения’ — *лист*² ‘пласт какого-н. материала, документ’ (2), *образ*¹ ‘внешний вид, порядок чего-л.’ — *образ*² ‘икона’ (4), *охота*¹ ‘желание’ — *охота*² ‘выслеживание диких зверей и птиц с целью их умерщвления или ловли’ (4), *побег*¹ ‘бегство’ — *побег*² ‘молодая ветка’ (4), *покой*¹ ‘отсутствие движения’ — *покой*² ‘жилая комната’ (3), *рубец*¹ ‘след от раны, углубление, подрубленный край одежды’ — *рубец*² ‘отдел желудка жвачных животных’ (3), *сан*¹ ‘звук сопения’ — *сан*² ‘заболевание у животных’ (4), *таз*¹ ‘сосуд’ — *таз*² ‘часть скелета’ (4), *хлыст*¹ ‘прут’ — *хлыст*² ‘последователь хлыстовства’ (4), *хран*¹ (от *хранеть*) — *хран*² ‘нижняя и средняя часть переносья у животных’ (2), *цвет*¹ ‘свойство тела вызвать зрительно ощущение определённого спектрального состава’ — *цвет*² ‘цветы на растении’ (4) и мн. др.

Эта подборка слов весьма эклектична и с точки зрения силы семантической связи внутри рядов, и с точки зрения типа возможного семантического переноса (есть и метафора (*бык*^{1,2}), и метонимия (*хран*^{1,2}), и специализация (*охота*^{1,2})), и с точки зрения причин ослабления семантической связи, изменения статуса сем.

Последний аспект особенно интересен, и причины эти очень разнообразны. В первую очередь следует сказать, что в таких примерах, как *боров*^{1,2}, *бык*^{1,2}, *таз*^{1,2}, *колода*^{1,2}, признак внешнего сходства, положенный в основу переноса, был довольно общим (общая «горизонтальность», наличие двух расходящихся в стороны прямых линий, похожих на рога, округлые кости, напоминающие чаши (которые, кстати, составляют только часть *таза*²) и призматическая форма соответственно) и мог

быть убедительным только на более ранних стадиях языкового развития, когда внешнее сходство в принципе играло большую роль в процессе семантической деривации. Впоследствии в названных значениях на первый план выдвинулась функциональная сема (*бык*² — это то, что поддерживает мост; *колода*² — это то, что можно раздать и что может использоваться для игры) или же сема, которая в целом также относится к внешнему виду предмета, однако к другой его стороне — к месту расположения этого предмета в ряду однородных с ним (*таз*² — это нижняя часть позвоночника, *боров*² — это средняя часть печи).

Кроме того, немаловажным фактором является и то обстоятельство, что наряду с наивной языковой картиной мира развивается также и научная, и вторая подчас оказывает влияние на первую. «...историческая практика человечества, — отмечает Ю. Д. Апресян, — неизбежно приводит ко все более широкому вторжению научных знаний в сферу бытовых представлений, отпечатываемых в фактах языка, или к расширению сферы этих бытовых представлений за счет научных понятий»⁴⁶³. На наличие «тенденции к сближению тривиального и научного понятий» указывают также З. И. Комарова⁴⁶⁴ и Л. Л. Кутина⁴⁶⁵.

Многие из перечисленных слов относятся именно к той или иной области науки, а потому и содержание их значительно богаче, а признак, положенный в основу номинации, который представлялся если не единственным, то, по крайней мере, самым важным в наивной картине мира, становится всего лишь «одним из многих» (и далеко не самым важным) в картине мира научной. Так, тот же *таз*² — это не просто часть скелета, напоминающая *таз*¹, а часть скелета, которая расположена в определённом месте, состоит из определённых частей, выполняет определённую функцию и т. д.; *укра*¹ и *укра*² — это не просто чем-то напоминающие друг друга предметы (в своём естественном состоянии), а элементы

⁴⁶³ Апресян Ю. Д. Избранные труды. Т. 1. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1995. С. 299.

⁴⁶⁴ Комарова З. И. Семантическая структура специального слова и ее лексикографическое описание. Свердловск, 1991. С. 71.

⁴⁶⁵ Кутина Л. Л. Термин в филологических словарях (к антитезе: энциклопедическое — филологическое) // Проблематика определений терминов в словарях разных типов. Л., 1976. С. 21.

живой природы, функциональная значимость которых имеет значительно больший вес в семантике слова (*икра*¹ — стадия развития живого организма, *икра*² — мышца с определённой функцией и расположенная в определённом месте; к тому же, внешнее сходство этих двух объектов, полагаем, для современного носителя языка менее очевидно, чем это было раньше, поскольку далеко не каждый представляет себе, как выглядит *икра*¹, находясь, скажем так, в своём «естественном» состоянии, внутри рыбы (а именно в таком состоянии она и похожа на *икру*²)); *клетка*², конечно, напоминает ‘часть разграфлённого пространства’, но, во-первых, не обладает строго квадратной формой (если говорить совсем формально, то *клетка*¹ (в указанном значении) — это плоский объект, а *клетка*² — объёмный), во-вторых, имеет более важные характеристики (в первую очередь, строение, состав, а также функции в организме); сказать, что *побег*² совершает *побег*¹ едва ли можно даже в художественном метафорическом контексте, поскольку в первом слове общая сема перемещения из одного места в другое, хотя и осталась, потеряла свой статус в силу того, что слово приобрело новые семы (в первую очередь — ‘против чьей-л. воли’), и вследствие этого может характеризовать только человека; хотя *рубец*¹ и является внешне выраженной чертой *рубца*², главными, конституирующими чертами последнего всё-таки являются местоположение этого отдела желудка и его функции; заболевание *сан*, действительно, может характеризоваться сопением (то есть *саном*¹), но, во-первых, далеко не всегда, во-вторых, есть и другие, более важные, признаки этого заболевания, открытые медициной и ветеринарией; *хлыстами*² используются *хлысты*¹ для ритуала самобичевания, но этот ритуал не единственный в их быту и куда важнее знать, каких верований и убеждений они придерживаются, чтобы составить о них полное и адекватное представление; звуки *храна*¹ и впрямь могут возникать в переносе (*хране*²), но опять же оно должно характеризоваться в первую очередь строением и расположением.

Как видим, в подавляющем большинстве случаев на первое место в семантике омонимов выходит функциональная сема, чем и обусловлен если не разрыв семантических связей, то, по крайней мере, их осязаемое ослабление. По этой же причине нам кажется необоснованным рассмотрение значений ‘спокойствие’ и

‘комната’ как принадлежащих разным словам-омонимам *покой*¹ и *покой*². В данном случае во втором слове сильна как раз функциональная сема (‘предназначенный для...’), и мотивация «*покой*² предназначен для *покоя*¹» кажется нам вполне очевидной и имеющей право на существование. Приведём в связи с этим слова Д. Н. Шмелёва, который писал: «Функциональное предназначение предмета, действительно, часто представляет собой тот элемент в семантике слова, который наиболее устойчив исторически и является тем стержнем, который обеспечивает лексико-семантическое тождество слова при его самом разнообразном реальном применении»⁴⁶⁶.

Омонимичные пары *охота*^{1,2} и *образ*^{1,2} похожи по способу гипотетической семантической деривации: в обоих случаях может быть обнаружено сужение (*охота*² — это разновидность *охоты*¹, *образ*² содержит изображение, то есть особую разновидность *образа*¹). Думается, в первом ряду эта связь так и остаётся гипотетической потому, что процесс *охоты*¹ перестал так сильно ассоциироваться с некоей страстью, влечением, как это было, когда происходил процесс номинации. Нельзя сказать, что ассоциация утрачена полностью, однако актуальна она, видимо, только для тех, для кого *охота*¹ является главной страстью, в то время как для всех других это всего лишь одно из многих хобби, влекущее не сильнее, чем, скажем, рыбалка или спортивные игры. Что касается пары *образ*^{1,2}, то следует отметить, что нас удивляет единодушие составителей словарей, которые отмечают здесь омонимию. На наш взгляд, если здесь и нельзя говорить о полисемии в полном смысле, то, как минимум, этот случай стоит расположить всё-таки в левой части шкалы, потому что явных причин, препятствующих приведённой выше гипонимометонимической мотивации, мы не находим (более того — в качестве вспомогательного фактора, усиливающего связь двух значений, выступает отнесённость каждого из них к книжной и даже высокой лексике).

Верность только что сказанного особенно очевидна на фоне, например, пары *баба*¹ ‘женщина’ — *баба*² ‘ударная часть устройства’, в которой, вследствие переосмысления первого слова (сема ‘дородность, большой размер’, которая была

⁴⁶⁶ Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики... М., 1973. С. 234—235.

положена в основу переноса, возможно, и осталась, но перешла на далёкую периферию, уступив место таким коннотативным семам, как ‘грубость’, ‘неинтеллигентность’ и пр.) семантическая связь полностью утрачена.

Особого упоминания заслуживает пара *дух*^{1,2}. На наш взгляд, в данной паре, если и нельзя говорить о полной омонимии, то можно с большой долей уверенности констатировать ярко выраженную тенденцию к ней, которая обусловлена сразу двумя причинами. Первая причина — упомянутое выше влияние и «вторжение» в языковое сознание научной картины мира, согласно которой воздух, запах (то есть *дух*²) представляют собой не вакуум, лишённый материи, а газообразное состояние разных веществ (насколько представление об этом характерно для рядового носителя языка, судить сложно, однако, полагаем, хотя бы отчасти оно имеет место), меж тем как *дух*¹ так и остаётся идеальной, нематериальной сущностью («невидимость» обоих явлений, думается, вряд ли может быть серьёзным аргументом в пользу семантического единства). Кроме того, в данной паре произошёл процесс, похожий на тот, который мы наблюдали при анализе слов *свет*, *язык* и *мир*: слово в каждом из своих значений стало называть слишком «большие» в концептуально-ценностном отношении понятия, которые плохо уживаются внутри одного слова. Потому здесь, по совокупности факторов, мы склонны говорить об омонимии, хотя, конечно, и не абсолютной.

Несмотря на то, что маркировка рядов именно этой группы наиболее сложна и субъективна по сравнению со всеми предшествующими, мы всё же считаем нужным представить и её:

Рисунок 10. Омонимия, развившаяся вследствие изменения статуса сем в разных значениях, на шкале «полисемия — омонимия»

Подводя итог сказанному в данном параграфе, мы отмечаем обилие причин, по которым в языке могут возникать омонимы. Обилием этих причин обусловлено и многообразие рассмотренных нами групп. Проанализировав материал, мы получили отрицательный ответ на главный вопрос, который мы выдвигали в начале главы (можно ли определить более или менее стабильное и ограниченное место на шкале для каждой группы омонимов?). Разная степень семантической связи (причём порой полярно разная) наблюдается не только между членами омонимических рядов, выделенных по довольно общим признакам, но и между единицами в более мелких подгруппах. Имеет место как дивергенция (расхождение некогда единого), так и конвергенция (сближение некогда различного), и о какой-то последовательности или чёткой закономерности (которая для нас должна была бы иметь примерно такой вид: если ряд X относится к группе G, то он занимает на шкале место P) говорить не приходится.

Даже кажущийся неоспоримым критерий различной морфемной членимости в единичных случаях не работает: в современном русском языке слово *касатка* ‘ласточка’, пожалуй, является нечленимым. В то же время это же слово в значении ‘девушка’, вероятно, следует признать членимым, поскольку есть слово *касатик* (аналогичный пример приводит в своей докторской диссертации О. П. Ермакова: слово *размазня*, по мнению исследовательницы, членимо в прямом значении ‘жидкая каша’ и нечленимо — в переносном ‘безвольный человек’⁴⁶⁷; отмечая «важность морфологических явлений», О. С. Ахманова говорила о невозможности их использования «самих по себе», без знания предметов действительности⁴⁶⁸). С другой стороны, второе из указанных значений легко и по стандартной модели («наименование птицы — оценочное наименование человека», ср. *орёл*, *сокол*, *голубка* и др.) мотивируется первым и размещено нами поэтому в полюсной точке полисемии.

⁴⁶⁷ Ермакова О. П. Проблемы лексической семантики производных и членимых слов. М., 1977. С. 31.

⁴⁶⁸ О. С. Ахманова. Очерки... С. 113.

Мы не ставили перед собой задачи распределить по группам абсолютно весь массив слов из выборки и проанализировать все слова внутри каждой группы. Однако, несмотря на некую «очерковость» изложения, мы выполнили задачу и увидели общую картину. Безусловно, некие общие тенденции могут быть выделены (скажем, отсутствие некоей реалии больше способствует омонимии, чем исчезновение некоего значения), однако они могут быть интересны в большей степени лексикологу, нежели лексикографу, который работает не столько с классами слов, сколько с отдельными словами. Если для определённого класса слов характерна какая-то тенденция, однако любой представитель класса может в эту тенденцию не вписаться и всё равно должен быть проверен, то знание этой тенденции не может быть эффективным (во всяком случае, достаточным) инструментом в руках лексикографа.

Кроме того, мы неоднократно говорили о том, что наши рассуждения обречены если не на априоризм, то на субъективность. Однако есть небольшая группа омонимических рядов, о которых мы можем рассуждать, не опасаясь обвинений в субъективности. Это ряды, в которых хотя бы один из омонимов представляет собой лингвистический термин, и именно этим рядам будет посвящён следующий параграф.

§ 4. Лингвистические термины и их омонимы на шкале «полисемия — омонимия»

Прежде чем приступить непосредственно к анализу конкретных примеров, считаем необходимым сделать несколько общих замечаний о специфике объекта, о котором пойдёт речь в данном параграфе. Он специфичен сразу по двум причинам: во-первых, в силу самой отнесённости к классу терминов; во-вторых — в силу того, что подавляющее большинство терминов является семантическими или словообразовательными кальками, с предварительной характеристики которых мы и начнём.

Кальки представляют собой хоть и немногочисленный, но весьма интересный класс слов. По справедливому замечанию Л. П. Крысина, в научной литературе «процессам калькирования традиционно уделяется меньшее внимание, чем лексическим заимствованиям»⁴⁶⁹. Одной из возможных причин отсутствия такого интереса может быть трудность идентификации кальки (особенно семантической), на что указывают Л. П. Крысин (отмечающий, в частности, что слово *крутой* в значении ‘статусный’ может быть как семантической калькой англ. *cool*, так и простым семантическим дериватом, полученным от прямого значения этого слова, без иноязычного влияния⁴⁷⁰), Н. С. Арапова⁴⁷¹, Анна А. Зализняк⁴⁷², а также М. И. Стеблин-Каменский, который заявлял, что «вообще нет критериев, при помощи которых можно было бы установить, что значение данного слова — результат семантического заимствования»⁴⁷³. Кроме того, зачастую трудность вызывает и классификация калек (решение вопроса о том, семантическая она или словообразовательная) — на это указывают Л. П. Ефремов⁴⁷⁴ и Анна А. Зализняк, которая вообще предлагала выделять наряду с двумя названными ещё и «смешанный» тип калькирования⁴⁷⁵, а также вопрос о том, из какого именно языка шло калькирование (при наличии слов с идентичным значением и строением в разных языках).

Выше мы уже отмечали, что кальки следует отличать от простых заимствований. Вот какое толкование этому термину даёт «Лингвистический энциклопедический словарь» (в дальнейшем все дефиниции мы будем приводить именно из него): «Калька — образование нового фразеологизма, слова или нового

⁴⁶⁹ Крысин Л. П. Лексическое заимствование и калькирование в русском языке последних десятилетий // Вопросы языкознания. 2002. № 6. С. 30.

⁴⁷⁰ Там же. С. 31.

⁴⁷¹ Арапова Н. С. Кальки в русском языке послепетровского периода. М., 2000. С. 25.

⁴⁷² Зализняк Анна А. Многозначность в языке и способы ее представления. М., 2006. С. 409.

⁴⁷³ Цит. по: Ефремов Л. П. Калькирование как одна из причин возникновения лексической омонимии // Известия АН Казахской ССР. Серия филологии и искусствоведения. 1962. Вып. 2 (21). С. 53.

⁴⁷⁴ Там же. С. 52—53.

⁴⁷⁵ Зализняк Анна А. Многозначность в языке и способы ее представления. М., 2006. С. 412.

значения слова путём буквального перевода соответствующей иноязычной языковой единицы».

Если внимательнее всмотреться в это толкование, то в нём уже можно обнаружить очень интересный парадокс: факт сознательного индивидуального творчества (перевода) становится общеязыковым фактом. Хотя существует точка зрения, согласно которой «автор эмансипирует логику калькообразования от произвола субъективности переводчика и “перепоручает” её универсальным закономерностям организации и функционирования лексического компонента языковой способности человека»⁴⁷⁶, едва ли можно говорить о том, что калькирование — в такой же мере объективный и лишённый проявлений индивидуальных качеств автора процесс.

Указанное обстоятельство (то, что кто-то один творит языковую единицу для всех) как раз и делает этот лексический пласт чрезвычайно интересным, прежде всего с точки зрения парадигматики его единиц (включённости их в уже имеющиеся в языке парадигмы и действующие закономерности) и их мотивированности в частности. Возникает удивительное явление: единица, которая априори (так сказать, по определению) членима (если речь идёт о словообразовательной кальке) или мотивирована семантически (в случае семантической кальки) для «автора» этого слова, может оказаться нечленимой и немотивированной для рядового носителя (приведём в связи с этим слова Л. А. Булаховского: «...кальки подвержены деэтимологизации едва ли менее, чем слова другого происхождения»⁴⁷⁷).

Связано это с тем, что автор кальки оперирует дополнительным конструктором (словом другого языка), в то время как для обычного носителя языка подобный конструктор недоступен, а принцип построения кальки, очевидный для переводчика, неочевиден. Иными словами, если «создатель» кальки всегда может ответить на вопрос, почему данное понятие передаётся именно таким словом, то для носителя языка подобная мотивация может быть затемнена. На это указывает и Н. С. Арапова

⁴⁷⁶ Руткевич С. А. Лексическое калькирование как билингвальный номинативный процесс. Минск, 1991. С. 16—17.

⁴⁷⁷ Булаховский Л. А. Деэтимологизация в языке // Труды Ин-та рус. яз. АН СССР. 1949. Т. 1. С. 208.

(автор одного из немногих монографических трудов, полностью посвящённых калькам): «...калька может быть создана лишь тем, кто хорошо знает чужой язык, хорошо чувствует морфологическую структуру слова, семантические связи внутри словообразовательного гнезда и т. п.»⁴⁷⁸. С другой стороны, «укрепившиеся в языке кальки воспринимаются носителями языка как исконные слова данного языка»⁴⁷⁹, что далеко не всегда можно сказать о простых заимствованиях (Л. А. Булаховский писал, что «на новой почве слово, усвоенное из другого языка, обычно полностью теряет свою “внутреннюю форму”»⁴⁸⁰).

В связи с этим особый интерес представляют собой лингвистические термины, образованные методом калькирования (которые, по мнению И. Б. Усатого, составляют ядро лингвистической терминосистемы⁴⁸¹). Многие из них имеют в русском языке омоним (или другое значение), и именно такие термины и станут предметом нашего рассмотрения. К ним относятся: *дополнение, залог, наречие, обстоятельство, предлог, предложение, приложение, причастие, частица* (словообразовательные кальки), а также *лицо, род, союз* (семантические кальки). В лексикологических работах мы можем обнаружить отдельные замечания, касающиеся каких-то из этих слов, причём в интересующем нас аспекте (к примеру, О. С. Ахманова писала об омонимии специальных слов *залог, наклонение, предлог, предложение, склонение* и соответствующих общеупотребительных слов⁴⁸²; ярко выраженную, не вызывающую сомнений омонимию в паре *залог* ‘категория глагола’ — *залог* ‘отданное имущество’ отмечал В. В. Виноградов⁴⁸³; Н. А. Шурыгин констатирует семантический способ образования лингвистических терминов

⁴⁷⁸ Арапова Н. С. Кальки в русском языке послепетровского периода. М., 2000. С. 8.

⁴⁷⁹ Там же. С. 44.

⁴⁸⁰ Булаховский Л. А. Введение в языкознание. Ч. 2. М., 1953. С. 117.

⁴⁸¹ Усатый И. Б. Терминология частей речи в современном русском языкознании. По текстам научной, учебной и справочной литературы. Н. Новгород, 2009. С. 10.

⁴⁸² О. С. Ахманова. Очерки... С. 127.

⁴⁸³ Виноградов В. В. Современный русский язык. Вып. 1-й. Введение в грамматическое учение о слове. М., 1938. С. 115.

дополнение, обстоятельство и др.⁴⁸⁴), однако мы ставим своей целью дать более полный, глубокий и подробный анализ приведённых единиц применительно к практике составления толковых словарей, итоги которого будут отражены на шкале «полисемия — омонимия».

Проблема подачи термина в толковых словарях относится к числу таких же «вечных» и не решённых по сей день лексикографических вопросов, как и центральная в нашем исследовании проблема разграничения омонимии и полисемии. В 1974 г. в Ленинграде проводилось Всесоюзное терминологическое совещание, посвящённое (подобно неоднократно упоминавшейся нами «Дискуссии по разграничению омонимии и полисемии» 1960 г.) одному проблемному классу слов (её итоги кратко изложены в работе З. И. Комаровой⁴⁸⁵).

Проблематика, связанная с подачей специальной лексики в толковых словарях, весьма многообразна, и в первую очередь мы должны сразу обозначить едва ли не самую важную для нас методологическую проблему (релевантную не только для рассматриваемого материала), а именно: очертить для себя круг носителей языка, на речевой опыт которых мы ориентируемся, рассуждая о собственно лингвистических терминах.

Профессиональные лингвисты должны отдавать себе отчёт в том, что уровень их знания терминов ощутимо выше, чем у человека, специально не занимающегося лингвистикой (к примеру, обыватель нередко путает *предлог*, *союз* и *частицу*, называя любым из этих слов любое из этих явлений). И тот факт, что все эти явления подробно изучаются в школе, едва ли стоит считать основанием для того, чтобы говорить о том, что это общеизвестные термины, поскольку, в силу объективных причин, многое из школьного обучения забывается и уходит в пассивный запас, а порой и за его пределы. Возникает вопрос: чьё знание считать в этом случае «эталонным» — более распространённое, однако менее точное и

⁴⁸⁴ Шурыгин Н. А. Семасиологический и лексикографический аспекты таксономизации лингвистических терминов и терминопонятий. Тюмень, 2005. С. 31.

⁴⁸⁵ Комарова З. И. Семантическая структура специального слова и ее лексикографическое описание. Свердловск, 1991. С. 44—45.

компетентное, принадлежащее неспециалисту, или же строго научное, которым располагают лингвисты, круг которых значительно уже?

Аналогичный вопрос ставила и З. И. Комарова и справедливо заключала, что «любой однозначный ответ будет спорным»⁴⁸⁶. На этот амбивалентный, отчасти противоречивый характер рассматриваемого явления (и — как следствие — на трудности, связанные с его отражением в толковом словаре) неоднократно указывали разные исследователи, среди которых, например, В. А. Берков⁴⁸⁷ и А. А. Реформатский, писавший: «Терминология как совокупность слов — слуга двух хозяев: системы лексики и системы научных понятий»⁴⁸⁸.

Несмотря на то, что лингвистическая терминология сама по себе неидеальна как система (П. М. Алиева отмечает внутри неё синонимию, дублетность и даже омонимию (*предикат*)⁴⁸⁹; кроме того, в ряде случаев может отсутствовать общепринятое понимание того или иного термина), мы всё же исходим из следующего предположения: специфика термина — в том, что его нельзя «знать отчасти» (по крайней мере, те термины, которые отобраны нами для анализа, однозначны и довольно чётко определены в языкознании).

Е. А. Барсукова, ссылаясь на работы современного терминоведения, среди конституирующих признаков термина называет «содержательную точность» и «дефинитивность»⁴⁹⁰ (последнюю отмечает также З. И. Евлоева⁴⁹¹), из чего естественно вытекает вывод о том, что термин можно или знать, или не знать. Шкала «знания термина» зачастую неградуальна и строго дискретна, на ней есть только две отметки: абсолютное знание и незнание. Вообще говоря, если кто-либо

⁴⁸⁶ Там же. С. 71.

⁴⁸⁷ Берков В. П. Заметки об определениях терминов в филологических и энциклопедических словарях // Проблематика определений терминов в словарях разных типов. Л., 1976. С. 141.

⁴⁸⁸ Реформатский А. А. Термин как член лексической системы языка // Проблемы структурной лингвистики. М., 1968. С. 122.

⁴⁸⁹ Алиева П. М. Состояние лингвистической терминологии в современном русском языке (2001 — 2011 г.). Ставрополь, 2011. С. 8.

⁴⁹⁰ Барсукова Е. А. Научный термин в общем и терминологическом толковых словарях русского и английского языков. М., 2004. С. 7.

⁴⁹¹ Евлоева З. И. Русская лингвистическая терминология в эволютивном аспекте. Нальчик, 2006. С. 9.

при просьбе дать толкование какому-то термину даёт толкование, отличное от принятого в той или иной области науки (пусть даже и очень близкое к нему и более распространённое в ненаучной среде), мы можем констатировать, что в лексическом запасе этого человека нет этого слова или значения.

Так, от лингвистов нередко приходится слышать, что одушевлённые существительные — это такие, которые называют реалии живой природы. При том, что подобная точка зрения действительно превалирует в ненаучной среде и подавляющее большинство одушевлённых существительных действительно называют предметы живой природы, мы всё же не можем сказать, что люди, которые так думают, владеют данным термином (потому что одушевлённость — категория в значительно большей степени не семантическая, а синтаксическая и характеризует падежную парадигму существительного, а не его значение (на этом акцентирует внимание О. М. Чупашева в статье «Одушевлённое — всегда ли живое?»⁴⁹²); на этом основании слово *народ* признаётся неодушевлённым, потому что, несмотря на значение, форма В. п. совпадает с формой именительного, а не родительного, а слово *покойник* — одушевлённым, поскольку совпадают формы В. п. и Р. п.).

Подчеркнём, что речь идёт только о тех случаях, когда реалия была открыта в какой-либо науке, названа там и потом уже перешла в речевой обиход неспециалиста. В противном случае подобная «дискретность» шкалы знания слова отсутствует. К примеру, звёзды как астрономические объекты были знакомы человеку до того, как их стали научно изучать. Соответственно, реалия сначала заняла место в наивной картине мира, а потом уже перешла в научную и там была изменена и дополнена. Если человек понимает под *звездой* ‘маленькие светящиеся небесные объекты, которые видны ночью’, мы можем признать, что он знает это слово и владеет им, хотя Солнце, будучи звездой в астрономическом смысле слова, в данное толкование явно не вписывается.

Иначе обстоит дело, скажем, с термином *частица*, представление о которой как о части речи изначально было сформировано в науке, и уже потом, через

⁴⁹² Русская речь. 2000. № 1. С. 119—121.

систему образования, транслировано всем неспециалистам. Если некто знает, что *частица* — это особая часть речи, которая призвана выполнять служебную роль, что слово *красный* частицей не является, а слово *не* — является, но полагает, что *частица* — это любое маленькое слово (считая на этом основании частицей предлог *на* и не считая таковой слово *неужели*), мы констатируем факт незнания этого термина и не ориентируемся на речевой опыт этого человека, лексикографируя термин *частица*.

Заметим, что в данном случае возникает ещё одна лексикографическая проблема: получается, что термин, покидая *alma mater* той науки, где он возник, может терять одни смыслы и обретать другие в лексиконе людей, которые находятся за рамками этой науки. При этом не происходит слияния этого термина с уже имеющимся словом, а у него возникает какое-то новое, особенное, если угодно, «наивно-научное», значение, причём зачастую возникает не в сознании отдельно взятого человека, а в сознании довольно большого числа индивидов (как, например, произошло с теми же словами *одушевлённый* или *частица*). Понятно, что виной всему — народная этимология и «провоцирующая» внутренняя форма этих слов, которая подталкивает носителя языка провести причинно-следственные связи между формой слова и тем понятием, которое оно обозначает, но обнаружение причины не отменяет факта: в сознании довольно большой группы носителей языка есть представление о *частице* как о маленьком слове.

Возникает отнюдь не риторический чисто лексикографический вопрос: надо ли отражать в словарях подобные «квази-значения», если да — то в качестве самостоятельных значений, в качестве вариантов значений или же вообще в качестве некоего инварианта собственно терминологического значения, с особой пометой (ибо одно и то же лицо вряд ли оперирует и собственно терминологическим, и «наивно-научным» значениями), и — самое интересное — как много говорящих должны владеть этим значением, чтобы у составителя были основания включить его в словарь? Именно такой феномен обнаруживает Т. С. Коготкова, рассматривая, в частности, слова *поезд* и *состав* в общем языке и в железнодорожной терминосфере, и вводит для пар таких, «синхронно

существующих в ряде ведущих коммуникативно-стилевых сфер русского национального языка», значений специальный термин — «межфункционально-стилевая омонимия»⁴⁹³.

Этот вопрос является ответвлением другого, более концептуального вопроса о том, какие именно специальные слова, из каких областей и в каком объёме нужно включать в толковый словарь. На нерешённость и сложность этого вопроса неоднократно указывали разные исследователи (к примеру, А. М. Бабкин⁴⁹⁴, Л. С. Паламарчук⁴⁹⁵, Н. А. Шурыгин⁴⁹⁶); предлагались различные решения этой проблемы: Х. Касарес предлагал «как можно шире включать научные термины», «включать их в масштабах, о которых до сих пор и не мечтали»⁴⁹⁷; о принципиальной значимости критерия частотности говорили Е. А. Барсукова⁴⁹⁸, Т. Г. Брянцева и Р. М. Цейтлин⁴⁹⁹; С. Г. Бархударов и А. П. Евгеньева в качестве решающего фактора называли «общественную роль термина»⁵⁰⁰.

Таким образом, при всей кажущейся тривиальности этого утверждения, мы считаем нелишним всё же привести его: мы ориентируемся на представление о данных терминах тех людей, которые **знают** (в указанном выше смысле этого слова) данные термины. А. И. Моисеев более нужными считал словари, «поднимающие читателей над его бытовыми... а порой и убогими “понятиями”»⁵⁰¹ (то есть такие, в

⁴⁹³ Коготкова Т. С. Терминология и межфункционально-стилевая «омонимия» // Проблематика определений терминов в словарях разных типов. Л., 1976. С. 205.

⁴⁹⁴ Бабкин А. М. Лексикографические заметки. Вопросы языкознания. 1955. №2. С. 96.

⁴⁹⁵ Паламарчук И. С. Терминологическая лексика в общеязыковом (филологическом) словаре // Проблематика определений терминов в словарях разных типов. Л., 1976. С. 252.

⁴⁹⁶ Шурыгин Н. А. Семасиологический и лексикографический аспекты таксономизации лингвистических терминов и терминопонятий. Тюмень, 2005. С. 17.

⁴⁹⁷ Касарес Х. Введение в современную лексикографию. М., 1958. С. 300.

⁴⁹⁸ Барсукова Е. А. Научный термин в общем и терминологическом толковых словарях русского и английского языков. М., 2004. С. 11.

⁴⁹⁹ Брянцева Т. Г., Цейтлин Т. М. Инструкция для составления «Словаря современного русского литературного языка» (в трех томах) // Вопросы языкознания. 1954. № 3. С. 113.

⁵⁰⁰ Инструкция для составления «Словаря современного русского литературного языка (в пятнадцати томах)». М., Л., 1958. С. 12.

⁵⁰¹ Моисеев А. И. К определению терминов в словарях // Проблематика определений терминов в словарях разных типов. Л., 1976. С. 248.

которых термины определяются с опорой на их научную дефиницию). В таком же духе высказывались Н. З. Котелова⁵⁰² Л. А. Булаховский⁵⁰³, В. Дорошевский⁵⁰⁴, С. Г. Бархударов и А. П. Евгеньева⁵⁰⁵. Л. П. Крысин отмечает, что «в общих толковых словарях» термины не имеют строгих дефиниций и что в них как раз «содержатся такие... толкования, которые соответствуют представлениям обычного носителя языка»⁵⁰⁶, и правильность именно такого, «обывательского» (термин Л. В. Щербы) толкования терминов отстаивали, в частности, О. С. Ахманова⁵⁰⁷, В. В. Малаховский⁵⁰⁸.

Однако следует отметить, что от рядового носителя языка, знающего термин, лингвист отличается, тем, что его багаж знаний позволяет осуществлять не только внутриязыковую, но и межъязыковую «этимологическую рефлексию на слово» (термин Г. О. Винокура). Явление межъязыковой мотивированности выделяет А. К. Казкенова, понимая под ней «формальную и семантическую зависимость заимствования от иноязычного прототипа, осознаваемую носителями заимствующего языка»⁵⁰⁹.

Иными словами, для лингвиста логическая цепочка «*частица* — это производное слово, образованное, как и большинство лингвистических терминов, путём поморфемного перевода латинского *particula*» может быть столь же заурядной, как для нелингвиста рассуждение «*домик* — это производное слово,

⁵⁰² Котелова Н. З. Значение слова и его сочетаемость (к формализации в языкознании). Л., 1975. С. 40.

⁵⁰³ Булаховский Л. А. Введение в языкознание. Ч. 2. М., 1953. С. 139.

⁵⁰⁴ Цит. по: Комарова З. И. Семантическая структура специального слова и ее лексикографическое описание. Свердловск, 1991. С. 118.

⁵⁰⁵ Инструкция для составления «Словаря современного русского литературного языка (в пятнадцати томах)». М., Л. 1958. С. 34.

⁵⁰⁶ Крысин Л. П. Слово в современных текстах и словарях: Очерки о русской лексике и лексикографии. М., 2008. С. 128.

⁵⁰⁷ Ахманова О. С. Очерки... С. 74—75.

⁵⁰⁸ Малаховский Л. В. Специальные термины в общем словаре: принципы отбора и толкования (на материале английской лексикографии) // Проблематика определений терминов в словарях разных типов. Л., 1976. С. 226.

⁵⁰⁹ Казкенова А. К. Мотивированность заимствованного слова (на материале современного русского языка) // Вопросы языкознания. 2003. № 5. С. 75.

образованное с помощью уменьшительного суффикса —*ик* от слова *дом*». С другой стороны, говорить о подобной межъязыковой рефлексии мы вправе только тогда, когда рассматриваемый термин известен только лингвистам или в большей степени лингвистам. В противном случае, когда термин знают и нелингвисты, у последних подобная межъязыковая рефлексия с большой долей вероятности отсутствует. Выяснить это представляется очень сложной, нетривиальной методической задачей. Кроме того, разумеется, не все лингвисты осведомлены об этимологии термина, хотя могут прекрасно знать его значение (в подтверждение этого тезиса отметим, что нам в процессе подготовки этой главы пришлось обратиться к данным этимологии, чтобы понять тип калькирования в слове *союз*).

Потому возникает сугубо методологическая проблема, когда, выражаясь словами Ю. Д. Апресяна, «субъект познания совпадает с его объектом»⁵¹⁰. И, чтобы не быть предвзятыми, мы должны избежать этого совпадения, как бы отказаться от своих этимологических познаний и взглянуть на лингвистические термины глазами нелингвиста, который, однако, знает принятую в лингвистике дефиницию того или иного термина (по сути, это такая же установка, которой мы следовали и при анализе всех других случаев, с той только разницей, что здесь недопустимо «приблизительное», «общее» знание семантики слова).

Рассматривая эти слова, мы попытаемся ответить на два основных вопроса: 1) как членится на морфемы каждое из них? 2) объединяются ли терминологическое и общеупотребительное значения в одно слово или же перед нами два слова-омонима?

Стоит сказать, что сама возможность мотивированности термина нетермином подвергается сомнению в лингвистике. О. И. Блинова отмечает, что «существуют диаметрально противоположные мнения о том, должен ли быть мотивированным термин»⁵¹¹, и сама она склоняется скорее в сторону положительного ответа на этот вопрос (в качестве примера семантически мотивированного лингвистического

⁵¹⁰ Апресян Ю. Д. Избранные труды. Т. 1. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1995. С. 580.

⁵¹¹ Блинова О. И. Мотивология и ее аспекты. Томск, 2007. С. 136.

термина исследовательница приводит фонетический термин *звук*, который семантически мотивирован значением общеязыкового слова *звук*⁵¹²), хотя и отмечает возможные «подводные камни», одним из которых является могущая возникнуть «расплывчатость семантики термина»⁵¹³.

Иной точки зрения придерживается С. Н. Виноградов, полагая, что «термин наследует свойство идиоматичности слова» и что «проявлениями этого свойства являются условность и субъективность признака терминологической номинации»⁵¹⁴. Из этого следует, что два значения, выражаемые одним и тем же звуковым комплексом, из которых одно терминологическое, могут быть только значениями слов-омонимов, и именно так считал Ю. С. Степанов, точку зрения которого приводит П. Н. Денисов, и комментирует её так: «Переход терминологических значений в омонимы... несколько преувеличен, но в принципе возможен»⁵¹⁵. А. С. Герд характеризует терминологическое значение как «конструктивно не обусловленное»⁵¹⁶. Как об омонимах к общеупотребительным словам говорит о диалектизмах (*беляк* ‘белый гриб’), профессионализмах (*ёлочки* ‘кавычки’) и жаргонизмах (*хвост* ‘академическая задолженность’) М. Вас. Пименова⁵¹⁷.

Рассматривая эволюцию взглядов на метафору, на целесообразность и обоснованность её присутствия в научном дискурсе со времён Д. Локка до наших дней, Н. Д. Арутюнова высказывается скорее в защиту метафоры, выделяя её познавательную и даже катализирующую роль в процессе научного мышления⁵¹⁸. В положительном ключе о мотивированности терминов словами общего языка и наличии семантических связей между первыми и вторыми высказывались

⁵¹² Там же. С. 39—40.

⁵¹³ Там же. С. 139.

⁵¹⁴ Виноградов С. Н. Знаково-интерпретационный аспект русской лингвистической терминологии. Н. Новгород, 2011. С. 17.

⁵¹⁵ Денисов П. Н. Лексика русского языка и принципы ее описания. М., 1980. С. 183.

⁵¹⁶ Герд А. С. Терминологическое значение и типы терминологических значений // Проблематика определений терминов в словарях разных типов. Л., 1976. С. 101.

⁵¹⁷ Пименова М. Вас. Лексико-семантический синкретизм как проявление формально-содержательной языковой асимметрии // Вопросы языкознания. 2011. № 3. С. 25—26.

⁵¹⁸ Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры. Сборник. М., 1990. С. 10—15.

С. Г. Бархударов и А. П. Евгеньева⁵¹⁹, С. С. Лаухина⁵²⁰, Н. З. Котелова⁵²¹, А. И. Моисеев⁵²².

На наш взгляд, как при создании термина, так и при его семантическом анализе мотивационный подход должен быть очень аккуратным и осторожным. Очень велик соблазн усмотреть семантическую связь между термином *окончание* и общеупотребительным словом *окончание* ‘конец, концовка’ и счесть первый гипонимом второго (именно так и трактует семантические отношения между этими двумя единицами абсолютное большинство толковых словарей, размещая их в одной словарной статье). Не оспаривая того, что типичное положение морфемы, именуемой *окончание*, в абсолютном конце слова, мы считаем, что при анализе термина стоит обращаться в первую очередь к его научной дефиниции, «в которой есть необходимые и достаточные признаки обозначаемого понятия»⁵²³. Для рассматриваемого нами термина в качестве такого признака выступает изменяемость называемой термином морфемы при словоизменении, а не положение в слове. Кроме того, имеются довольно многочисленные случаи, когда *окончание*² не является *окончанием*¹, располагаясь в середине слова (*зл-ит-ся, пят-и-десяти*).

«Если лёгший в основу наименования признак, — считает Е. И. Амосенкова, — оказывается чисто внешним, несущественным, смысловая связь нарушается и исходное слово и производный от него термин оказываются омонимами»⁵²⁴. Принимая такое положение и руководствуясь им, мы приходим к выводу, что *окончание*¹ и *окончание*² правильнее считать омонимами, причём *окончание*² —

⁵¹⁹ Инструкция для составления «Словаря современного русского литературного языка (в пятнадцати томах)». М., Л., 1958. С. 27.

⁵²⁰ Лаухина С. С. Омонимия фразеологизмов и терминологических словосочетаний в современном русском языке. Челябинск, 2006. С. 14.

⁵²¹ Котелова Н. З. Семантическая характеристика терминов в словарях // Проблематика определений терминов в словарях разных типов. Л., 1976. С. 40.

⁵²² Моисеев А. И. К определению терминов в словарях // Проблематика определений терминов в словарях разных типов. Л., 1976. С. 249.

⁵²³ Паршина О. Д. Терминологическая лексика в аспекте семантики, структуры и функционирования (дидактика). Уфа, 2006. С. 7.

⁵²⁴ К обсуждению вопроса об омонимии (обзор статей, поступивших в редакцию) // Вопросы языкознания. 1959. № 2. С. 48.

словом с нечленимой основой (членимость в данном случае могла бы наличествовать только при выделении морфемы *-конч-* в значении 'конец', а такое значение, как мы только что показали, отсутствует).

Между тем, заслуживает внимания точка зрения Л. Н. Комаровой, которая считает, что толкование научного термина в толковом словаре может быть шире его дефиниции, включать последнюю⁵²⁵. То, что «объём значения лингвистического термина... не совпадает с содержанием понятия» (которое очевидно шире), подчёркивает и Н. А. Шурыгин⁵²⁶. В. М. Марков, рассматривая такие названия грибов, как *зонтик* и *лисичка*, отмечает, что внешнее сходство этих грибов с другими объектами не имеет значения, однако его уточнение «в нужном нам смысле»⁵²⁷ весьма показательно и по сути может быть истолковано как допущение возможности оперировать этим сходством как второстепенным критерием.

Применительно к рассматриваемому нами случаю это означает, что совсем списывать со счетов то обстоятельство, что в типичной ситуации *окончание*² располагается в конце слова, тоже не стоит, потому на шкале это слово правильное расположить левее полюса омонимии.

Однако здесь нужно проводить очень чёткую грань, когда толкование и понимание термина просто шире научной дефиниции и включает её, а когда хотя бы отчасти противоречит ей. Последнего необходимо избегать, потому что в этом случае мы имеем некий «квази-термин». Именно поэтому понимание слова *окончание* как морфемы, расположенной в конце слова, является неполным, поскольку при таком понимании в класс «окончаний» включается то, что ими не является (скажем, *-у* в слове *кенгуру*), и не записывается то, что окончанием как раз является (*-ит-* в *злится*), то есть толкование не включает в себя дефинитивного ядра.

⁵²⁵ Комарова Л. Н. О терминологической лексике в «Словаре иностранных слов» // Проблематика определений терминов в словарях разных типов. Л., 1976. С. 145—146.

⁵²⁶ Шурыгин Н. А. Семасиологический и лексикографический аспекты таксономизации лингвистических терминов и терминопонятий. Тюмень, 2005. С. 22.

⁵²⁷ Марков В. М. О семантическом способе образования слов // Русское семантическое словообразование. Сборник научных трудов. Ижевск, 1984. С. 5.

Пожалуй, это тот самый случай, когда, выражаясь словами Р. А. Будагова, «термин не только пассивно регистрирует понятие, но в свою очередь воздействует на это понятие»⁵²⁸, однако это воздействие в данной ситуации вряд ли можно охарактеризовать как полезное, поскольку в результате произошло не уточнение, а, наоборот, затемнение значения слова. Именно поэтому, на наш взгляд, правильнее было бы отдавать предпочтение дублету термина *окончание* — слову *флексия*, внутренняя форма которого не вредит правильному пониманию реалии, этим словом обозначаемой.

Рассмотрение собственно калек мы начнём со слова *лицо*, представляющего интерес исключительно с точки зрения своей семантики. Значение ‘персона’ возникло путём метонимического переноса от значения ‘часть тела’, в то время как грамматическое значение (‘категория глагола’) образовано путём семантического калькирования, так как в латинском слово *persona* имеет значения и ‘персона’, и ‘грамматическая категория глагола’. Прежде всего, заметим, что этот термин как никакой другой из рассматриваемых нами является общеизвестным и общеупотребительным (реплику «*Не говорите обо мне в третьем лице!*» мы можем услышать от человека, не имеющего отношения к лингвистике). Сильная, нетривиальная семантическая связь между этими значениями позволяет считать их значениями одного слова. Причина этого — в том, что сама по себе категория лица уникальна тем, что, пожалуй, наивные и научные представления о ней как ни о какой другой грамматической категории практически идентичны. Парадигма *я — ты — не я и не ты* существует для человека в реальном мире с такими же чётко очерченными границами, какие мы можем встретить в разделе учебника, посвящённом лицу. Иными словами, категория лица, если угодно, одна из самых «понятных» для русского человека, причём понимается она в соответствии с научной истиной, понимается «правильно» (в отличие, скажем, от категории одушевлённости, о чём мы уже упоминали). Таким образом, бытийная значимость, ярко выраженное наличие общего семантического компонента (‘деятель’), а также прекрасная освоенность этого термина носителями языка послужили основанием

⁵²⁸ Будагов Р. А. Слово и его значение. Л., 1947. С. 23.

для того, чтобы считать значения ‘персона’ и ‘грамматическая категория’ значениями одного слова, а не слов-омонимов.

В отличие от только что рассмотренного случая, омонимия в паре *предложение*¹ (от *предложить*) и *предложение*² ‘единица синтаксиса’ (от лат. *propositio*) очевидна и не вызывает никаких сомнений (Л. А. Новиков характеризовал отношения в этой паре как «дизъюнктивную оппозицию», то есть оппозицию, у членов которой нет общих семантических компонентов⁵²⁹). А вот вопрос о морфемной структуре, напротив, очень интересен. Если в исконно русском слове, которое и трактуется через производящий глагол, морфемное строение прозрачно (*пред-лож-ениj-е*), то ситуация с термином не так однозначна.

Не вызывает сомнений тот факт, что синхронически слово *предложение*² непроизводно, потому что мы не можем найти для него производящего (*предложение*² и *предложить* семантически никак не связаны). Однако, как замечает П. А. Соболева, «реально наблюдаемые морфемы ещё очень мало говорят о словообразовательной структуре слова, если под последней понимать все синхронно значимые деривационные шаги, необходимые для её получения (порождения)»⁵³⁰.

В соответствии с нашим пониманием членимости, которое мы постулировали выше, мы должны констатировать факт морфемной «монолитности» компонента *предлож-*. В этом звуковом комплексе знакомым нам и похожим на «родной» представляется только фрагмент *пред-*, но в семантику слова *предложение* значение приставки *пред-* (‘предшествование’) не входит, потому подобное совпадение мы признаём чисто формальным и приставку не выделяем.

Не столь очевидна ситуация с компонентом *-ениj-*. С одной стороны, на основании указанного выше принципа, мы должны бы его выделять, поскольку имеет место и формальное совпадение (ср. *движ-ениj-е*, *освобожд-ениj-е* и пр.), и семантическое с аналогичным фрагментом в русских словах. Только дело осложняется тем, что семантика фрагмента *-ениj-* априори не могла не совпасть с

⁵²⁹ Семантика русского языка. Учеб. пособие для филол. спец. ун-тов. М., 1982. С. 142—143.

⁵³⁰ Соболева П. А. Словообразовательная полисемия и омонимия. М., 1980. С. 20.

семантикой русского суффикса *-ениј-*, поскольку она, по большому счёту, нулевая. В членимых словах суффикс *-ениј-* является по сути чисто грамматическим, маркирует принадлежность слова к разряду существительных. Вопрос, можно ли подобные, очень общие, семантические совпадения считать основанием для выделения морфем, ставил В. С. Гимпелевич и вот что писал в связи с этим: «...общий элемент ряда сходных по значению слов, у которых не выделяется корень [имеется в виду связанный корень. — Д. К.], можно признать аффиксальной морфемой лишь в том случае, если этот ряд характеризуется узкосемантической общностью слов, как, например, в словах *малина, смородина*, вычленяющих суффикс *-ина* со значением ягоды»⁵³¹. Подобной «узкосемантической» общности в нашем случае, безусловно, не наблюдается. Поэтому, учитывая этот фильтр, фрагмент *-ениј-* выделяться нами не должен, и в слове *предложение*² мы должны выделять только основу и окончание.

И всё-таки считаем нужным, хотя бы в качестве гипотетической альтернативной точки зрения, заметить следующее: компонент *-ениј-* в составе слова *предложение*² вычленяется всё же чуть легче, чем компонент *-ан* в слове *донжуан*, в котором В. С. Гимпелевич предлагает не выделять его в качестве суффикса. Всё дело в уникальности внешнего облика этих компонентов и «морфемно-словообразовательной рефлексии», которую он вызывает. Во-первых, компонент *-ан* встречается в тех словах, где он точно не может быть выделен в качестве суффикса (*кабан, барабан* и пр.), что трудно сказать о звуковом комплексе *-ениј-е*. Помимо этого, он ещё и весьма колоритный с чисто количественной точки зрения (4 фонемы для аффиксальной морфемы — это очень много) и «ни к чему не обязывающий» с семантической точки зрения (общее значение «предметности», субстантивности, которое он придаёт, можно констатировать у любого существительного, так что семантических препон его выделения нет в принципе нигде). Потому морфемная структура основы *предложениј-* всё-таки не так монолитна, как основа *донжуан-*, и вполне допустимо такое членение: *предлож-*

⁵³¹ Гимпелевич В. С. О членимости заимствованных слов в русском языке // Словообразование. Членимость слова. Развитие современного русского языка. Сборник статей. М., 1975. С. 193—194.

ениј-е. Приведём также мнение Е. А. Земской, которая утверждала, что, «устанавливая степени членности слова, необходимо учитывать не только семантические отношения, но и чисто формальные особенности строения слова» (ею был проведён эксперимент, в котором информанты отмечали нечленность слов с комплексами *-щина, -ница, -ник*, перед которыми шла гласная)⁵³².

В то же время необходимо отметить, что членение это очень слабо выражено (особенно на фоне прозрачной морфемной структуры слова *предложение¹*), и это яркий пример того, как, по очень точному замечанию Н. Е. Петровой, «деактуализация семантической мотивированности слова приводит к адекватному ослаблению его формальной членности»⁵³³.

Пара *предлог¹* ‘повод’ — *предлог²* ‘часть речи’ (в которой второе слово является калькой греч. *prothesis*) интересна тем, что формально оба слова членятся совершенно одинаково: несмотря на связанность корня, приставка *пред-* выделяется в каждом из них, поскольку смысловой компонент ‘предшествование’ (а стало быть, и семантическое основание для выделения приставки) налицо в обоих случаях: *предлог¹* — событие, которое влечёт другое событие; *предлог²* — служебная часть речи, которая в 99 % случаев стоит перед знаменательным словом. Редкими исключениями из этого правила (подчеркнём, что в данном случае это именно исключения, в то время как употребление *окончания* не в конце слова — это просто менее типичная ситуация) могут послужить разговорный оборот *чего ради*, либо стилизация под просторечие в художественном тексте, например:

Надрывался издаля все твоей забавы для...

(В. С. Высоцкий, Лукоморья больше нет)

Интересно, что «семантический вес» в каждом из этих слов целиком лежит на приставке (для такого явления в славянской терминологии используется термин

⁵³² Земская Е. А. К проблеме множественности морфонологических интерпретаций (спорные случаи членения производных слов в современном русском языке) // Словообразование. Членность слова. Развитие современного русского языка. Сборник статей. М., 1975. С. 88.

⁵³³ Петрова Н. Е. Грамматикализация внутренней формы слова как номинативный ресурс языка. М., 2009. С. 12.

«сумпсумпция»⁵³⁴)), а корень в обоих случаях практически асемантичен и выделить хоть какое-то типовое значение корня *-лог-* весьма затруднительно. Казалось бы, при сложении одних и тех же величин мы должны получить одинаковые суммы, однако в нашем случае этого не происходит. На такой феномен обращали внимание О. С. Ахманова, обнаружившая его в парах *болтун* ‘болтливый человек’ — *болтун* ‘яйцо’, *самокрутка* ‘папироса’ — *самокрутка* ‘самовольное бракосочетание’ и других подобных и объяснявшая такую «несовместимость значений целого при тождестве составляющих морфем» «омонимией внутренней формы слова»⁵³⁵, Р. А. Будагов — в паре *газоход* ‘часть котла’ — *газоход* ‘речное судно’⁵³⁶, Ю. С. Маслов — в словах болгарского языка⁵³⁷. Н. В. Крушевский писал, что «слово не может быть рассматриваемо как механическое сопоставление морфологических элементов»⁵³⁸, а М. В. Панов отмечал, что морфемами даётся лишь «общая наметка слова»⁵³⁹. Похожее явление, правда, в сложных словах, фиксирует и О. П. Ермакова, говоря о том, что «каждая часть имеет прямое свободное значение, но значение слова в целом создаётся переносным употреблением их (частей) в совокупности»⁵⁴⁰.

В случае с *предлог*² значение ‘предшествование’, выражаемое приставкой, по существу так и остаётся единственным, выраженным на морфемном уровне, а компонент *-лог-* выделяется по «остаточному принципу», а в случае с *предлог*¹ чисто морфемное значение ‘предшествование’ уходит на второй план.

Несмотря на наличие общего смыслового компонента (‘предшествование’), мы говорим всё же об омонимах *предлог*¹ и *предлог*², а не о значениях одного слова,

⁵³⁴ Соколов О. М. Вопросы структурно-семантической дивергенции в лексике. Нежин, 2009. С. 223.

⁵³⁵ Ахманова О. С. Очерки... С. 128.

⁵³⁶ Будагов Р. А. Очерки по языкознанию. М., 1953. С. 31.

⁵³⁷ Маслов Ю. С. Омонимия в словарях и омонимия в языке // Вопросы теории и истории языка. Л., 1963. С. 201.

⁵³⁸ Крушевский Н. Очерк науки о языке // Изв. и учен. зап. Имп. Казан. ун-та. Казань, 1883. Т. 19. С. 73.

⁵³⁹ Панов М. В. О слове как единице языка // Труды по общему языкознанию и русскому языку. Т. 1. М., 2004. С. 72.

⁵⁴⁰ Ермакова О. П. Соотнесение формальной и смысловой членимости у некоторых типов производных слов, имеющих только переносное значение // Словообразование. Членимость слова: Развитие современного русского языка. М., 1975. С. 205—206.

поскольку указанный смысловой компонент занимает разное место в иерархии смыслов в каждом из слов: доминирующее — в *предлог*² и второстепенное — (после ‘причинность’) в *предлог*¹. Однако данная пара менее омонимична, чем пара *предложение*¹ и *предложение*², где отыскать общий семантический компонент крайне трудно. Идея недискретности шкалы «полисемия — омонимия», таким образом, уже находит своё подтверждение в том, что *предлог*¹ и *предлог*², в отличие от значений слова *лицо*, омонимичны, хотя и не так сильно, как *предложение*¹ и *предложение*².

Слова *союз*¹ ‘связь’ и *союз*² ‘часть речи’ (второй член пары является, вероятно, семантической калькой с лат. *conjunctio*) делятся на морфемы аналогично словам из предыдущей пары и с аналогичной мотивацией: приставка *со-*, имеющая ярко выраженное значение ‘соединение, связь’, выделяется довольно легко, ввиду очевидности наличия этого смыслового компонента в каждом из слов.

Куда более сложен вопрос о семантических отношениях внутри этой пары. Главная функция *союза* как части речи — служить средством связи (это слово является частью научного толкования этого термина), а все значения слова *союз*¹, согласно данным толковых словарей, так или иначе сводятся к смыслам ‘объединение’, ‘соединение’. Потому есть все основания усмотреть метонимический перенос (к слову *сказать*, весьма стандартный в языке) «явление — средство достижения явления» (*союз*² — это то, что делает возможным *союз*¹ между синтаксическими единицами) и, таким образом, считать эти значения значениями одного слова.

И всё же одна, пусть и не критическая, преграда к этому существует, но не семантическая, а стилистическая: всё-таки для того, чтобы метафорически назвать связь между словами *союзом*, надо быть в достаточной степени поэтом и художником, а не исследователем (который, как правило, и оперирует словом *союз*²). Более того, само слово *союз*¹ — слово книжное (характерное в большей степени для публицистического стиля) и крайне неохотно покидающее свои стилистические границы. Как бы то ни было, семантическую близость в данном

случае мы считаем важнее стилистической разобщённости, хотя и не списываем со счетов последнюю.

Подчеркнём также, что мы считаем яркое стилистическое различие двух единиц скорее разъединяющим, чем объединяющим их фактором, хотя в лексикологии высказывалась и противоположная точка зрения: к примеру, О. С. Ахманова, анализируя пары *аран* ‘негр’ — *аран* ‘нахал’, *волынка* ‘инструмент’ — *волынка* ‘медлительность’, отмечала, что «резкое различие в экспрессивно-эмоциональных (стилистических) свойствах членов таких пар может порождать представление о переносе, шутливом... употреблении слова для обозначения чего-то другого, “не того”, что этим словом естественно или обычно обозначается»⁵⁴¹. Противоположное мнение имел В. В. Виноградов, который писал: «Одно и то же слово, проходя через разные социальные круги, получает настолько различное осмысление и настолько различную экспрессивную окраску, что семантические разновидности этого слова при столкновении уже воспринимаются как омонимы»⁵⁴². Л. А. Новиков полагал, что «обособлению значений многозначных слов.... способствует удалённость сфер их употребления» и что такие «омонимичные» [!] слова «живут как бы отдельной жизнью»⁵⁴³. В статье Н. Г. Михайловской и У. Хао термин «омоним» употребляется для обозначения названия животного — слова литературного языка, употребленного в жаргоне применительно к человеку. При этом не проводится различия между такими случаями, когда семантическая мотивация очевидна («кобра — злая женщина») и когда семантическая связь неясна («енот — японец»)⁵⁴⁴.

Некоей компромиссной позиции (которая наиболее нам близка) придерживались С. Г. Бархударов и А. П. Евгеньева, считавшие, что

⁵⁴¹ Ахманова О. С. Очерки... С. 123.

⁵⁴² Виноградов В. В. Об омонимии и смежных явлениях // Вопросы языкознания. 1960. № 5. С. 5.

⁵⁴³ Новиков Л. А. Омонимия имен существительных в современном русском литературном языке, возникающая в результате распада полисемии и связанная с категорией числа. М., 1961. С. 17.

⁵⁴⁴ Михайловская Н. Г., Хао У. К проблеме межстилевой омонимии («люди» и «животные») в литературном языке и арго) // Русский язык в школе. 2002. № 4. С. 87—91.

«экспрессивные переносы значений в слове не дают достаточных оснований для разделения слова на омонимы»⁵⁴⁵.

В итоге мы констатируем, что *союз* «связь» и *союз* «часть речи» — значения одного слова, пусть и не такие близкие, как рассмотренные выше значения слова *лицо*, но и не такие далёкие, чтобы считать указанные значения омонимичными.

Значения ‘небольшая, элементарная часть’ и ‘часть речи’ у слова *частица* также находятся на границе омонимии и полисемии, и всё же правильнее, на наш взгляд, расположить их в правой части шкалы, ближе к омонимическому полюсу, чем к полюсу многозначности.

Эта как раз тот случай, когда от того, какое решение относительно морфемной членимости этих слов мы примем, зависит и наше решение, касающееся статуса этих лексических единиц (одно это слово или два?).

Если морфемная (и словообразовательная) структура слова *частица*¹ ‘элементарная часть’ прозрачна и не вызывает никаких вопросов (*част-иц-а*), то в случае с термином мы должны обратиться к строго научному определению и отказаться от всех коннотаций, даже очень навязчивых, которые у нас этот термин вызывает. А определение это таково: «*Частицы* — разряд неизменяемых служебных слов, участвующих в выражении форм отдельных морфологических категорий... передающих коммуникативный статус высказывания... а также выражающих отношение высказывания и/или его автора к окружающему контексту...». Как видим, ни слова о размере в этом определении не сказано, а потому и оснований выделять суффикс *-иц-* со значением уменьшительности нет.

Констатируя отсутствие в значении ‘часть речи’ компонента ‘маленький размер’, мы тем самым констатируем омонимичность слов *частица* ‘небольшая часть’ и *частица* ‘часть речи’. Не споря с тем, что большинство единиц этого класса действительно малы с точки зрения количества фонем и что это осознаётся людьми, владеющими данным термином, единственное, что мы можем сделать — не отказываясь от признания омонимичности, разместить эти два слова на условной

⁵⁴⁵ Инструкция для составления «Словаря современного русского литературного языка (в пятнадцати томах)». М., Л., 1958. С. 27.

шкале «полисемия — омонимия» максимально близко к пограничной зоне, но всё же за пределами многозначности (в том же районе, где и *окончание*^{1,2}).

Если говорить о явлении омонимии в чистом виде, то из не рассмотренных пар к ней можно отнести две: *залог*¹ (от *заложить*) и *залог*² ‘грамматическая категория’ (термин образован с помощью словообразовательного калькирования от греч. *diathesis*), а также *причастие*¹ ‘часть речи’ (семантическая калька с греч. *metochē* ‘причастие’ < ‘причастность’ или словообразовательная калька с лат. *participilum*) и *причастие*² ‘причащение’. Действительно, какое бы то ни было семантическое пересечение между членами этих пар обнаружить невозможно.

Слово *залог*¹, которое и семантически, и структурно мотивируется приведённым глаголом, легко членится на морфемы: приставка *за-*, связанный корень *-лог-*, нулевой суффикс и нулевая флексия. Его омоним, в котором семантических оснований выделять приставку *за-* нет, состоит из корня и окончания.

То же самое мы должны сказать и о термине *причастие*, повторив, правда, оговорку, которую мы делали, анализируя слово *предложение* ‘синтаксическая единица’. Компонент *-иј-е* в слове *причастие* также может претендовать на статус суффиксальной морфемы, ровно на тех же самых основаниях, что и *-ениј-е* в слове *предложение*. И всё же вычленимость *-иј-е* здесь на толику меньше, чем *-ениј-е* в *предложение*, поскольку внешний вид этого компонента не такой «броский» и запоминающийся («всего» две фонемы).

В слове *причастие* ‘причащение’ компонент *-иј-*, наоборот, выделяется довольно легко, потому что словообразовательная связь этого слова с производящим глаголом *причастить* очевидна. А вот вопрос о членимости оставшегося элемента *причаст-* довольно спорный. Если опираться на толкование, которое даёт СШ («символизирующее кровь и тело Иисуса Христа вино в чаше с кусочками просвиры, принимаемые верующими во время церковного обряда причащения»), то мы должны констатировать его монолитность. Если же помнить, что смысл этого обряда — в приобщении к Христу (когда причащающийся становится как бы его «частью»), то мы должны выделить приставку *при-* и корень -

част-. Вопрос в том, насколько энциклопедичны в данном случае знания рядового носителя языка и насколько, таким образом, он осознаёт связь этого слова со словом *часть*, а также в том, эти ли знания нужно учитывать или же знания специалиста в данной области, как это мы предлагаем делать при лексикографировании научной терминологии.

А вот в случае с термином *приложение* ‘особый вид определения’ (образованным словообразовательным калькированием от лат. *appositio*) мы можем быть более категоричными в суждениях. Зная, что *приложение* характеризуется «согласованием на началах параллелизма», а также опираясь на толкование глагола *приложить* из СШ («приблизить вплотную»), мы можем констатировать достаточно сильную семантическую связь между значениями ‘член предложения’ и ‘то, что является добавлением к чему-н.’ и считать их значениями одного слова. Указанные значения совпадают такими своими нетривиальными семантическими компонентами, как ‘дополнительность’, а также ‘тесная связь’. Соответственно, и морфемная структура этого слова в каждом из значений очевидна: *при-лож-ени-е*.

Аналогичную членимость у обоих членов пары *дополнение*¹ (от *дополнять*) — *дополнение*² (член предложения) (второе слово — словообразовательная калька с франц. *complément* или нем. *Ergänzung*) и аналогичные семантические отношения между ними (полисемию) мы можем постулировать на основании той функции, которую выполняет *дополнение*² в предложении: оно как бы «дополняет» глагол, является для него чем-то вроде *дополнения*¹.

Крайне интересна пара *обстоятельство*¹ ‘условие’ и *обстоятельство*² ‘член предложения’. Это, возможно, уникальный в языке случай, когда оба (!) омонима образованы способом калькирования. Причём особенность первого слова в том, что это «многоступенчатое» калькирование, «из языка в язык». Русское слово *обстоятельство*¹ — калька с нем. *Umstand* или франц. *circonstance*, которые, в свою очередь, также построены по образцу лат. *circumstantia*, греч. *peri-statis* ‘окружение, состояние вокруг; обстоятельство’.

В этимологическом комментарии к статье *обстоятельство*¹ в СШ указано: «Сюда же *обстоятельство*²». Полагаем, что калькирование второго омонима могло

происходить только по одному сценарию — из французского языка, поскольку нем. *Umstand* не имеет соответствующего терминологического значения, что исключает возможность семантического калькирования, а слово *Adverbiale*, имеющее, в свою очередь, это значение, состоит из морфем, которые, в случае словообразовательного калькирования, переводились бы иначе. Потому намного более вероятным представляется калькирование с французского слова, однако в данном случае нам крайне трудно сделать вывод, был ли перевод французского термина поморфемным (и калька, таким образом, является словообразовательной) или же собственно семантическим (ибо во французском для значений ‘условие’ и ‘член предложения’ используется одна и та же основа — *circonstance*); пожалуй, это тот самый случай, когда целесообразнее говорить о «смешанном» типе калькирования.

Как бы то ни было, для нас по-прежнему главными остаются вопросы единства слова и его (или их) членности. Что касается *обстоятельства*¹, то, учитывая его очевидную семантическую и структурную связь с глаголом *обстоять* (*Как обстоят дела?*), а последнего — с глаголом *стоять*, думаем, правомерно такое членение: *об-стој-а-тельств-о*.

Полагаем, что терминологическое значение этого слова не так семантически дистанцировано от общеязыкового, чтобы говорить о двух омонимичных словах. Семантическая мотивация «*обстоятельство*² называет *обстоятельство*¹ для действия, обозначенного глаголом» не кажется нам надуманной и формальной, потому мы склонны объединить эти два значения в одно слово.

Пара *наречие*¹ ‘совокупность говоров’ — *наречие*² ‘часть речи’ интересна тем, что в ней сразу оба слова являются лингвистическими терминами, однако калькированным — судя по всему, только второй (калька с греч. *epi-* ‘на’ + *rhema* ‘глагол’). Семантическая связь между этими двумя словами отсутствует (*наречие*² — это не то, чем в первую очередь характеризуется *наречие*¹), и перед нами чистая омонимия.

Вопрос о морфемной структуре несколько более сложен. Слово *наречие*² следует признать нечленимым (подчеркнув, однако, что минимальная выделяемость у суффикса *-иј-е* всё же имеет место), поскольку ни возможная приставка *на-*, ни

возможный корень *-реч-* соответствующей семантикой здесь не обладают. В греческом же это слово членилось на морфемы, и связано это с отсутствием промежуточного семантического звена в русском и его наличием в греческом, а в роли этого звена выступало значение 'глагол', которое есть у греческого *rhema*, но отсутствует у русского *речь* (к слову, значение 'часть речи' у слова *глагол* является семантической калькой с того же самого греческого слова, поскольку исходное значение слова *глагол* — 'речь'). К вопросу о том, насколько субъективен или объективен процесс калькирования: думается, у автора слова *наречие* были основания избрать другой «перевод» этого термина — «наглаголие». В этом случае внутренняя форма была бы очень прозрачной, понятной, слово было бы однозначно членимым (поскольку в большинстве случаев наречие действительно примыкает к глаголу), да к тому же не возникло бы омонимии внутри одной и той же области науки (в данном случае эту омонимию следует признать отрицательным моментом). Однако автор избрал другой, менее удобный для тех, кто пользуется этим словом, вариант, а потому мы можем сделать вывод о том, что кальки, как и переводы, могут быть более и менее удачными и «авторское влияние» в них тоже сказывается.

А вот в слове *наречие*¹ корень *-реч-*, пожалуй, может быть выделен, поскольку *наречие*¹ — это характеристика «речи» определённых диалектных групп.

В ряду *род*¹ 'племя, семья' — *род*² 'разновидность' — *род*³ 'грамматическая категория' третий член является семантической калькой с греч. *genos*. Мы считаем, что в современном русском языке существует достаточно сильная семантическая связь, чтобы говорить о полисемии (второе значение образовано от первого на основании метафорического переноса (общий семантический компонент — 'совокупность предметов с определёнными признаками'), третье от второго — с помощью сужения (*род*³ — это как бы разновидность *рода*²)).

Скажем здесь же ещё об одном случае, который отличается от только что рассмотренных тем, что термин в этом ряду, судя по всему, не является калькой, однако семантические отношения между членами этого ряда очень напоминают отношения в только что рассмотренном ряду *род*^{1,2,3}, хотя между ними есть и существенное различие. Речь идёт о ряде *вид*¹ 'внешний облик' — *вид*²

‘разновидность’ — *вид*³ ‘грамматическая категория глагола’. Очевидно, что в современном русском языке связь между вторым и третьим значениями установить гораздо проще, чем между первым и вторым, хотя этимологически второе значение восходит к первому. Г. И. Кустова анализирует развитие семантики этого слова в диахроническом аспекте и переход от *вида*¹ к *виду*² описывает так: «...ВИД как состояние вариативен... это некоторая парадигма возможных и меняющихся... вариантов, откуда уже один шаг до ВИДА-КЛАССА»⁵⁴⁶. Такая мотивация может существовать сейчас только в рудиментарной форме, сознание современного носителя языка может слышать лишь некоторые отголоски былых семантических отношений, потому данную пару правильнее расположить на шкале очень близко к полюсу омонимии.

А связь между вторым и третьим членами этого ряда довольно жива, поскольку *вид*³ может трактоваться как тип *вида*². Наличие у слов *род* и *вид* в чём-то синонимичных «классификационных» (‘разновидность’) и семантически производных от них терминологических значений (‘отнесённость к определённому классу слов’; заметим также, что и грамматический род, и грамматический вид обладают свойством универсальности: первый характеризует все существительные, второй — все глаголы) делает этот перенос регулярным, что ещё более усиливает семантическую связь в каждом случае.

Таким образом, даже на примере этой очень узко очерченной (лингвистические термины-кальки) и к тому же весьма немногочисленной группы слов мы смогли убедиться в том, что, во-первых, даже такая группа может занимать всё пространство шкалы (от полисемии (*приложение*) до омонимии (*предложение*^{1,2}), между которыми есть масса промежуточных случаев разных степеней омонимичности). Думается, что трактовку нами семантических отношений между членами рядов этой группы можно считать более объективной, поскольку, опираясь, как и в § 3, на свой речевой опыт, в данном случае мы тем самым опирались на опыт тех носителей языка (специалистов-филологов), который и должен быть отражён в толковом словаре. Обособленность, специфичность

⁵⁴⁶ Кустова Г. И. Типы производных значений и механизмы языкового расширения. М., 2004. С. 359.

терминологической системы отмечал Н. А. Шурыгин⁵⁴⁷, который также писал: «Смысловые связи и отношения, проявляющиеся между единицами отдельных ЛСГ [лексико-семантических групп], характеризуют реально языковое и профессионально-лингвистическое сознание языковедов, присутствующее в реальной семантике термина»⁵⁴⁸. Анализ терминов проводился с опорой как раз на такое сознание.

Если в § 3 аргумент «для кого-то *газ*² не похож на *газ*¹» мог быть принят как резонный (в связи с чем мы неоднократно указывали на субъективность наших умозаключений), то в данном случае аргумент «для кого-то в *окончании*² важно то, что оно стоит в конце слова» не может быть принят априори. Как остроумно замечает Э. Маккормак, «только для человека, знакомого с теорией кварков в той степени, которая позволяет оценить аналогию между комбинацией цветов и взаимодействием кварков, “цветные кварки” — это нечто большее, чем простая бессмыслица»⁵⁴⁹. Развивая эту метафору, скажем, что, на наш взгляд, с опорой на мнение именно такого человека и должен осуществляться семантический анализ словосочетания *цветные кварки*.

Рассмотренные в данном параграфе ряды мы бы расположили так:

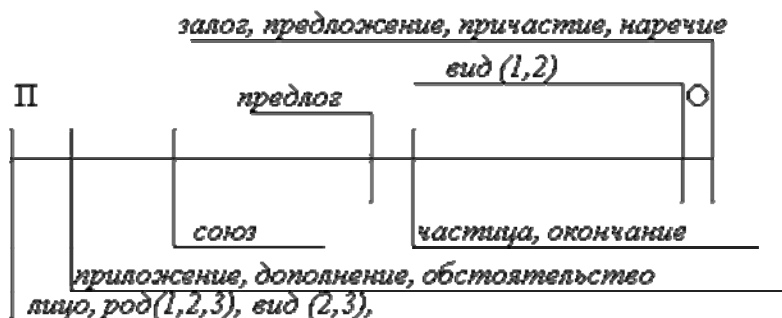

Рисунок 11. Ряды, в которых хотя бы один из членов является лингвистическим термином, на шкале «полисемия — омонимия»

⁵⁴⁷ Шурыгин Н. А. Семасиологический и лексикографический аспекты таксономизации лингвистических терминов и терминопонятий. Тюмень, 2005. С. 29.

⁵⁴⁸ Там же. С. 6.

⁵⁴⁹ Маккормак Э. Когнитивная теория метафоры // Теория метафоры. Сборник. М., 1990. С. 359.

Главным итогом Главы 3 является наш вывод о том, что массив неоднозначных единиц русского языка крайне разнообразен, эклектичен и с точки зрения причин возникновения этой неоднозначности, и с точки зрения степеней семантической разобщённости между значениями, и даже — что самое важное для нас — с точки зрения комбинаций этих двух параметров: отдельные представители разных групп могут занимать одни и те же места на шкале «полисемия — омонимия», в то же время члены одной группы могут распределяться по этой шкале очень широко.

Ю. Д. Апресян справедливо замечает: «...любая теория семантики заведомо сомнительна, если ее тезисы не проверены массовым материалом»⁵⁵⁰. Проверка массовым материалом казавшихся очень стройными теоретических заключений привела нас к трём главным выводам: 1) в подавляющем большинстве спорных случаев (за исключением тех, когда речь идёт о лингвистической терминологии) любое из решений в пользу омонимии или полисемии в той или иной степени субъективно и отражает видение лишь одного конкретно взятого носителя языка — собственно исследователя; 2) более целесообразным кажется индивидуальный подход к каждому спорному случаю (когда семантические отношения в ряду рассматриваются без включения этого ряда в какую-либо более широкую группу); 3) очевидна необходимость перехода от бинарной оппозиции «омоним — полисемант» к иной, обладающей большим количеством членов. Наше видение того, каким способом можно реализовать эти установки на практике, будет представлено в следующей главе.

⁵⁵⁰ Апресян Ю. Д. Избранные труды. Т. 1. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1995. С. 5.

Глава 4. Роль психолингвистического эксперимента и показаний языкового сознания носителей языка в решении проблемы разграничения омонимии и полисемии

§ 1. Описание методики эксперимента

На основании обзора и анализа предлагавшихся разными исследователями критериев разграничения омонимии и полисемии мы пришли к выводу, что решающее значение имеет семантическая сторона рассматриваемых единиц, причём взятая в синхронном её состоянии (см. Главу 1). С другой стороны, проведя анализ многочисленных примеров в Главах 2 и 3 с опорой на собственный языковой опыт, мы смогли убедиться в том, что при таком подходе исследователь не застрахован от субъективных решений (Л. Л. Кутина отмечает, что ещё Л. В. Щерба и Л. А. Булаховский высказывали серьёзные сомнения в надёжности способа интроспекции⁵⁵¹). Это чревато тем, что толковый словарь, при внедрении этих решений в его статьи, будет отражать не реально существующее положение вещей в конкретном языке в конкретную эпоху (хотя А. П. Евгеньева справедливо отмечала, что в принципе невозможно «дать “моментальный снимок” смысловой системы языка»⁵⁵²), а языковое сознание одного или — максимум — нескольких весьма немногочисленных лиц.

Стоит отметить, что существует точка зрения, согласно которой именно такое положение вещей (при котором не обращается внимания на то, как именно воспринимает семантическую структуру слова рядовой носитель языка) признаётся нормальным. Так считает, например, Анна А. Зализняк: «...словарное значение многозначного слова не должно стремиться отразить то, в каком виде информация о многозначности хранится у говорящего в сознании, и то, как он им пользуется»⁵⁵³, — поскольку «как постулируемые значения, так и описание правил их порождения

⁵⁵¹ Дискуссия по вопросам омонимии... // Лексикографический сборник. 1960. Вып. 4. С. 45—46.

⁵⁵² Там же. С. 87.

⁵⁵³ Зализняк Анна А. Многозначность в языке и способы ее представления. М., 2006. С. 43.

представляют собой моделирование метаязыковой деятельности лингвиста в большей степени, чем языковой компетенции говорящего»⁵⁵⁴. И. С. Тышлер полагал, что «ни языковое восприятие говорящих, ни их этимологическое чутьё нельзя возводить в ранг критерия»⁵⁵⁵. Те исследователи, которые ратовали за применение историко-этимологического подхода (об этом подробнее — на сс. 44—50), по сути также оставляли в стороне такой момент, как осознанность носителем языка семантической связи между значениями слова. Так, К. П. Авдеев считал то обстоятельство, что в сознании большинства говорящих глагол *заговорить* уже распался на два слова, недостаточно веским аргументом для того, чтобы констатировать здесь омонимию и отражать её в словарях⁵⁵⁶.

Более распространённой (и принимаемой нами) является противоположная точка зрения, которая выражена в следующих словах Х. Касареса: «...сталкиваясь с каким-либо оборотом речи или словом, лексикограф не должен видеть в нём того, чего не увидели люди, употребившие его без предварительного анализа [имеется в виду этимологический анализ. — Д. К.]... Всё, что уводило бы от данного критерия, означало бы фальсификацию или измышление языковых фактов»⁵⁵⁷. Нельзя не согласиться с Л. Л. Кутиной, которая, основываясь на том, что толковый словарь должен среди прочего объективно отражать семантическое тождество слова, справедливо отмечала, что тождество это «основывается на ощущении говорящими живой связи между элементами его структуры, его значениями»⁵⁵⁸.

«Нужно знать, как воспринимает анализируемые явления большинство говорящих на данном языке, — отмечает С. М. Потапов, — и именно из этого исходить»⁵⁵⁹. В. Хаас говорил: «Эмпирическая наука не может удовлетвориться процедурой самонаблюдения исследователя над тем, что происходит в его

⁵⁵⁴ Там же. С. 44.

⁵⁵⁵ Тышлер И. С. Словарь омонимов современного английского языка. Саратов, 1963. С. 50.

⁵⁵⁶ Дискуссия по вопросам омонимии... // Лексикографический сборник. 1960. Вып. 4. С. 83.

⁵⁵⁷ Касарес Х. Введение в современную лексикографию. М., 1958. С. 48.

⁵⁵⁸ Дискуссия по вопросам омонимии... // Лексикографический сборник. 1960. Вып. 4. С. 41.

⁵⁵⁹ К обсуждению вопроса об омонимии (обзор статей, поступивших в редакцию) // Вопросы языкознания. 1959. № 2. С. 49.

сознании»⁵⁶⁰. О «гипотетическом “среднем” говорящем субъекте» писал А. М. Пешковский⁵⁶¹; «человеческие пропорции» и «единицы “средней величины”» считает ориентирами для филологии и лексикографии П. Н. Денисов⁵⁶². А. И. Смирницкий полагал, что «для того, чтобы слово действительно существовало в языке, употребление слова должно быть общественным»⁵⁶³, что «слово не существует... помимо конкретных случаев своего употребления и их... *следов в головах говорящих людей* [курсив наш. — Д. К.]»⁵⁶⁴.

Указывал на эту проблему и Б. Н. Головин, который, считая, что лексикограф при решении вопроса о полисемии/омонимии должен опираться на «осознание наличия или отсутствия внутренней связи между значениями», отмечал также, что наука и лексикографическая практика не нашли ответа на вопрос «Как проверить правильность осознания?»⁵⁶⁵.

Мы попытаемся всё же ответить на этот проблемный вопрос и в качестве способа проверки предложить опору на показания языкового сознания носителей языка с помощью метода психолингвистического эксперимента. К слову, сам Б. Н. Головин, как бы отвечая на свой же вопрос, замечал, что лексикограф не должен опираться только на собственное языковое чутьё⁵⁶⁶; О. Н. Селивёрстова, полагала, что гипотезы, которые можно получить с помощью компонентного анализа, «должны быть проверены с помощью экспериментальной методики

⁵⁶⁰ Цит. по: Селивёрстова О. Н. К вопросу об определении значения и методах его описания // Всесоюзная научная конференция по теоретическим вопросам языкознания (11—16 ноября 1974 г.). Тезисы докладов секционных заседаний. М., 1974. С. 167.

⁵⁶¹ Пешковский А. М. Лингвистика. Поэтика. Стилистика. Избранные труды. М., Высшая школа, 2007. С. 426.

⁵⁶² Денисов П. Н. Практика, история и теория лексикографии в их единстве и взаимообусловленности // Проблемы учебной лексикографии и обучения лексике. Сборник статей. М., 1978. С. 29.

⁵⁶³ Смирницкий А. И. Значение слова // Вопросы языкознания. 1955. № 2. С. 84.

⁵⁶⁴ Смирницкий А. И. К вопросу о слове (Проблема «отдельности слова») // Вопросы теории и истории языка в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию. М., 1948. С. 6.

⁵⁶⁵ Головин Б. Н. Омонимы в современном русском литературном языке // Вопросы преподавания современного русского языка в вузе. Материалы Горьковской межвузовской лингвистической конференции. Горький, 1960. С. 72—73.

⁵⁶⁶ Дискуссия по вопросам омонимии... // Лексикографический сборник. 1960. Вып. 4. С. 82.

исследования»⁵⁶⁷; на важность применения экспериментальных методик именно в области семантических исследований указывал В. М. Павлов⁵⁶⁸; показания языкового сознания и экспериментальные методики кладут в основу своих диссертационных работ О. П. Болдина⁵⁶⁹, И. В. Тубалова⁵⁷⁰, применяя их в том числе и при анализе лексико-семантической мотивации⁵⁷¹. Описанию того, как мы видим реализацию этой установки на практике применительно к нашему материалу, посвящена настоящая глава.

Предшествующий анализ показал, что решение о статусе двух значений (омонимия или полисемия) есть по сути своей мотивологическое решение: ответ на вопрос, мотивируется ли одно значение другим (как замечает О. И. Блинова, «во всех случаях отношения семантического варьирования слов сопровождаются отношениями лексической мотивации, выраженными имплицитно»⁵⁷²). В свою очередь, мотивологический подход ставит в центр внимания языковую личность, оперирующую смыслами, а не смыслы сами по себе, как некие идеальные образования, существующие в языке в отрыве от тех, кто ими пользуется. В связи с этим очень правильными нам кажутся слова О. И. Блиновой: «Ведущая роль принципа антропоцентризма как принципа мотивологического исследования обусловлена антропоцентричностью самого явления мотивации слов»⁵⁷³.

⁵⁶⁷ Селиверстова О. Н. К вопросу об определении значения и методах его описания // Всесоюзная научная конференция по теоретическим вопросам языкознания (11—16 ноября 1974 г.). Тезисы докладов секционных заседаний. М., 1974. С. 169.

⁵⁶⁸ Павлов В. М. О психолингвистическом подходе к лингвистическим задачам в области семантики // Всесоюзная научная конференция по теоретическим вопросам языкознания (11—16 ноября 1974 г.). Тезисы докладов секционных заседаний. М., 1974. С. 153.

⁵⁶⁹ Болдина О. П. Экспериментально-теоретическое исследование семантического расстояния деривационно связанных слов в русском языке. Барнаул, 2006. 21 с.

⁵⁷⁰ Тубалова И. В. Показания языкового сознания как источник изучения явления мотивации слов. Томск, 1995. 249 с.

⁵⁷¹ Указ. соч. С. 98—103.

⁵⁷² Блинова О. И. Мотивология и ее аспекты. Томск, 2007. С. 95.

⁵⁷³ Там же. С. 124.

Повышение значимости «человеческого начала» в лингвистических исследованиях последних десятилетий отмечает и И. А. Кунгушева⁵⁷⁴.

Исследователи, скептически относящиеся к использованию показаний языкового сознания носителей языка как критерия разграничения омонимии и полисемии, приводят несколько очень сильных аргументов в пользу своей позиции и ставят несколько очень серьёзных вопросов. Самый главный из них — чьё именно видение той или иной языковой единицы, если не видение самого исследователя, должно приниматься за эталон и отражаться в словаре? Этот вопрос ставил, в частности, К. П. Авдеев и, не находя на него ответа, заявлял о невозможности пользоваться таким способом как действенным инструментом⁵⁷⁵.

В самом деле, нельзя не согласиться с тем, что «усреднённый» носитель языка, обращение к мнению которого положено в основу анализируемого подхода, есть идеальная сущность, между тем как на практике любой исследователь столкнётся с самой разнообразной трактовкой одних и тех же случаев (О. П. Ермакова и Е. А. Земская совершенно справедливо отмечали, что разные люди по-разному ощущают внутреннюю форму⁵⁷⁶). В связи с этим В. И. Абаев писал следующее: «Как же тогда быть? По каждому слову проводить анкеты? А для того, чтобы парализовать возможные протесты, в словарной статье делать приписку: “Признано омонимом большинством в столько-то голосов...”»⁵⁷⁷. Несмотря на откровенно саркастический тон, в котором сказаны эти слова, метод, который в них предлагается, не кажется нам таким безнадёжным и достойным только осмеяния, как это представлялось их автору.

Мы действительно предлагаем провести анкетирование по каждому спорному слову и попытаться хотя бы приблизительно измерить смысловую дистанцию внутри соответствующих пар значений, а решающим фактором в оценке этой дистанции действительно явится «количество голосов».

⁵⁷⁴ Кунгушева И. А. Явление демотивации слов в русском языке. Томск, 2003. С. 3.

⁵⁷⁵ Дискуссия по вопросам омонимии... // Лексикографический сборник. 1960. Вып. 4. С. 83.

⁵⁷⁶ Ермакова О. П., Земская Е. А. Сопоставительное изучение словообразования и внутренняя форма слова // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1985. Т. 44. № 6. С. 520.

⁵⁷⁷ Дискуссия по вопросам омонимии... // Лексикографический сборник. 1960. Вып. 4. С. 75.

Однако, прежде чем подробно описать методику анкетирования, которую мы предлагаем, мы должны преодолеть ещё одно, такое же справедливое, как и предыдущее, возражение против выбранного нами метода. Д. Н. Шмелёв приводит мнение Ш. Балли, с которым, казалось бы, нельзя не согласиться: «Несомненно, что человек постоянно стремится ассоциировать в уме... семантически значимые элементы языка, представляющие большее или меньшее формальное средство, причём отправным пунктом и толчком для этих ассоциаций является именно форма»⁵⁷⁸. Однако в каком случае возможна эта ассоциация? Думается, только в случае рефлексии языковой личности, тогда, когда человек задумывается над тем словом, которое он обычно или пассивно хранит в памяти, или почти автоматически использует в речи. На этот нюанс обращает внимание и И. А. Кунгушева, считая, что «в повседневной жизни носители языка... по большей части обходятся без “внутреннего образа” лексических единиц»⁵⁷⁹. Возникает закономерный вопрос: какое из двух указанных «состояний сознания» (когда оно просто хранит лексическую единицу или же когда пытается её «постичь») должно учитываться при лексикографировании этой единицы?

Думается, в качестве такового состояния следует назвать всё же то, которое в большей степени похоже на состояние сознания человека, читающего словарь, изоморфно этому состоянию, а таким выступает, без сомнения, сознание языковой личности в момент рефлексии над словом (ибо чтение словарной статьи есть тоже своего рода процесс «осознавания» слова). Потому в качестве значимого нами берётся ощущение (или его отсутствие) языковой личностью семантической связи между двумя значениями в тот момент, когда человек задаётся вопросом «А есть ли эта связь?».

Однако здесь возникает ещё одна опасность: ввиду склонности обнаруживать смысловое сходство при наличии сходства формального (см. приводившиеся выше слова Ш. Балли) рядовой носитель языка, исходя из существующего в сознании стереотипа (который грубо формулируется приблизительно так: «Не может же быть,

⁵⁷⁸ Цит. по: Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики... М., 1973. С. 209.

⁵⁷⁹ Кунгушева И. А. Явление демотивации слов в русском языке. Томск, 2003. С. 14.

чтобы два объекта назывались одинаково просто так)), будет стремиться обнаружить семантическую связь там, где её нет и где она на самом деле не может быть обнаружена. Причём речь идёт не о народной этимологии и ложном этимологизировании. Мы имеем в виду генерацию «искусственных», «надуманных» семантических мотивировок.

Именно с такой проблемой столкнулись, в частности, авторы монографии «Многозначность и омонимия»⁵⁸⁰, которые на свой вопрос «Как вы думаете, почему ключ “источник” называется так же, как ключ от двери?», заданный десяти респондентам, не получили ни одного ответа «Просто так». Среди предлагавшихся ответов был, например, и такой: «Вода — ключ жизни»⁵⁸¹. На основании отрицательного результата этого опыта (а такие ответы, безусловно, можно считать отрицательным результатом, поскольку на деле связь либо отсутствует, либо она имеет другой вид (см. приводившуюся нами на с. 71 трактовку этих значений В. И. Далем)) авторами был сделан вывод о неэффективности подобной методики. Мы придерживаемся несколько иного мнения и попытаемся доказать, что, при внесении определённых корректировок в эту методику, она может стать действительно эффективным инструментом.

Эти корректировки должны быть такими, чтобы в результате их внесения в целях преодоления приведённых возражений мы получили такую методику, которая, во-первых, позволит нам увидеть более или менее усреднённый результат для каждого разбираемого случая, а не подменить одну форму субъективизма (когда исследователь опирается на показания своего сознания) другой (когда исследователь использует показания языкового сознания какого-то одного респондента), а во-вторых, каким-то образом нивелировать или хотя бы уменьшить изначально существующий в сознании рядового носителя языка «крен» в сторону семантической связанности значений, желание к излишнему этимологизированию и обнаружению семантических связей в тех случаях, в которых вне условий эксперимента они обнаружены бы не были.

⁵⁸⁰ Арсеньева М. Г., Строева Т. В., Хазанович А. П. Многозначность и омонимия. Л., 1966. 256 с.

⁵⁸¹ Указ. соч. С. 5.

Начнём со второго условия. Для того, чтобы оно было выполнено, мы предлагаем принять сразу несколько мер. Во-первых, возвращаясь к тому эксперименту М. Г. Арсеньевой, Т. Г. Строевой и А. П. Хазанович, о котором говорилось выше, мы хотим сделать одно важное замечание: на наш взгляд, описанный эксперимент потерпел неудачу в значительной степени из-за того, что формулировка вопроса, предлагавшегося респондентам, была некорректной. При том, что в любом носителе языка стремление обнаружить семантическое тождество при тождестве формальном и без того велико; при том, что практически в любом неспециалисте, опрашиваемом специалистом, есть психологическая установка на некий «подвох», который непременно надо обнаружить и обойти его (то есть, по сути, сказать не то, что думаешь на самом деле, поскольку «это неправильно»), — сам вопрос сформулирован так, что из него следует вывод об отсутствии возможности того, что разные объекты называются одним словом «просто так». Обязательное наличие причины, по которой имеет место формальное тождество, воспринимается отвечающим как пресуппозитивная часть этого вопроса, как нечто само собой разумеющееся, а потому в качестве асертивной части в их высказываниях закономерно следуют «лжепричины».

Эту формулировку мы предлагаем заменить менее категоричной, как бы «подсказывающей» опрашиваемому, что разные объекты могут называться одним и тем же звуковым комплексом действительно «просто так». Эта формулировка имеет такой вид: «Как Вы считаете, есть ли основания для того, чтобы явления X и Y называть одинаково, есть ли между ними что-то общее? Если да — то почему, на Ваш взгляд, эти явления называются одинаково?».

Мы полагаем, однако, что и в этом случае респондент склонен, независимо от реального положения вещей, ответить скорее утвердительно, чем отрицательно, потому в качестве ещё одной меры мы предлагаем предварить опрос небольшой теоретической частью (см. Приложение Е), в которой на доступном для респондента языке мы объясняем, что случайные совпадения по форме — нормальное явление, что в языке есть слова, которые пишутся и звучат одинаково, но их значения совершенно не связаны друг с другом (в качестве примера таких слов мы даём пары

брак ‘замужество’ — *брак* ‘изъян’, *мат* ‘ругань’ — *мат* ‘подстилка’). В то же время есть значения, которые связаны друг с другом определённым образом, и здесь мы приводим 6 выделенных нами разновидностей семантических переносов (метонимический, четыре метафорических и гипонимический). Их мы даём для того, чтобы принимающему участие в анкетировании было проще сформулировать ответ и предложить свой вариант семантической мотивировки «по аналогии» (в случае, если он ощущает связь между значениями).

Наконец, в качестве дополнительного «фильтра», способствующего тому, чтобы отсеять «надуманные» трактовки, мы предлагаем респонденту ещё один вопрос: «Насколько значимой, ненадуманной Вы считаете такую связь? Оцените её по шкале от 1 до 5, где 1 — неочевидная, надуманная, едва обнаруживаемая, непрочная, 5 — очевидная, очень прочная». Этот вопрос выполняет сразу две функции: во-первых, заставляет ответившего ещё раз задуматься над собственным ответом и тем самым как бы проверить самого себя; во-вторых, с помощью этого вопроса, задаваемого каждому респонденту, мы сможем по формуле среднего арифметического вычислить средний результат по каждой паре значений и получить таким образом некий «коэффициент семантической связанности» (далее везде — КСС) усреднённого носителя языка, тем самым выполнив первое условие (увидеть усреднённый результат для каждого случая). Необнаружение респондентом семантической связи оценивается нулём.

Таким образом, наш эксперимент может быть классифицирован как эксперимент качественно-количественного типа, поскольку объединяет в себе и задание, суть которого в обнаружении и характеристике семантической связи между значениями (качественный аспект), и количественную оценку обнаруженного явления (именно такое разделение экспериментов, на качественные и количественные, предлагает А. П. Клименко⁵⁸²). В другой, более подробной,

⁵⁸² Клименко А. П. К оценке результатов качественных синтагматических экспериментов // Семантическая структура слова. Психолингвистические исследования. М., 1971. С. 64—65.

классификации, которую предлагал А. А. Леонтьев⁵⁸³, наш эксперимент мог бы быть отнесён сразу к трём классам: ассоциативные эксперименты (обнаружение связи между двумя значениями есть, по сути, ассоциирование между собой двух денотатов, соотносящихся с этими значениями), эксперименты по семантическому шкалированию и эксперименты по оценке семантической близости слов.

Следует отметить, что похожие методики уже неоднократно применялись в ходе проведения лингвистических исследований.

Так, Ю. Д. Апресян описывает эксперименты, в основу которых положен количественно-статистический метод, проводившиеся А. Я. Шайкевичем, К. Ноблом, Г. Кентом и А. Розановым⁵⁸⁴. И. И. Степанченко описывает эксперимент, в котором испытуемым предлагалось заменить или восстановить слова в метафорических выражениях, а затем оценить «степень стандартности метафорического сочетания»⁵⁸⁵.

Между прочим, в этой статье приводится наблюдение, которое небезынтересно и для нас: зачастую испытуемый оценивал метафорический перенос как нестандартный в силу наличия в анализируемом примере малоупотребительных слов, хотя сам по себе перенос был вполне обычным. В связи с этим И. И. Степанченко делает вывод, что шкалирование «стандартности метафорического сочетания» должен осуществлять исследователь, а не респондент⁵⁸⁶. С большой вероятностью можно ожидать, что и в нашем случае обнаруженный респондентом перенос от употребительного значения к малоупотребительному (или — тем более — от малоупотребительного к малоупотребительному) получит априори более низкую оценку. Однако, на наш взгляд, это всё равно не повод перепоручать шкалирование исключительно

⁵⁸³ Леонтьев А. А. Психолингвистический аспект языкового значения // Принципы и методы семантических исследований. М., 1976. С. 63.

⁵⁸⁴ Апресян Ю. Д. Современные методы изучения значений и некоторые проблемы структурной лингвистики // Проблемы структурной лингвистики. М., 1963. С. 127—130.

⁵⁸⁵ Степанченко И. И. Об изучении метафор стиля на экспериментальной основе // Вопросы лексической семантики. Сборник научных трудов. М., 1980. С. 106.

⁵⁸⁶ Там же.

исследователю: если малоупотребительное значение ощущается как слабо мотивированное именно в силу своей «малоупотребительности», то эта слабая мотивированность — такой же полноправный факт языкового сознания носителя языка и он также должен быть отражён в словаре.

Если в полученной нами трактовке семантическое сходство усматривается на основании какого-то признака, которого на самом деле нет в одном или обоих значениях (см. анализ омонимов *рысь*^{1,2} на с. 185), то и в этом случае оценка приравнивается к нулю (такие трактовки мы будем называть «нелегитимными»), равно как и в том случае, если респондент ассоциирует значения не на собственно семантических, а на иных основаниях, скажем, на стилистических (трактовки вроде «оба слова называют нечто возвышенное») или на синтагматических, лексико-тематических (например «оба значения связаны с миром моря»).

Если же семантический перенос в той или иной паре значений, отмеченный кем-либо из опрашиваемых, обнаружен нами в какой-либо ещё паре значений русского языка (то есть перенос является регулярным) — полученный КСС автоматически увеличивается ещё на один балл (более подробно о том, каким именно должен быть этот перенос, а также о причинах, по которым мы принимаем во внимание этот показатель, см на сс. 78—83). Тем самым мы выполняем рекомендацию Л. А. Новикова: «При выделении омонимов различные ассоциативные связи, нередко очень произвольные, должны проверяться, уточняться, конкретизироваться в соответствии с показаниями самого языка, с типом полисемии... свойственным разным категориям слов»⁵⁸⁷.

Следует отметить, что КСС в общем случае характеризует не отдельную трактовку, а семантическую связь между двумя значениями, которая может быть мотивирована несколькими способами (в том числе и в сознании одного носителя языка; см. анализ пары *перо*^{1,2} на с. 190—191). Если мы имеем две трактовки и более по одной и той же паре значений, то, наряду с КСС по каждой из этих трактовок, мы вычисляем общий КСС (КСС_{общ}) по данной паре значений путём суммирования

⁵⁸⁷ Новиков Л. А. Омонимия имен существительных в современном русском литературном языке, возникающая в результате распада полисемии и связанная с категорией числа. М., 1961. С. 8.

частных КСС (или — что то же — игнорируя качественное содержание легитимных трактовок, суммируем все полученные по ним оценки и делим сумму на число респондентов). Предположим, что по некоторой паре значений были получены три легитимные трактовки X, Y и Z, при этом $KCC_x=0,9$, $KCC_y=2,1$, $KCC_z=1,5$. Общий КСС, который и важен при вынесении вердикта по вопросу полисемии/омонимии, в данном случае получается равным 4,5.

В свете этого факта может возникнуть вопрос: для чего тогда вообще нужен качественный ответ (который значительно затрудняет эксперимент) и его количественная оценка респондентом, если качественные различия трактовок вроде бы всё равно нивелируются и цифры, полученные по ним, объединяются? Почему бы не ограничиться вопросом такого типа: как вы думаете, насколько связаны значения X и Y по 5-балльной шкале?

Назовём несколько причин, препятствующих такому упрощению. Во-первых, мы должны быть уверены в том, что респондент идентифицирует и оценивает именно семантическую, а не какую-либо иную связь (см. выше), а для того чтобы быть в этом уверенными, мы должны получить собственно семантическую трактовку. Во-вторых, нам важно понять, какая из трактовок является превалирующей (имеет самый высокий по сравнению с «конкурирующими» КСС), чтобы в случае необходимости (подробнее об этом — ниже) именно её включить в толкование (не говоря о сугубо теоретическом интересе к этому вопросу). В-третьих, мы стоим перед необходимостью проверки семантических переносов на регулярность, по результатам которой КСС может быть увеличен на одну единицу или остаться прежним. Наконец, в-четвёртых, мы предлагаем приравнивать к нулю такие семантические легитимные трактовки, которые присутствуют в языковой реакции только одного носителя языка, как слишком индивидуальные для того, чтобы опираться на них, оценивая степень семантической связи между значениями в сознании рядового носителя языка.

Таким образом, каждая семантическая трактовка теоретически может иметь КСС в пределах от 0 до 6 (включительно). При наличии одной трактовки КСС пары значений также может быть равен от 0 до 6; при наличии двух и более трактовок —

от 0 до бесконечности (скажем, если каждый из респондентов приведёт 3 трактовки, оценив каждую из них 5 баллами, и хотя бы один из этих переносов окажется регулярным, то КСС будет равен 16; но это, конечно, исключительно гипотетическая раскладка — на деле вряд ли стоит ожидать, что КСС по той или иной паре превысит 6).

Возникает два вопроса: на сколько интервалов поделить данную область (по сути — какое число способов подачи неоднозначных единиц выбрать для толкового словаря) и где установить границы каждого из интервалов?

Что касается первого вопроса, то традиционным в практике составления толковых словарей является подход, при котором существует два способа подачи неоднозначных единиц: либо как значений одного слова (внутри одной словарной статьи), либо как разных слов-омонимов (в разных словарных статьях). При этом более распространённой является рекомендация сомнительные случаи трактовать в пользу многозначности (такую рекомендацию давали, например, С. Ульман (см. с. 129), Ф. П. Филин⁵⁸⁸ и др.). Вообще говоря, мы считаем такую рекомендацию правильной и согласны с Б. Н. Головиным, который, утверждая, что «уступка должна быть сделана в пользу прошлого, а не будущего» (в случаях расходящейся полисемии), аргументирует это тем, что «в развитии слова действует громадная сила традиции»⁵⁸⁹. Однако релевантна такая рекомендация только для указанного подхода, при котором в словаре есть либо омонимы, либо многозначные слова. Возможен ли иной подход?

Точка зрения, согласно которой в словаре каким-то особым образом должны отмечаться пограничные случаи, неоднократно звучала как в лексикологических (в своей кандидатской диссертации М. Д. Якубовская предлагает выделять «расщепление семантического тождества слова» в самостоятельное наряду с

⁵⁸⁸ Дискуссия по вопросам омонимии... // Лексикографический сборник. 1960. Вып. 4. С. 45—46.

⁵⁸⁹ Головин Б. Н. Омонимы в современном русском литературном языке // Вопросы преподавания современного русского языка в вузе. Материалы Горьковской межвузовской лингвистической конференции. Горький, 1960. С. 72.

омонимией и полисемией явление⁵⁹⁰), так и в лексикографических исследованиях (об этом говорили В. И. Абаев⁵⁹¹, Б. А. Ильиш⁵⁹²; И. С. Тышлер указывает на то, что составители словаря английского языка прибегают к формулировке *conglomeration of words* применительно к значениям ‘стол’, ‘доска’, ‘департамент’, ‘пансион’, выражаемым словом *board*⁵⁹³; В. Г. Гак отмечает, что в словаре *Le Petit Robert* «создаётся целая шкала, отражающая различные этапы функциональной транспозиции лексем»⁵⁹⁴).

Такой подход, при котором пограничные случаи рассматриваются и подаются в словаре как особый класс, кажется нам более правильным в первую очередь потому, что в предыдущих главах мы наглядно показали, сколь многообразны по силе и по качеству семантические связи между значениями. Однако и здесь возникает два вопроса: 1) почему надо ограничиться выделением трёх классов явлений, а не большего их числа? 2) где провести границы промежуточного класса с классами омонимов и многозначных слов?

При ответе на первый вопрос следует исходить из тех задач, которые должен решать толковый словарь, из требований, предъявляемых к нему. С одной стороны, он должен быть максимально удобным для неспециалиста, который им пользуется, содержать только необходимое, с другой — давать адекватное представление о реально существующих языковых фактах, которые сами по себе зачастую сложны (даже для специалиста). Думается, при выделении четырёх и более классов слов, при введении разных способов их подачи, словарь совершенно точно потеряет в простоте и удобстве, обременит читателя ненужной информацией, при этом задача дать представление о том, что между полисемией и омонимией есть пограничные случаи, едва ли будет решена лучше, чем при выделении трёх классов. Таким

⁵⁹⁰ Якубовская М. Д. Тенденции процесса распада семантического тождества слова (на материале русского языка). М., 1976. С. 20.

⁵⁹¹ Дискуссия по вопросам омонимии... // Лексикографический сборник. 1960. Вып. 4. С. 74.

⁵⁹² Там же. С. 92.

⁵⁹³ Тышлер И. С. Словарь омонимов современного английского языка. Саратов, 1963. С. 50.

⁵⁹⁴ Гак В. Г. Об относительности лексикологических категорий в лексикографии // Проблемы учебной лексикографии и обучения лексике. Сборник статей. М. 1978. С. 15.

образом, распределение неоднозначных единиц по трём названным классам представляется нам тем соломоновым решением, которое позволит, с одной стороны, не усложнять сильно структуру словаря, с другой — отразить реально существующую в языке неоднородность и «недискретность» описываемого явления (неоднозначности).

Что касается второго вопроса, то мы предлагаем такое распределение пар значений по трём названным классам в зависимости от их КСС: омонимы — $KCC < 2$; переходный класс — $2 \leq KCC < 4$; полисемия — $KCC \geq 4$. Разумеется, такое распределение условно, однако, полагаем, вполне может быть принято в качестве рабочего, поскольку наша основная цель — протестировать саму методику на эффективность.

Кроме только что описанного (дифференцированная подача не двух, а трёх классов единиц), хочется отдельно остановиться ещё на одном принципе, введение которого, как нам кажется, вытекает из логики такой трёхчленной парадигмы (полисемия — переходный класс — омонимия). Речь идёт о до сих пор не решённом в лексикографии вопросе о том, обязательно ли наличие в толковании одного из значений того семантического компонента, без наличия которого значение вполне может быть дефинировано, однако семантическая связь этого значения с другим затемнена и формально не выражена (в толкованиях значений нет общих элементов) (отчасти мы уже касались этого вопроса на сс. 93—94).

Ю. Д. Апресян полагает, что словарная статья должна содержать «прагматическую, или коннотативную, зону, в которой записываются семантические ассоциации слова в данном значении»⁵⁹⁵ и что в том случае, если перенос в многозначном слове осуществляется с помощью коннотативной семы, она должна быть отражена в толковании (пример такого толкования: *петух 2* — ‘задиристый человек — как бы *петух 1* по коннотации задиристости’)⁵⁹⁶.

⁵⁹⁵ Апресян Ю. Д. Избранные труды. Т. 1. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1995. С. 179.

⁵⁹⁶ Апресян Ю. Д. Избранные труды. Т. 2. Лексическая семантика: интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995. С. 174—175.

А. Н. Соколова считает полезным включать в толкование культурологическую информацию, которая позволила бы «представить значения полисемантических слов иерархически», «объяснить возникновение, особенности функционирования вторичных переносных значений слов»⁵⁹⁷. П. Н. Денисов отмечал, что «для определения слова *игла* указание на форму предмета существенно», так как этот признак важен для эпидигматики слова⁵⁹⁸.

Иного мнения придерживается О. И. Блинова, которая считает, что факультативные семы в семантической структуре слова, даже если они обусловили перенос, могут не отражаться в толковании⁵⁹⁹. Так же считает и Г. И. Кустова⁶⁰⁰.

Мы придерживаемся третьей, «компромиссной» по отношению к двум приведённым, точки зрения и считаем, что при толковании производного значения в состав этого толкования следует включать элемент, который эксплицирует мотивационные отношения, даже если его включение будет иметь несколько искусственный, не совсем привычный вид (как в только что приводившемся примере из работы Ю. Д. Апресяна). Однако обязательно включать такой элемент мы считаем необходимым только в толкованиях слов, которые попадают во второй, переходный от омонимии к полисемии, класс. На наш взгляд, сам факт попадания слова в 3-й класс, класс многозначных слов, свидетельствует о том, что подавляющим большинством носителей языка семантические связи между значениями прекрасно обнаруживаются, и нет особой необходимости как-то дополнительно подчёркивать, в ущерб стройности изложения, почему именно эти значения объединены в одно слово. Что касается слов 2-го класса, то семантические переносы внутри них не столь очевидны и должны быть дополнительно выделены.

При этом включать в толкование компоненты, наличием которых обусловлена семантическая мотивация, стоит даже в тех случаях, когда произошла конвергенция, семантическое сближение некогда различных единиц. К примеру, если в результате

⁵⁹⁷ Соколова А. Г. Лексикографическая дефиниция как предмет лингвистического описания. Архангельск, 2011. С. 14—15.

⁵⁹⁸ Денисов П. Н. Лексика русского языка и принципы ее описания. М., 1980. С. 191.

⁵⁹⁹ Блинова О. И. Мотивология и ее аспекты. Томск, 2007. С. 284.

⁶⁰⁰ Кустова Г. И. Типы производных значений и механизмы языкового расширения. М., 2004. С. 16.

опроса КСС в паре *gaz* ‘состояние вещества’ — *gaz* ‘лёгкая прозрачная ткань’ будет равен от 2 до 4, то второе толкование должно иметь приблизительно такой вид: *gaz*² — шёлковая прозрачная ткань (напоминающая *gaz*¹ своей прозрачностью). Такой же принцип отстаивал и Х. Касарес, который писал о том, что если бы словарями регистрировалось слово *mondarino* (вместо *mandarina* или наряду с ним), то в толкование следовало бы включать глагол *mondar* ‘очищать’, хотя этимологической связи между *mondar* и *mandarina* нет, и сблизились они вследствие народной этимологии⁶⁰¹.

Вопрос о том, как графически оформлять эти переходные случаи, является в значительной степени техническим и может быть решён составителем отдельно взятого толкового словаря индивидуально. Как вариант мы предлагаем оформление такого рода статей, в целом похожее на оформление многозначных слов (то есть заглавное слово даётся один раз, без числовых индексов), с той, однако, разницей, что соответствующие значения подаются под римскими цифрами (в отличие от значений обычного полисеманта, которые подаются под арабскими цифрами). Если в слове наличествуют «пучки», комплексы значений, то сами они подаются под римскими цифрами, а значения внутри этих пучков — под арабскими.

При всей теоретической важности и принципиальности выделения промежуточных случаев в особый класс, не стоит переоценивать значение этого момента для рядовых пользователей словаря, подавляющее большинство которых использует словарь с одной-единственной, предельно утилитарной целью: узнать значение того или иного слова, не задаваясь вопросом, омонимично ли оно другому, выраженному так же, или же объединено с ним в составе одного слова (велика вероятность того, что даже дифференцированная подача омонимов и многозначных слов остаётся за пределами их внимания, не говоря уже о ещё более тонком моменте — выделении промежуточного между двумя основными класса неоднозначных единиц, который мы предлагаем ввести). Однако не стоит забывать и о той категории читателей, которая использует толковый словарь в иных, более широких целях, для которой важно найти ответ не только на вопрос «Что означает слово?»,

⁶⁰¹ Касарес Х. Введение в современную лексикографию. М., 1958. С. 54.

но и «Почему? Есть ли связь? Насколько она сильна?», а также об исследователях (прежде всего — лексикологах), для которых толковый словарь — основной источник информации (приведём в связи с этим слова Ю. Д. Апресяна, который справедливо отмечает, что словарь — это «не только справочное пособие для носителей языка, но и основное теоретическое сочинение по лексической семантике, имеющее такой же научный статус, как теоретическая грамматика»⁶⁰²).

Отражённая указанным выше способом (разумеется, это должно быть особым образом оговорено в инструкции к словарю) «промежуточность» тех или иных пар, с одной стороны, не обременит рядового читателя ненужной ему информацией, поскольку, с большой долей вероятности, окажется просто незамеченной, с другой — очень поможет тем, для кого этот момент действительно важен, представляет особый интерес, будь то простой пользователь словаря, интерес и внимание которого к языку «выше среднего», или исследователь, занимающийся лексическими проблемами.

И. В. Тубалова выделяет три возможных способа сбора показаний языкового сознания: беседу, опрос и анкетирование⁶⁰³. Наиболее подходящим для нашего исследования нам видится анкетирование — сразу по нескольким причинам: во-первых, как отмечает сама И. В. Тубалова, именно анкетирование рекомендовано в качестве оптимального способа для исследований, цель которых — выявить мотиватор слова⁶⁰⁴ (а наше исследование подпадает под это определение); во-вторых, анкетирование позволяет привлечь максимальное количество информантов⁶⁰⁵; в-третьих, в анкете есть возможность сопровождать предлагаемые для анализа значения изображениями соответствующих объектов, соотносимых с этими значениями, что облегчит выполнение задания для респондента (таким

⁶⁰² Апресян Ю. Д. Толкование лексических значений как проблема теоретической семантики // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1969. № 1. С. 11.

⁶⁰³ Тубалова И. В. Показания языкового сознания как источник изучения явления мотивации слов. Томск, 1995. С. 31.

⁶⁰⁴ Там же. С. 32.

⁶⁰⁵ Там же. С. 31.

приёмом пользовалась, в частности, А. В. Шевчик, изучавшая зоонимы⁶⁰⁶). Мы анализируем только существительные, которые априори предметны; кроме того, значительное место в выборке занимает номенклатурно-терминологическая лексика. Последняя зачастую незнакома рядовому носителю языка, и во многих случаях единственный семантический перенос, который может быть обнаружен, — это перенос на основе внешнего сходства, которое информант может не идентифицировать просто ввиду незнания реалии. Именно поэтому мы приводим изображения-иллюстрации там, где это необходимо.

Прежде чем приступить к изложению и анализу результатов анкетирования, отметим ещё два технических момента. Та или иная пара значений предлагается респондентам при наличии одного из двух условий: 1) хотя бы одним из словарей данные значения рассматриваются как принадлежащие одному слову; 2) во всех словарях, включённых в выборку, зафиксирована омонимия, однако наше собственное языковое чутьё подсказывает нам, что между значениями возможна семантическая связь. В анкету включались не все случаи из выборки, соответствующие данным условиям, а лишь те, которые показались нам наиболее интересными, поскольку нашей целью является выработка и анализ самого критерия разграничения омонимии и полисемии, а не лексикографирование того или иного массива слов.

Наконец, важный вопрос: кто наши респонденты?

В качестве респондентов нами были выбраны студенты и выпускники филологических факультетов⁶⁰⁷. Выбор пал именно на эту категорию по двум причинам: во-первых, предлагаемые нами задания объективно довольно специфичны и трудны для неспециалиста; во-вторых, в очередной раз повторим тезис, согласно которому толковый словарь должен не только фиксировать что-

⁶⁰⁶ Шевчик А. В. Комплексное мотивологическое исследование зоонимов русского языка. Томск, 2011. С. 10.

⁶⁰⁷ Филологи как отдельная группа информантов (в противовес нефилологам, людям технических специальностей) выделялись при проведении массового обследования носителей русского языка в работах «Русский язык и советское общество» (под ред. М.В. Панова; М., 1968, кн. 1—4) и «Русский язык по данным массового обследования» (под ред. Л.П. Крысина; М., 1974).

либо, но и чему-то обучать, давать что-то новое, выражаясь словами А. И. Моисеева, поднимать читателя над его «порой убогими» представлениями (см. с. 216). Ещё один аргумент в пользу выбора филологов: для их языкового сознания рефлексия над словом более характерна, чем для языкового сознания нефилологов. Думается, что именно такой выбор респондентов, языковое чутьё которых должно быть априори сильнее языкового чутья нефилолога, обеспечит нам решение двух главных задач: с одной стороны, мы получаем относительно объективную картину без излишнего этимологизирования, которое можно было бы ожидать от исследователя-специалиста, с другой — оценку семантической связи в каждом случае можно условно считать «чуть выше средней», той, которая была бы получена от неспециалиста, то есть отвечающей другой, «просветительской», цели толкового словаря (иными словами, в результате внедрения результатов этого анкетирования в толковый словарь в каждом конкретном случае будет отражена чуть более высокая степень семантической связи, чем имеющаяся в сознании среднего носителя языка).

§ 2. Результаты анкетирования

В ходе анкетирования нами было получено 1230 языковых реакций (30 респондентам предлагалась 41 пара значений; пример заполненной информантом анкеты содержится в Приложении Ж). Приведём полученные по этим парам легитимные трактовки, КСС каждой из них и суммарный ($KCC_{\text{общ}}$) по каждой паре, без учёта регулярности/нерегулярности превалирующей трактовки⁶⁰⁸:

— *бездна*¹ ‘пропасть’ — *бездна*² ‘множество’: сходство на основании большого (приближающегося к бесконечности) размера; $KCC_{\text{общ}} = 4,37$;

— *блок*¹ ‘деталь’ — *блок*² ‘объединение’: 1) сходство прототипической ситуации: в обоих случаях происходит некое объединение (хотя в первом случае *блок* является частью такого объединения, а во втором — результатом, самим объединением); $KCC = 0,87$; 2) «структурное» сходство: нечто цельное, неделимое,

⁶⁰⁸ КСС по каждой паре приводится с округлением до сотых долей единицы.

(являющееся частью более общего), хотя и включающее в себя составные части;
 КСС = 2,07; КСС_{общ} = 2,94;

— *блок*¹ ‘деталь’ — *блок*³ ‘защитный приём в спорте’: функциональное сходство на основании признака ‘способность служить преградой, защитой’;
 КСС_{общ} = 2,3;

— *бубны*¹ ‘музыкальные инструменты’ — *бубны*² ‘карточная масть’:
 КСС_{общ} = 0 (внешнее сходство между частями *бубна*¹ и изображением карточной масти было обнаружено только одним респондентом, и эта трактовка, ввиду своей исключительности, в соответствии с приведённым выше принципом, аннулируется);

— *бюро*¹ ‘учреждение’ — *бюро*² ‘род стола’: 1) *бюро*², так же как и *бюро*¹, характеризуется чёткой структурой, организацией, а также связано с официальной деятельностью, документооборотом (КСС = 1,6); 2) *бюро*¹ — это учреждение, в котором стоит (стояло) *бюро*² (КСС = 1,03); КСС_{общ} = 2,63;

— *вкус*¹ ‘восприятие того, что съедается’ — *вкус*² ‘понимание изящного’: генерализующая метафора на основании признака ‘способность воспринимать и оценивать что-либо’; КСС_{общ} = 2,53;

— *волынка*¹ ‘музыкальный инструмент’ — *волынка*² ‘затянувшееся дело’: функциональное сходство на основании признака ‘затянутость, медлительность’;
 КСС_{общ} = 3,3;

— *газ*¹ ‘агрегатное состояние вещества’ — *газ*² ‘ткань’: гиперболическая метафора на основании сходства зрительного (прозрачность) и осязательного (невесомость) восприятия; КСС_{общ} = 3,43;

— *гвоздь*¹ ‘металлический стержень’ — *гвоздь*² ‘центральный номер программы’: 1) сходство на основании заметности, «выделенности» (КСС = 0,9); 2) функциональное сходство: и *гвоздь*¹, и *гвоздь*² играют ключевую роль в том, чтобы «конструкция», частью которой они являются, сохраняла свою целостность (КСС = 0,9); 3) синестетическая метафора (сходство ощущений, вызываемых восприятием *гвоздя*² и прикосновением к острому *гвоздю*¹; КСС = 0,63); КСС_{общ} = 2,43;

— *гибель*¹ ‘смерть’ — *гибель*² ‘огромное количество чего-либо’: 1) наличие общей количественной семы (*гибель*¹ часто не просто смерть, но смерть в больших количествах; КСС = 0,97); 2) наличие общей количественной семы (‘большой размер’), которая является ядерной в *гибели*² и коннотативной — в *гибели*¹ (сила переживаний от восприятия *гибели*²; КСС = 0,1); КСС_{общ} = 1,07;

— *дума*¹ ‘мысль, обдумывание’ — *дума*² ‘орган власти’: метонимический перенос (*дума*² — государственный орган, главным процессом в котором должна быть *дума*¹); КСС_{общ} = 4,23;

— *дух*¹ ‘душевные свойства человека; моральная сила; бесплотное сверхъестественное существо’ — *дух*² ‘воздух, запах’: 1) и *дух*¹, и *дух*² представляют собой нечто, хоть и бестелесное, но реально существующее и очень важное (обеспечивающее жизнь, являющееся её неотъемлемым свойством; КСС = 1,5); 2) сходство на основании признака бестелесности, неосязаемости (КСС = 0,93); КСС_{общ} = 2,43;

— *жаба*¹ ‘животное’ — *жаба*² ‘болезнь’: 1) сходство на основании негативных коннотаций (представление о *жабе*¹ как о неприятном животном, которое способно к сжимающим, как бы душащим движениям; КСС = 0,83); 2) внешнее сходство прототипических ситуаций (порывистые сокращения грудной клетки при *жабе*² напоминают движения кожного мешка *жабы*¹; КСС = 0,7); КСС_{общ} = 1,53;

— *жила*¹ ‘кровеносный сосуд, сухожилие’ — *жила*² ‘скряга’: 1) функциональное сходство: нечто неподвластное влиянию извне, воле другого человека (неспособность порвать *жилу*¹ и сделать так, чтобы *жила*² сделал некую уступку; неспособность сделать так, чтобы *жила*¹ и *жила*² перестали что-либо удерживать; КСС = 0,3); 2) семантический перенос через промежуточное звено: ‘сухожилие’ - ‘человек, характерной чертой внешнего облика которого является то, что видны *жилы*¹ (очень худой)’ — ‘скупой человек’ (ассоциирование худощавого внешнего вида со скупостью; КСС = 0,2); КСС_{общ} = 0,5;

— *журавль*¹ ‘птица’ — *журавль*² ‘приспособление для подъёма воды’: внешнее сходство (по форме); КСС_{общ} = 4,37;

— *зефир*¹ ‘лёгкий тёплый ветер’ — *зефир*² ‘род пастилы’: синестетическое сходство (лёгкость, нежность, вообще приятные ощущения); $KCC_{\text{общ}} = 2,37$;

— *кадр*¹ ‘отдельное изображение на плёнке’ — *кадр*² ‘работник’: отдельный представитель некоей совокупности; $KCC_{\text{общ}} = 2,2$;

— *кардинал*¹ ‘католический сан’ — *кардинал*² ‘птица’: внешнее сходство (красное оперение и наличие «шапочки»); $KCC_{\text{общ}} = 3,6$;

— *лава*¹ ‘извергающаяся из вулкана масса’ — *лава*² ‘род казачьей атаки’: 1) сходство прототипических ситуаций (тотальный охват некоего объекта, территории; $KCC = 2,97$); 2) быстрота протекания процессов, стремительность ($KCC = 0,23$); 3) в обоих случаях имеет место процесс уничтожения чего-либо ($KCC = 0,17$); $KCC_{\text{общ}} = 3,37$;

— *лик*¹ ‘лицо, изображение лица божества’ — *лик*² ‘сонм’: семантический перенос через промежуточное звено: ‘лицо’ — ‘святой, обладающий этим лицом’ — ‘сонм святых’; $KCC_{\text{общ}} = 0,93$;

— *лист*¹ ‘часть растения’ — *лист*² ‘пласт какого-либо материала’: внешнее сходство (по форме); $KCC_{\text{общ}} = 3,93$;

— *лоцман*¹ ‘член экипажа корабля’ — *лоцман*² ‘рыба’: 1) функциональное сходство (сопровождение другого объекта, следование вместе с ним; $KCC = 1,87$); 2) внешнее сходство (полосатый окрас у *лоцмана*² и тельняшка у *лоцмана*¹; $KCC = 0,33$); $KCC_{\text{общ}} = 2,2$;

— *мотив*¹ ‘побудительная причина’ — *мотив*² ‘простейшая ритмическая единица мелодии; напев, мелодия; составная часть темы, сюжета произведения искусства’: функциональное сходство (основа чего-либо); $KCC_{\text{общ}} = 0,77$;

— *образ*¹ ‘внешний вид; наглядное представление о чём-л.; форма художественного обобщённого восприятия явлений действительности и изображения их’ — *образ*² ‘икона’: *образ*² содержит в себе *образ*¹ святого; $KCC_{\text{общ}} = 2,87$;

— *охота*¹ ‘желание’ — *охота*² ‘поиски, выслеживание диких зверей и птиц с целью их умерщвления или ловли’: *охота*² является разновидностью *охоты*¹; $KCC_{\text{общ}} = 1,77$;

— *пас*¹ ‘в некоторых играх: отказ от участия’ — *пас*² ‘передача мяча’: сходство прототипических ситуаций, в каждой из которых происходит отказ от активных действий; $KCC_{\text{общ}} = 2,57$;

— *перо*¹ ‘роговое образование кожи у птиц’ — *перо*² ‘орудие для писания чернилами’: 1) внешнее сходство (общие признаки — заострённость и продолговатость; $KCC = 3,2$); 2) функциональное сходство *пера*² с *пером*¹, которое использовали для письма ($KCC = 1,97$); $KCC_{\text{общ}} = 5,17$;

— *пики*¹ (мн. от *пика* ‘оружие’) — *пики*² ‘карточная масть’: внешнее сходство между *пикой*¹ и изображением карточной масти; $KCC_{\text{общ}} = 3,3$;

— *покой*¹ ‘спокойствие, тишина’ — *покой*² ‘помещение’: метонимический перенос (*покой*² — помещение для *покоя*¹); $KCC_{\text{общ}} = 3,07$;

— *свет*¹ ‘лучистая энергия’ — *свет*² ‘земля и люди, её населяющие’: 1) метонимический перенос (*свет*² — то, что освещается *светом*¹, *свет*¹ распространяется по всему *свету*², как бы является его частью; $KCC = 1,24$); 2) метонимический перенос (*свет*² — то, существование чего обеспечивается *светом*¹; $KCC = 0,27$); $KCC_{\text{общ}} = 1,51$;

— *свет*¹ ‘лучистая энергия’ — *свет*³ ‘высшее общество’: 1) сходство на основании признака заметности, выделенности ($KCC = 1,57$); 2) семантический перенос через промежуточное звено: ‘лучистая энергия’ — ‘знание’ (ср.: *свет знаний*) — ‘часть общества, которая характеризуется наличием этого знания; просвещённая часть общества’ ($KCC = 0,3$); $KCC_{\text{общ}} = 1,87$;

— *свет*² ‘земля и люди, её населяющие’ — *свет*³ ‘высшее общество’: метонимический перенос (*свет*³ является частью *света*²); $KCC_{\text{общ}} = 0,9$;

— *стиль*¹ ‘совокупность черт, метод’ — *стиль*² ‘способ летоисчислений’: *стиль*² является разновидностью *стиля*¹; $KCC_{\text{общ}} = 2,6$;

— *такт*¹ ‘ритм’ — *такт*² ‘чувство меры, правильное понимание чего-л.’: функциональное сходство (в обоих случаях имеет место необходимость некоего регламентированного поведения, упорядоченность предписанных действий/поступков); $KCC_{\text{общ}} = 2,33$;

— *титан*¹ ‘божество’ — *титан*² ‘большой кипятильник’: 1) метафорическое сходство на основании общего признака ‘большой размер’ (КСС = 1); 2) метафорическое сходство на основании общего функционального признака ‘ярко выраженная способность продуцировать что-либо полезное’⁶⁰⁹ (КСС = 0,23); КСС_{общ} = 1,23;

— *тьма*¹ ‘темнота’ — *тьма*² ‘неисчислимое множество чего-либо’: 1) метонимический перенос (*тьма*¹ становится возможной вследствие *тьмы*², *тьма*² чего-либо заслоняет собой свет; КСС = 1,63); 2) сходство по признаку неисчисляемости (для *тьмы*¹ — в буквальном смысле, для *тьмы*² — в гиперболическом; КСС = 0,83); КСС_{общ} = 2,46;

— *фрукт*¹ ‘съедобный плод’ — *фрукт*² ‘подозрительный человек’: синестетическая метафора: сходство по непредсказуемости ощущений (от вкуса и от поведения); КСС_{общ} = 0,6;

— *часы*¹ ‘единицы измерения времени’ — *часы*² ‘прибор для измерения времени’: метонимический перенос (*часы*² — прибор для измерения *часов*¹); КСС_{общ} = 4,13;

— *штык*¹ ‘наконечник оружия’ — *штык*² ‘слой земли в глубину, которую можно захватить лопатой’: 1) семантический перенос через промежуточное звено: ‘наконечник оружия’ — ‘наконечник лопаты’ — ‘слой земли, глубина которого равна высоте этого наконечника’ (КСС = 1,27); 2) метафорический перенос, основанный на функциональном сходстве (способность быть единицей счёта, ср.: *в отряде было двадцать штыков*; КСС = 0,13); КСС_{общ} = 1,4;

— *язык*¹ ‘орган’ — *язык*² ‘речь’: метонимический перенос (*язык*¹ создаёт *язык*²); КСС_{общ} = 3,77;

— *ячмень*¹ ‘растение’ — *ячмень*² ‘гнойное воспаление’: метафорический перенос на основании внешнего сходства (с участием промежуточного звена ‘зерно *ячменя*¹’); КСС_{общ} = 3,5.

Таковы КСС внутри пар значений, предлагавшихся респондентам, без учёта регулярности/нерегулярности приведённых семантических переносов. Следует

⁶⁰⁹ Самым известным *титаном*¹ является Прометей, который, согласно мифу, подарил людям огонь.

отметить, что проверять на регулярность семантические переносы имеет смысл только в тех парах значений, в которых $1 \leq \text{КСС}_{\text{общ}} < 2$ и $3 \leq \text{КСС}_{\text{общ}} < 4$. Во всех остальных случаях, даже если перенос окажется регулярным (и КСС будет увеличен на 1), итоговый КСС ($\text{КСС}_{\text{итог}}$) окажется таким, что пара значений всё равно останется внутри того же самого класса (скажем, если $\text{КСС}_{\text{общ}} = 0,6$ и перенос оказался регулярным, то $\text{КСС}_{\text{итог}} = 1,6$, но это всё равно омонимия).

Ещё раз отметим, что мы учитываем только такие регулярные переносы, участники которых являются представителями максимально узких классов (подробнее об этом см. на сс. 81—83), и сам признак, положенный в основу переноса, тоже должен быть как можно более конкретным (например, не просто внешнее сходство, а внешнее сходство по форме, по цвету, по размеру и пр.). Скажем, перенос на основе цветового сходства в паре *кардинал*¹ ‘католический сан’ — *кардинал*² ‘птица’ был бы признан регулярным, если бы в языке существовала ещё одна пара значений ‘должность человека’ — ‘птица’, причём второе значение в этой паре мотивировалось бы первым на основании внешнего сходства объектов по цвету. Именно поэтому не могут быть признаны комплиментарными рассматриваемому переносы в таких, например, парах: *лоцман*¹ ‘моряк’ — *лоцман*² ‘рыба с полосатым окрасом’ (второй член пары не является названием птицы), *фрегат*¹ ‘судно’ — *фрегат*² ‘птица’ (имеет место внешнее сходство, но первый член пары не является названием должности), *печник*¹ ‘человек, который кладёт печи’ — *печник*² ‘птица, гнезда которой похожи на печи’ (членами пары являются название должности и название птицы, но перенос произошёл на основании функционального сходства). Именно поэтому рассматриваемый перенос мы признаём нерегулярным, а потому в данном случае $\text{КСС}_{\text{общ}} = \text{КСС}_{\text{итог}} = 3,6$.

Приведём пары значений, $\text{КСС}_{\text{общ}}$ которых соответствуют приведённым параметрам и в которых один из полученных легитимных переносов может быть охарактеризован как регулярный (то есть нам удалось обнаружить в языке ещё как минимум одно слово, между значениями которого произошёл точно такой же семантический перенос):

— *волынка*¹ ‘музыкальный инструмент’ — *волынка*² ‘затянувшееся дело’: семантический перенос ‘музыкальный инструмент’ — ‘медлительность в каком-либо деле’ имеет место между значениями слова *шарманка*; КСС_{итог} = 4,3;

— *газ*¹ ‘агрегатное состояние вещества’ — *газ*² ‘ткань’: семантический перенос ‘газообразное состояние вещества’ — ‘ткань’ обнаруживается между значениями слова *дымка*; КСС_{итог} = 4,43;

— *гибель*¹ ‘смерть’ — *гибель*² ‘огромное количество чего-либо’: семантический перенос ‘смерть’ — ‘множество чего-л.’ наблюдается между значениями слова *смерть* (ср.: *смерть как замёрз*); КСС_{итог} = 2,07;

— *жаба*¹ ‘животное’ — *жаба*² ‘болезнь’: семантический перенос на основании внешнего сходства ‘название животного’ — ‘название болезни’ имеет место также между значениями слова *свинка*; КСС_{итог} = 2,53;

— *лист*¹ ‘часть растения’ — *лист*² ‘пласт какого-либо материала’: перенос такого же типа (на основании внешнего сходства по форме) произошёл между значениями ‘соцветие и плод растений’ и ‘утолщение округлой или овальной формы на конце, верхушке какого-либо предмета’ слова *шишка*; КСС_{итог} = 4,93;

— *охота*¹ ‘желание’ — *охота*² ‘поиски, выслеживание диких зверей и птиц с целью их умерщвления или ловли’: такой же гипонимический перенос обнаруживается между значениями слова *увлечение* (ср.: *увлечение спортом, рыбалкой — это было мимолётное увлечение, а не любовь*); КСС_{итог} = 2,77;

— *покой*¹ ‘спокойствие, тишина’ — *покой*² ‘помещение’: аналогичный метонимический перенос (некое состояние/деятельность — помещение, в которых они имеют место) наблюдается в паре значения ‘приведение в порядок внешнего вида’ — ‘уборная’ у слова *туалет*; КСС_{итог} = 4,07;

— *свет*¹ ‘лучистая энергия’ — *свет*³ ‘высшее общество’: такое же сходство (на основании заметности, выделенности) при участии аналогичных участников семантического переноса наблюдается в паре значений ‘светящийся’ и ‘выдающийся’ слова *блестящий*; КСС_{итог} = 2,87;

— *титан*¹ ‘божество’ — *титан*² ‘большой кипятильник’: практически идентичный семантический перенос наблюдается в слове *гигант* (‘мифологическое существо огромных размеров’ — ‘предмет большого размера’); $KCC_{\text{итог}} = 2,23$.

С учётом приведённых цифр рассмотренные пары значений распределились по классам следующим образом:

1) многозначные слова: *бездна*^{1,2}, *волынка*^{1,2}, *газ*^{1,2}, *дума*^{1,2}, *журавль*^{1,2}, *лист*^{1,2}, *перо*^{1,2}, *покой*^{1,2}, *часы*^{1,2};

2) промежуточный класс: *блок*^{1,2}, *блок*^{1,3}, *бюро*^{1,2}, *вкус*^{1,2}, *гвоздь*^{1,2}, *гибель*^{1,2}, *дух*^{1,2}, *жаба*^{1,2}, *зефир*^{1,2}, *кадр*^{1,2}, *кардинал*^{1,2}, *лава*^{1,2}, *лоцман*^{1,2}, *образ*^{1,2}, *охота*^{1,2}, *пас*^{1,2}, *пики*^{1,2}, *свет*^{1,3}, *стиль*^{1,2}, *такт*^{1,2}, *титан*^{1,2}, *тьма*^{1,2}, *язык*^{1,2}, *ячмень*^{1,2};

3) омонимы: *бубны*^{1,2}, *жила*^{1,2}, *лик*^{1,2}, *мотив*^{1,2}, *свет*^{1,2}, *свет*^{2,3}, *фрукт*^{1,2}, *штык*^{1,2}.

Как уже отмечалось выше (см. сс. 252—253), толкование слов второго (промежуточного) класса характеризуется, помимо особого графического оформления, ещё и введением в качестве обязательного дополнительного компонента, представляющего собой превалирующую (получившую наибольший КСС) трактовку. К примеру, словарная статья с вокабулой *бюро* будет иметь такой вид:

БЮРО, нескл., ср.

I. 1. В нек-рых организациях: группа руководящего состава. *Обсудить на б. (на заседании бюро)*.

2. Название некоторых учреждений. *Б. находок. Б. погоды. Б. добрых услуг.*

II. Конторка, стол для письменных занятий и хранения бумаг, с ящиками и обычно с крышкой. *Купить новое б. Положить бумаги в б.* [как и *бюро I*, связано с документооборотом, характеризуется чёткой организацией рабочего пространства/процесса].

Если две трактовки имеют одинаковый балл, то в словарной статье следует приводить обе эти трактовки:

ГВОЗДЬ, -я; *мн.* гвозди, -ей; *м.*

I. Заострённый металлический (реже деревянный) стержень (со шляпкой на тупом конце), служащий для прикрепления, скрепления чего-л. *Вколотить, забить г. Вытащить г.*

II. чего. *Разг.* Самое главное, значительное в чём-л. *Г. программы. Г. вечера.*⁶¹⁰ [как и *звезда I*, является очень заметным, привлекающим внимание элементом, который к тому же играет роль самого важного компонента, на котором всё держится]

Проведённый опрос позволил нам убедиться в истинности одних наших рабочих гипотез и теоретических умозаключений и в ложности других (касающихся как отдельных языковых фактов, отдельных пар значений, так и более общих, концептуальных положений).

Так, например, несмотря на различное происхождение слов, респондентами была обнаружена довольно прочная (достаточно прочная для того, чтобы не считать эти значения омонимичными) семантическая связь в парах *лава*^{1,2}, *газ*^{1,2}; значения ‘роговое образование кожи у птиц’ и ‘орудие для писания чернилами’ у слова *перо* получили очень высокий КСС, причём оба приводившихся нами признака (см. с. 190—191) — по внешнему сходству и по функциональному сходству (несмотря на утраченную реалию) — легко обнаруживаются респондентами (нам неоднократно встречались ответы, в которых информант называл обе трактовки, причём оценивал каждую из них очень высоко); значения *свет*¹ ‘лучистая энергия’ и *свет*³ ‘элита’, как мы и предполагали (см. сс. 132—133), действительно связаны в сознании рядового носителя более тесно (то есть имеют больший КСС), чем значения *свет*² ‘земля и люди, её населяющие’ и *свет*³ ‘элита’ (в результате чего первая пара была отнесена к промежуточному классу, а вторая — в разряд омонимов); несмотря на очевидные грамматические различия каких-то единиц (как, например, в парах *пики*^{1,2}, *часы*^{1,2}), различия в их словоизменительных парадигмах (*лист*^{1,2}), рядовой носитель языка обнаруживает прочную семантическую связь в этих парах.

С другой стороны, пара *штык*^{1,2} оказалась омонимичной и представлявшаяся нам элементарной реконструкция семантического звена ‘металлическая часть лопаты’ была проделана незначительным числом респондентов, и в результате КСС_{итог} оказался меньше 2 (заметим также, что довольно часто по данной паре встречалась нелегитимная трактовка «глубина *штыка*² равна длине *штыка*¹,

⁶¹⁰ За основу толкования взята соответствующая статья из БТС.

которым, вероятно, копали землю», которая нами не бралась в расчёт при вычислении КСС).

Как и ожидалось (см. с.179—180), трактовка «*бюро*² стоит (стояло) в *бюро*¹» не стала популярной и не получила очень высокий КСС (хотя и неоднократно встретилась). С другой стороны, респондентами была предложена альтернативная (метафорическая) трактовка (см. выше), которая получила больший КСС, и в итоге, по совокупности двух трактовок, пара оказалась в промежуточном классе. Этот факт является ещё одним аргументом в пользу целесообразности обращения к ПЯС, поскольку исследователь в ряде случаев может не просто не знать, насколько прочна та или иная связь в сознании рядового носителя языка, но и попросту не видеть альтернативной связи, между тем как она имеет место.

Особо стоит сказать о парах *лик*^{1,2} и *лоцман*^{1,2}. Характерной чертой членов первой пары является ярко выраженная высокая стилистическая окраска каждого из них и одинаковая лексико-тематическая отнесённость (религиозная тематика); во второй паре имеет место только последняя (мир моря). Именно поэтому для пары *лик*^{1,2} очень часто нам встречались трактовки вроде «оба слова называют нечто возвышенное» (на основании стилистического сходства) и «*лик*², как и *лик*¹, может изображаться на иконах» (синтагматическая трактовка, через отнесённость к одной и той же экстралингвистической области), а для пары *лоцман*^{1,2} — «оба существа связаны с миром моря». В силу того, что такие, не собственно семантические, трактовки, не могли учитываться при вычислении КСС, мы задавали респондентам уточняющий вопрос, что же общего они обнаруживают именно в значениях, и по паре *лик*^{1,2} ответ был либо вовсе отрицательный, либо (реже) приводилась «синтагматическая» трактовка «*лик*², как и *лик*¹, может изображаться на иконах», либо (ещё реже) приводилась в целом легитимная, однако очень сомнительная семантическая трактовка ‘лицо’ — ‘святой с этим лицом’ — ‘сонм таких святых’ (в результате КСС_{итог} по этой паре получился меньше 1). То есть, очевидно нежелание языкового сознания «мириться» с отсутствием семантической связи при наличии сразу двух «раздражителей»: одинаковых стилистической окраски и тематической отнесённости.

Из этого обстоятельства вытекают два очень важных вывода. Во-первых, ещё раз находит подтверждение тезис о необходимости получения качественного развёрнутого ответа от респондента и о недостаточности только количественной оценки (мы должны быть убеждены в том, что оценивается именно семантическая связь, а не стилистическая, синтагматическая и пр.). Во-вторых, по сути следует признать невозможным применение для решения проблемы разграничения полисемии и омонимии психофизиологических (не психолингвистических!) методик, поскольку, как совершенно справедливо замечал Г. С. Щур, полученные в результате их применения «различные типы зависимостей... между предъявляемым словом и его ассоциатами определяются не наличием у них смысловой общности, а соотносённостью соответствующих компонентов с действительностью»⁶¹¹.

Не вполне оправдалась и наша надежда на то, что по самой форме ответа респондента можно будет с высокой точностью определить тип переноса, который он обнаруживает в той или иной паре значений (см. сс. 109—110). Особенно это касается гипонимического переноса: крайне редко для пары *стиль*^{1,2} приходилось встретить трактовку типа «*стиль*² — разновидность *стиля*¹» или «*стиль*² — это тоже *стиль*¹». В основном информанты прибегали к формулировке «*стиль*², так же как и *стиль*¹...» (то есть к метафорической формулировке), однако из этого не следует вывод о несостоятельности самой предлагаемой методики. Это означает лишь то, что исследователь, применяющий данную методику, должен с очень большим вниманием подходить к обработке полученных данных и иногда выступать в роли «интерпретатора интерпретаций».

В заключение этой главы отметим, что перечень лингвистических проблем, при решении которых можно обращаться к ПЯС, весьма ограничен, и психолингвистический эксперимент не стоит считать панацеей от всех лингвистических бед. Мы выступаем за его использование только в тех ситуациях, когда необходимо понять, имеются ли мотивационные отношения между двумя языковыми объектами (и — если да — то какой силы?) в сознании носителей языка,

⁶¹¹ Щур Г. С. О типах лексических ассоциаций в языке // Семантическая структура слова: Психолингвистические исследования. М., 1971. С. 145.

в тех редких случаях, когда исследователь должен идти за носителем языка, а не наоборот. В подавляющем же большинстве случаев (скажем, при решении орфоэпических, орфографических, грамматических и др. проблем), в соответствии с представлением о литературном языке как о языке нормированном и кодифицированном, именно исследователь, представитель лингвистической науки должен указывать (и даже, если угодно, навязывать) носителю языка, что есть норма и что есть отступление от неё (условно говоря, если большинство носителей говорит *облегчит* и считает такое произношение правильным, это ещё не повод утверждать такое произношение в качестве нормы).

Составитель словаря не просто может, но и должен отражать те языковые факты, которые соответствуют норме литературного языка и, таким образом, категорически настаивать на некоторых вещах, которые могут показаться пользователю словаря странными, чуждыми, не соответствующими его представлениям. Среди прочего касается это и наличия или отсутствия значений, выражаемых тем или иным звуковым комплексом. Несмотря на то, что очень многие используют слово *апробировать* в значении ‘опробовать’, словарь должен оставаться в данном случае консервативным и давать в качестве значения ‘допустить, разрешить’.

Е. Б. Никифорова отмечает в языке явление девиации, когда в слове утрачивается одно значение и на его месте возникает новое, и приводит такой пример: анкетирование, проведённое среди студентов педагогического вуза, выявило, что, по мнению респондентов, фразеологизм *без царя в голове* имеет значение ‘безалаберный’, а не ‘глупый’⁶¹². Мы считаем, что, несмотря на наличие такой тенденции, словари по-прежнему должны отражать исходное значение этого фразеологизма (‘глупый’), хотя в перспективе и возможно введение значения ‘безалаберный’, но скорее как ещё одного, параллельного наряду со значением ‘глупый’ (по крайней мере, на первоначальном этапе).

⁶¹² Никифорова Е. Б. Семантическая эволюция лексической системы русского языка: тенденции, векторы, механизмы. Волгоград, 2008. С. 33.

Словарь может и должен говорить читателю, что некое слово имеет то или иное значение, но вряд ли должен заставлять читателя связывать в его сознании явления А и В и не связывать явления С и D (то есть настаивать на том, что последние омонимичны, а первые — нет). Именно поэтому мы и считаем возможным (и даже необходимым) при решении именно данного вопроса прибегать к ПЯС.

Заключение

Идеальный словарь есть нечто недостижимое, а мысль о его создании утопична по своей природе (приведём в связи с этим ставшие крылатыми слова П. Буаста: «Один только Бог может составить совершенный словарь»), и исследователь, занимающийся лексикографическими проблемами, вынужден мириться с этим. Тем не менее, заведомое отсутствие идеала не должно отменять попыток к нему приблизиться, и одна из них была предпринята в нашем исследовании, которое проводилось в соответствии с заявленными во «Введении» целями, задачами и очерченной проблематикой.

Анализ материала позволил нам сделать вывод о том, что проблема омонимии не решена в должной мере как в лексикографическом (два современных толковых словаря, СШ и БТС, имеют значительные расхождения с точки зрения подачи одних и тех же единиц: в сделанной нами выборке единодушие обнаруживается только в 71 % случаев), так и в собственно теоретическом (лексикологическом) аспектах.

Что касается последнего из них, то прежде всего стоит сказать о том, что в языкознании отсутствует единство в понимании термина «омоним», и, для того чтобы разговор об омонимии был предметным и последовательным, любое исследование, посвящённое проблемам омонимии, необходимо предварять предельно чётким определением этого термина, которое принимается исследователем в качестве рабочего.

Во-вторых, отсутствием общепринятой дефиниции, а также сложностью самого явления обусловлено то обстоятельство, что до сих пор нет какой-то единой универсальной классификации омонимов, и любой учёный, работающий с этим явлением, вынужден по сути создавать свою классификацию, по тем принципам, применение которых наиболее целесообразно в его работе.

В-третьих, критический обзор критериев разграничения омонимии и полисемии, предлагавшихся разными учёными (в подавляющем большинстве случаев речь шла о разграничении этих явлений в лексикологическом аспекте), привёл нас к выводу о том, что ни один из них не может претендовать на роль в

полной мере эффективного инструмента, который позволил бы решить проблему хотя бы теоретически. Рассмотрев такие параметры, как этимология слов, словоизменительные парадигмы, словообразовательные дериваты, лексическая и грамматическая сочетаемость, наличие синонимов и антонимов, перевод на другие языки, контекстное окружение, возможность каламбура, отнесённость слов к разным объектам действительности, наличие промежуточного семантического звена, мы пришли к выводу, что обращение к любому из них не может быть универсальным критерием разграничения омонимии и полисемии по двум основным причинам: 1) каждый из них имеет границы применимости и не может быть использован во всех спорных ситуациях; 2) нередко даже в тех случаях, к которым названные критерии приложимы, вывод, полученный с их помощью, противоречит чисто интуитивным представлениям о тождестве слова.

Кроме того, с практической, лексикографической точки зрения более целесообразным представляется внутри одной словарной статьи подавать те явления, в которых читатель усматривает скорее общее, чем различное, а, учитывая то, что основная функция толкового словаря — давать толкования слов, очевиден вывод о том, что при лексико-семантическом тождестве и каком-либо формальном различии первое важнее второго.

В свете сказанного закономерным выглядит вывод о примате собственно семантического подхода к анализу неоднозначных единиц, а также тех критериев, которые этому подходу соответствуют. Самым важным из них нам представляется критерий регулярности/нерегулярности семантического переноса, который, однако, может быть использован только в качестве вспомогательного. Оценивать перенос значений как регулярный или нерегулярный мы можем лишь тогда, когда уверены в том, что сам факт переноса имеет место.

Семантический перенос от одного значения к другому мы можем постулировать в тех случаях, когда соответствующие денотаты имеют в сознании носителя языка некую нетривиальную общность, причём эта общность может проявляться не только на уровне толкования значений, но и на уровне «прототипической ситуации». Существует несколько моделей, по которым могут

осуществляться эти переносы. Наряду с метонимическим (*бас* ‘голос’ — *бас* ‘певец с таким голосом’) и метафорическим (*язык* ‘орган’ — *язык* ‘часть колокола’) переносами, в ряде случаев действует перенос особого, третьего, типа, который не может считаться разновидностью ни одного из первых двух без изменения их дефиниций, — гипонимический перенос, или специализация, сужение значений (*машина* ‘механическое устройство’ — *машина* ‘автомобиль’).

Осуществив семантический анализ обширного лексического материала во второй и третьей главах диссертации, мы пришли к ряду очень важных выводов. В первую очередь, следует отметить, что нашло своё подтверждение предположение о том, что на деле имеет место градуальная шкала неоднозначности (с неограниченным числом отметок на ней) и что рассуждать о бинарной оппозиции «полисемия — омонимия» можно только в методических целях, осознавая очень большую условность этого деления.

Опираясь на собственный речевой опыт, мы проанализировали более 150 рядов неоднозначных единиц, в первую очередь пытаюсь определить место каждого ряда на шкале «полисемия — омонимия», то есть силу семантической связи в каждой паре, а также вывести зависимость степени разрыва семантической связи от каких-либо других факторов, таких как причины возникновения омонимии, «концептуализация» одного из значений (или сразу обоих), стилистическая маркированность, участие во фразеологических оборотах с «прозрачной» внутренней формой.

Мы обнаружили, что, характеризуя зависимость степени разрыва семантических связей между значениями от упомянутых факторов, мы можем говорить лишь о предельно общих тенденциях, которые могут быть сформулированы так: «разбухание» семантической структуры, увеличение аксиологической роли одного или сразу обоих значений (значения ‘средство коммуникации’ слова *язык*, ‘лучистая энергия’ и ‘вселенная’ слова *свет*, ‘вселенная’ и ‘спокойствие’ слова *мир*), разная стилистическая окрашенность (*союз* ‘связь’ и *союз* ‘часть речи’), отсутствие идиом с «прозрачной» внутренней формой

(подобных, например, фразеологизму *держат язык за зубами*) способствуют омонимизации значений.

Что касается рассмотрения рядов, включающих неоднозначные единицы, по группам (заимствованные из одного языка, заимствованные из разных языков, исконно русские и т. д.), то и здесь мы смогли выявить лишь некоторые тенденции (скажем, в паре омонимов, заимствованных из разных языков, омонимия более вероятна, чем в паре значений, которые когда-то относились к одному слову; омонимия, развившаяся вследствие экстралингвистических причин, более вероятна, чем омонимия, возникшая вследствие утраты промежуточного семантического звена; чем больше языков проходит этимон, прежде чем попасть в русский язык, тем больше вероятность омонимии и др.). Однако знание этих тенденций не может полностью удовлетворить лексикографа, поскольку внутри практически каждой из рассмотренных групп наблюдается сильная дисперсия разных рядов по шкале, и в целом нередки случаи, когда имеет место не только дивергенция, расщепление некогда единого (значения 'люди' и 'лучистая энергия' некогда объединялись в одном слове *свет*), но и конвергенция, совпадение исконно различного (значения 'агрегатное состояние вещества' и 'прозрачная ткань' слова *газ*).

Отдельно нами была рассмотрена группа рядов, в каждом из которых хотя бы один член является лингвистическим термином (в большинстве случаев — калькой по происхождению), таких как *предлог* 'повод' — *предлог* 'часть речи', *частица* 'небольшая часть' — *частица* 'часть речи' и др. В ходе анализа слов этой группы был затронут ряд вопросов, которые также имеют важное лексикографическое и теоретическое значение. Основные выводы, к которым мы пришли в результате этого анализа, таковы: 1) при лексикографировании вообще и при определении в словаре статуса тех или иных терминов (омонимия или полисемия?) в частности следует исходить из их научной дефиниции, хотя в речевой практике неспециалистов может иметь место иное их понимание; 2) из самого факта отнесённости того или иного значения к узкоспециальным не должен автоматически следовать вывод о его омонимичности другому, общеязыковому, значению; решение в этом случае должно приниматься на основании семантического анализа

(ср.: с одной стороны, *лицо* ‘персона’ — *лицо* ‘грамматическая категория’ с очевидной семантической связью, с другой — *причастие* ‘причащение’ — *причастие* ‘часть речи’ при отсутствии такой связи); 3) в большинстве случаев решение вопроса о членимости неоднозначных единиц должно сопутствовать решению вопроса об их омонимии или многозначности и приниматься на тех же самых, семантических, основаниях (если значения *частица* ‘небольшая часть’ и *частица* ‘часть речи’ омонимичны, то второе из них нечленимо, если объединяются как значения одного слова — членимо); 4) дисперсия представителей этой группы на шкале «полисемия — омонимия» также весьма велика (от абсолютной омонимии в паре *причастие* ‘причащение’ — *причастие* ‘часть речи’ до «классической» многозначности в ряду *лицо* ‘часть тела’ — *лицо* ‘персона’ — *лицо* ‘грамматическая категория’, при наличии многочисленных «промежуточных» случаев вроде *союз* ‘связь’ — *союз* ‘часть речи’).

За исключением семантических трактовок, приводившихся нами при анализе терминологической лексики, все остальные мотивировки можно считать в значительной степени субъективными, поскольку они были получены с опорой на речевой опыт отдельного человека (наш собственный). Из этого обстоятельства следует вывод о том, что при решении проблемы омонимии и полисемии и в целях проверки следует обращаться к речевому опыту рядовых носителей языка, показаниям их языкового сознания, методика сбора которых (применительно к нашей проблематике) и была представлена нами в Главе 4.

В результате тестового опроса 30 респондентов (выпускников и студентов филологических факультетов) по каждой паре значений были получены языковые реакции, которые получили свой коэффициент семантической связанности (КСС). Он складывался из оценки данной семантической связи самим респондентом, а также из нашей собственной оценки регулярности этого переноса. В итоге каждый из рядов, по которым проводилось анкетирование, в зависимости от его КСС, был отнесён к одной из трёх групп: 1) многозначные слова; 2) переходные случаи; 3) омонимы. Что касается второй группы, то для подачи рядов, относящихся к ней, был представлен и разработан отдельный графический способ, отличный от

способов подачи омонимов и полисемантов, а также в качестве обязательного постулировано требование отражения семантической мотивации в производном значении.

Таким образом, в качестве двух главных результатов нашего исследования мы можем назвать вывод о необходимости введения дополнительного способа оформления в словаре «промежуточных» случаев и признание необходимости обращения к речевому опыту как можно большего числа носителей языка (за исключением анализа специальной лексики).

Мы считаем, что предлагаемый нами подход к определению семантической связи между значениями и её шкалированию (в целях более адекватной подачи в толковом словаре неоднозначных единиц) обладает по сравнению с более традиционными методами двумя неоспоримыми преимуществами: во-первых, он универсален (мы можем получить языковую реакцию респондента по любой паре значений), во-вторых — более объективен в том смысле, что предполагает опору на языковой опыт значительного числа носителей языка.

Однако применять этот подход следует крайне осторожно: его использование должно сопровождаться введением многочисленных, собственно научных, «фильтров», с одной стороны, в процессе обработки данных (в частности, следует отсеивать языковые реакции тех носителей, из ответов которых видно их незнание реалии и/или незнание значения; кроме того, видоизменяться эти результаты могут в зависимости от того, регулярен ли тот или иной обнаруженный перенос в языке, а это тоже прерогатива исключительно лексиколога), с другой стороны — в процессе отбора материала, по которому предполагается проводить опрос (давать следует только в том или ином отношении спорные случаи, а сама их «спорность» должна определяться в ходе семантического анализа).

Мы предложили лишь модель эффективной, на наш взгляд, методики (теоретически аргументировав её необходимость) и далеки от мысли о том, что описанная нами методика сбора данных идеальна, может в её текущем виде быть использована при составлении толковых словарей и что полученные нами данные о тех парах значений, которые мы предлагали информантам, обладают свойством

репрезентативности и могут включаться в словари как абсолютно адекватные и окончательные.

Поэтому совершенствование методики (в первую очередь, с точки зрения формы: формулировки заданий, иллюстративный материал, возможность и целесообразность проведения устного опроса), её практическая «обкатка», решение вопроса о границах её применимости (применима ли она к членимым словам, к словам других частей речи?), о числе респондентов, необходимом для того, чтобы полученные сведения были репрезентативны (на наш взгляд, оно должно быть больше, причём даже не на один порядок, чем то, которое использовали мы), возможная адаптация методики для нефилологов, уточнение пропорции между собственно научными, лексикологическими, методами и описываемым методом психолингвистического эксперимента в исследовании при сохранении принципиальных моментов (получение от респондента качественного развёрнутого ответа, его оценка им, анализ полученного переноса на регулярность) — вот те основные векторы, по которым должна развиваться разработка проблематики, связанной с разграничением омонимии и полисемии, в дальнейшем (причём продолжать эту работу следует если не в первую очередь, то в значительной мере в социолингвистическом русле).

Отметим также, что предложенная нами методика довольно гибка в том смысле, что допускает возможность трансформации и «обогащения» новыми переменными: если исследователь придерживается отличных от наших общетеоретических установок (скажем, полагает, что различие в словоизменительных парадигмах и/или словообразовательных дериватах также должно учитываться при вынесении вердикта), в этом случае он может видоизменить формулу расчёта КСС, предложив дополнительный параметр (условно: при различиях в словоизменительных парадигмах КСС уменьшается на единицу).

Кроме того, что данные, полученные в результате применения этой «отшлифованной» методики, могут быть использованы при подаче омонимов и многозначных слов в толковых словарях, богатый и интересный материал для

исследования получают и лексикологи, у которых появится возможность комплексного исследования значительного лексического массива на предмет тенденций и закономерностей, действующих в лексической семантике, с позиций антропоцентрического подхода.

Список сокращений

- БАС — Словарь современного русского литературного языка в 20 т. под ред. К. С. Горбачевича
- БТС — Большой толковый словарь русского языка под ред. С. А. Кузнецова
- ВФ — внутренняя форма
- КСС — коэффициент семантической связанности
- ЛСВ — лексико-семантический вариант
- ПЯС — показания языкового сознания
- СА — Словарь омонимов русского языка О. С. Ахмановой
- СК — Словарь омонимов русского языка Н. П. Колесникова
- СУ — Толковый словарь русского языка в 4-х т. под ред. Д. Н. Ушакова
- СШ — Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов под ред. Н. Ю. Шведовой

Литература

1. Абаев В.И. О подаче омонимов в словаре / В. И. Абаев // Вопросы языкознания. — 1957. — № 3. — С. 31 — 43.
2. Алиева П. М. Состояние лингвистической терминологии в современном русском языке (2001 — 2011 г.) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / П. М. Алиева. — Ставрополь, 2011. — 19 с.
3. Апресян В. Ю., Апресян Ю. Д. Метафора в семантическом представлении эмоций / В. Ю. Апресян, Ю. Д. Апресян // Вопросы языкознания. — 1993. — № 3. — С. 27 — 35.
4. Апресян Ю. Д. Избранные труды : т. 1. Лексическая семантика : Синонимические средства языка / Ю. Д. Апресян. — 2-е изд., испр. и доп. — М. : Школа «Языки русской культуры» ; Издательская фирма «Восточная литература РАН», 1995. — 472 с.
5. Апресян Ю. Д. Избранные труды : т. 2. Лексическая семантика : интегральное описание языка и системная лексикография / Ю. Д. Апресян. — 2-е изд., испр. и доп. — М. : Школа «Языки русской культуры» ; Издательская фирма «Восточная литература РАН», 1995. — 768 с.
6. Апресян Ю. Д. Современные методы изучения значений и некоторые проблемы структурной лингвистики / Ю. Д. Апресян // Проблемы структурной лингвистики : Сборник статей / АН СССР. Ин-т рус. яз. ; Отв. ред. С. К. Шаумян. — М. : Изд-во АН СССР, 1963. — С. 102 — 149.
7. Апресян Ю. Д. Толкование лексических значений как проблема теоретической семантики / Ю. Д. Апресян // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. — 1969. — № 1. — С. 39 — 57.
8. Арапова Н. С. Кальки в русском языке послепетровского периода : Опыт слов / Н. С. Арапова. — М. : Изд-во Моск. ун-та, 2000. — 319 с.

9. Арбатский Д. И. Беспредложные падежи имен существительных с процессуальным значением и семантическое словообразование / Д. И. Арбатский // Русское семантическое словообразование : Сборник научных трудов / Удмуртский гос. ун-т им. 50-летия СССР ; Редкол. : В. М. Марков (отв. ред.) и др. — Ижевск : УдГУ, 1984. — С. 142 — 149.
10. Арсеньева М. Г. Многозначность и омонимия / М. Г. Арсеньева, Т. В. Строева, А. П. Хазанович ; Ленинградский ордена Ленина гос. ун-т им. А. А. Жданова. — Изд-во Ленингр. ун-та, 1966. — 256 с.
11. Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс / Н. Д. Арутюнова // Теория метафоры : Сборник : Пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз. / Вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой ; Общ. ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журинской. — М. : Прогресс, 1990. — С. 5 — 32.
12. Ахманова О. С. К вопросу о словосочетании в современном английском языке / О. С. Ахманова // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. — 1950. — Т. 9. — Вып. 6. — С. 476 — 491.
13. Ахманова О. С. Очерки по общей и русской лексикологии / О. С. Ахманова. — М., 1957. — 295 с.
14. Ахманова О. С. Словарь омонимов русского языка / О. С. Ахманова. — Изд. 2-е, стереотип. — М. : Русский язык, 1976. — 448 с.
15. Ахманова О. С., Виноградов В. В., Иванов В. В. О некоторых вопросах и задачах описательной, исторической и сравнительно-исторической лексикологии / О. С. Ахманова, В. В. Виноградов, В. В. Иванов // Вопросы языкознания. — 1963. — № 6. — С. 3 — 24.
16. Бабкин А. М. Лексикографические заметки / А. М. Бабкин. — Вопросы языкознания. — 1955. — № 2. — С. 90 — 97.
17. Барсукова Е. А. Научный термин в общем и терминологическом толковых словарях русского и английского языков (на материале медицинской и

компьютерной терминологий) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Е. А. Барсукова. — М., 2004. — 24 с.

18. Башкирцева О. А. Когнитивная основа семантической структуры слова (на материале предметных существительных с общим значением 'возвышенность конической формы') : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / О. А. Башкирцева. — Красноярск, 2011. — 25 с.

19. Берков В. П. Заметки об определениях терминов в филологических и энциклопедических словарях / В. П. Берков // Проблематика определений терминов в словарях разных типов. — Л., 1976. — С. 140 — 144.

20. Благовещенский О. В. Заметки об омонимах и их подаче в словаре / О. В. Благовещенский // Вопросы языкознания. — 1973. — № 6. — С. 120 — 126.

21. Блинова О. И. Мотивология и ее аспекты / О. И. Блинова. — Томск : Изд-во Томского ун-та, 2007. — 394 с.

22. Болдина О. П. Экспериментально-теоретическое исследование семантического расстояния деривационно связанных слов в русском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / О. П. Болдина. — Барнаул, 2006. — 21 с.

23. Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С. А. Кузнецова. — СПб. : Норинт, 2003. — 1536 с.

24. Брянцева Т. Г., Цейтлин Т. М. Инструкция для составления «Словаря современного русского литературного языка» (в трех томах) / Т. Г. Брянцева, Т. М. Цейтлин // Вопросы языкознания. — 1954. — № 3. — С. 111 — 122.

25. Будагов Р. А. К проблеме устойчивых и подвижных элементов в лексике / Р. А. Будагов // Известия АН СССР. — 1951. — Т. 10. — Вып. 2. — С. 105 — 115.

26. Будагов Р. А. Очерки по языкознанию / Р. А. Будагов. — М. : Изд-во АН СССР, 1953. — 279 с.
27. Будагов Р. А. Слово и его значение : Научно-популярный очерк / Р. А. Будагов. — Л., 1947. — 66 с.
28. Булаховский Л. А. Введение в языкознание. Ч. 2 / Л. А. Булаховский. — М., 1953. — 174 с.
29. Булаховский Л. А. Дезтимологизация в языке / Л. А. Булаховский // Труды Ин-та рус. яз. АН СССР. — 1949. — Т. 1. — С. 147 — 209.
30. Булаховский Л. А. Из жизни омонимов / Л. А. Булаховский // Сб. «Русская речь» ; т. 3. — Л. : «Academia», 1928. — С. 47 — 60.
31. Варина В. Г. Лексическая семантика и внутренняя форма языковых единиц / В. Г. Варина // Принципы и методы семантических исследований. — М. : Наука, 1976. — С. 233 — 244.
32. Введенская Л. А. К вопросу о путях развития омонимов в русском языке / Л. А. Введенская // Русский язык в школе. — 1963. — № 3. — С. 50 — 52.
33. Вежбицкая А. Сравнение — градация — метафора / А. Вежбицкая // Теория метафоры : Сборник : Пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз. / Вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой ; Общ. ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной. — М. : Прогресс, 1990. — С. 133 — 152.
34. Виноградов В. В. О грамматической омонимии в современном русском языке / В. В. Виноградов // Русский язык в школе. — 1940. — № 1. — С. 1 — 11.
35. Виноградов В. В. О некоторых вопросах теории русской лексикографии / В. В. Виноградов // Вопросы языкознания. — 1956. — № 5. — С. 3 — 17.

36. Виноградов В. В. О формах слова / В. В. Виноградов // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. — 1941. — Т. 3. — Вып. 1. — С. 31 — 44.
37. Виноградов В. В. Об омонимии и смежных явлениях / В. В. Виноградов // Вопросы языкознания. — 1960. — № 5. — С. 3 — 17.
38. Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове / В. В. Виноградов ; Моск. ордена Ленина гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. — М., Л. : Гос. учеб.-пед. изд-во, 1947. — 783 с.
39. Виноградов В. В. Современный русский язык. Вып. 1-й. Введение в грамматическое учение о слове : Пособие для литературно-лингвистич. фак-тов высш. учеб. заведений : Утв. Наркомпросом РСФСР / В. В. Виноградов. — М. : Учпедгиз, 1938. — 160 с.
40. Виноградов С. Н. Знаково-интерпретационный аспект русской лингвистической терминологии : автореф. дис. ... докт. филол. наук : 10.02.01, 10.02.19 / С. Н. Виноградов. — Н. Новгород, 2011. — 39 с.
41. Воронцова Т. А. Южнославянские и русские огласовки как средство противопоставления омонимических значений / Т. А. Воронцова // Русское семантическое словообразование : Сборник научных трудов / Удмуртский гос. ун-т им. 50-летия СССР ; Редкол. : В. М. Марков (отв. ред.) и др. — Ижевск : УдГУ, 1984. С. 127 — 130.
42. Гак В. Г. К диалектике семантических отношений в языке / В. Г. Гак // Принципы и методы семантических исследований. — М. : Наука, 1976. — С. 73 — 92.
43. Гак В. Г. О семантической относительности языковых единиц / В. Г. Гак // Всесоюзная научная конференция по теоретическим вопросам языкознания. — М. : Ин-т языкознания, 1974. — С. 23 — 29.

44. Гак В. Г. Об относительности лексикологических категорий в лексикографии / В. Г. Гак // Проблемы учебной лексикографии и обучения лексике : Сборник статей. — М. : Русский язык, 1978. — С. 13 — 24.
45. Гак В. Г. Семантическая структура слова как компонент семантической структуры высказывания / В. Г. Гак // Семантическая структура слова : Психолингвистические исследования. — М. : Наука, 1971. — С. 78 — 98.
46. Гак В. Г. Языковые преобразования. — М. : Школа «Языки русской культуры», 1998. — 768 с. : ил.
47. Галкина-Федорук Е. М. К вопросу об омонимах в русском языке / Е. М. Галкина-Федорук // Русский язык в школе. — 1954. — № 3. — С. 14 — 19.
48. Герд А. С. Терминологическое значение и типы терминологических значений / А. С. Герд // Проблематика определений терминов в словарях разных типов. — Л., 1976. — С. 101 — 107.
49. Гимпелевич В. С. О членимости заимствованных слов в русском языке / В. С. Гимпелевич // Словообразование. Членимость слова : Развитие современного русского языка : Сборник статей / АН СССР, Ин-т рус. яз. / Отв. ред. Е. А. Земская. — М. : Наука, 1975. — С. 192 — 198.
50. Гловинская М. Я. О зависимости морфемной членимости слова от степени его синтагматической фразеологизации / М. Я. Гловинская // Словообразование. Членимость слова : Развитие современного русского языка : Сборник статей / АН СССР, Ин-т рус. яз. / Отв. ред. Е. А. Земская. — М. : Наука, 1975. — С. 26 — 45.
51. Головин Б. Н. Омонимы в современном русском литературном языке / Б. Н. Головин // Вопросы преподавания современного русского языка в вузе. Материалы Горьковской межвузовской лингвистической конференции. — Горький, 1960. — С. 67 — 73.

52. Головня А. И. Омонимия как системная категория языка : Монография / А. И. Головня. — Минск : БГУ, 2007. — 132 с.
53. Голуб И. Б. Русский язык и культура речи : Учебное пособие / И. Б. Голуб. — М. : Логос, 2003. — 432 с.
54. Гранкина А. Н. Дифференцирующая и регулирующая функции внутренней формы слова : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / А. Н. Гранкина. — Томск, 2012. — 22 с.
55. Данилова З. П. Адъективные образования от прилагательных со значением цвета / З. П. Данилова // Русское семантическое словообразование : Сборник научных трудов / Удмуртский гос. ун-т им. 50-летия СССР ; Редкол. : В. М. Марков (отв. ред.) и др. — Ижевск : УдГУ, 1984. — С. 112 — 117.
56. Денисов П. Н. Лексика русского языка и принципы ее описания / П. Н. Денисов. — М. : Русский язык, 1980. — 253 с.
57. Денисов П. Н. Практика, история и теория лексикографии в их единстве и взаимообусловленности / П. Н. Денисов // Проблемы учебной лексикографии и обучения лексике : Сборник статей. — М. : Русский язык, 1978. — С. 25 — 33.
58. Джонсон М., Лакофф Д. Метафоры, которыми мы живём / М. Джонсон, Д. Лакофф // Теория метафоры : Сборник : Пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз. / Вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой ; Общ. ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной. — М. : Прогресс, 1990. — С. 387 — 415.
59. Дискуссия по вопросам омонимии на открытом заседании Ученого совета Ленинградского отделения Института языкознания АН СССР // Лексикографический сборник. — 1960. — Вып. 4. — С. 35 — 92.
60. Дубынина Н. В. Проблема разграничения полисемии и омонимии в двуязычной лексикографии (из истории французско-русской лексикографии) / Н. В. Дубынина // Филологические науки. — 2005. — №3. — С. 69 — 79.

61. Дэвидсон Д. Что означают метафоры / Д. Дэвидсон // Теория метафоры : Сборник : Пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз. / Вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой ; Общ. ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной. — М. : Прогресс, 1990. — С. 173 — 193.

62. Евлоева З. И. Русская лингвистическая терминология в эволютивном аспекте : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / З. И. Евлоева. — Нальчик, 2006. — 24 с.

63. Ермакова О. П. Проблемы лексической семантики производных и членимых слов : автореф. дис. ... докт. филол. наук : 10.02.01 / О. П. Ермакова. — М., 1977. — 39 с.

64. Ермакова О. П. Соотнесение формальной и смысловой членимости у некоторых типов производных слов, имеющих только переносное значение / О. П. Ермакова // Словообразование. Членимость слова : Развитие современного русского языка : Сборник статей / АН СССР, Ин-т рус. яз. / Отв. ред. Е. А. Земская. — М. : Наука, 1975. — С. 202 — 206.

65. Ермакова О. П., Земская Е. А. Сопоставительное изучение словообразования и внутренняя форма слова / О. П. Ермакова, Е. А. Земская // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. — 1985. — Т. 44. — № 6. — С. 519 — 525.

66. Еселевич И. Э. Семантическое словообразование и категория собирательности / И. Э. Еселевич // Русское семантическое словообразование : Сборник научных трудов / Удмуртский гос. ун-т им. 50-летия СССР ; Редкол. : В. М. Марков (отв. ред.) и др. — Ижевск : УдГУ, 1984. — С. 50 — 71.

67. Ефремов Л. П. Калькирование как одна из причин возникновения лексической омонимии / Л. П. Ефремов // Известия АН Казахской ССР. Серия филологии и искусствоведения. — 1962. — Вып. 2 (21). — С. 47 — 55.

68. Жученко Н. К. Роль многозначности префиксов в образовании глагольных омонимов / Н. К. Жученко // Вопросы теории и методики изучения русского языка. Тр. 2-й научной конференции кафедр русского языка пед. ин-тов Поволжья. — Куйбышев, 1961. — С. 126 — 139.

69. Зализняк Анна А. Заметки о метафоре / Анна А. Зализняк // Слово в тексте и словаре : Сб. ст. к семидесятилетию акад. Ю. Д. Апресяна / Рос. акад. наук. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова, Ин-т проблем передачи информации ; Сост. : И. М. Богуславский и др. ; Отв. ред. : Л. Л. Иомдин, Л. П. Крысин. — М. : Яз. рус. культуры, 2000. — С. 82 — 90.

70. Зализняк Анна А. Многозначность в языке и способы ее представления / Анна А. Зализняк. — М. : Языки славянских культур, 2006. — 672 с.

71. Зализняк Анна А. Семантический переход как объект типологии / Анна А. Зализняк // Вопросы языкознания. — 2013. — № 2. — С. 32 — 51.

72. Заянчковский И. Ф. Животные, приметы и предрассудки / И. Ф. Заянчковский. — М. : Знание, 1991. — 256 с. : ил.

73. Земская Е. А. К проблеме множественности морфонологических интерпретаций (спорные случаи членения производных слов в современном русском языке) / Е. А. Земская // Словообразование. Членимость слова : Развитие современного русского языка : Сборник статей / АН СССР, Ин-т рус. яз. / Отв. ред. Е. А. Земская. — М. : Наука, 1975. — С. 69 — 88.

74. Инструкция для составления «Словаря современного русского литературного языка (в пятнадцати томах)» / Акад. наук СССР. Ин-т языкознания. Словарный сектор. — М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР. Ленингр. отд-ние, 1958. — 86 с.

75. Иорданская Л. Н. К способам различения омонимии языковых элементов при машинном переводе / Л. Н. Иорданская // Питання прикладної лінгвістики. Тези доповідей міжвузівської наукової конференції 22 — 28 вересня

1960 року. — Видання Чернівецького державного університету, 1960. — С. 101 — 102.

76. Иорданская Л. Н. Синтаксическая омонимия в русском языке (с точки зрения автоматического анализа и синтеза) / Л. Н. Иорданская // Научно-техническая информация. — Сер. 2 : Информационные процессы и системы. — № 5. — М., 1967. — С. 9 — 17.

77. Искоз А. М., Линкова А. Ф. К вопросу об омонимии слов / А. М. Искоз, А. Ф. Линкова // Труды Ленинградского государственного библиотечного института им. Н.К. Крупской. — Л., 1963. — Т. 10. — С. 97 — 108.

78. К обсуждению вопроса об омонимии (обзор статей, поступивших в редакцию) // Вопросы языкознания. — 1959. — № 2. — С. 45 — 50.

79. Казкенова А. К. Мотивированность заимствованного слова (на материале современного русского языка) / А. К. Казкенова // Вопросы языкознания. — 2003. — № 5. — С. 72 — 80.

80. Карцевский С. О. Об асимметричном дуализме лингвистического знака / С. О. Карцевский // Из лингвистического наследия С. И. Карцевский; Сост., пер., вступ. ст. и коммент. И. И. Фужерон [и др.]. — Т. 2. — М.: Яз. славян. культуры, 2004. — С. 239 — 245.

81. Касарес Х. Введение в современную лексикографию / Пер. с испан. Н. Д. Арутюновой; Ред., предисл. и примеч. Г. В. Степанова. — М.: Изд-во иностр. лит., 1958. — 354 с.

82. Кацнельсон С. Д. Содержание слова, значение и обозначение / С. Д. Кацнельсон. — М.; Л., 1965. — 110 с.

83. Кипиани Н. А. О семантическом словообразовании в сфере имен существительных на -ость / Н. А. Кипиани // Русское семантическое словообразование : Сборник научных трудов / Удмуртский гос. ун-т им. 50-летия

СССР ; Редкол. : В. М. Марков (отв. ред.) и др. — Ижевск : УдГУ, 1984. — С. 105 — 111.

84. Клименко А. П. К оценке результатов качественных синтагматических экспериментов / А. П. Клименко // Семантическая структура слова : Психолингвистические исследования. — М. : Наука, 1971. — С. 63 — 77.

85. Климова Е. Н. Омонимия и смежные с нею явления во фразеологии русского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Е. Н. Климова. — Иваново, 2012. — 22 с.

86. Климовицкий Я. А. Термин и обусловленность определения понятия в системе / Я. А. Климовицкий // Проблематика определений терминов в словарях разных типов. — Л., 1976. — С. 107 — 114.

87. Кобрицов Б. П. Модели многозначности русской предметной лексики: глобальные и локальные правила разрешения омонимии : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Б. П. Кобрицов. — М., 2004. — 21 с.

88. Коготкова Т. С. Терминология и межфункционально-стилевая «омонимия» / Т. С. Коготкова // Проблематика определений терминов в словарях разных типов. — Л., 1976. — С. 204 — 215.

89. Колесников Н. П. Словарь омонимов русского языка / Н. П. Колесников. — 2-е изд., испр. — Тбилиси : Изд-во Тбилисского ун-та, 1978. — 632 с.

90. Колесов В. В. Исторические основания многозначности слова и лингвистические средства ее устранения / В. В. Колесов // Русское семантическое словообразование : Сборник научных трудов / Удмуртский гос. ун-т им. 50-летия СССР ; Редкол. : В. М. Марков (отв. ред.) и др. — Ижевск : УдГУ, 1984. — С. 18 — 28.

91. Колшанский Г. В. Некоторые вопросы семантики языка в гносеологическом аспекте / Г. В. Колшанский // Принципы и методы семантических исследований. — М. : Наука, 1976. — С. 5 — 30.
92. Комарова З. И. Семантическая структура специального слова и ее лексикографическое описание / З. И. Комарова. — Свердловск : Изд-во Урал. Ун-та, 1991. — 156 с.
93. Комарова Л. Н. О терминологической лексике в «Словаре иностранных слов» / Л. Н. Комарова // Проблематика определений терминов в словарях разных типов. — Л., 1976. — С. 144—152.
94. Королева О. Э. Метонимия как тип значения: семантическая характеристика и сферы употребления / О. Э. Королева. — Обнинск : Ин-т муниципального управления, 2002. — 158 с.
95. Королева О. Э. Проблемы субстантивной омонимии : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / О. Э. Королева. — М., 2003. — 16 с.
96. Кострубина Е. А. Гиперконцепт Семья/Дом — Family/Home в русской и английской лингвокультурах : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Е. А. Кострубина. — М., 2011. — 21 с.
97. Котелова Н. З. Значение слова и его сочетаемость (к формализации в языкознании) / Н. З. Котелова. — Л. : Наука, 1975. — 164 с.
98. Котелова Н. З. Семантическая характеристика терминов в словарях / Н. З. Котелова // Проблематика определений терминов в словарях разных типов. — Л., 1976. — С. 30 — 44.
99. Кривова Н. Ф. Семантическое словообразование на базе конфиксальных прилагательных с начальным без- / Н. Ф. Кривова // Русское семантическое словообразование : Сборник научных трудов / Удмуртский гос. ун-т им. 50-летия СССР ; Редкол. : В. М. Марков (отв. ред.) и др. — Ижевск : УдГУ, 1984. — С. 123 — 126.

100. Кронгауз М. А. Семантика : Учебник для студ. лингв. фак. высш. учеб. заведений / М. А. Кронгауз. — 2-е изд., испр. и доп. — М. : Издательский центр «Академия», 2005. — 350 с. : ил.
101. Крушевский Н. Очерк науки о языке / Н. Крушевский // Изв. и учен. зап. Имп. Казан. ун-та. — Казань, 1883. — Т. 19. — 148 с.
102. Крысин Л. П. Лексическое заимствование и калькирование в русском языке последних десятилетий / Л. П. Крысин // Вопросы языкознания. — 2002. — № 6. — С. 27 — 34.
103. Крысин Л. П. Слово в современных текстах и словарях : Очерки о русской лексике и лексикографии / Л. П. Крысин. — М. : Знак, 2008. — 320 с.
104. Кузнецова А. И. Понятие семантической системы языка и методы ее исследования / А. И. Кузнецова. — М. : Изд-во Моск.ун-та, 1963. — 58 с.
105. Кузнецова А. И., Ефремова Т. Ф. Словарь морфем русского языка : Ок. 52 000 слов. — М. : Рус. яз., 1986. — 1136 с.
106. Кунгушева И. А. Явление демотивации слов в русском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / И. А. Кунгушева. — Томск, 2003. — 19 с.
107. Курилович Е. Очерки по лингвистике : Сб. статей : Пер. с польского, французского, английского, немецкого / Е. Курилович ; Общ. ред. В. А. Звегинцева. — М. : Издательство иностранной литературы, 1962. — 456 с.
108. Кустова Г. И. Типы производных значений и механизмы языкового расширения / Г. И. Кустова. — М. : Языки славянской культуры, 2004. — 472 с.
109. Кутина Л. Л. Омонимы в толковых словарях русского языка / Л. Л. Кутина // Лексикографический сборник. — 1957. — Вып. 2. — С. 54 — 65.

110. Кутина Л. Л. Термин в филологических словарях (к антитезе : энциклопедическое — филологическое) / Л. Л. Кутина // Проблематика определений терминов в словарях разных типов. — Л., 1976. — С. 19 — 30.
111. Лаухина С. С. Омонимия фразеологизмов и терминологических словосочетаний в современном русском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / С. С. Лаухина. — Челябинск, 2006. — 22 с.
112. Левицкий В. В. Экспериментальные данные к проблеме смысловой структуры слова / В. В. Левицкий // Семантическая структура слова : Психолингвистические исследования. — М. : Наука, 1971. — С. 151 — 168.
113. Маккормак Э. Когнитивная теория метафоры / Э. Маккормак // Теория метафоры : Сборник : Пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз. / Вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой ; Общ. ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной. — М. : Прогресс, 1990. — С. 358 — 386.
114. Леонтьев А. А. Психолингвистический аспект языкового значения / А. А. Леонтьев // Принципы и методы семантических исследований. — М. : Наука, 1976. — С. 46 — 73.
115. Липатов А. Т. Семантические аспекты проявления русской омонимии на разных языковых уровнях : автореф. дис. ... доктора филол. наук : 10.02.01 / А. Т. Липатов. — 45 с. : ил.
116. Лингвистический энциклопедический словарь / Научно-редакционный совет изд-ва «Сов. энциклопедия», Ин-т языкознания АН СССР / Гл. ред. В. Н. Ярцева. — М. : Сов. энциклопедия, 1990. — 682 с. : ил.
117. Малаховский Л. В. Специальные термины в общем словаре : принципы отбора и толкования (на материале английской лексикографии) / Л. В. Малаховский // Проблематика определений терминов в словарях разных типов. — Л., 1976. — С. 222 — 227.

118. Марков В. М. О семантическом способе образования слов / В. М. Марков // Русское семантическое словообразование : Сборник научных трудов / Удмуртский гос. ун-т им. 50-летия СССР ; Редкол. : В. М. Марков (отв. ред.) и др. — Ижевск : УдГУ, 1984. — С. 3 — 12.

119. Марков В. М. Семантическое словообразование и школа / В. М. Марков // Русское семантическое словообразование : Сборник научных трудов / Удмуртский гос. ун-т им. 50-летия СССР ; Редкол. : В. М. Марков (отв. ред.) и др. — Ижевск : УдГУ, 1984. — С. 135 — 137.

120. Маркова Э. В. Семантический способ образования имен со значением орудия действия в русском языке / Э. В. Маркова // Русское семантическое словообразование : Сборник научных трудов / Удмуртский гос. ун-т им. 50-летия СССР ; Редкол. : В. М. Марков (отв. ред.) и др. — Ижевск : УдГУ, 1984. — С. 72 — 83.

121. Маслов Ю. С. Омонимия в словарях и омонимия в языке / Ю. С. Маслов // Вопросы теории и истории языка : Сборник в честь профессора Б. А. Ларина. — Л. : Изд-во Ленинградского ун-та. — Л., 1963. — С. 198 — 202.

122. Мельчук И. А. Об определении большей/меньшей смысловой сложности при словообразовательных отношениях / И. А. Мельчук // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. — 1969. — № 2. — С. 126 — 135.

123. Миллер Д. А. Образы и модели, уподобления и метафоры / Д. А. Миллер // Теория метафоры : Сборник : Пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз. / Вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой ; Общ. ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной. — М. : Прогресс, 1990. — С. 236 — 283.

124. Михайловская Н. Г., Хао У. К проблеме межстилевой омонимии («люди» и «животные» в литературном языке и аргю) / Н. Г. Михайловская, У Хао // Русский язык в школе. — 2002. — № 4. — С. 87 — 91.

125. Моисеев А. И. К определению терминов в словарях / А. И. Моисеев // Проблематика определений терминов в словарях разных типов. — Л., 1976. — С. 234 — 250.
126. Москвин В. П. Русская метафора : Очерк семиотической теории / В. П. Москвин. — Изд. 2-е, перераб. и доп. — М. : ЛЕНАНД, 2006. — 184 с.
127. Москвичева С. А. Формальная дифференциация лексико-семантических вариантов слова в русском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / С. А. Москвичева. — М., 2002. — 23 с.
128. Мучник Б. С. Многозначность и многовыраженность / Б. С. Мучник // Русский язык в школе. — 1991. — №1. — С. 27 — 31.
129. Никифорова Е. Б. Семантическая эволюция лексической системы русского языка : тенденции, векторы, механизмы : автореф. дис. ... доктора филол. наук : 10.02.01 / Е. Б. Никифорова. — Волгоград, 2008. — 45 с.
130. Новиков Л. А. К проблеме омонимии / Л. А. Новиков // Лексикографический сборник. — 1960. — Вып. 4. — С. 93 — 102.
131. Новиков Л. А. Об одном из способов разграничения полисемии и омонимии / Л. А. Новиков // Русский язык в школе. — 1960. — № 3. — С. 10 — 14.
132. Новиков Л. А. Омонимия имен существительных в современном русском литературном языке, возникающая в результате распада полисемии и связанная с категорией числа : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Л. А. Новиков. — М., 1961. — 18 с.
133. Озерова Е. А. Гнездо с вершиной коса как структурно-семантическое целое : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Е. А. Озерова. — М., 2002. — 23 с.

134. Ольховская А. И. О гипонимическом способе развития многозначности / А. И. Ольховская // Научный диалог. — 2012. — № 3. Филология. — С. 34 — 50.

135. Осипов Б. И. О лексикографической интерпретации семантического словообразования / Б. И. Осипов // Русское семантическое словообразование : Сборник научных трудов / Удмуртский гос. ун-т им. 50-летия СССР ; Редкол. : В. М. Марков (отв. ред.) и др. — Ижевск : УдГУ, 1984. — С. 131 — 134.

136. Очерки по лингвистической детерминалогии и дериватологии русского языка : Кол. монография / Под ред. Н. Д. Голева ; Министерство общего и профессионального образования РФ. Алтайский гос. ун-т. — Барнаул : Изд-во Алтайского гос. ун-та, 1998. — 252 с.

137. Павлов В. М. О психолингвистическом подходе к лингвистическим задачам в области семантики / В. М. Павлов // Тезисы VI Всесоюзного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. — М., 1978. — С. 151 — 154.

138. Паламарчук И. С. Терминологическая лексика в общеязыковом (филологическом) словаре / И. С. Паламарчук // Проблематика определений терминов в словарях разных типов. — Л., 1976. — С. 250 — 257.

139. Панина А. С. Семантические критерии при описании неоднозначной лексики: к проблеме разграничения омонимии, полисемии и моносемии / А. С. Панина // Актуальные вопросы японского и общего языкознания : Памяти И. Ф. Вардуля / Отв. ред. В. М. Алпатов, З. М. Шаляпина ; Сост. А. С. Панина ; Ин-т востоковедения. — М. : Вост. лит., 2005. — С. 349 — 358.

140. Панов М. В., Сабаткоев Р. Б. Русский язык. Лексика. Фонетика. Теория письма. Морфология : Учеб. пособие для учащихся национальных педучилищ РСФСР / М. В. Панов, Р. Б. Сабаткоев. — Л. : Просвещение, 1982. — 475 с.

141. Панов М. В. Труды по общему языкознанию и русскому языку. Т. 1 / Под ред. Е. А. Земской, С. М. Кузьминой. — М. : Языки славянской культуры, 2004. — 568 с.
142. Паршина О. Д. Терминологическая лексика в аспекте семантики, структуры и функционирования (дидактика) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / О. Д. Паршина. — Уфа, 2006. — 17 с.
143. Петерсон М. Н. Современный русский язык / М. Н. Петерсон. — М., 1929. — 77 с.
144. Петрова Н. Е. Грамматикализация внутренней формы слова как номинативный ресурс языка : автореф. дис. ... докт. филол. наук : 10.02.01 / Н. Е. Петрова. — М., 2009. — 38 с.
145. Пешковский А. М. Лингвистика. Поэтика. Стилистика : Избранные труды : Учеб. пособие / А. М. Пешковский ; Сост. и науч. редактор О. В. Никитин. — М. : Высшая школа, 2007. — 800 с. : ил.
146. Пигалева И. Р. Специфика дистрибутивности терминологического использования общеупотребительного многозначного слова : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / И. Р. Пигалева. — Ставрополь, 2006. — 23 с.
147. Пименова М. Вас. Лексико-семантический синкретизм как проявление формально-содержательной языковой асимметрии / М. Вас. Пименова // Вопросы языкознания. — 2011. — № 3. — С. 19 — 48.
148. Потебня А. А. Из записок по русской грамматике / А. А. Потебня ; отв. ред. акад. И. И. Мещанинов ; ред. : А. В. Ветухов, Н. Д. Мальцев, Ф. П. Филин ; АН СССР, Ин-т яз. и мышления им. Н. Я. Марра . — М. : Издательство Академии Наук СССР ; Л., 1941. — Т. 4. — 318 с.
149. Потураева Е. А. Метафорическая интерпретация концептуальной сферы «Дом» в русской языковой картине мира : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Е. А. Потураева. — Кемерово, 2011. — 25 с.

150. Пророкова В. М. Некоторые особенности омонимии в немецком языке / В. М. Пророкова // Вопросы языкознания. — 1960. — № 5. — С. 76 — 79.
151. Реформатский А. А. Введение в языковедение. Учеб. для филол. фактов пед. ин-тов / А. А. Реформатский. — Изд. 4-е, испр. и доп. — М. : Просвещение, 1967. — 542 с.
152. Реформатский А. А. О членимости слова / А. А. Реформатский // Словообразование. Членимость слова : Развитие современного русского языка : Сборник статей / АН СССР, Ин-т рус. яз. / Отв. ред. Е. А. Земская. — М. : Наука, 1975. — С. 5 — 13.
153. Реформатский А. А. Термин как член лексической системы языка / А. А. Реформатский // Проблемы структурной лингвистики. — М., 1968. — С. 109 — 122.
154. Руткевич С. А. Лексическое калькирование как билингвальный номинативный процесс : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / С. А. Руткевич. — Минск, 1991. — 20 с. : ил.
155. Русский язык и советское общество (социолого-лингвистическое исследование) / Под ред. М. В. Панова. — М. : Наука, 1968. — 1 — 4 кн.
156. Русский язык по данным массового обследования : Опыт социально-лингвистического изучения / Под ред. Л. П. Крысина. — М. : Наука, 1974. — 352 с.
157. Ручимская Е. М. О разной трактовке соотношения омонимов, омофонов, омографов / Е. М. Ручимская // Русская речь. — 2012. — № 3. — С. 47 — 52.
158. Санников В. З. Краткий словарь русских острот / В. З. Санников. — М. : Рукописные памятники Древней Руси, 2012. — 376 с.
159. Селиверстова О. Н. К вопросу об определении значения и методах его описания / О. Н. Селиверстова // Всесоюзная научная конференция по

теоретическим вопросам языкознания (11 — 16 ноября 1974 г.) : Тезисы докладов секционных заседаний. — М., 1974. — С. 166 — 169.

160. Семантика русского языка : Учеб. пособие для филол. спец. ун-тов / Л. А. Новиков. — М. : Высш. шк., 1982. — 272 с.

161. Семантические вопросы словообразования : Производящее слово / М. Н. Янценецкая, Н. Б. Лебедева, Н. Е. Грушко и др. ; Под ред. М. Н. Янценецкой ; Томский гос. ун-т им. В. В. Куйбышева. — Томск : Изд-во Томского ун-та, 1991. — 272 с.

162. Скляревская Г. Н. Метафора в системе языка / Г. Н. Скляревская. — 2-е изд., стереотипное. — Спб. : Филологический факультет СПбГУ, 2004. — 166 с.

163. Словарь русского языка : В 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз. ; Под ред. А. П. Евгеньевой. — 2-е изд., испр. и доп. — М. : Русский язык, 1981 — 1984.

164. Словарь современного русского литературного языка : В 20 т. / РАН. Ин-т рус. яз. / Гл. ред. К. С. Горбачевич. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Рус. яз., 1991.

165. Смирницкий А. И. Значение слова / А. И. Смирницкий // Вопросы языкознания. — 1955. — № 2. — С. 79 — 89.

166. Смирницкий А. И. К вопросу о слове (Проблема «отдельности слова») / А. И. Смирницкий // Вопросы теории и истории языка в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию / Ред. коллегия : акад. Г. Ф. Александров и др. ; АН СССР. Ин-т языкознания ; Ин-т философии. — М. : Изд-во АН СССР, 1948. — С. 182 — 203.

167. Смирницкий А. И. К вопросу о слове (Проблема «тождества слова») / А. И. Смирницкий // Труды института языкознания АН СССР. — 1954. — Т. 4. — С. 4 — 49.

168. Смирницкий А. И. Лексическое и грамматическое в слове / А. И. Смирницкий // Вопросы грамматического строя : Сборник статей / Ред.

коллегия : акад. В. В. Виноградов и др. ; АН СССР. Ин-т языкознания. — М., 1955. — С. 10 — 53.

169. Соболева П. А. Словообразовательная полисемия и омонимия / П. А. Соболева. — М. : Наука, 1980. — 294 с. : схем.

170. Современный русский язык : Лексика. Фразеология. Морфология : Учеб. для студентов вузов, обучающихся по направлению и специальности «Журналистика» / Л. И. Рахманова, В. Н. Суздальцева. — 2-е изд., испр. и доп. — М. : Аспект Пресс, 2003. — 463 с.

171. Современный русский язык : Учеб. для студентов пед. ин-тов по специальности № 2101 «Рус. яз. и лит.» : В 3 ч. Ч. 1. Введение. Лексика. Фразеология. Фонетика. Графика и орфография / Н. М. Шанский, В. В. Иванов. — 2-е изд., испр. и доп. — М. : Просвещение, 1987. — 192 с.

172. Соколов О. М. Вопросы структурно-семантической дивергенции в лексике / О. М. Соколов / Отв. ред. С. О. Соколова. — Нежин : ТОВ «Гідромакс», 2009. — 332 с.

173. Соколова А. Г. Лексикографическая дефиниция как предмет лингвистического описания : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / А. Г. Соколова. — Архангельск, 2011. — 23 с.

174. Степанченко И. И. Об изучении метафор стиля на экспериментальной основе / И. И. Степанченко // Вопросы лексической семантики : Сборник научных трудов. — М., 1980. — С. 96 — 112.

175. Тимофеев В. П. Исходная (словарная) форма слова в русском языке / В. П. Тимофеев. — Свердловск, 1971. — 185 с.

176. Толковый словарь русского языка : В 4-х т. / Гос. ин-т / Под ред. Д. Н. Ушакова. — М. : Сов. энциклопедия ; ОГИЗ, 1935.

177. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов : 82 000 слов и фразеологических выражений / РАН, Отд-ние ист.-филологических наук, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова / Н. Ю. Шведова, Л. В. Куркина, Л. П. Крысин / Отв. ред. Н. Ю. Шведова. — М. : Азбуковник, 2007. — 1164 с. : табл.
178. Толмачева З. А. Образование омонимов путем распада полисемии / З. А. Толмачева // Русский язык в школе. — 1959. — № 4. — С. 28 — 33.
179. Трейбал В. Морфологические средства выражения лексико-семантических вариантов имен существительных в русском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / В. Трейбал. — М., 1986. — 16 с.
180. Трубачёв О. Н. Этимологические исследования и лексическая семантика / О. Н. Трубачёв // Принципы и методы семантических исследований. — М. : Наука, 1976. — С. 147 — 179.
181. Тубалова И. В. Показания языкового сознания как источник изучения явления мотивации слов : дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / И. В. Тубалова. — Томск, 1995. — 249 с.
182. Тышлер И. С. К вопросу о судьбе омонимов / И. С. Тышлер // Вопросы языкознания. — 1960. — № 5. — С. 80 — 84.
183. Тышлер И. С. Словарь омонимов современного английского языка / И. С. Тышлер. — Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 1963. — 232 с.
184. Усатый И. Б. Терминология частей речи в современном русском языкознании : По текстам научной, учебной и справочной литературы : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / И. Б. Усатый. — Н. Новгород, 2009. — 22 с.
185. Ушаков Д. Н. Краткое введение в науку о языке / Д. Н. Ушаков. — 7-е изд. — М. : Работник просвещения, 1925. — 146 с.

186. Фалькович М. М. К вопросу об омонимии и полисемии / М. М. Фалькович // Вопросы языкознания. — 1960. — № 5. — С. 85 — 88.
187. Фасмер М. Р. Греко-славянские этюды. Ч. 3 : Греческие заимствования в русском языке / М. Р. Фасмер. — Спб., 1909. — 235 с.
188. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : В 4 т. / М. Фасмер ; Пер. с нем и доп. О. Н. Трубачёва. — 4-е изд., стер. — М. : ООО «Издательство Астрель» : ООО «Издательство АСТ», 2003.
189. Филин Ф. П. О слове и вариантах слова / Ф. П. Филин // Морфологическая структура слова в языках разных типов. — М. — Л. : Изд-во АН СССР, 1963. — С. 128 — 133.
190. Фомина М. И. Современный русский язык. Лексикология : Учеб. для филол. вузов. — 3-е изд., испр. и доп. — М. : Высш. шк., 1990. — 415 с.
191. Фразеологический словарь русского языка : Свыше 4000 словарных статей / Под ред. А. Н. Молоткова. — 4-е изд., стереотип. — М. : Рус. яз., 1986. — 543 с.
192. Фрумкина Р. М. Психолингвистика : Учеб. для студ. высш. учеб. заведений / Р. М. Фрумкина. — М. : Издательский центр «Академия», 2001. — 315 с. : табл.
193. Халина Н. В. Роль префикса в формировании многозначности мотивированного глагола / Н. В. Халина // Проблемы лексической и словообразовательной мотивации в русском языке : Межвузовский сборник научных статей. — Барнаул : Изд-во Алтайского ун-та, 1986. — С. 79 — 90.
194. Хурамшина К. Я. Семантическая структура словообразовательных цепочек с многозначным исходным глаголом (на материале глаголов звучания) / К. Я. Хурамшина // Проблемы лексической и словообразовательной мотивации в русском языке : Межвузовский сборник научных статей. — Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 1986. — С. 106 — 112.

195. Цоллер В. Н. Многозначность производных слов / В. Н. Цоллер // Русский язык в школе. — 1989. — №4. — С. 81 — 86.
196. Чанчина А. В. Проблема мотивированности и членимости слов с «десемантизированным» корнем (на материале современного русского языка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / А. В. Чанчина. — Н. Новгород, 2010. — 20 с.
197. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка : 13560 слов : В 2 т. / П. Я. Черных. — 9-е изд., стер. — М. : Дрофа : Рус. яз. Медиа, 2009.
198. Черных П. Я. Очерк русской исторической лексикологии : Древнерусский период / П. Я. Черных. — М. : Изд-во Московского ун-та, 1956. — 243 с.
199. Чупашева О. М. Одушевлённое — всегда ли живое? / О. М. Чупашева // Русская речь. — 2000. — № 1. — С. 119 — 121.
200. Шайкевич А. Я. Введение в лингвистику : Учеб. пособ. для студ. филол. и лингв. фак. высш. учеб. заведений / А. Я. Шайкевич. — М. : Издательский центр «Академия», 2005. — 400 с.
201. Шайкевич А. Я. Дистрибутивно-статистический анализ в семантике / А. Я. Шайкевич // Принципы и методы семантических исследований. — М. : Наука, 1976. — С. 353 — 378.
202. Шанский Н. М. В мире слов. Кн. для учителя / Н. М. Шанский. — 2-е изд., испр. и. доп. — М. : Просвещение, 1978. — 319 с.
203. Шанский Н. М. Школьный этимологический словарь русского языка : Происхождение слов / Н. М. Шанский, Т.А. Боброва. — 7-е изд., стереотип. — М. : Дрофа, 2004. — 398 с.

204. Шанский Н. М., Боброва Т. А. Снова в мире слова : Пособие для учителя-словесника / Н. М. Шанский, Т. А. Боброва. — М. : Московское отделение Педагогического общества России, 2001. — 224 с.
205. Шведова Н. Ю. К изучению омонимов / Н. Ю. Шведова // Доклады и сообщения филологического факультета МГУ. — 1948. — Вып. 6. — С. 40 — 45.
206. Шевчик А. В. Комплексное мотивологическое исследование зоонимов русского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / А. В. Шевчик. — Томск, 2011. — 20 с.
207. Ширшов И. А. Типы полисемии в производном слове / И. А. Ширшов // Филологические науки. — 1996. — №1. — С. 55 — 65.
208. Шкатова Л. А. Заметки о членимости медицинских терминов / Л. А. Шкатова // Словообразование. Членимость слова : Развитие современного русского языка : Сборник статей / АН СССР, Ин-т русского языка / Отв. ред. Е. А. Земская. — М. : Наука, 1975. — С. 151 — 159.
209. Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка) / Д. Н. Шмелёв. — М. : Наука, 1973. — 280 с.
210. Шмелёв Д. Н. Современный русский язык. Лексика : Учебное пособие для студентов пед. ин-тов по специальности «Рус. яз. и литература» / Д. Н. Шмелёв. — М., «Просвещение», 1977. — 335 с.
211. Шульга М. В. Колено¹ ‘сустав’ и его семантические производные в истории русского языка / М. В. Шульга // Русское семантическое словообразование : Сборник научных трудов / Удмуртский гос. ун-т им. 50-летия СССР ; Редкол. : В. М. Марков (отв. ред.) и др. — Ижевск : УдГУ, 1984. — С. 29 — 43.
212. Шумилов Н. Ф. К вопросу о разграничении полисемантизма и омонимии / Н. Ф. Шумилов. — Русский язык в школе. — 1956. — № 3. — С. 32 — 35.

213. Шурыгин Н. А. Семасиологический и лексикографический аспекты таксономизации лингвистических терминов и терминопонятий : автореф. дис. ... докт. филол. наук : 10.02.01 / Н. А. Шурыгин. — Тюмень, 2005. — 39 с.
214. Щепин А. Г. Характеристика омонимов в плане фонетического и лексико-грамматического членения речи / А. Г. Щепин // Учёные записки Читинского гос. пед. ин-та. — Чита, 1963. — Вып. 9. — С. 154 — 170.
215. Щерба Л. В. Опыт общей теории лексикографии / Л. В. Щерба // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. — 1940. — № 3. — С. 89 — 117.
216. Щерба Л. В. Очередные проблемы языкознания / Л. В. Щерба // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. — 1945. — Т. 4. — Вып. 5. — С. 173 — 186.
217. Щур Г. С. О типах лексических ассоциаций в языке / Г. С. Щур // Семантическая структура слова : Психолингвистические исследования. — М. : Наука, 1971. — С. 140 — 151.
218. Якобсон Р. В поисках сущности языка / Р. Якобсон // Семиотика / Сост., вступ. ст. и общ. ред. Ю. С. Степанова. — М. : Радуга, 1983. — С. 102 — 117.
219. Якубовская М. Д. Изменение морфолого-синтаксических признаков слова при переходе от полисемии к омонимии / М. Д. Якубовская // Русский язык в школе. — 1976. — № 3. — С. 83 — 88.
220. Якубовская М. Д. Тенденции процесса распада семантического тождества слова (на материале русского языка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / М. Д. Якубовская. — М., 1976. — 24 с.
221. Янко-Треницкая Н. А. Членимость слов типа *ножка, ручка* / Н. А. Янко-Треницкая // Словообразование. Членимость слова : Развитие современного русского языка : Сборник статей / АН СССР, Ин-т рус. яз. / Отв. ред. Е. А. Земская. — М. : Наука, 1975. — С. 175 — 185.

222. Durovič L. Homonyma v slovníku / L. Durovič // Lexikografický Sborník. — Bratislava, 1953. — P. 63 — 82.

223. Trnka B. Bemerkungen zur Homonymie / B. Trnka // Travaux du Cercle Linguistique de Prague. — Prague, 1931. — Vol. IV. — P. 152 — 155.

224. Williams E. R. The conflict of homonyms in English / E. R. Williams // Yale Studies in English. — London : New Haven, 1944. — Vol. 100. — P. 1 — 130.

Приложение А

Слово *дом* в толковых словарях⁶¹³

СШ:

ДОМ, -а (-у), мн -а́, -о́в, м. **1.** Жилое (или для учреждения) здание. *Д.-новостройка. Сбежался весь д.* (все живущие в доме). **2.** Своё жильё, а также семья, люди, живущие вместе, их хозяйство. *Родной д. Мы знакомы домами* (наши семьи бывают друг у друга). *У матери на руках весь д.* **3.** (мн. нет). Место, где живут люди, объединённые общими интересами, условиями существования. *Родина — наш общий д.* **4.** *чего* или *какой*. Учреждение, заведение, обслуживающее какие-н. общественные нужды. *Д. отдыха.* **5.** Династия, род. *Царственный д.*

БТС:

ДОМ -а (-у); *предл.* в до́ме, на дому́; дома́; м.

1. Здание, строение, предназначенное для жилья, для размещения различных учреждений и предприятий. *Кооперативный д. Срубить д.* (построить здание из брёвен).

2. Жилое помещение, квартира; жильё. *Отправляться, расходиться по домам. Работать на дому. Разг.* Жильцы одного дома, строения. *Дружный д. Разбудить весь д./* О помещении, служащем временным жильём на время выполнения человеком какой-л. работы. *Экипаж обживает свой космический д.* (публиц.; космический корабль). // только ед. О месте, где живут люди, объединённые общими условиями существования, общими интересами и т.п. *Общеввропейский д.* / О месте жительства, работы и т.п., ставшем для человека родным, своим. *Корабль для моряка — второй д.*

3. Семья, люди, живущие вместе, одним хозяйством. *Принять кого-л. в свой д.* // Хозяйство отдельной семьи. *Хлопотать по дому* (заниматься домашними делами, хозяйством). *У матери на руках весь д.* (всё домашнее хозяйство).

⁶¹³ Статьи из толковых словарей приводятся с некоторыми купюрами, для отражения главным образом того, как каждый из словарей толкует разные значения рассматриваемого слова.

4. Царствующий род, династия. *Трёхсотлетие дома Романовых.* // Устар. Род, фамилия; поколение. *Породнился с богатым домом.*

5. В составе названий различных учреждений, заведений. *Родильный д. Дом-музей.* // Жилое строение типа гостиницы, общежития для временного проживания работников некоторых отраслей хозяйства. *Д. рыбака.* // Государственное учреждение для проживания и обслуживания некоторых категорий граждан (детей, одиноких и больных стариков, больных и т. п.). *Д. малютки. Д. инвалидов.* // Учреждение клубного типа, объединяющее граждан по интересам, профессиям и т. п. *Д. композитора. Д. культуры.* // Учреждение, занимающееся пропагандой и распространением научных знаний, достижений в области производства, культуры. *Д. научно-технической пропаганды.* // Крупный специализированный магазин. *Д. обуви.* // В составе названий торговых, общественных и других учреждений, заведений. *Торговый, банкирский д.* (принадлежащий одной семье).

БАС:

ДОМ, а и у, *предл.* в до́ме и (*разг.*) в. на дому́, *мн.* дома́, о́в.

1. Здание, строение, предназначенное для жилья, для размещения учреждений и предприятий. *Жилой дом. Кооперативный дом.*

2. Жилое помещение, жилище, квартира. *Я нанял светлый дом С диваном, с камельком.* Пушкин. Городок.

3. Место постоянного проживания человека, характеризующееся какими-л. отношениями между всеми членами семьи, определённым бытом, укладом хозяйства и т. п. *Под умелыми руками жены неуютная холостяцкая квартира разительно менялась, становилась тем, что зовётся не «жильём», а «домом».* Моковцева и В. Полон. Сдаваться не намерены!

4. Устар. Род, фамилия. ◊ Дом какой-л., кого-л., чей-л. *В Ихменевке носились слухи, что он вступает во второй брак и роднится с каким-то знатным, богатым и сильным домом.* Дост. Униж. и оскорбл.

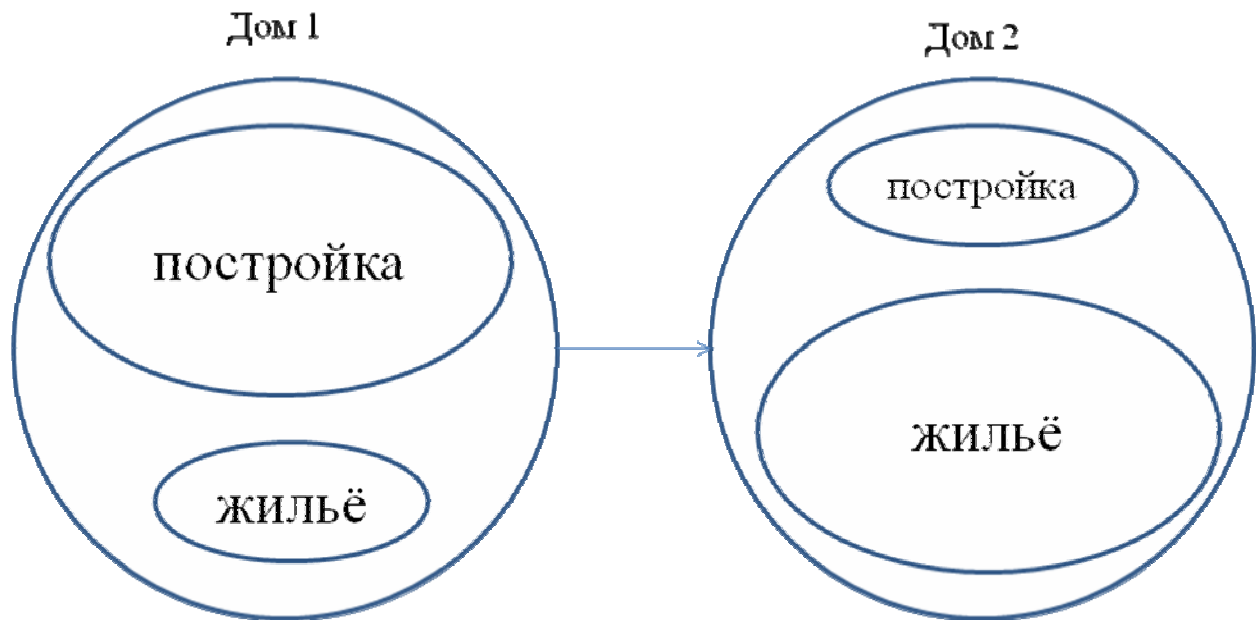
5. В составных названиях различных учреждений, заведений. ◊ Об учреждении, оказывающем помощь в освоении и пропаганде научных,

производственных, культурных достижений. *Дом культуры. Дом техники.* ◇ Об учреждении клубного типа для работников какого-л. производства, какой-л. профессии, специальности. *Дом учителя.* ◇ Об учреждении, предназначенном для отдыха, лечения. *Дом творчества.* ◇ Об учреждении, предприятии, связанном с торговлей, с оказанием населению различных услуг хозяйственного и культурно-бытового назначения. *Дом быта.* ◇ Об учреждении, занимающемся попечительством, опекой над кем-л., нуждающимся в них. *Дом престарелых.* // В составных названиях некоторых заведений различного назначения. *Воспитательный дом.*

СУ:

ДОМ, до́ма, и́з дому и из до́ма, *мн. дома́ (до́мы устар.), м. 1.* Жилое здание, строение. *Деревянный д.* || Жильцы какого-н. дома. *Весь д. сбежался на крик.* **2.** Жилое помещение, квартира. *Выгнать из до́ма* или *и́з дому.* || Семья, люди, живущие вместе, одним хозяйством. *В гости всем домом пошли.* || Хозяйство отдельной семьи. *Она весь д. ведёт.* **3.** Династия, род (истор.). *Д. Романовых.* **4.** Учреждение для обслуживания культурно-бытовых нужд трудящихся или отдельного круга лиц, помещающееся обычно в отдельном здании (нов. офиц.). *Д. искусств. Д. писателя.* || Учреждение, имеющее культурное значение и посвящённое памяти какого-н. исторического деятеля или события (офиц.). *Пушкинский дом.* **5.** Заведение, предприятие. *Торговый д. Жёлтый д.* **6.** В детских играх, основанных на преследовании (пятнашки, прятки и др.) — место, где по правилам игры нельзя преследовать.

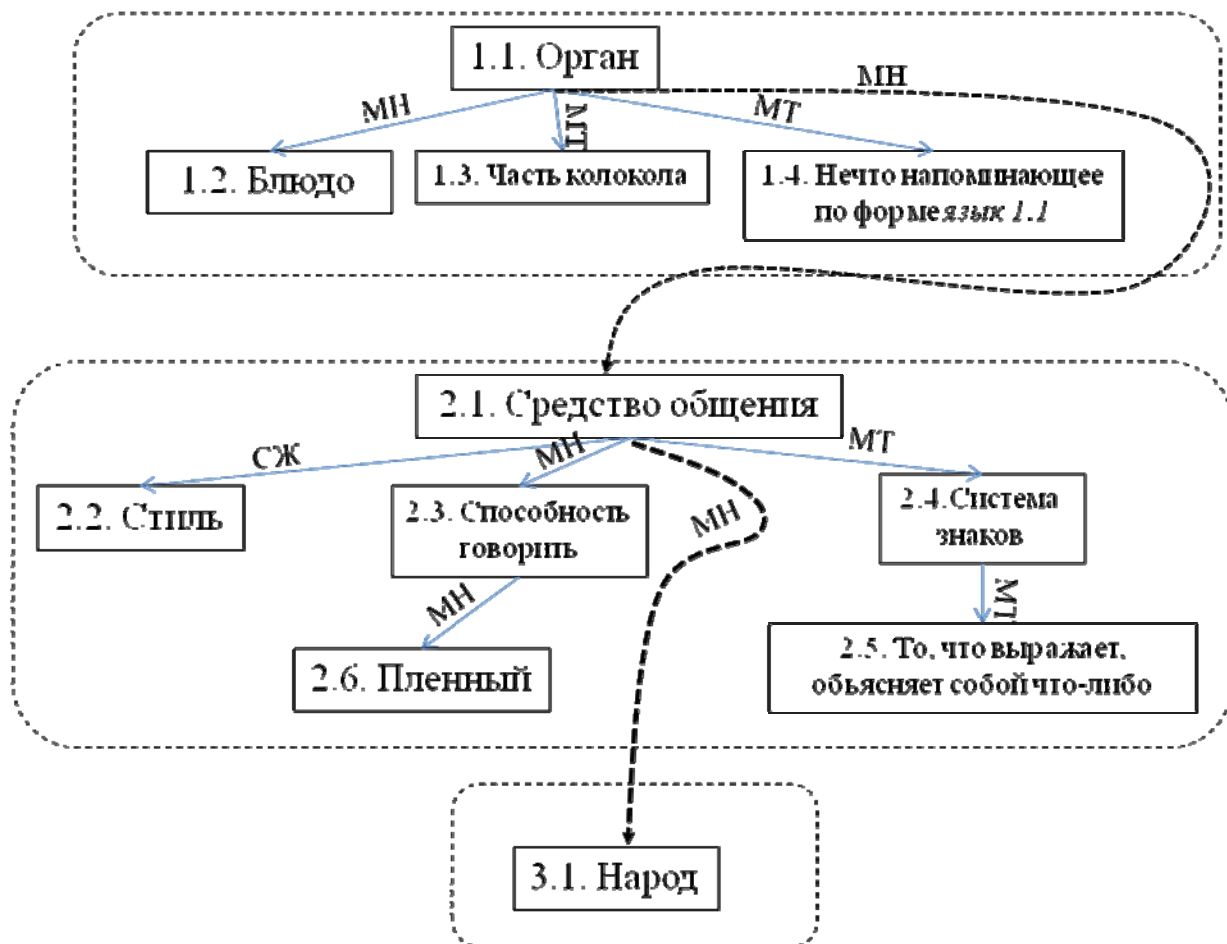
Приложение Б

Семная структура первого и второго значений слова *дом*

Приложение В
Семантическая структура слова *дом*

Приложение Г
Семантическая структура слова *язык*

Приложение Д

**Таблица 1 — Трактовка слов в различных словарях с точки зрения
омонимии/полисемии**

Омонимический ряд	СШ	БТС	СА	СК
<p>Адрес</p> <p>1. Данные о месте жительства (<i>А. на конверте</i>).</p> <p>2. Письменное приветствие (<i>Преподнести а. юбиляру</i>).</p>	П	О	П	П
<p>Ажур</p> <p>1. Сквозной узор, рисунок из переплетённых нитей, тонких прутьев и т. п. (<i>А. решётки Летнего сада</i>).</p> <p>2. Ведение счетоводства, при котором записи производятся в день совершения операции (<i>Все дела в а.</i>).</p>	О	О	О	О
<p>Аз</p> <p>1. Я (стар.) (<i>Мне отмищение и а. воздам</i>).</p> <p>2. Старинное название буквы «а».</p>	П	О	—	П
<p>Актив</p> <p>1. Группа наиболее активных лиц (<i>Профсоюзный а.</i>).</p> <p>2. Часть баланса предприятия (<i>Активы госбанка</i>).</p>	О	О	О	О

Акция 1. Ценная бумага. 2. Действие.	О	О	О	О
Аспид 1. Ядовитая змея, злой человек. 2. Разновидность горного сланца.	О	О	П	П
Баба 1. Женщина. 2. Ударная часть устройства (пневматическая б.). 3. Кулич (ромовая б.).	О	О	О	О
Бабка 1. Бабушка, знахарка. 2. Сустав ноги у животных (играть в б.).	О	О	О	О
Байка 1. Ткань. 2. Выдумка (байки рассказывать).	О	О	О	О
Бак 1. Часть палубы на судне. 2. Большой сосуд.	О	О	О	О
Балка 1. Брус. 2. Овраг.	О	О	О	О
Банк 1. Финансовое предприятие; место, где что-л. сосредоточено	О	П	П	П

(б. данных). 2. В карточных играх: поставленные на кон деньги; карточная игра.				
Банка 1. Сосуд. 2. Мель.	О	О	О	О
Бар 1. Ресторан, буфет. 2. Единица атмосферного давления.	О	О	О	О
Батарея 1. Артиллерийское подразделение из нескольких орудий. 2. Соединение нескольких однородных приборов, устройств (б. коксовых печей); трубы, по которым проходит тепло.	О	П	П	П
Башмак 1. Ботинок. 2. Приспособление, накладываемое на рельс для остановки колёс.	О	П	П	П
Бездна 1. Пропасть. 2. Огромное количество чего-л (б. дел).	О	П	П	П
Белок	1 vs. 2, 3 — О	О	П	П

1. Высокомолекулярное вещество (<i>белковые корма</i>).	2-3 — П			
2. Часть глаза.				
3. Часть яйца.				
Бич	О	О	—	—
1. Плеть, кнут.				
2. Опустившийся человек.				
Блат	П	П	О	П
1. Условный язык воров.				
2. Знакомство, связи (<i>достать по б.</i>)				
Блок	1 vs. 2, 3, 4 —	1 vs. 2, 3 vs.	1 vs. 2	1 vs.
1. Приспособление для подъёма тяжестей.	О 2, 3, 4 — П	4 — О 2, 3 — П.	vs. 3, 2, 3, 4 — О	3, 2, 3, 4 — О
2. Объединение государств, партий; группа, совокупность, пачка (<i>б. сигарет, б. цилиндров</i>).			3, 4 — П	2, 3, 4 — П
3. Деталь, используемая как готовая часть сооружения (<i>Дом собрали из блоков</i>).				
4. Приём защиты от удара.				
Боб	О	О	—	—
1. Растение и его плод.				
2. Сани в бобслее.				
Богомол	П	П	П	О
1. Богомолец.				
2. Насекомое.				
Бокс	О	О	О	О
1. Вид спорта.				
2. Мужская причёска.				

3. Изолятор в лечебном учреждении.				
Боксёр 1. Спортсмен. 2. Собака.	О	О	—	—
Боны 1. Денежные знаки, кредитные документы. 2. Плавучие ограждения.	О	О	О	О
Бор 1. Сосновый лес. 2. Стальное сверло.	О	О	О	О
Боров 1. Кастрированный самец свиньи. 2. Часть дымохода, ведущая от топки котла, печи к дымовой трубе.	О	О	О	П
Бот 1. Небольшое судно. 2. Ботинок.	О	О	О	—
Брак 1. Супружество. 2. Изъян.	О	О	О	О
Брань 1. Ругань. 2. Битва.	О	О	—	О
Бригадир 1. Руководитель бригады.	П	П	—	О

2. В русской армии 18 в.: военный чин рангом выше полковника.				
Бубны 1. Мн. от <i>бубен</i> ('музыкальный инструмент'). 2. Карточная масть.	О	О	О	П
Буза 1. Лёгкий хмельной напиток. 2. Шум, скандал.	О	О	О	О
Бум 1. Шумиха. 2. Гимнастическое бревно.	О	О	О	О
Бумага 1. Материал, изготавливаемый из растительных волокон, употр. для письма. 2. Хлопок и изделия из него.	П	П	О	О
Бунт 1. Мятеж. 2. Связка, кипа.	О	О	О	О
Бурки 1. Мн. от <i>бурка</i> (род плаща на Кавказе). 2. Сапоги из тонкого войлока или фетра.	О	О	—	—
Бык 1. Животное. 2. Промежуточная опора моста	О	О	О	П

или гидротехнического сооружения.				
Бюро 1. Группа руководящего состава (<i>обсудить на б.</i>); название некоторых учреждений. 2. Стол для письменных занятий и хранения бумаг.	О	О	О	О
Вал. 1. Насыпь. 2. Волна. 3. Вращающийся в механизмах стержень. 4. В экономике: общий объём продукции, произведённый за какой-л. период времени.	1-2 vs. 3 vs. 4 — О 1, 2 — П	1-2 vs. 3 vs. 4 — О 1, 2 — П	1 vs. 2 vs. 3 — О 4 —	1 vs. 2 vs. 3 — О 4 —
Вертеп 1. Притон преступников. 2. В старину: кукольный театр в виде двухъярусного ящика с марионетками.	П	О	П	П
Взвод 1. Военное подразделение. 2. От <i>взвести</i> — <i>взводить</i> ; часть затвора.	О	О	О	О
Винт 1. Стержень со специальной нарезкой. 2. Род карточной игры.	О	О	О	О
Винчестер	О	П	—	—

1. Винтовка. 2. Жёсткий магнитный диск.				
Ви́раж 1. Крен, поворот. 2. Раствор для окрашивания фотографических отпечатков.	О	О	О	О
Вкус 1. Восприятие того, что съедается (<i>попробовать на в.</i>). 2. Понимание изящного, пристрастие к чему-н. (<i>О вкусах не спорят</i>).	О	П	П	П
Во́лынка 1. Музыкальный инструмент. 2. О хлопотном, канительном деле.	О	О	П	П
Во́льт 1. В манежной езде: крутой поворот; в фехтовании — уклонение от удара. 2. Единица электрического напряжения.	О	О	О	О
Воля 1. Способность осуществлять свои желания, поставленные цели; пожелание (<i>сила в.; В. владыки — закон</i>). 2. Свобода в проявлении чего-л.; свободное состояние (<i>дать в. своему чувству; выпустить на</i>	О	П	П	П

в.).				
Ворот 1. Вырез вокруг шеи, воротник. 2. Грузоподъёмная машина.	О	О	О	О
Газ 1. Вещество, топливо, устройство, потребляющее такое топливо. 2. Шёлковая прозрачная ткань.	О	О	О	О
Гармония 1. Созвучие, согласованность, стройность. 2. Гармоника.	О	О	О	О
Гвоздика 1. Цветок. 2. Пряность.	О	О	О	О
Гвоздь 1. Заострённый стержень. 2. Самое значительное, интересное.	О	П	П	П
Гибель 1. От <i>гибнуть</i> . 2. Множество.	О	П	О	П
Гипербола 1. Стилистический приём (преувеличение). 2. Разновидность кривой в геометрии.	О	О	О	О
Глава	О	О	О	П

1. Голова; руководитель; купол церкви. 2. Часть книги.				
Головня 1. Тлеющее или обгорелое полено. 2. Болезнь растений.	О	П	П	П
Гольф 1. Предмет одежды. 2. Спортивная игра.	О	О	—	—
Горн 1. Печь. 2. Музыкальный инструмент.	О	О	О	О
Град 1. Атмосферные осадки. 2. Город.	О	О	О	О
Гранат 1. Дерево и его плод. 2. Минерал.	О	О	О	О
Гриф 1. Мифологическое крылатое чудовище; крупная хищная птица. 2. Часть музыкального инструмента. 3. Печать; надпись на книгах и документах.	О	О	О	О
Грохот 1. Шум.	О	О	О	О

2. Решето или машина для просеивания.				
Губа 1. Часть тела; конец клещей и нек-рых инструментов. 2. На севере России: название морских заливов. 3. Гауптвахта.	О	О	1 vs. 2 — О, 3 —	О
Губка 1. Многоклеточное морское животное; ноздреватый остов некоторых видов этого животного, хорошо впитывающий влагу (<i>помыть посуду г.</i>). 2. От губа.	О	О	О	О
Дача 1. От <i>давать</i> . 2. Загородный дом. 3. Участок земли под лесом.	О	О	О	О
Двор 1. Участок земли при доме, огороженный забором или стенами зданий; крестьянское хозяйство; постройка для скота. 2. Монарх и его окружение.	О	О	О	О
Диагональ 1. Отрезок прямой линии, соединяющий две вершины многоугольника, не лежащие на	П	О	П	П

одной стороне. 2. Ткань с косыми рубчиками.				
Дисциплина 1. Подчинение установленному порядку. 2. Учебный предмет.	О	О	О	О
Долг 1. Обязанность. 2. Взятые взаймы.	О	П	П	П
Домино 1. Маскарадный костюм. 2. Игра.	О	О	О	О
Дробь 1. Мелкие свинцовые шарики для стрельбы. 2. Число, представленное как состоящее из частей единицы. 3. Частые прерывистые звуки (барабанная д.).	О	П	О	П
Дума 1. Размышление; украинская народная историческая песня. 2. Гос. учреждение (Государственная Дума).	О	П	П	О
Дух 1. Душевные свойства человека (В здоровом теле здоровый д.); моральная сила; бесплотное сверхъестественное существо; содержание, истинный смысл	О	П	П	О

чего-л. (<i>По духу закона</i>).				
2. Дыхание, воздух, запах.				
Ехидна 1. Крупная ядовитая змея; злой, язвительный человек. 2. Сумчатое яйцекладущее животное.	П	О	П	О
Ёрш 1. Рыба, щётка. 2. Смесь водки с пивом или вином.	О	О	О	О
Жаба 1. Животное. 2. Стенокардия.	О	О	П	О
Живот 1. Часть тела. 2. Жизнь человека.	О	О	О	О
Жила 1. Кровеносный сосуд, сухожилие; геологическое тело, образовавшееся в результате заполнения трещины горной породой. 2. Скряга.	О	О	П	О
Жук 1. Насекомое. 2. Хитрый человек.	П	П	П	О
Журавль 1. Птица.	П	П	П	О

2. Длинный шест у колодца.				
Забой 1. Поверхность горной выработки; торец скважины, разрушаемый буровым инструментом в процессе проходки. 2. От <i>забить</i> .	О	О	О	О
Забор 1. Ограда. 2. От <i>забрать</i> .	О	О	О	О
Завод 1. Предприятие. 2. От <i>завести</i> ; приспособление для приведения в действие механизма; часть тиража книги, отпечатанная от одного и того же набора.	О	О	О	О
Зверобой 1. Охотник на морских зверей. 2. Растение.	О	П	О	О
Зефир 1. Лёгкий тёплый ветер. 2. Род пастилы. 3. Тонкая х/б ткань.	О	П	П	1 vs. 2, 3 — О; 2, 3 — П
Змей 1. Змея; сказочное чудовище; злой человек. 2. Детская игрушка из листа	П	П	П	О

бумаги с наклеенными на него тонкими планками, запускаемая на нитке в воздух.				
Золотник 1. Старая русская мера веса. 2. Устройство для автоматического управления потоком пара, газа.	О	О	—	О
Извод 1. Разновидность текста рукописного памятника, устанавливаемая на основании особенностей языка. 2. От <i>извести</i> .	О	О	О	О
Икра 1. Масса из яичек некоторых животных. 2. Мышца ноги.	О	О	О	П
Империял 1. Золотая монета в царской России. 2. Верхняя часть конки или омнибуса с местами для пассажиров.	О	О	О	О
Индукция 1. Логическое умозаключение от частных, единичных случаев к обобщениям; способ математических доказательств, основанный на переходе от	П	П	П	О

<p>заклучения, верного для некоторого целого числа n, к заклучению, верному для числа $n + 1$.</p> <p>2. Векторная величина, характеризующая силовое действие магнитного поля на проводник с током, а также способность магнитного поля при его изменении возбуждать ток в замкнутом проводнике.</p>				
<p>Кабачок</p> <p>1. Огородное растение.</p> <p>2. От <i>кабак</i>.</p>	О	О	О	О
<p>Кавалер</p> <p>1. Орденосец (к. <i>Ордена Славы</i>).</p> <p>2. Мужчина, танцующий в паре с дамой.</p>	О	О	О	П
<p>Кадет</p> <p>1. Воспитанник кадетского корпуса.</p> <p>2. Конституционный демократ.</p>	О	О	О	О
<p>Кадр</p> <p>1. Отдельное изображение на плёнке; эпизод.</p> <p>2. Работник (<i>отдел кадров</i>).</p>	О	П	О	П
<p>Капелла</p> <p>1. Хор в сочетании с оркестром.</p> <p>2. Домашняя католическая</p>	О	П	—	—

церковь.				
Капот 1. Откидная покрывка у различных механизмов. 2. Старинное женское платье.	О	О	О	О
Карабин 1. Винтовка. 2. Зажим.	П	О	О	О
Кардинал 1. Высший духовный сан у католиков. 2. Птица.	О	П	П	П
Картель 1. Форма монополии. 2. Письмо с вызовом на дуэль.	П	О	—	О
Карьер 1. Конский бег. 2. Место разработки ископаемых.	О	О	О	О
Касатка 1. Вид ласточки. 2. К <i>касатик</i> ('ласковое обращение к кому-л.').	О	П	П	П
Кисть 1. Инструмент для нанесения лака, краски и пр.; украшение в виде пучка ниток, шнурков; разветвлённое соцветие. 2. Часть руки.	О	П	П	П

<p>Класс</p> <p>1. Большая социальная группа людей (<i>средний к.</i>).</p> <p>2. Множество каких-н. единиц, сосуществующее в составе сложного единства (<i>к. млекопитающих</i>); разновидность; группа учеников, проходящая один и тот же предмет; школьная комната; уровень чего-л.</p>	О	П	О	П
<p>Клетка</p> <p>1. Помещение со стенками из прутьев; отдельный квадрат разграфлённого пространства.</p> <p>2. Элементарная живая система.</p>	О	О	О	П
<p>Клуб</p> <p>1. Клубок, подобие шара, ком из свившихся растений, животных и т. п.; масса чего-либо движущегося, летучего, принявшая форму шара.</p> <p>2. Общественная организация.</p>	О	О	О	О
<p>Ключ</p> <p>1. Отмычка, приспособление для отвинчивания, приведения в действие механизма; знак в начале нотной строки.</p> <p>2. Источник.</p>	О	О	О	О
<p>Козёл</p>	П	П	П	О

1. Животное. 2. Гимнастический снаряд.				
Кок 1. Вихор волос. 2. Повар на судне.	О	О	О	О
Кокетка 1. Женщина. 2. Отрезная часть одежды, закрывающая верх груди и спины.	О	П	О	П
Колода 1. Короткое толстое бревно; бревно с выдолбленной сердцевинной. 2. Комплект карт.	О	О	О	О
Комиссия 1. Группа лиц со специальными полномочиями; учреждение специального назначения (<i>к. по изучению производственных сил</i>). 2. Затруднительное положение. 3. Поручение, выполняемое за вознаграждение.	О	1 vs. 2, 3 — О; 2, 3 — П	П	П
Конёк 1. От <i>конь</i> ; морской конёк; излюбленный предмет мыслей. 2. Брус на крыше, а также резное украшение на конце этого бруса. 3. Ед. к <i>коньки</i> ('узкие стальные	1, 2 vs. 3 — О; 1, 2 — П	1, 2 vs. 3 — О; 1, 2 — П	О	П

полозья; вид спорта’).				
Корнет 1. Младший офицерский чин в кавалерии. 2. Музыкальный инструмент.	О	О	О	О
Коса 1. Сплетённые волосы. 2. Сельскохозяйственное орудие. 3. Идущая от берега полоса земли.	О	О	О	О
Косуля 1. Парнокопытное животное. 2. Род сохи, отваливающей землю в одну сторону.	О	О	—	О
Кран 1. Запорное устройство; прибор для управления тормозами. 2. Машина для подъёма и перемещения грузов.	О	О	О	О
Крепость 1. Укреплённый пункт. 2. Документ о купле-продаже недвижимого имущества в дореволюционной России. 3. Крепостная зависимость. 4. Прочность; сила; стойкость; степень насыщенности.	1 vs. 2, 3 vs. 4 — О; 2, 3 — П	1 vs. 2, 3 vs. 4 — О; 2, 3 — П	О	О
Крона 1. Часть дерева с листвой. 2. Денежная единица.	О	О	О	О

<p>Круп</p> <p>1. Острое, с отёком, поражение гортани.</p> <p>2. Задняя часть туловища некоторых животных.</p>	О	О	О	О
<p>Куб</p> <p>1. Геометрическая фигура; произведение трёх одинаковых сомножителей; кубический метр.</p> <p>2. Сосуд для перегонки или кипячения жидкостей в форме шара или цилиндра.</p>	П	О	О	О
<p>Кулак</p> <p>1. Кисть руки со сжатыми пальцами; деталь.</p> <p>2. Богатый крестьянин; стяжатель.</p>	О	О	О	О
<p>Кулон</p> <p>1. Украшение.</p> <p>2. Единица количества электричества.</p>	О	О	О	О
<p>Купюра</p> <p>1. Сокращение.</p> <p>2. Денежный знак.</p>	О	О	О	О
<p>Курс</p> <p>1. Направление движения, какой-либо политической, общественной деятельности; стоимость ценных бумаг.</p> <p>2. Законченный цикл</p>	О	П	О	П

<p>специального обучения; годовая ступень образования в высшей школе и специальных учебных заведениях (<i>староста</i> к.); изложение научной дисциплины в высшей школе (<i>к. русской истории</i>).</p>				
<p>Лава</p> <p>1. Расплавленная минеральная масса, извергаемая вулканом на земную поверхность.</p> <p>2. Боевой порядок при атаке в конном рассыпном строю для охвата противника с флангов и тыла; отряд, построенный для такой атаки.</p> <p>3. Забой со сплошной системой разработки угольного пласта.</p>	О	О	О	О
<p>Лавка</p> <p>1. Торговое заведение.</p> <p>2. Скамья.</p>	О	О	О	О
<p>Лад</p> <p>1. Согласие, мир; образец, способ.</p> <p>2. Строй музыкального произведения; поперечное деление на грифе струнного инструмента; клавиши гармоника, струнного, духового инструмента.</p>	О	П	П	П

Ладья 1. Лодка. 2. Шахматная фигура.	П	П	О	О
Лайка 1. Собака. 2. Сорт кожи.	О	О	О	О
Лама 1. Животное. 2. Монах.	О	О	О	О
Ласка 1. Проявление нежности. 2. Животное.	О	О	О	О
Ластик 1. Резинка для стирания написанного. 2. Хлопчатобумажная ткань.	О	О	О	О
Лев 1. Животное. 2. Денежная единица.	О	О	—	О
Легенда 1. Поэтическое предание; вымышленные сведения о себе. 2. Совокупность условных знаков и пояснений к плану и т. п.; надпись на монете.	П	О	О	П
Лейка 1. Сосуд для поливки. 2. Род фотоаппарата.	О	О	О	О
Лигатура	П	П	П	О

<p>1. Вспомогательный сплав, служащий для придания определённых свойств металлу.</p> <p>2. Изображение одним письменным знаком двух и более букв; знак в виде дуги, связывающий две ноты.</p> <p>3. Нить, накладываемая на кровеносный сосуд для остановки или предупреждения кровотечения.</p>				
Лик	О	П	П	О
<p>1. Лицо, изображение лица божества; внешний вид.</p> <p>2. Собрание, сонм.</p>				
Линь	О	О	О	О
<p>1. Рыба.</p> <p>2. Канат.</p>				
Липа	О	О	П	П
<p>1. Дерево.</p> <p>2. Ложные сведения.</p>				
Лира	О	О	—	О
<p>1. Музыкальный инструмент.</p> <p>2. Денежная единица.</p>				
Лист	О	П	О	П
<p>1. Часть растения.</p> <p>2. Пласт какого-н. материала; единица измерения печатного текста; документ.</p>				
Лишай	О	П	П	П

1. Кожная болезнь. 2. Низшее растение.				
Лоб 1. Часть тела. 2. Великовозрастный бездельник.	О	П	П	П
Ложе 1. Постель; углубление в почве, по которому течёт водный поток. 2. Часть ружья.	О	П	П	О
Лом 1. Тяжёлый металлический заострённый стержень. 2. Ломаные или годные только для переработки предметы.	О	П	О	П
Лот 1. Прибор для измерения глубины. 2. Русская мера веса. 3. Товар, выставленный на аукционе.	1 vs. 2, 3 — О; 2, 3 — П	О	1 vs. 2 — О, 3 — О,	1 vs. 2 — 3 —
Лоцман 1. Специалист по проводке судов. 2. Рыба, плавающая около судов.	О	П	П	П
Лук 1. Растение. 2. Оружие.	О	О	О	О
Люкс	О	О	О	О

1. Единица измерения освещённости. 2. О чём-либо роскошно оборудованном (<i>поместить больного в л.</i>).				
Люлька 1. Колыбель; висячий помост. 2. Трубка.	О	О	О	О
Мавры 1. Жители Мавритании. 2. Средневековое название мусульманского населения Пиренейского полуострова и западной части Северной Африки.	П	О	П	П
Майя 1. Индейское племя. 2. Ткань.	О	О	—	О
Малина 1. Растение и его плод. 2. Воровская квартира.	О	П	П	П
Мандарин 1. Титул в Китае. 2. Дерево и его плод.	О	О	О	О
Марка 1. Знак оплаты почтовых, гербовых и других сборов в виде маленькой бумажки с изображением и обозначением цены; жетон для последующей	П	О	О	О

оплаты; клеймо на товарах, изделиях с обозначением места изготовления, качества и др.; сорт, тип изделия, товара. 2. Денежная единица.				
Маркиза 1. Жена или дочь маркиза. 2. Навес.	О	О	О	О
Марш 1. Способ движения в строю; поход; музыкальное произведение. 2. Часть лестницы.	О	П	О	П
Масса 1. Физическая величина; бесформенное вещество; совокупность чего-н. 2. Широкие слои населения (<i>крестьянская м.</i>).	П	П	О	П
Мат 1. Положение в шахматах. 2. Подстилка. 3. Матовость. 4. Сквернословие.	О	О	О	О
Материя 1. Объективная реальность; основа физических тел; предмет речи, разговора. 2. Материал.	П	П	О	П
Мера	П	О	О	П

<p>1. Единица измерения (<i>м. веса, объёма</i>); инструмент измерения; основание для оценки чего-н.; величина, размер чего-л. (<i>ощущать м. опасности</i>); старинная русская единица объёма.</p> <p>2. Действие или совокупность действий, средств для осуществления, достижения чего-л.; мероприятие (<i>принимать м. для улучшения жилищных условий</i>).</p>				
<p>Метр</p> <p>1. Единица длины; линейка.</p> <p>2. Стихотворный размер; система организации музыкального ритма.</p>	О	О	О	О
<p>Метрика</p> <p>1. Учение о стихосложении и размерах стихов.</p> <p>2. Свидетельство о рождении.</p>	О	О	О	П
<p>Мех</p> <p>1. Волосной покров у животных.</p> <p>2. Мешок из шкуры животного.</p> <p>3. Приспособление для нагнетания воздуха.</p>	1 vs. 2, 3 — О	О	1, 2 vs. 3 — О	1, 2 vs. 3 — О
<p>Мина</p> <p>1. Снаряд.</p>	О	О	О	О

2. Гримаса.				
Мир 1. Вселенная; всё живое; земля; определённая область природы; определённый круг явлений психической жизни; определённая общественная среда; сельская община. 2. Согласие; отсутствие войны между государствами; соглашение о прекращении войны; покой.	О	О	О	О
Моль 1. Бабочка. 2. Лес, сплавляемый не связанными между собой брёвнами. 3. Мера количества вещества.	О	О	—	О
Мотив 1. Побудительная причина. 2. Простейшая ритмическая единица мелодии; напев, мелодия; составная часть темы, сюжета произведения искусства.	О	О	О	П
Мочка 1. От <i>мочить</i> . 2. Нижняя мясистая часть уха.	О	О	О	О
Мумия 1. Труп. 2. Минеральная краска.	О	О	—	О

Мурава 1. Трава. 2. Глазурь.	О	О	П	О
Мускат 1. Сорт винограда. 2. Мускатный орех.	П	О	П	П
Муфта 1. Деталь одежды. 2. Устройство для соединения цилиндрических частей машины.	О	П	П	П
Намёт 1. Рыболовная снасть. 2. Галоп.	О	П	П	П
Нефрит 1. Воспаление почек. 2. Поделочный камень.	О	О	О	О
Новелла 1. Небольшая повесть. 2. Новое дополнение к своду законов.	П	О	О	О
Нота 1. Знак для записи музыки; тон речи. 2. Официальное дипломатическое обращение.	О	О	О	О
Нотация 1. Наставление. 2. Система условных письменных обозначений,	О	О	О	О

принятая в какой-либо области знаний.				
Образ 1. Внешний вид; наглядное представление о чём-л.; форма художественного обобщённого восприятия явлений действительности и изображения их; вид, порядок чего-л. 2. Икона.	О	О	О	О
Оклад 1. Жалование. 2. Тонкое металлическое покрытие на иконе.	О	О	О	—
Опока 1. Приспособление в виде рамы, в котором изготавливаются земляные литейные формы. 2. Кремнистая осадочная горная порода, богатая кремнезёмом.	О	О	—	О
Опушка 1. Обшивание по краям мехом; меховая обшивка по краям одежды; подогнутая и подшитая верхняя часть брюк. 2. Край леса.	О	О	О	О
Опыт 1. Знания, навыки. 2. Эксперимент.	П	П	О	П
Орден	О	П	П	О

1. Особый знак отличия. 2. Община (<i>о. иезуитов</i>).				
Охота 1. Желание. 2. Поиски, выслеживание диких зверей и птиц с целью их умерщвления или ловли; обзаведение и люди, предназначенные для таких поисков; совокупность пойманных животных.	О	О	О	О
Очки 1. Мн. к <i>очко</i> ('единица счёта для обозначения количества выигрышей'). 2. Оптический прибор из двух линз.	О	О	О	О
Палата 1. Большое богатое помещение; отдельная комната в больнице. 2. Название представительных органов или их частей в некоторых странах (<i>верхняя п.</i>); название нек-рых гос. учреждений.	О	П	О	П
Панама 1. Шляпа. 2. Мошенничество.	О	О	О	О
Папа 1. Отец.	О	О	О	О

2. Глава католической церкви.				
Папка 1. Картонная обложка для хранения бумаг; сорт картона. 2. От <i>papa</i> .	О	О	О	О
Пар 1. Газ; видимое испарение. 2. Пашня, оставленная на одно лето без посева; обработка пашни способом оставления её на одно лето незасеянной.	О	О	О	О
Парк 1. Большой сад с аллеями, цветниками, водоёмами. 2. Передвижной склад для снабжения армии (<i>артиллерийский п.</i>); место стоянки и ремонта подвижного состава (<i>трамвайный п.</i>); совокупность транспортных средств (<i>автомобильный п.</i>).	О	П	О	П
Партия 1. Политическая организация; группа лиц, объединённых какой-н. целью. 2. Отдельная часть музыкального произведения, исполняемая одним инструментом или певцом (<i>п. скрипки</i>); законченная часть	П	П	О	П

игры (<i>п. в шахматы</i>); определённое количество товара (<i>п. обуви</i>); тот или та, кто подходит в брак (<i>выгодная п.</i>).				
Пас 1. В некоторых играх: отказ. 2. Передача мяча.	О	П	О	О
Пассаж 1. Галерея с магазинами, служебными помещениями. 2. Фрагмент музыкального произведения; выделяющееся среди других место в изложении, повествовании; странный и неожиданный поступок.	О	П	О	П
Пасынок 1. Неродной сын. 2. Боковой побег растения.	П	П	П	О
Пат 1. Положение в шахматной игре. 2. Род мармелада.	О	О	О	О
Патрон 1. Господин в Древнем Риме; хозяин предприятия, фирмы в капиталистических странах; начальник; покровитель, защитник. 2. Пуля; приспособление для закрепления на металлорежущих станках	О	О	О	О

обрабатываемой детали или инструмента; часть электрического осветительного прибора; бумажная трубочка, в которую насыпается табак для приготовления папиросы; гильза.				
Пачка 1. Несколько однородных предметов, упакованных вместе; упаковка (<i>п. сигарет</i>). 2. Часть костюма балерины.	П	П	О	П
Пени 1. Штраф. 2. Жалобы, упрёки.	О	О	—	—
Перегон 1. От <i>перегнать</i> . 2. Участок пути между двумя станциями.	П	П	О	П
Перо. 1. Роговое образование кожи у птиц; плавник рыбы; стреловидный лист лука, чеснока. 2. Орудие для писания чернилами, вставляемая в ручку маленькая выгнутая металлическая пластинка с расщеплённым концом для писания чернилами, тушью.	О	П	О	П
Петрушка	О	О	О	О

1. Овощ. 2. Русский народный кукольный театр; кукла; нечто нелепое, странное, смешное.				
Печать 1. От <i>печатать</i> (<i>распльвчатая п.; российская п.; работник п.</i>). 2. Пластинка или кружок с нарезными знаками для оттискивания их на бумаге, а также самый оттиск (<i>п. на документе</i>).	П	П	О	П
Пики 1. Мн. от <i>пика</i> (оружие, стреловидный предмет). 2. Карточная масть.	О	О	О	О
Пике 1. Ткань. 2. Стремительный полёт самолёта вниз.	О	О	О	О
Пионер 1. Человек, впервые прибывший в неисследованную страну, область и поселившийся в ней; зачинатель чего-либо; солдат инженерных войск во Франции, Германии, Англии и до начала 19 в. в России. 2. Член детской коммунистической организации.	П	О	О	О

<p>Плата</p> <p>1. От <i>платить</i>.</p> <p>2. Диэлектрическая пластина.</p>	О	О	—	—
<p>Платформа</p> <p>1. Площадка; перрон; пункт остановки поездов на железной дороге; товарный вагон с невысокими бортами; область земной коры, характеризующаяся малой интенсивностью тектонических движений и магматических проявлений.</p> <p>2. Программа действий, требования, выдвигаемые политической партией, группой, общественной организацией или политическим деятелем.</p>	П	П	О	О
<p>Плита</p> <p>1. Плоский прямоугольный кусок металла, камня или иного твёрдого материала.</p> <p>2. Кухонная печь.</p>	П	П	О	П
<p>Побег</p> <p>1. Бегство.</p> <p>2. Молодая ветка.</p>	О	О	О	О
<p>Покой</p> <p>1. Состояние устойчивости предмета; отсутствие движения, волнения.</p>	О	1, 2 vs. 3 — О 1, 2 — П	1 vs. 2 — О 3 —	О

2. Жилая комната в доме. 3. Буква.				
Покров 1. Верхний слой; клеточные ткани, облегающие тело снаружи; кусок ткани для покрывания; прикрытие; защита. 2. Праздник.	П	О	П	О
Пол 1. Настил. 2. Совокупность признаков, связанных с размножением, по которым различаются мужские и женские особи.	О	О	О	О
Полип 1. Морское неподвижное животное. 2. Болезненное образование из эпителия слизистой оболочки.	П	П	О	П
Полис 1. Город-государство. 2. Документ о страховании.	О	О	—	О
Полка 1. Прикреплённая к стене доска; спальное место в вагоне; дощатый настил в бане; часть затвора для насыпания пороха. 2. От <i>полоть</i> .	О	О	О	О
Полоз 1. Часть саней; брус,	О	О	О	О

употребляемый при переволачивании тяжестей. 2. Змея.				
Полька 1. Представительница народа поляков. 2. Танец. 3. Мужская стрижка.	1, 3 vs. 2 — О 1, 3 — П	О	1 vs. 2 — О, 3 —	О
Помёт 1. Кал животных, птиц. 2. Единовременный приплод.	О	П	П	П
Помпа 1. Пышность. 2. Насос.	О	О	О	О
Поп 1. Священник. 2. Вертикально поставленная рюха в городках.	О	О	—	О
Порода 1. Разновидность хозяйственно полезных животных; род или вид деревьев; тип людей; принадлежность к какому-н. сословию. 2. Минеральный пласт в земле.	П	П	О	П
Пост 1. Воздержание от принятия скоромной пищи. 2. Место, откуда наблюдают и которое охраняют; лицо или	О	О	О	О

группа лиц, поставленных в определённом месте для охранения, наблюдения; ответственная должность.				
Поход 1. Передвижение войска или флота; военные действия, кампания; переход организованного отряда людей с определённой целью; военный сигнал, подаваемый барабанщиком при выходе в поход. 2. Небольшой излишек в подсчёте чего-либо.	О	О	О	О
Почка 1. Неразвившийся побег растения; зачаток нового организма в виде бугорка на поверхности тела некоторых низших организмов или растительных организмов, размножающихся бесполом путём. 2. Орган мочеотделения.	О	О	О	О
Приз 1. Награда победителю; счётная единица в карточной игре. 2. Захваченное воюющей стороной неприятельское судно	П	О	О	О

или нейтральное торговое судно, перевозившее контрабанду.				
Проба 1. От <i>пробовать</i> . 2. Количество частей благородного металла, заключённое в определённом количестве массовых долей сплава; клеймо, обозначающее это количество.	О	П	П	П
Прогон 1. Обнесённая изгородью дорога или улица, по которой выгоняют скот на пастбище или водопой; длинный участок, отведённый для работы человеку или бригаде. 2. Режиссёрский просмотр спектакля. 3. Опорная балка в сооружении.	О	1, 2 vs. 3 — О 1, 2 — П	1, 2 vs. 3 — О 1, 2 — П	1, 2 vs. 3 — О 1, 2 — П
Проказа 1. Шалость. 2. Заболевание.	О	О	О	О
Прокат 1. Предоставление чего-либо во временное пользование за плату. 2. Обработка металла прокаткой; изделия, получаемые прокаткой; прокатный стан.	О	О	О	О
Пролёт	О	О	О	О

1. Расстояние между чем-л. (<i>п. между столбами</i>). 2. От <i>пролетать</i> .				
Пропасьть 1. Бездна. 2. Множество (<i>п. народу</i>).	О	П	П	П
Проспект 1. Широкая улица. 2. Краткое изложение выпускаемого издания; объявление, рекламирующее что-либо.	О	О	О	О
Протектор 1. Государство, осуществляющее защиту. 2. Утолщённая часть покрышки.	О	О	—	—
Пулька 1. Партия игры в преферанс, а также графа в листке для записи результатов игры. 2. От <i>пуля</i> .	О	О	О	О
Пустельга 1. Хищная птица. 2. Легкомысленный человек.	П	П	П	О
Радикал 1. Устойчивая группа атомов; нестойкие активные частицы, образующиеся из молекул при отщеплении отдельных атомов или групп.	О	О	О	О

2. Представитель или сторонник радикальной партии, крайних взглядов, решительных действий.				
Раёк 1. Ящик с увеличительными стёклами, показ которых сопровождался особыми пояснениями; кукольный театр; рифмованные пояснения к картинкам райка. 2. Верхний ярус в зрительном зале театра; его зрители.	П	П	П	О
Рак 1. Животное. 2. Болезнь.	О	О	О	О
Реакция 1. От <i>реагировать</i> . 2. Политика жёсткого подавления революционного движения и всякого общественного прогресса со стороны государства.	О	О	О	О
Рейд 1. Водное пространство вблизи берега для якорных стоянок судов. 2. Набег; внезапная проверка.	О	О	О	О
Ремонт 1. Исправление повреждений.	П	О	О	О

2. Пополнение убыли лошадей в войсках; пополнение стада путём систематического выращивания молодняка.				
Риф 1. Каменистая или скалистая гряда в морях и океанах на глубине, опасной для судоходства. 2. Поперечный ряд отверстий или петель на парусе, куда продевается верёвка, служащая для уменьшения рабочей площади при сильном ветре.	О	О	О	О
Рожа 1. Лицо. 2. Болезнь.	О	О	О	О
Рок 1. Судьба. 2. Музыка.	О	О	—	О
Роль 1. Художественный образ, воплощаемый актёром; текст актёра; проявление себя в чём-либо; степень участия. 2. Свёрток цилиндрической формы из листов или сплошной ленты.	О	О	О	О
Роман 1. Жанр.	О	П	П	П

2. Любвные отношения.				
Рондо 1. Стихотворение особого построения. 2. Закруглённый шрифт; о пере со срезанным концом для писания таким шрифтом.	П	О	П	О
Ротонда 1. Круглое или полукруглое небольшое здание, обычно с куполом. 2. Верхняя тёплая женская одежда без рукавов в виде длинной накидки.	О	П	П	П
Рубец 1. След на коже от раны; продолговатое углубление на поверхности чего-либо; шов, образующий складку от сшитых кромок ткани или кожи; подрубленный край одежды. 2. Самый большой отдел желудка жвачных животных, кушанье из этой части желудка.	О	О	П	О
Рубка 1. От <i>рубить</i> . 2. Закрытое помещение на верхней палубе судна или на надстройках корабля; название разного рода специальных	О	О	О	О

помещений.				
Руны 1. Древнейшие германские письмена на камнях, утвари и т. п.; старые надписи на готском и англо-саксонском языках. 2. Карельские и финские народные эпические песни.	П	О	—	О
Рында 1. Оруженосец. 2. Особый звон в колокол.	О	О	—	О
Рысь 1. Манер лошадиного бега. 2. Животное.	О	О	О	О
Сало 1. Жировое отложение в теле животного. 2. Мелкий лёд или пропитанный водой снег на поверхности воды перед ледоставом.	О	П	П	П
Сап 1. Заболевание. 2. Звук сопения.	О	О	О	О
Сачок 1. Конусообразная сетка на обруче с рукоятью для ловли рыб, насекомых и т.п. 2. Бездельник.	О	О	П	О
Свет	О	О	О	О

<p>1. Лучистая энергия; место, откуда исходит освещение, освещённое пространство; источник освещения и приспособление для освещения; рассвет, восход; светлое пятно на картине; блеск глаз; символ истины, разума; приветливое обращение к кому-либо.</p> <p>2. Земной шар; общество; ограниченный круг лиц, принадлежащих к привилегированным классам.</p>				
<p>Свита</p> <p>1. Лица, сопровождающие высокопоставленную особу; Офицеры, составляющие военно-придворный штат короля; лица, постоянно следующие за кем-либо; совокупность залегающих друг над другом пород.</p> <p>2. Крестьянская одежда.</p>	О	О	—	О
<p>Секач</p> <p>1. Острый нож.</p> <p>2. Взрослый кабан.</p>	П	П	О	О
<p>Секрет</p> <p>1. Тайна.</p> <p>2. Дополнительный сторожевой пост, выставяемый скрытно.</p>	О	1, 2 vs. 3 — О 1, 2 — П	1, 2 vs. 3 — О 1, 2 — П	1, 2 vs. 3 — О 1, 2 —

3. Вещество, выделяемое железами.				П
Сеньор 1. Феодал. 2. Форма вежливого обращения к мужчине в Испании.	П	П	П	О
Силос 1. Сочный корм для скота. 2. Хранилище для больших масс сыпучих продуктов и материалов.	П	П	П	О
Сип 1. Сиплые звуки. 2. Крупная хищная птица.	О	О	О	О
Скат 1. Пологий спуск. 2. Ось с колёсами, колесо автомобиля. 3. Рыба.	О	О	О	1, 2 vs. 3 — О 1, 2 — П
Скиф 1. Представитель степных племён. 2. Длинная узкая гоночная лодка.	О	О	О	О
Склянка 1. Небольшой стеклянный сосуд; старая русская мера вина, равная половине штофа. 2. Промежуток времени; часы; удар колокола, обозначающий этот промежуток времени.	О	О	О	О

<p>Слог</p> <p>1. Единица фонетики.</p> <p>2. Стиль.</p>	О	О	О	О
<p>Смычок</p> <p>1. Деревянная палочка с натянутым пучком конских волос, прикосновением которой извлекают звуки из струн некоторых музыкальных инструментов; устарелое приспособление для трепания шерсти в виде небольшого лучка с натянутой тетивой.</p> <p>2. Верёвка, которой попарно связывают гончих собак; пара однородных гончих.</p>	О	О	П	О
<p>Состояние</p> <p>1. Положение, внешние или внутренние обстоятельства; физическое самочувствие, расположение духа.</p> <p>2. Имущество, собственность.</p>	П	П	О	П
<p>Среда</p> <p>1. Вещество, заполняющее пространство; совокупность природных или социальных условий, в которых протекает жизнедеятельность какого-либо организма; группа людей.</p> <p>2. Третий день недели.</p>	О	О	О	О

<p>Ставка</p> <p>1. Командный пункт; высший орган стратегического руководства во время войны.</p> <p>2. Денежная сумма, к-рую игрок вкладывает в игру и теряет при проигрыше; расчёт на кого-то-н.; оклад; норма взимания налога.</p>	О	П	О	О
<p>Стан</p> <p>1. Туловище человека.</p> <p>2. Лагерь; войско воюющей стороны; административно-полицейское подразделение уезда в дореволюционной России.</p> <p>3. Машина (<i>ткацкий с.</i>).</p>	О	О	О	О
<p>Стиль</p> <p>1. Совокупность черт; метод.</p> <p>2. Способ летоисчисления.</p>	О	О	О	П
<p>Стол</p> <p>1. Предмет мебели; питание; отделение в учреждении или учреждение.</p> <p>2. В Древней Руси: престол.</p>	О	П	П	П
<p>Стопа</p> <p>1. Нижняя часть ноги; поступь; нога.</p> <p>2. Единица стиха.</p> <p>3. Совокупность предметов,</p>	О	О	О	О

положенных ровно один на другой.				
Страсть 1. Сильная любовь, влечение. 2. Страх, ужас.	О	О	О	П
Струг 1. Ручной инструмент; землеройно-погрузочная машина, срезывающая грунт слоями посредством ножей. 2. Судно.	О	О	О	О
Стул 1. Предмет мебели. 2. Испражнение.	О	П	П	П
Судно 1. Сосуд; сосуд для мочи. 2. Сооружение, приспособленное для плавания.	О	О	О	О
Султан 1. Титул. 2. Украшение в виде вертикального пучка перьев или конских волос на головных уборах; соцветие многих злаков в виде метёлки из колосков с очень короткими веточками; гроздь цветков, верхушка кустов, деревьев и пр.	О	О	О	О
Таз 1. Сосуд.	О	О	О	О

2. Часть скелета.				
Такса 1. Налог. 2. Собака.	О	О	О	О
Такт 1. Метрическая музыкальная единица; ритм действия; часть рабочего цикла механизма. 2. Чувство меры, правильное понимание чего-л.	О	О	О	О
Талия 1. Часть туловища. 2. Комплект игральных карт из двух колод; круг карточной игры до окончания колоды у банкoméта.	О	О	О	О
Гамбур 1. Часть помещения, предохраняющая от проникновения в помещение наружного воздуха; закрытая площадка вагона; цилиндрическая или многогранная часть здания, которая поддерживает купол. 2. Вязание или вышивание петля в петлю.	О	О	О	О
Танк 1. Машина. 2. Резервуар.	О	О	О	О

Танкетка 1. Малый танк. 2. Сплошная подошва, утолщающаяся от носка к пятке; туфля на такой подошве.	О	О	О	О
Тендер 1. Сцеплённый с паровозом специальный вагон для топлива, воды, инструментов. 2. Международные торги, при которых конкурс для продавцов, требования к товару предъявляет покупатель.	О	О	—	—
Гермит 1. Насекомое. 2. Смесь алюминия с окислами.	О	О	—	О
Тик 1. Заболевание. 2. Ткань.	О	О	О	О
Тираж 1. Розыгрыш. 2. Количество экземпляров какого-либо печатного издания.	О	О	О	О
Титан 1. Божество. 2. Человек, отличающийся исключительной силой, умом. 3. Химический элемент. 4. Большой кипятыльник.	1, 2 vs. 3 vs. 4 — О 1, 2 — П	П	1, 2 vs. 3 vs. 4 — О 1, 2 — П	О
Титул	О	П	О	П

1. Звание. 2. Заглавие книги.				
Ток 1. От <i>течь</i> ; поток; движение электрических зарядов. 2. Расчищенное место или специально оборудованная площадка для молотбы, очистки и просушки зерна. 3. От <i>токовать</i> ; место, где происходит токование.	О (Значение «расчищенная площадка для ловли птиц» относится ко второму омониму)	О (Значение «расчищенная площадка для ловли птиц» относится к третьему омониму)	О	О
Толк 1. Смысл; польза. 2. О людях, объединённых общностью взглядов, склада, общественного направления.	О	П	П	П
Тост 1. Застольная речь. 2. Поджаренный тонкий ломтик хлеба.	О	О	—	О
Точка 1. Метка от нажима, укола; знак препинания; определённое место в пространстве; момент; фаза чего-л. измеряемого. 2. От <i>точить</i> .	О	О	О	О
Туба 1. Большой тюрбик. 2. Музыкальный инструмент.	О	П	П	П
Туз	П	О	П	П

1. Игральная карта. 2. Влиятельный человек.				
Тур 1. Круговое движение; этап игры. 2. Вымерший дикий бык; горный кавказский козёл.	О	О	О	О
Тьма 1. Отсутствие света; невежественность. 2. Десять тысяч; множество.	О	О	О	О
Тяга 1. От <i>тянуть</i> . 2. Весенний брачный полёт крупных птиц в поисках самки.	О	П	П	П
Тягло 1. Животные для тяги, перевозки. 2. В Русском государстве до 18 в.: денежные и натуральные налоги; крепостная повинность.	О	П	—	П
Угорь 1. Рыба. 2. Воспалённый бугорок на коже.	О	О	О	О
Удел 1. В Феодальной Руси: отдельно управляемая часть княжества; участок земли, доставшийся при дележе и ставший личной	О	П	—	П

собственностью. 2. Судьба, участь.				
Узел 1. Место, где связаны концы чего-л.; часть механизма, представляющая собой соединение тесно взаимодействующих деталей; пункт сосредоточения; бугор, утолщение живой ткани. 2. Мера скорости.	О	О	О	О
Устав 1. Нормативный документ. 2. Вид письма.	О	П	П	П
Фаланга 1. Шеренга 2. Часть пальца. 3. Животное.	О	О	О	П
Фараон 1. Титул в Древнем Египте; полицейский. 2. Род азартной карточной игры.	О	О	—	—
Фазтон 1. Лёгкая коляска или автомобиль с откидным верхом. 2. Водоплавающая птица.	О	П	П	П
Ферма 1. Сельскохозяйственное предприятие. 2. Сооружение, состоящее из	О	О	О	О

соединённых стержней.				
Фибра 1. Жилка, нерв. 2. Гибкие и прочные листы из прессованной и пропитанной специальным составом бумажной массы.	О	П	О	П
Фига 1. Растение. 2. Кукиш.	О	О	П	П
Филе 1. Мясо; продольная половинка рыбной тушки; кушанье из таких частей рыбы. 2. Ажурная вязка.	О	О	О	О
Флюс 1. Гнойное воспаление десны или надкостницы, вызванное болезнью зуба и сопровождаемое опухолью щеки. 2. Вещество, добавляемое в шихту доменной печи для понижения температуры плавления и для очищения руды.	О	О	О	О
Фокус 1. Точка пересечения лучей; место, в котором небесное тело обнаруживается; яркий выразитель каких-либо свойств.	О	О	О	О

2. Трюк; необычное событие, поступок; необычность.				
Фон 1. Основной цвет, тон; задний план картины; общая обстановка. 2. Звуковые помехи; единица звука.	О	О	П	О
Фракция 1. Обособившаяся часть политической партии. 2. Часть, отделяемая при сортировании; составная часть почвы; летучая часть, полученная путём перегонки жидких и др. смесей.	О	О	О	О
Фрегат 1. Судно. 2. Птица.	О	П	П	П
Фрукт 1. Съедобный плод. 2. О человеке подозрительном и ненадёжном.	О	П	П	П
Фунт 1. Мера веса. 2. Денежная единица.	О	О	О	О
Хлыст 1. Тонкий и гибкий прут; плётка; ствол поваленного дерева с неотрубленной вершиной.	О	О	О	О

2. Сектант, последователь хлыстовства.				
Хмель. 1. Растение. 2. Состояние опьянения.	О	П	П	П
Хорда 1. Прямая, соединяющая две точки кривой. 2. Первичная скелетная ось у высших животных и человека.	О	П	П	П
Хорей 1. Стихотворный размер. 2. Шест для управления оленями или собаками.	О	О	—	О
Храп 1. Храпение. 2. У животных: нижняя и средняя часть переносья.	О	О	П	П
Хром 1. Химический элемент; род жёлтой краски. 2. Сорт мягкой тонкой кожи.	О	П	П	П
Цвет 1. Свойство тела вызвать зрительное ощущение определённого спектрального состава; сочетание красок в картине. 2. Цветок; цветы на растении; время цветения.	О	О	О	О

Цилиндр 1. Геометрическое тело; деталь, имеющая форму этого тела. 2. Головной убор.	О	П	П	О
Чары 1. Колдовские средства. 2. Мн. от <i>чара</i> ('сосуд').	О	О	О	О
Часы 1. Мн. от <i>час</i> ('единица времени'). 2. Прибор для измерения времени.	О	О	О	П
Чекан 1. Штемпель; инструмент для чеканки. 2. Старинное оружие.	О	О	—	О
Чело 1. Лоб. 2. Отверстие в большой печи или берлоге.	О	П	П	П
Черви 1. Мн. от <i>червь</i> ('животное'). 2. Карточная масть.	О	О	О	П
Череда 1. Группа людей; очередь; чередование; вереница. 2. Растение.	О	О	О	О
Чечётка 1. Птица.	О	О	О	—

2. Танец.				
Чин 1. Служебный разряд (класс); чиновник. 2. Установленный порядок в проведении обряда, таинства; горизонтальный ряд икон, в строгом порядке расположенных друг над другом.	О	П	П	П
Чубук 1. Курительная трубка. 2. Виноградный черенок, используемый для посадки.	О	П	П	П
Чумичка 1. Поварёшка. 2. Грязнуля.	О	П	П	П
Чупрун 1. Чуб. 2. Женская одежда.	О	О	—	О
Чушка 1. Свинья. 2. Слиток металла.	О	О	О	—
Шайка 1. Группа людей. 2. Сосуд.	О	О	О	О
Шах 1. Титул монарха. 2. Нападение на короля.	О	О	О	О
Шашка	О	О	О	О

<p>1. Кружок из дерева, кости, пластмассы, предназначенный для игры; шестигранный брусок поперечно разрезанного бревна для мощения улиц; торец; что-либо, имеющее форму, размер клеток; кубик, плитка, цилиндр взрывчатого вещества.</p> <p>2. Оружие.</p>				
<p>Шериф</p> <p>1. Должностное лицо в Англии, США и Ирландии.</p> <p>2. Почётное звание мусульманина, ведущего своё происхождение от Мухаммеда.</p>	О	О	О	О
<p>Шип</p> <p>1. Остроконечный выступ у растений и животных; выступ на чём-либо.</p> <p>2. Рыба.</p> <p>3. Шипение.</p>	О	О	О	О
<p>Шпик</p> <p>1. Подкожное сало.</p> <p>2. Агент.</p>	О	О	О	О
<p>Шпиц</p> <p>1. Шпиль.</p> <p>2. Собака.</p>	О	О	О	О
<p>Штат</p> <p>1. Административно-территориальная единица.</p>	О	О	О	О

2. Документ, определяющий состав сотрудников учреждения; состав сотрудников.				
Штоф 1. Мера жидкости; сосуд такой меры. 2. Ткань.	О	О	О	О
Штык 1. Холодное колющее оружие; вооружённый боец. 2. Слой земли в глубину, которую можно захватить лопатой.	О	О	П	О
Шуба 1. Одежда; густой покров шерсти. 2. Снежный, ледяной покров (<i>снежная ш.</i>).	О	П	П	П
Экипаж 1. Повозка. 2. Команда транспортного средства; береговая воинская часть, служащая преимущественно для пополнения флотских команд из лиц, получивших первоначальную военноморскую подготовку; казарма для такой воинской части.	О	О	О	О
Экспедиция	П	О	П	П

<p>1. Учреждение, ведающее отправкой, пересылкой чего-л.</p> <p>2. Поездка отряда со специальным заданием; сам такой отряд.</p>				
<p>Эллипс</p> <p>1. Замкнутая овальная прямая.</p> <p>2. Эллипсис (пропуск в речи подразумеваемого слова).</p>	П	О	П	П
<p>Юнкер</p> <p>1. В царской России: воспитанник военного училища.</p> <p>2. В старой Германии: крупный землевладелец.</p>	О	П	—	—
<p>Язык</p> <p>1. Подвижный мышечный орган во рту; металлический стержень в колоколе.</p> <p>2. Средство общения; речь; пленный, захваченный для получения нужных сведения.</p> <p>3. Народ, нация.</p>	О	П	1 vs. 2 — О 3 —	П
<p>Ясли</p> <p>1. Кормушка для скота.</p> <p>2. Воспитательное учреждение.</p>	О	О	П	П
<p>Ячмень</p> <p>1. Злак.</p> <p>2. Гнойное воспаление.</p>	О	О	О	О

Приложение Е

Инструкция к анкете

Заранее благодарим Вас за то, что согласились принять участие в нашем опросе. Для нас очень ценны сведения, которые мы получим от Вас. Прежде чем приступить к выполнению заданий, ознакомьтесь, пожалуйста, с короткой справкой и инструкцией.

В языке есть слова, которые звучат и пишутся одинаково, но обозначают абсолютно разные, никак не связанные друг с другом вещи (такие слова называются *омонимами*). Примерами омонимов являются, например, такие пары: *брак* ‘замужество’ (*вступить в брак, неравный брак, брак по расчёту*) — *брак* ‘изъян’ (*брак в продукте, уменьшить количество брака*); *мат* ‘ругань’ (*ругаться матом, исключить мат из своей речи*) — *мат* ‘подстилка’ (*гимнастический мат, подстелить мат*).

Существование таких пар объясняется случайными совпадениями по форме изначально разных слов. К примеру, слово *брак* ‘замужество’ является исконно русским (связано с глаголом *братъ* — в данном случае ‘братъ в жёны’), а *брак* ‘изъян’ заимствовано из немецкого языка, где оно имело форму *Brack*, слово *мат* ‘ругань’ является исконно русским, а слово *мат* ‘подстилка’ пришло к нам из латинского языка, где имело форму *matta* и означало примерно то же, что и в русском языке. Естественно, что эти слова, несмотря на общее написание и произношение, не имеют между собой ничего общего в своих значениях.

С другой стороны, в большинстве случаев, когда мы называем одним и тем же словом разные явления, мы находим что-то общее между ними:

1) мы называем и дерево, и фрукт *грушей*, потому что *груша-фрукт* растёт на *груше-дереве*; и голос, и певца — *басом* (или *тенором*) — потому что певец обладает таким голосом; и предмет, и материал — *золотом*, потому что предмет сделан из этого материала (ср.: *добывать золото и носить золото*) и пр.

2) мы называем человека *ослом*, потому что ему, как и ослу, присущи такие черты характера, как глупость и упёртость;

3) мы говорим *языки пламени*, потому что отдельные части пламени по своему внешнему виду напоминают *языки*;

4) мы говорим *крыло самолёта*, потому что эта часть самолёта функционирует так же, как и крыло птицы — позволяет ему держаться в воздухе;

5) мы говорим *тёплый приём*, потому что такой приём вызывает у нас примерно такие же ощущения, как прикосновение чего-то тёплого;

6) мы называем словом *машина* и вообще любой механизм (*восстание машин*), и автомобиль (*сдал на права и купил машину*), потому что *машина-автомобиль* является разновидностью машины-механизма.

С помощью данного опроса мы хотим проверить, насколько «живы» связи между теми или иными значениями. А выяснить это можно, только опросив рядовых носителей языка. Именно поэтому данный тест не является проверкой ваших знаний. Мы проверяем язык, и в этом нам можете помочь только Вы.

Ниже мы предлагаем Вам пары значений, и в каждом случае Вы должны ответить на вопрос «Как Вы считаете, есть ли основания для того, чтобы явления X и Y называть одинаково, есть ли между ними что-то общее? Если да — то почему, на Ваш взгляд, эти явления называются одинаково?» (при ответе на второй вопрос можно выбрать из шести предложенных выше разновидностей или предложить свою трактовку). Не стоит пытаться найти «подвох» и «выдумать» связь, которой Вы на самом деле не обнаруживаете. Это абсолютно нормально и правильно. Правильным будет АБСОЛЮТНО ВСЁ, что Вы скажете.

В случае положительного ответа Вам предлагается ответить на следующий вопрос: «Насколько значимой, ненадуманной Вы считаете такую связь? Оцените её по шкале от 1 до 5, где 1 — неочевидная, надуманная, едва обнаруживаемая, непрочная, 5 — очевидная, очень прочная».

Желаем успеха!

Приложение Ж
Пример заполненной анкеты⁶¹⁴

Бездна	1. Пропасьть. <i>Морская б. Перепрыгнуть б.</i>	2. Огромное количество. <i>Б. дел.</i>
Неизмеримая глубина, объём.		Оценка (от 1 до 5) 4
Блок	1. Деталь, используемая как готовая часть сооружения. <i>Дом собрали из блоков.</i> 	2. Соглашение, объединение государств, партий, организаций, группировок для тех или иных совместных действий; группа, совокупность чего-л. <i>Политический б. Б. сигарет.</i>
Единое целое. Общность функционирования.		Оценка (от 1 до 5) 3
Блок	1. Деталь, используемая как готовая часть сооружения. <i>Дом собрали из блоков.</i> 	2. Приём защиты от удара. <i>Поставить сопернику б.</i>

⁶¹⁴ Информантам предлагалась данная анкета с пустым полем под каждой парой значений (в которые следовало вписать трактовку), а также свободным местом для оценки в поле правее.

		Оценка (от 1 до 5)
Бубны	<p>1. Мн. от <i>бубен</i> — ударный мембранный музыкальный инструмент в виде обода с натянутой на него кожей (иногда с бубенчиками или металлическими пластинками по краям). <i>Ударить в б.</i></p> 	<p>2. Красная карточная масть с изображением ромбиков. <i>Бубновый валет. Иметь при раздаче одни б.</i></p>
		Оценка (от 1 до 5)
Бюро	<p>1. Название некоторых учреждений. <i>Б. находок. Б. добрых услуг.</i></p>	<p>2. Конторка, стол для письменных занятий и хранения бумаг, с ящиками и обычно с крышкой. <i>Сидеть за б. Положить бумаги в б.</i></p>

		
<p>Нечто служащее для осуществления канцелярской деятельности (структурирования, обобщения, удобства). Функционирование.</p>		<p>Оценка (от 1 до 5) 3</p>
<p>Вкус</p>	<p>1. Одно из внешних чувств человека и животных, органом которого служит слизистая оболочка языка и полости рта. <i>В. лимона. Пробовать на в.</i></p>	<p>2. Чувство, понимание изящного, красивого. <i>Тонкий в. Одеваться со в.</i></p>
<p>Возможно, вкус как один из способов восприятия действительности вообще. Ср. с устар. «слышать запах».</p>		<p>Оценка (от 1 до 5) 1</p>
<p>Волынка</p>	<p>1. Народный духовой музыкальный инструмент из нескольких трубок, вделанных в кожаный мешок или пузырь, через который вдувается воздух. <i>Играть на в. Звуки в.</i></p> 	<p>2. Медлительность в каком-н. деле, намеренное его затягивание. <i>Тянуть в.</i></p>

Тягучий звук волынки легко соотнести с замедленностью и неспешностью. Ощущения.		Оценка (от 1 до 5) 4
Газ	1. Вещество в таком состоянии, при к-ром его частицы движутся свободно и распространяются по всему доступному пространству, равномерно заполняя его. <i>Природный г.</i>	2. Шёлковая прозрачная ткань. <i>Юбка из г.</i>
Внешнее сходство. Общность характеристик: лёгкость, воздушность, объём.		Оценка (от 1 до 5) 4
Гвоздь	1. Заострённый стержень, обычно железный, со шляпкой на тупом конце. <i>Вколотить г.</i>	2. Самое значительное, интересное среди чего-то другого. <i>Г. сезона. Г. программы.</i>
		Оценка (от 1 до 5)
Гибель	1. Уничтожение, разрушение, смерть. <i>Г. урожая.</i>	2. Несметное множество. <i>В лесу г. комаров.</i>
Настолько большое количество чего-либо, что это грозит обернуться неприятными последствиями.		Оценка (от 1 до 5) 3
Дума	1. Мысль, размышление. <i>Думы о Родине</i>	2. Название нек-рых государственных учреждений. <i>Боярская д. Государственная Д.</i>

Процесс, который, по идее, должен происходить и в государственных учреждениях.		Оценка (от 1 до 5) 4
Дух	1. Сознание, мышление, психические способности; начало, определяющее поведение, действия (<i>материя и д.</i>); бесплотное сверхъестественное существо (<i>злой д.</i>); содержание, истинный смысл чего-н. (по <i>д. закона</i>).	2. Дыхание (<i>дух перевести</i>); запах (<i>тяжёлый д.</i>).
Нечто эфемерное, не имеющее материального воплощения.		Оценка (от 1 до 5) 4
Жаба	1. Сходное с лягушкой бесхвостое земноводное с бородавчатой кожей. <i>Жабья икра.</i> 	2. Обиходное название стенокардии — одной из форм ишемической болезни сердца, заболевания артерий сердца, которое выражается в приступах сжимающих, давящих болей за грудиной или в области сердца, отдающих чаще влево — в плечо, руку, шею. <i>Грудная ж.</i>
Периоды сжимающей боли, возможно, напоминают сокращение грудных мышц жабы.		Оценка (от 1 до 5) 1
Жила	1. Обиходное название кровеносных сосудов,	2. Скупой, прижимистый человек, скряга.

	сухожилий. <i>Рвать жилы.</i>	<i>Ну ты и ж.!</i>
Жила как обозначение цепкости, хватки — не только физической, но и финансовой.		Оценка (от 1 до 5) 1
Журавль	1. Большая болотная птица с длинными ногами и длинной шеей. <i>Серый ж. Семейство журавлей.</i> 	2. Приспособление для подъёма воды из колодца — длинный шест, служащий рычагом. <i>Колодезный ж.</i>
Сходство по внешнему виду и модели поведения/работы.		Оценка (от 1 до 5) 4
Зефир	1. Лёгкий тёплый ветер. <i>Берега обдувались з.</i>	2. Род пастилы. 3. в шоколаде.
		Оценка (от 1 до 5)
Кадр	1. Отдельное ограниченное	2. Сотрудник.

	<p>определёнными размерами изображение на фото- или киноплёнке, на теле- или киноэкране, отдельный фотографический снимок.</p> <p><i>Удачный к. Остаться за к.</i></p>	<p><i>Отдел к. Ценный к.</i></p>
<p>Отдельная, единичная часть плёнки/коллектива.</p>		<p>Оценка (от 1 до 5) 2</p>
<p>Кардинал</p>	<p>1. Высший духовный сан у католиков.</p> <p><i>Серый к. Указ к.</i></p> 	<p>2. Небольшая певчая птица сем. овсянковых с ярко-красным оперением у самцов, обитающая в Америке.</p> <p><i>Клюв к.</i></p>
<p>Внешнее сходство</p>		<p>Оценка (от 1 до 5) 4</p>
<p>Лава</p>	<p>1. Расплавленная минеральная масса, извергаемая вулканом на земную поверхность.</p> <p><i>Застывшая л. Извержение л.</i></p> 	<p>2. Боевой порядок при атаке в конном рассыпном строю для охвата противника с флангов и тыла; отряд, построенный для такой атаки.</p> <p><i>Козаки атаковали л.</i></p>

Способ движения — без строгой системы, массовый, охватывающий значительную площадь.		Оценка (от 1 до 5) 4
Лик	1. Лицо (устар. и высок.), а также изображение лица на иконах. <i>Л. луны.</i>	2. Единое множество, сонм. <i>Причислить к л. святых.</i>
Нечто возвышенное, святое. Причислить к лику святых — т.е. к тем, чей лик может быть изображён на иконе.		Оценка (от 1 до 5) 3
Лист	1. Орган воздушного питания, газообмена и фотосинтеза растений в виде тонкой, обычно зелёной пластинки. <i>Листья дуба. Пожелтевший л.</i>	2. Тонкий плоский кусок, пласт какого-н. материала. <i>Л. бумаги, железа.</i>
Внешнее сходство.		Оценка (от 1 до 5) 5
Лоцман	1. Специалист по проводке судов, хорошо знающий фарватер. <i>Опытный л.</i>	2. Небольшая морская рыба, плавающая обычно около судов и крупных рыб. <i>Вокруг акулы плавали лоцманы.</i>

Поведение. Некто, указывающий путь. Рыба, конечно, на самом деле, путь не указывает, но это уже детали.		Оценка (от 1 до 5) 5
Мотив	1. Побудительная причина, повод к какому-н. действию. <i>Личный м. Важный м.</i>	2. Мелодия, напев. <i>Услышать знакомые мотивы.</i>
Некое устойчивое (возможно, повторяющееся), остающееся неизменным и задающее линию всему происходящему.		Оценка (от 1 до 5) 4
Образ	1. Вид, облик (<i>в о. кого-н.</i>); в искусстве: обобщённое художественное отражение действительности, облечённое в форму конкретного индивидуального явления (<i>поэт мыслит образами</i>).	2. Икона. <i>Стоять под образами. Лампада перед о.</i>
Возможно, «образ» (икона) как частное проявление «образа» вообще.		Оценка (от 1 до 5) 3
Охота	1. Поиски, выслеживание зверей, птиц с целью умерщвления (<i>на кого</i>) или ловли (<i>за кем</i>). <i>Заниматься о. Соколиная о.</i>	2. Желание. <i>О. к перемене мест.</i>
Настойчивое желание (как умерщвлению кого-либо, так и к перемене мест).		Оценка (от 1 до 5) 2
Пас	1. В играх: отказ от участия	2. В нек-рых спортивных играх:

	в данном розыгрыше. <i>Объявить п.</i>	передача мяча или шайбы партнёру. <i>Отдать п. Голевой п.</i>
И в том, и в другом случае — отказ от самостоятельного ведения борьбы.		Оценка (от 1 до 5) 4
Перо	1. Роговое образование кожи у птиц. <i>Птица выронила п.</i>	2. Орудие для писания чернилами. <i>Писать п. Росчерк п.</i>
1. Изначальная общность функционирования. 2. Сходный внешний вид.		Оценка (от 1 до 5) 1 — 5; 2 — 4
Пики	1. Мн. от <i>пика</i> (колющее оружие, род копья). <i>Заколоть противника п.</i> 	2. В игральных картах: название чёрной масти с условным изображением наконечника копья. <i>Пиковая дама.</i>

Внешнее сходство.		Оценка (от 1 до 5) 4
Покой	1. Состояние тишины, отдыха, бездеятельности, отсутствие беспокойства. <i>Обрести п. Дать больному п.</i>	2. Внутренние помещения, комнаты (обычно большие). <i>Богатый п. Приёмный п. в больнице.</i>
Комната как место, где можно и должно обрести искомый покой.		Оценка (от 1 до 5) 4
Свет	1. Лучистая энергия, делающая окружающий мир видимым; электромагнитные волны в интервале частот, воспринимаемых глазом. <i>Солнечный с.</i>	2. Земля, Вселенная, а также люди, её населяющие. <i>Объехать весь с.</i>
Земля и прочие космические объекты в астрономическом смысле излучают тот самый свет – электромагнитные волны.		Оценка (от 1 до 5) 3
Свет	1. Лучистая энергия, делающая окружающий мир видимым; электромагнитные волны в интервале частот, воспринимаемых глазом. <i>Солнечный с.</i>	2. В дворянском обществе: избранный круг, высшее общество. <i>Высший с. Появляться в с.</i>
Дворянство – избранное сословие, некий источник светлого начала (знаний, красоты, таланта и т.д.). Остальное – аморфная масса, хаос и тьма.		Оценка (от 1 до 5) 1

Свет	1. Земля, Вселенная, а также люди, её населяющие. <i>Объехать весь с.</i>	2. В дворянском обществе: избранный круг, высшее общество. <i>Высший с. Появляться в с.</i>
Высший свет — как привилегированная часть света вообще.		Оценка (от 1 до 5) 3
Стиль	1. Метод, совокупность приёмов какой-н. работы, деятельности, поведения. <i>С. в работе. С. руководства.</i>	2. Способ летоисчисления. <i>25 января по новому с.</i>
«По новому стилю» = «по новому методу, совокупности приёмов какой-н. работы» (в данном случае, работа — это летоисчисление).		Оценка (от 1 до 5) 5
Такт	1. Равномерно следующие один за другим удары, движения, ритм. <i>Отбивать т.</i>	2. Умение вести себя пристойно, уважая других, чувство меры в поведении, в поступках. <i>Проявить т. Тактичный молодой человек.</i>
Такт как соблюдение неких правил, норм. В музыке или в поведении — не так уж и важно.		Оценка (от 1 до 5) 3
Титан	1. В древнегреческой мифологии: один из богов старшего поколения сыновей Урана и Геи, вступивших в борьбу с богами младшего поколения (олимпийцами) и побеждённых ими (<i>война</i>	2. Большой кипяtilьник. <i>В вагоне сломался т. и пассажиры остались без чая.</i>

	<p><i>богов и титанов</i>); человек огромных творческих возможностей, создавший что-н. великое (<i>т. мысли</i>).</p>		
			<p>Оценка (от 1 до 5)</p>
Тьма	<p>1. Отсутствие света. <i>Т. покрыла землю.</i></p>	<p>2. Несметное множество. <i>Народу — т.!</i></p>	
<p>Тьма у монголо-татар — 10000. А монголо-татары на Руси всегда с чем-то мрачным и недобрым ассоциировались...</p>			<p>Оценка (от 1 до 5) 1</p>
Фрукт	<p>1. Сочный съедобный плод каких-н. деревьев (обычно садовых). <i>Сочный ф. Сушёные фрукты.</i></p>	<p>2. О человеке подозрительном и ненадёжном. <i>Он тот ещё ф.!</i></p>	
			<p>Оценка (от 1 до 5)</p>
Часы	<p>1. Мн. от <i>час</i> (единица времени, состоящая из 60 минут). <i>Прождать целый ч. Быть на месте ровно в два ч.</i></p>	<p>2. Прибор для измерения времени. <i>Купить ч. Носить золотые ч.</i></p>	
<p>Просто совпало. Но некоторая общность есть. Всё-таки часы (прибор) показывают, в том числе, и часы (единицу времени).</p>			<p>Оценка (от 1 до 5) 1</p>

Штык	<p>1. Коллющее оружие, прикрепляемое на конец ствола винтовки, ружья.</p> <p><i>Наточить ш.</i></p> 	<p>2. Слой земли на глубину, которая захватывается лопатой.</p> <p><i>Яма глубиной в три ш.</i></p>
<p>Штыковая лопата (в противоположность совковой) обладает способностью к колюще-режущим движениям. К тому же, сапёрная лопатка (при схожей форме) при ведении боевых действий вполне способна порой заменить штык (см. у Ремарка).</p>		<p>Оценка (от 1 до 5) 4</p>
Язык	<p>1. Подвижный мышечный орган в полости рта, воспринимающий вкусовые ощущения, у человека участвующий также в артикуляции.</p> <p><i>Высунуть я. Прикусить я.</i></p>	<p>2. Исторически сложившаяся система звуковых, словарных и грамматических средств, объективирующая работу мышления и являющаяся орудием общения, обмена мыслями и взаимного понимания людей в обществе.</p> <p><i>Русский я. Богатый я.</i></p>
<p>Язык (орган) как первейшее средство реализации языка (системы звуковых и прочих средств).</p>		<p>Оценка (от 1 до 5) 4</p>
Ячмень	<p>1. Хлебный злак, обычно яровой.</p> <p><i>Убрать я. с полей.</i></p>	<p>2. Гнойное воспаление желёзок у корней ресниц.</p> <p><i>Вылечить я.</i></p>

			
<p>Это самое воспаление здорово напоминает ячменное зёрнышко. Но не настолько здорово, чтобы неискущённый наблюдатель отличил его, например, от пшеничного или овсяного.</p>			<p>Оценка (от 1 до 5) 2</p>